

НОВЫЕ ИДЕИ В ПСИХОЛОГИИ

О.В. Лаврова

Глубинная топологическая психотерапия:

ИДЕИ О ТРАНСФОРМАЦИИ

Введение в философскую психологию

Санкт-Петербург
Издательство ДНК

О. В. Лаврова

**Глубинная
топологическая
психотерапия:
идеи
о трансформации**

**Введение
в философскую
психологию**

Издательство ДНК
Санкт-Петербург
2001

УДК 159.962-159.964

ББК88

Л13

Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. Введение в философскую психологию: Монография (Серия «Новые идеи в психологии»). — СПб.: «Издательство ДНК», 2001. — 424 с.

ISBN 5-901562-06-2

Монография представляет собой теоретико-методологическую разработку интегративной немедицинской модели глубинной топологической психотерапии.

Слово «глубинная» адресует читателя к глубинной психологии, изучающей бессознательное наряду с Эго-сознанием, слово «топологическая» — к механизмам и законам ментального порядка — к пространственному формообразованию. Интегративность модели состоит в создании общей методологической основы, опирающейся на идеи теории объективных отношений, аналитической психологии и экзистенциальной психотерапии. Немедицинская модель психотерапии представляет собой модель развития и трансформации личности, а не процесс «излечения» от душевной болезни.

Книга адресована психотерапевтам, психологам и всем тем, кто интересуется проблемой взаимоотношения «души и тела», бессознательным, духовностью человека, психологической культурой и философской психологией.

Серия «Новые идеи в психологии» основана в 2000 году

Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом
Санкт-Петербургского Психологического Общества:

Аверин В.А., д. пс. н.

Зимичев А.М., д. пс. н.

Аллахвердов В.М., д. пс. н.

Иванов М.В., д. фил. н.

Валунов А.Б.

Куликов Л.В., д. пс. н.

Грачев А.А., к. пс. н.

Маничев А.С., к. пс. н.

Гулина М.А., д. пс. н.

Наследов А.Д., к. пс. н.

Защиринская О.В., к. пс. н.

Юрьев А.И., д. пс. н.

Рецензенты: член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор Петровский В.А., доктор психологических наук, профессор Ананьев В.А.

Составители приложений: Астахов А.Ф., Пшеницына И.В., Посадская Т.Н.

ISBN 5-901562-06-2

© Лаврова О.В., 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Предисловие автора.....	11

Часть первая. ГЛУБИННАЯ ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Глава 1. Телесное и ментальное: маргинальность и единство.....	19
Введение в проблему.....	21
Глава 2. Ментальное.....	31
Онтология психического.....	33
Онтология сознания.....	33
Онтология бессознательного.....	36
Мифы и бессознательное.....	39
Героический миф и процесс индивидуации.....	50
Глубинная психология об источниках бытия.....	60
Ортодоксальный психоанализ о «человеке инстинктивном».....	60
Эго-психология о «психоаналитическом младенце» и Эго.....	62
Аналитическая психология о «Внутреннем Ребенке».....	75
Экзистенциальный психоанализ и экзистенциальная психотерапия о «Человеке духовном».....	81
Self-психология о «Человеке духовном» и Самости.....	92
Глава 3. Телесное.....	115
Психосоматика.....	117
Оральный невротический тип.....	120
Мазохистический невротический тип.....	120
Истерический невротический тип.....	121
Фаллически-нарциссический невротический тип.....	121
Пассивно-женственный невротический тип.....	122
Шизоидный психопатический тип.....	122
Шизофренический психопатический тип.....	123
Психофизиология.....	127
Межполушарная асимметрия.....	130
Квантование информации мозгом.....	134
Диссипативная организация тела.....	145
Психология телесности.....	151
Глава 4. Ментальное и телесное.....	157

Часть вторая. ИДЕИ О ТРАНСФОРМАЦИИ

Глава 1. Идея первая: ТОПОС	169
О топологии Души	171
Активное воображение: направленная трансформация внутреннего образа	178
Психодрама: объективация формы	195
Краткое описание архетипических символдрам мужской (архетип Героя) и женской инициации (архетип Красавицы)	213
Глава 2. Идея вторая: МЕНТАЛЬНАЯ ФОРМА	233
Ментальные формы как онтологические структуры	235
«Интернальное тело» как особая ментальная форма тела	239
Анализ клиентских случаев	251
Клиническая типология характеров и «интернальное тело»	260
Телесно-ориентированная и интегративная терапия: экспрессия телесных форм	263
Арт-терапия: явленность ментальных форм	267
Глава 3. Идея третья: КРАСАВИЦА И ГЕРОЙ	275
Путь трансформации Эго	277
Путь Красавицы	289
Путь Героя	304
Обретение самоценности	313
Клиентские жизненные истории	316
Младенческий топос	316
Топосы Героя и Красавицы	323
Глава 4. Идея четвертая: ФАНТОМ	331
Смысл и вымысел	333
Фантом	336
Психотерапевтическая модель работы с фантомами	347
Анализ клиентских случаев	349
Страшные сказки	353
Сказка о первой иллюзии любви	353
Сказка о второй иллюзии любви	353
Сказка о третьей иллюзии любви	353
Вымыслы и фантомы в искусстве	354
Вымысел в психотерапии	357
Жизнь и смерть — подлинность и неподлинность	367
Единичество	372
Ситуация экзистенциального выбора: изоляция или единичество?	375
Жизнь как позиция «Я» к «Миру»	379

Приложения	387
Бинарная семантика символов	387
Форма	387
Цвет	393
Животные	396
Растения	398
Сакральные символы	399
Части тела	405
Двойные символы	406
Мифы о Героях	408
Мифы о Красавицах	419
Библиография	426
Часть I. Глубинная топологическая психотерапия	426
Глава 1. Телесное и ментальное: маргинальность или единство	426
Глава 2. Ментальное	426
Глава 3. Телесное	431
Часть II. Идеи о трансформации	436
Глава 1. Идея первая: топос	436
Глава 2. Идея вторая: ментальная форма	438
Глава 3. Идея третья: Красавица и Герой	439
Глава 4. Идея четвертая: фантом	439
Приложения	441

Предисловие

Мудрость без метода бездейственна.

Метод без мудрости слеп.

(Восточная мудрость)

В потоке полупопулярной, поверхностной, часто псевдонаучной зарубежной и такого же сорта отечественной психологической литературы начинают пробиваться ростки истинно российского интеллекта. Не знаю, как Вы, читатель, но я верил и продолжаю верить в то, что со временем хаос, или время перемен, как закономерная стадия развития общества в целом и науки психологии в частности, особенно — психологии практической, обретет новую форму, порядок, новую организацию, где будет работать добротный фильтр, отделяющий зерна от плевел, то бишь профессионализм от дилетантства. Я рад сообщить, что это уже обнаружено во многих областях науки, образования, бизнеса, политики и т. п. Общество начинает ценить профессионализм и профессионалов. И в нашей науке — психологии — профессионалы стали постепенно «прорезаться» и как глубокие теоретики, и как эффективные, мастерски работающие практики. Берусь утверждать, что автор этого научного труда относится к числу таких профессионалов.

Ее «замах» на методологию психотерапии, пока не прочитал книгу, вызывал по меньшей мере гомерический смех. Однако при погружении в содержание высказанных допущений, идей, предложенных форм работы с клиентами снисходительное «в этом что-то есть» сменилось на удивленное «чего здесь только нет», и все к месту, да еще и осмысленно проанализировано именно с методологических позиций.

Претензия на методологию логично связывается с использованием метаязыка, сложного, универсального, конечно, более философского, нежели психологического. Однако ведь описывается человек в его целокупности тела-души и духа, а не отдельная функция его психики. Человек есть открытая, нелинейная, сложная, самоорганизующаяся система. А коль скоро система сложная, и описание ее может быть либо до гениальности простым, либо до невозможности абстрактным. Автор выбрал второй вариант, вероятно для того, чтобы при прочтении с первого захода получить чувственный опыт, а уж затем,

вернувшись к прочитанным абзацам вновь, получить опыт понимания. Кастанедовский Дон Хуан называл слова ловушками для улавливания смыслов, и к чести автора следует заметить, что она весьма искусный охотник. Бурный расцвет в XX веке когнитивной психологии, больше изучающей познавательные психические процессы: восприятие, память, внимание, в целом сознание, существенно сузил предмет психологии, выжав из него «душу» и выбив из него последний «дух». Точно так же тело как материальная форма существования души и духа было выброшено за рамки научных психологических исследований.

Отрадно, что сегодня ряд уважаемых ученых вновь наполняет высохшую «бездуховную» психологию живительной влагой результатов своих наблюдений, экспериментов, размышлений о духе и душе.

Автор данной монографии демонстрирует усилия в построении топономики души, ищет место ее пребывания, исследует содержание, оформляет структуру. Описывает попытки взаимодействия психотерапевта с клиентом на уровне, когда «душа с душой в обнимку». Все содержание книги, по словам автора, направлено на раскрытие смысла единства как «пойманного» соположения форм телесной и ментальной природы и на поиск «третьего» — универсального закона духовной природы. Многие современные психологи осознают, что «дихотомия души и тела должна быть дополнена третьей диалектической составляющей. Весь вопрос, как ее назвать?» (Обозов Н.Н.).

«Дух — душа — тело» — вечное триединство, которое и следует изучать во всевозможных взаимопроникающих отношениях. Не случайно в психологии появляются не только новые термины, например «телопсихика» (Полков И.П.), но и новые научно-практические области, учебные дисциплины — «психология здоровья» (Ананьев В.А.), «психология телесности» (Тхостов А.Ш., Николаева В.В.).

Сложность изучения феномена «духа» в том, что это
*«Несопоставимое и неосязаемое,
но в нем дремлют формы.
Неосязаемое и ни с чем не сопоставимое,
но в нем существуют вещи.
Прозрачно оно и неясно!»* (Лао-Цзы)

Как можно изучать это неосязаемое, несопоставимое и т. д.? Его возможно достигать и постигать только с помощью особых состояний измененного сознания, когда как раз сознание не участвует в процессе восприятия объективной действительности, растворившись в ней. Когда исчезают субъект-объектные отношения, а формируются субъект-субъектные или объект-объектные отношения, когда нет свидетеля, который свидетельствует о происходящем. А отсюда и некому описать то, что постигается, проживается. Автор данной монографии вслед за К.Г. Юнгом допускает, что есть и иные подходы к изучению того, с чем можно встретиться в пространстве непостижимого, в пространстве духа. Из анекдота, рассказанного мне коллегой-психологом, очевидно, что за этим нечто беспрерывно охотится армия специалистов.

Однажды в юрту к северному человеку зашел геолог.

– Здравствуйте, — приветствовал он хозяина.

– А-а-а, здравствуйте, вы тоже пришли раскапывать архетипы?

Воплощением духа в сфере психики, по К. Юнгу, являются «архетипы» — бессознательные программы жизнедеятельности человека. Архетип, как русло реки, по которому течет наша с вами и психическая, и физическая энергия жизни. Содержание этих рек исключительно индивидуально, но русло, читай форма, границы едины, например, для всех мужчин есть архетип «Героя». Для всех женщин единым путем индивидуации, как утверждает автор, является архетип «Красавицы». Доказательством, иллюстрацией оригинального архетипа «Красавицы» служат результаты глубокого анализа мировой мифологии. Кроме этого, аналогия путей индивидуации удачно обнаруживается в конкретных историях живых клиентов. Здесь стоит отметить, что тот, кто ищет, всегда найдет в историях клиентов, у испытуемых в научных исследованиях то, что ищет. На методических семинарах часто напоминаю слушателям о Леонардо да Винчи, который, обучая учеников рисовать портреты, на всякий случай предупреждал: если у тебя большой нос, то, рисуя портрет, старайся рисовать его как можно меньше и у тебя получится то, что надо.

Принадлежность психотерапевта к той или иной школе, направлению связано с невольным формированием и раздуванием у него «призмы», через которую он пытается воспринять богатый мир переживаний клиента, правильнее сказать, в которую он втискивает своего клиента. (Если человек вылавливает признаки

Эдипова комплекса, селекционируя информацию, отберет именно то, что подтвердит его наличие, если он ищет архетипы, пожалуйста и т. п. Но ведь существует же значительно больше того, что позволяет увидеть эта «концептуальная призма». Жаль, что огромный объем информации остается невостребованным в силу того, что он не работает на мое верование.) Принято называть таких специалистов парадигмальными психотерапевтами.

Кик часто бывает, творческие психотерапевты создают свою систему верований, свой психотерапевтический миф, в котором в дальнейшем сами живут и «заражают» им своих учеников, таким образом, собственно, формируется оригинальная школа. Так мы сталкиваемся с автором, исключительно способным, творчески осмыслившим многие существующие направления в психологии, который, по словам А. Маслоу, набравшись творческого нахальства, пытается создать свою, еще незавершенную, но уже оформленную в концептуальных основах систему верований и подбирает адекватный инструмент, с помощью которого можно осуществлять поставленные в теории цели на практике. Этот инструмент еще не метод, скорее — изящная психотехнология, в процессе которой выстраиваются в продуманную последовательность те или иные «до боли знакомые» процедуры, с помощью чего и достигается, по словам автора, достойный эффект. Самое приятное, несмотря на различные любопытные модификации и самого К. Юнга, и его последователей, Оксане Лавровой удалось в своей практической психотерапевтической деятельности сохранить главное, о чем писал К. Юнг, вложив таким образом свою концепцию в рамки трансперсональной психотерапии: «Основной интерес моей работы связан не с лечением неврозов, а скорее с приближением к непостижимому. Но в действительности приближение к непостижимому оказывается реальной терапией, и чем более вы приближаетесь к опыту непостижимого, тем более вы освобождаетесь от пут патологии».

Сегодня выделяют ряд аргументов в пользу интегративной психотерапии:

- 1) Создано слишком много психотерапевтических теорий (от 200 до 400, по данным разных авторов).
- 2) Недостаточно веры в отдельно взятую теорию.
- 3) Результаты психотерапии почти одинаковы во всех школах.
- 4) Акцент делается на личные качества психотерапевта, пациента и отношения между ними.
- 5) После 30 встреч лечение становится асимптоматичным.

Отсюда, исходя из теоретического эклектицизма, предпринимаются попытки сформулировать своего рода метатеорию, которая устроит всех, исходя из прагматического эклектицизма, отвергаются признанные теории с их претензиями на исключительность. Важнейшим критерием выбора и применения психотерапевтических методов выступает их польза и возможность применения в конкретных условиях.

Глыба пластов неизмеримо любопытного, но непостижимого, приподнятая автором в умной монографии, заставляет пытливого исследователя человеческого бытия с новыми силами, с ощущением единомрадальца (не один я таков, есть еще люди, кто думает о большем) вернуться к вечным и мучительным вопросам: как же познать себя, как же сотворить себя и, наконец, как, Господи, осуществить себя на этой Земле? В психологии вымученными вопросами до сих пор являются: что есть сознание, а теперь и бессознательное, что есть личность, где тот источник, та основа, на чем все это держится. На память приходит одна забавная история. *Как-то ученый-физик читал научно-популярную лекцию для населения, где подробно изложил все имеющиеся на тот момент аргументы и доводы, почему Земля удерживается на орбите, такие-то, мол, физические законы, гравитация и т. д. и т. п. По окончании к нему подошла сухонькая старушка, поблагодарила за лекцию и обратилась с вопросом, почему же Земля, находясь в пустоте, тем не менее не падает вниз. Ученый опешил от неожиданности, но быстро нашелся, попросив старушку изложить ее собственное мнение на сей счет. Та без колебаний ответила, что Земля держится на трех китах. «А на чем же тогда держатся киты?», — поинтересовался ученый. «На трех гигантских черепахах», — последовал ответ... «А черепахи...» — не унимался ученый. «Не шутите профессор, — ответствовала старушка, — черепахи и так внизу».*

Доктор психологических наук,
профессор В.А. Ананьев

Моим Героям — Дмитрию Муратову и Василию
Пятину — посвящаю...

Предисловие автора

Термин «психотерапия», первоначально вышедший из психиатрии, в настоящее время приобрел немедицинский смысл, как и сама психотерапия стала ориентироваться на практически здоровых людей, эффективно выходящих из кризисных жизненных ситуаций с помощью психотерапевтических методов. В этой книге автор предпринимает попытку определения основных идей и методологических основ психотерапии, предназначенной для любого человека, испытывающего жизненные затруднения.

Сущность бытия человека «невидима» по своей изначальной природе и с трудом поддается объективации. Известен единственный путь методологической объективации сущности, представленной в явлении наблюдателю, — логический анализ и построение эквивалентных сложному явлению концептуальных моделей. При помощи аристотелевой логики невозможно воссоздать многозначные смысловые возможные миры внутри ее формальных, рациональных концептуальных моделей. По законам формальной логики строятся плоские, линейные и однозначные (буквальные) семантические пространства, лишенные онтологической непрерывности.

Не претендуя на абсолютную истину (ибо это бессмысленно), но стремясь к относительной, автор использует в логическом (и в алогическом) анализе психотерапевтической реальности логику объемных, метафорических смыслов и бейесову логику — логику основных допущений — только потому, что человеческое бытие не может быть описано простым набором бинарных сущностей и приведением одной из них к другой (к одному третьему — это совершенно другое).

Мир, который становится видимым объемному сознанию, — **двойной**. Он состоит минимум из двух реальностей: объективно существующей и воображаемой. Искусство XX века (в лице Дж. Джойса, М. Пруста, Ж. Превера, Ф. Феллини, А. Тарковского и многих других) развернуло человечество лицом к мифу — воображаемой реальности — и задалось нетривиальным вопросом: «А существует

ли еще что-нибудь, кроме реальности моих фантазий?». Действительно, где она — эта объективная действительность? Ответу на этот вопрос посвящен поиск бытийного смысла человеческого существования. Этому же посвящена психотерапевтическая работа: «Если существует объективная реальность, то какая она и как это проверить?».

В монографии, которую вы держите в руках, предпринята попытка создания методологической основы современной психотерапии, отличающейся эклектичностью, разнообразием школ и подходов. На роль единой методологии психотерапии, по мнению автора, может претендовать лишь глубинно-психологическое направление. Автор стремится к тому, чтобы соотнести и упорядочить все самое ценное, что представлено в основных школах глубинной психологии: идеи теории объектных отношений, аналитической психологии и экзистенциальной психотерапии. Кроме того, автор опирается в своих размышлениях на идеи И. Пригожина о диссипативной организации мира.

По определению В. Зеленского, глубинная психология выдвигает идею о не зависимом от сознания существовании психики, расширяя таким образом предмет психологии и обосновывая онтологический статус бессознательного. Тем самым глубинная психология не делает из бессознательных явлений своего предмета, но включает их в область своего исследования.

Главным моментом в предмете глубинной психологии является взаимодействие сознания и бессознательного, которое в настоящее время все больше приобретает «телесную» основу в контексте более общей дихотомии «телесное—ментальное». А сия проблема требует серьезного методологического анализа, который отчасти предпринят в данной монографии.

Тремя главными направлениями в глубинной психологии являются психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга и индивидуальная психология А. Адлера. В современной интерпретации все эти направления считаются психоаналитическими, и наряду с ними к глубинно-психологическим направлениям в психотерапии причислены также: трансперсональная психология (Гроф С.); экзистенциальный анализ (Бинсвангер Л., Босс М.); экзистенциальная психотерапия (Сартр Ж.-П., Франкл В., Мэй Р., Ялом И.); Эго-психология (Эриксон Э., Малер М., Спитц Р., Гартман); психосоматика (Александр Ф., Лоуэн А., Райх В.); сенсомоторный психосинтез и трилогический психоанализ.

В предлагаемой интегративной модели психотерапии фрейдовскому «человеку инстинктивному» отводится весьма скромное место. Инстинктивное

бессознательное рассматривается как низшее, brutальное, которое не может быть центральным и ведущим. Человек ведом не инстинктом, увы, но силой духа и волей — единственно могучими силами психики. Инстинкт только тогда будет выполнять роль реальной причины поведения человека, когда он будет запрещен своим носителем как несуществующий.

Ведущее место на страницах этой книги принадлежит «человеку духовному», совершающему акты усилия, творчества и любви. В монографии часто употребляются изгнанные из психологии термины «Душа» и «Дух», для которых нет рациональных определений, т. к. они относятся к трансцендентным понятиям.

«Дух — индивидуация объективности» (Гегель).

Под **работой Духа** в сознании понимается самопричинное установление **осмысленного порядка**. Под **работой Духа** в бессознательном — самопричинный **архетипический формообразующий процесс** возникновения порядка из хаоса.

Дух — тайная и невидимая *causa sui* всех существующих «плотных» и «тонких» форм.

Душа — ? Нечто существующее, но неопределимое для разума, постигаемое лишь самим бытием.

«Всегда что-то большое замкнуто внутри маленького... Когда-то это называли душой» (Борген Ю.).

«Тело — образ души» (Хеберлин П.).

«Тело — манифестация души... Душа — живое тело» (Клагес).

Тело, Душа и Дух — вечная тема размышлений соединенности разного: иного с иным. По словам Гете: «Первичная форма существует только как формальная идея», ведущая к подлинной (морфологической) трансформации. Дух, воплощенный в соматоморфной форме, есть не что иное, как объективированная идея формы форм, универсального закона порядка, преодолевающего хаос в торжестве формообразования. В живом теле «сходятся» формы Духа, «опрозрачивающего» бытие и создающего соразмерность и соотнесенность иного с иным: плотного и тонкого, телесного и ментального, тела и Души.

Одна и та же повторяющаяся методологическая ошибка, весьма популярная в психологии и психотерапии, состоит в том, что, обнаружив общие принципы упорядочивания «плотных» (телесных) и «тонких» («ментальных») структур, исследователь отождествляет их друг с другом вместо того, чтобы констатировать очевидность единичных принципов существования телесных и ментальных форм, т. е. **наличие третьего** — самого упорядочивающего закона в их целостном и едином бытии.

Тело и душа бытийствуют согласно одному и тому же закону, что не является условием их прямой тождественности. Имя этому закону — дух, порядок, нэгэнтропия, «мана», жизнь, Абсолют, Универсум, пустота, физический вакуум, в котором с неизбежностью рождаются первый фотон, форма форм, архетип, смысл и т. п.

Вот примеры проявлений универсального закона порядка на **телесном** уровне:

- Живой организм обладает нэгэнтропийными свойствами (Пригожин).
- Живые процессы нелинейны, нарушающие принцип суперпозиции (Введенский).
- Живая система существует вблизи точки равновесия, т. е. все время приближается к упорядочиванию путем соответствующей активности; с прекращением активности прекращается процесс упорядочивания (Пригожин).
- Живая система сама способна порождать порядок и информацию (Уоддингтон).
- Тело обладает набором эндогенных осцилляторов — структур с аутоупорядочивающей активностью (Эндермене).
- Мозг обладает собственной опиоидной системой «самовознаграждения» — переход в гармоничный порядок.
- Наряду с упорядочивающими процессами в организме существуют хаотические процессы («бесполезные», несистемные).

Проявления универсального закона порядка на **ментальном** уровне:

- Сознание обладает огромной упорядочивающей силой (Эго-психология, Джон).
- Бессознательное обладает энтропийными и нэгэнтропийными свойствами одновременно.
- Психика — вечно возникающее, вечно становящееся из хаоса явление упорядочивания и процесс формообразования.
- Труд сознания по установлению «прозрачного» порядка состоит в том, чтобы, разделив смысл на иное, суметь соединить разобценное в единое целое.

- Психика, в отличие от тела, не имеет явных форм, но проявляет себя через тело и его движения по заданным пространственным формам, внеположенным к его изначальной «плотной» форме.

Все это — проявления одного и того же закона, синхронизирующего иные разности, объединяющего их в единое целое.

В монографии сделан еще один акцент на самый важный аспект человеческого бытия — адаптации к самому себе — на поиске того, **кто мной является**. Существенным моментом этой стороны человеческого бытия является изначальное природное происхождение индивида, согласно которому он проходит либо маскулинный путь Героя, либо фемининный путь Красавицы, несводимые друг к другу. Они совершенно разные. В этом состоит главная идея об альтернативных путях индивидуации, по которым мужчина и женщина идут вместе и отдельно, помогая партнеру реализовать иные возможности, а через это — обеспечивая воплощение своих. На этом совместном пути каждый при помощи Другого встречается со своим бессознательным и, преодолев нарциссизм и негативность, выходит в безграничные пределы пространства Духа и земные пространства Души в ее воплощении в телесно-чувственной экспрессии. В этом смысле женский путь индивидуации — это путь Души к Духу, а мужской — Духа к Душе. Эрос женщины стремится к Логосу мужчины, и наоборот, Логос мужчины — к Эросу женщины. Через реальность этих отношений с Другим каждый из них получает возможность воссоединения со своей противоположностью, погруженной в бессознательное: чувственность женщины «одухотворяется» Анимусом, а рациональность мужчины «одушевляется» Анимой. Вне реальности отношений Двоих этого произойти не может. Четыре движущие силы подлинного бытия человека на этом пути — **желание, любовь, творчество и усилие**.

Прорыв к подлинному бытию осуществляется, как показано на страницах этой книги, после освобождения от нарциссических фантазий. Человек подлинный в дальнейшем способен сохранять свою целостность в противостоянии индивидуальной и групповой деструктивности — в том главном, в чем преуспевает профессиональный терапевт.

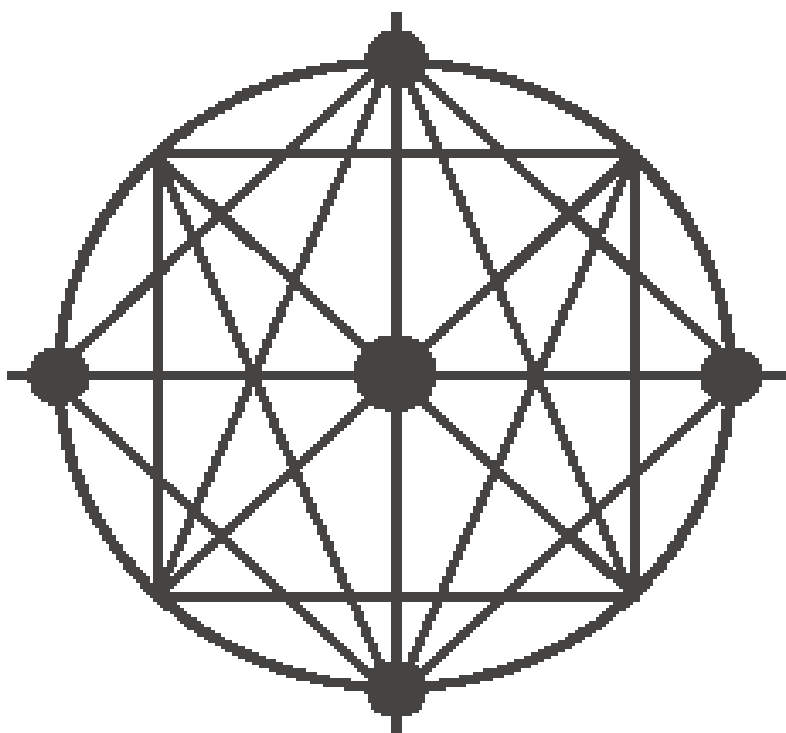
Язык монографии довольно сложен и требует серьезной подготовки читателя — натренированного «объемного» сознания и мышления. По-видимому, тех, кто стремится получить на любые профессиональные и жизненные вопросы однозначные и простые ответы, эта книга может разочаровать или даже напугать

своей неоднозначностью. Хочется верить, что человеку искушенному и легко расстающемуся со стереотипами встреча с этой книгой принесет немало восхитительных минут и будет способствовать рождению собственных уникальных переживаний идей и поступков.

Хочу выразить глубокую признательность за помощь в подготовке к изданию книги В.М. Аллахвердову, В.А. Петровскому, В.А. Ананьеву, О.В. Лаврову, И.П. Балмасовой, А.В. Нечаеву, С.З. Агранович, О.А. Смирновой, А.В. Пятину, Н.Н. Сергеенковой, П.Н. Пашкину, Т.Н. Посадской. Их неоценимая дружеская поддержка и реальное участие в рождении книги ускорили выход ее в свет.

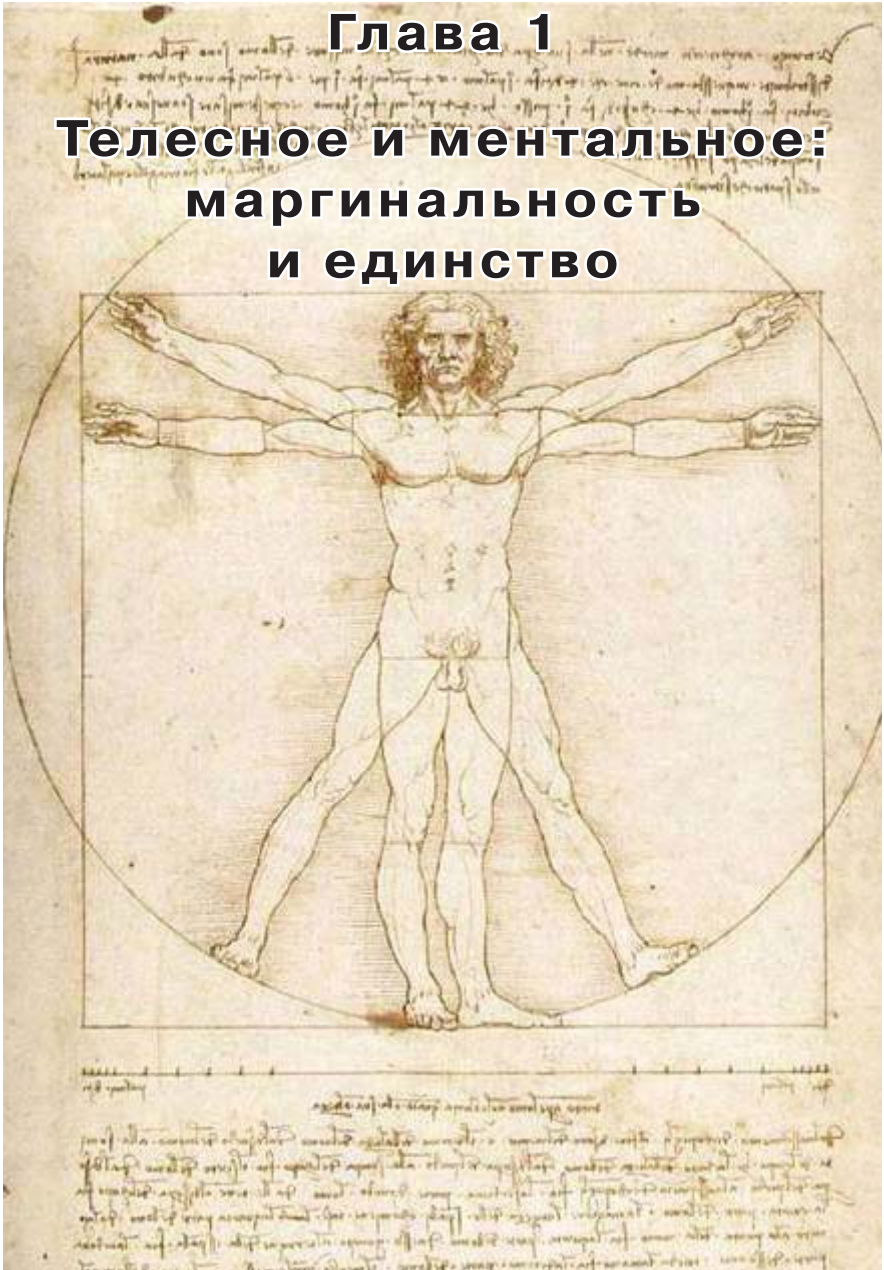
Часть первая

**ГЛУБИННАЯ
ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ПСИХОТЕРАПИЯ**

Глава 1

Телесное и ментальное: маргинальность и единство

Введение в проблему

Идея есть нечто существующее в силу формы.

Гюстав Флобер

Архетип определяет суть формообразующего процесса и его направление с кажущимся предвидением или как если бы цель была известна заранее.

Карл Юнг

Вечный спор одной части человечества с другой по вопросу о первичности телесно-материального или ментально-идеального, по-видимому, будет длиться еще не одно тысячелетие. Этой славной участи не избежала и психотерапия, прочно обосновавшись в ментальном и почти упустив из виду телесное бытие человека.

Г-ну З. Фрейду удалось напомнить интеллигентным ученым и профессорам об инстинктах (углубление «вниз»), но, тем не менее, Фрейд почему-то связал инстинкты с развитием психики (**психосексуальное** развитие), а не тела или форм телесной экспрессии. Д-ру К. Юнгу, человеку невиданной в психиатрии эрудиции и внутренней культуры, в свою очередь, удалось вернуть «инстинктивному человеку» духовность, Дух и творчество (углубление «вверх»), однако это оставило после него больше вопросов, чем ответов. Но на главный вопрос о первичности он ответил ясно и однозначно — не существует пресловутого «примата генитальности», но существует **«примат Духа»** над материей.

Именно этот последний тезис К. Юнга горячо поддерживается автором сего, иррационального на первый взгляд, опуса. Отношение автора к «генитальному» человеку менее восторженное, чем у Фрейда, однако, он, безусловно, существует — актуально и доминантно в том возрасте, о котором, собственно, и писал Фрейд, т.е. в ранние периоды онтогенеза вплоть до полового созревания и юности; потенциально и субдоминантно — в период зрелости.

Зрелый человек — это человек духовный, человек творческий и любящий (не только и не столько телом), т.к. в творчестве и любви целиком проявляется духовный потенциал человека. Зрелый человек — это человек знающий и умеющий, т.к. реализация его природно-духовного потенциала требует выхода во-вне, что в свою очередь предполагает наличие определенных умений — Души, Тела и Духа.

В процессе развития личности низшие формы творчества и любви (репродуктивные) постепенно трансформируются в высшие (продуктивные), содержащие в себе низшие ступени так же, как «человек духовный» несет в себе «человека инстинктивного». Это один и тот же человек, у которого одно единственное тело. В период роста он следует **за телом**, в период зрелости — **тело следует** за ним.

Телесное бытие человека с первого момента его существования наделено двойственностью: оно движимо инстинктами (биологическое начало) и обладает аффективной наполненностью (психическое явление, имеющее телесную представленность). Дальнейшее развитие показывает, что к телу обращена и сила Духа. З. Фрейд выстраивал свою логику человеческого бытия, следуя логике тела: **инстинкт** — аффект — идея. К. Юнг рассматривал человеческое существование с альтернативных позиций: **архетип** (духовный принцип формообразования) — аффект — идея. Исследуя психические явления, К. Юнг никогда не претендовал на создание сколько-нибудь стройной и логичной теории. Более того, подчеркивая иррациональную природу базисных психических явлений, он настаивал на применении в их описании и понимании эквивалентных им по природе (иррациональных) сознательных моделей. Вообще наука, как считал Юнг, построена на предубеждениях, при помощи которых невозможно познание человеческой индивидуальности, пред которой всякие **предубеждения** становятся бессмысленными: *«Человек является самим собой — это самое большое допущение, которое вызывает самые серьезные последствия»*¹.

Следуя за тезисом Юнга о том, что *«научная теория является лучшим прикрытием для невежества и недостатка опыта»*, автор уверен, что не стоит задаваться целью создания сколько-нибудь целостной теоретической модели для объяснения того психотерапевтического процесса, который выстраивается в творческом союзе с клиентом. Целью автора является скорее обобщение, упорядочивание и **определение приоритетов** в этой сложной научной области на основе эмпирического психотерапевтического опыта и ясных методологических

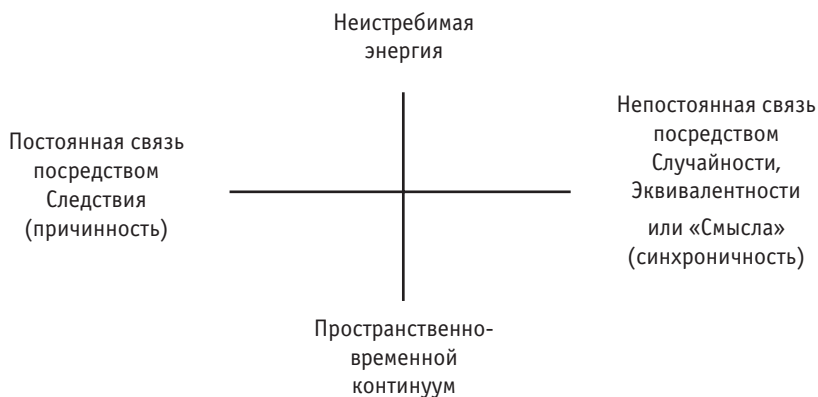
допущений. В центре описания и анализа психотерапевтического опыта, обобщенного в данной книге в нескольких инструментальных идеях, лежат бытийные взаимоотношения человека с телом: **область телесно-ментальных взаимодействий и взаимовлияний. Телом**, как с единственным «местом» связи «потаенного» с «непотаенным», с единственной возможностью объективации Эго миру, явленности **моего** в движении, в экспрессии ментальных и телесных форм.

Психотерапевт не может игнорировать телесную сферу бытия человека и вынужден задавать себе вопрос о взаимоотношениях телесного и ментального. Эпоха **монистического** подхода к объяснению этих взаимоотношений (по принципу «либо-либо») породила два враждующих между собой лагеря: материалистов и идеалистов. Первых, как известно, в России значительно больше, и, по их мнению, «психика вырастает из мозга», т.е. **в мозге** (в теле) находится первопричина психического (примат материи). Не менее абсурдным кажется альтернативное идеалистическое толкование взаимоотношений телесного и ментального, ищущее причину физической телесности в бестелесном идеальном измерении. Фрейдовская позиция, сводящая психическое к одному началу — инстинктивному, — что означает буквально следующее: «психическое вырастает из тела», — является примером монистического (материалистического) подхода в психотерапии.

К. Юнгу часто приписывают подобные взгляды, ему несвойственные, и, чтобы не быть голословной, приведу одно из его высказываний: *«Мы должны полностью отказаться от идеи, что психика каким-то образом связана с мозгом, и вместо этого вспомнить об «осмысленном» и «разумном» поведении низших организмов, у которых мозг отсутствует. Здесь мы оказываемся гораздо ближе к первичному фактору, который... не имеет ничего общего с деятельностью мозга»*². Только в своих ранних работах К. Юнг предполагал, что может существовать мозговой субстрат психических явлений, но впоследствии пришел к выводу о существовании одного — **первого** — фактора вне этих двух противоположных начал — **unus mundus**, как всеобщего организующего закона (Л.О.В.).

Дуалистом проводится «двойное» независимое исследование в каждом параллельном измерении: отдельно — в телесном («причина телесного — в теле»), и отдельно — в ментальном («причина ментального — в психике»). Путем простого сложения пресловутое единство не получить «в голове» исследователя.

Монизм и дуализм исходят из принципа причинной обусловленности: либо одна противоположность является причиной другой, либо каждая из них имеет свою причину. Но существуют более продуктивные варианты решения данной гносеологической проблемы, ибо только в познании противоположности возможно разделить. Одним из них является гегелевский **диалектический** принцип существования «третьего», не являющегося первыми двумя, но объединяющего в себе природу и сущность этих двух начал. Другим — юнгианский принцип **синхронистичности** — внепричинного совпадения событий, смысловой пространственной упорядоченности. Принцип синхронистичности введен Юнгом как принцип, дополнительный к причинному, вместе с которым он составляет архетип порядка.

Quaternio (Юнг—Паули)

Синхронистичностью, согласно Юнгу, называются невероятные феномены беспричинной природы — «смысловые совпадения» во времени, разнесенных в пространстве событий.

Наиболее известным примером феномена синхронистичности является история об интеллектуальной клиентке д-ра Юнга, которой приснился золотой скарабей, но смысл этого символа оказался для нее недостижимым из-за обилия рациональных защит сознания и «невозможности» существования золотого скарабея в реальности. В момент обсуждения сна в стекло комнаты ударился

реальный жук, очень напоминавший скарабея. «Вот ваш скарабей», — произнес Юнг свою знаменитую фразу, **заметив** случайное совпадение — **беспричинный порядок**, установившийся в это мгновение в его комнате.

Смысловая упорядоченность мира, как считал Юнг, не имеет никаких причин. Смысл самоосуществляется и самосуществует в каждое мгновение в каждом явлении мира. Самосуществование смысла является трансцендентальной функцией в пространстве и времени, упорядочивающей бытие вещей в мире.

Юнг пишет: *«Связь между событиями имеет отличный от причинного характер и требует другого принципа объяснения»*⁴. По мнению Юнга, большое количество индивидуальных наблюдений за событиями в мире случайностей поддается статистическому анализу, а сами случайные события собираются в так называемые «ациклические группы». В психидном мире, насыщенном случайным и уникальным, по убеждению К. Юнга, царят законы синхронистичности, и по тем же законам устроена связь тела и души (Л.О.В.).

Отдавая себе отчет в том, каковы трудности выхода на новый методологический уровень понимания и толкования сложной общечеловеческой проблемы взаимоотношений телесного и ментального, автор пытается этой книгой ответить на один вопрос, возможно не всегда точно и определенно, но — совершая усилие в этом направлении: **если существуют психотерапевтические идеи, адекватные самому существованию единства телесного и ментального в бытии, то — каковы эти идеи?**

Как отыскать идеи, адекватные самому бытию?

Направление поиска идей, соотносимых с индивидуальным осмысленным опытом бытия, можно задать набором главных методологических допущений. Поиск автора, осуществляемый на страницах этой книги, направляется следующими предельно общими допущениями:

- существует нечто **«третье»**, объединяющее два — телесное и ментальное;
- этим «третьим» скорее всего является **универсальный закон** (*in ipso mundo*), действующий на телесном и ментальном полюсах и объединяющий их в единое целое;
- универсальный закон порождает **порядок**;
- порядок порождает **форму**;
- сила, которая производит порядок, — **духовной** природы;

- порядок объединяет постоянные (**причинные**) и непостоянные (**синхронистичные**) связи;
- телесные явления обладают большим постоянством и упорядоченностью, чем ментальные;
- ментальные явления обладают некоторым постоянством и упорядоченностью и имеют свои, отличные от телесных, формы;
- форма является **местом** возникновения порядка и существования.

Таким образом, «*in ipso mundo*» как таковой остается за пределами возможностей сегодняшнего уровня осмысления. Однако, **форма** — вот ключевое понятие, в котором сходится очень многое: результат действия универсального закона — **порядок; постоянство** (телесные формы) и **непостоянство** (ментальные формы); единство, как «пойманное» **соположение форм** телесной и ментальной природы. Собственно, все содержание книги и направлено на раскрытие смысла последнего: соположения форм и поиск общего «третьего».

Сей творческий психотерапевтический порыв вполне соотносится с существующими в настоящее время тенденциями к интеграции (в противовес эклектике) различных психотерапевтических подходов, взаимодополняющих друг друга. В каком-то смысле, в этой книге предпринята попытка к формированию основ **одного из вариантов интегративной терапии**, которая ориентирована на духовные и экзистенциальный уровни бытия, в отличие, например, от ролевой ориентации интегративной терапии Н. Petzold или от клинических вариантов интегративной модели психотерапии L. Krehl, G. Bergmann, Th. Uexkull, V. Weizsacker, A. Jores, P. Christian и др.

Методологическими истоками изложенного в данной монографии интегративного подхода глубинной топологической психотерапии являются:

- философские принципы формообразования и топологии Аристотеля, Платона, Канта, Гегеля, Мамардашвили;
- глубинная психология и психотерапия (прежде всего, аналитическая психология);
- экзистенциальная психотерапия И. Ялома и экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера;
- отечественное направление «психологии телесности», развиваемое в настоящее время А.Ш. Тхостовым.

В глубинной топологической психотерапии применяются следующие психотехнологии:

- диагностическое и структурированное интервью;
- анализ переноса-контрпереноса с выходом на «Я-Ты» отношения;
- высвобождение аффектов и осознание аффективных комплексов;
- работа с экзистенциальными переживаниями в аналитической архетипической парадигме (смерть — возрождение);
- интеграция содержания первичных и вторичных процессов на уровне Эго-сознания.
- экспрессия внутреннего состояния (психодраматические и арт-терапевтические методы, техники телесно-ориентированной и холдинг-терапии);
- техники направленной визуализации (в том числе и авторская модификация, изложена в главе «Идея первая: топос»);
- работа с «интернальным телом» (авторский метод, изложен в главе «Идея вторая: ментальная форма»);
- методы глубинной психотерапии в работе с феминным и маскулинным **«ядром»** идентичности (авторская модификация, изложена в главе «Идея третья: Красавица и Герой»);
- работа с фантомами (авторский метод, изложен в главе «Идея четвертая: фантом»).

Психотерапевтический процесс, происходящий всякий раз совершенно неповторимым образом, имеет некое общее направление, заданное единым критерием — общим уровнем внутренней интеграции и осознанности своего бытия.

В целом, перед психотерапевтом, работающим на основе интегративной модели глубинной топологической психотерапии, стоят всего две задачи, одна из которых является **первой**:

1. Задача создания индивидуальных условий для «высвобождения» внутренних интегративных самоорганизующихся психических ресурсов, для совершения **усилия к гармонии бытия**; внутренняя трансформация от Self к Эго.
2. Задача выработки через новое отношение к себе и своей жизни нового отношения к миру, навыка совершения всякий раз нового **усилия в установлении отношения с реальностью** мира; трансформация «бытия в бытие».

Решению **первой** задачи, в далеко неполном и несистемном изложении, посвящена книга, которую вы держите сейчас в руках. Общетеоретические методологические допущения кратко изложены в первой части книги. Авторский подход подробно рассматривается во второй части книги — от идей к психотерапевтической стратегии.

К основным идеям глубинной топологической психотерапии относятся следующие:

- где? — идея места (топоса), т.к. порядок возникает в определенной точке пространства, соотнесенной с другими точками пространства, а не повсюду;
- в чем? — идея формы (ментальной и телесной природы), представляющая собой единство внутренней структуры и границ порядка; априорная форма — пуста и является местом возникновения порядка;
- как? — идея синхронии (единства) телесного и ментального, Эго и Self, Природного и Духовного, инстинктивного и сакрального в реальном человеке;
- что? — идея биполярности (двойственности, маргинальности) целого, где каждая полярность соотнесена и объединена со своей противоположностью причинными и синхронистичными связями;
- кто? — идея об архетипе Красавицы — полярности архетипа Героя, являющейся центральным моментом на пути становления женщины, в процессе женской индивидуации;
- критерий? — идея фантомного и подлинного в идеях Эго, при помощи которых человек упорядочивает свое бытие (внутренние трансформации и отношения с миром), и от качества которых зависит качество его жизни.

На вопросы «почему» и «зачем» глубинная психология и глубинная топологическая психотерапия не отвечают.

Из всех вышеперечисленных идей только три автор сей книги может скромно причислить к собственным (по крайней мере, в психотерапевтическом контексте): идею ментальных форм, идею архетипа Красавицы и идею фантома в авторском изложении. Хотя, как известно, нет ничего нового под солнцем.

Кроме тех идей, которые были выделены выше, к базовым идеям глубинной топологической психотерапии относятся идеи «Психоаналитического Младенца», «Предвечного Младенца» (Внутреннего Ребенка), «Убиенного» и «Живого Младенца», «Человека инстинктивного» и «Человека духовного» (см. табл. «Краткая характеристика психотерапевтических идей в интегративной модели глубинной топологической психотерапии»). Большинство этих идей были рассмотрены в первой части книги. Изложению всех остальных идей посвящена ее вторая часть.

**Краткая характеристика психотерапевтических идей в интегративной модели
глубинной топологической психотерапии**

Феномен	«Психоаналитический Младенец»	«Убиенный» и «Живой Младенец»	«Предвечный Младенец», Внутренний Ребенок
Качественные особенности	Инфантилен, сексуален, обладает первичной интерсубъективностью в диаде «мать—дитя»; автономен, обладает интегративной компетентностью; трагичен, как нарцисс; агрессивен и завистлив	Архетип «Убиенный Младенец» — состояние небытия Души, которое способно сохраняться и оставлять «след» в теле в случае остановки данного переживания небытия субъектом. «Живой Младенец» — состояние «здесь-и-сейчас-рожденности», полноценного бытия. Вместе составляет суть глубинной трансформации «смерти—возрождения»	Архетип Self. Покинут родителями, сирота, незащищен и божественен, всемогущ; спасается и возвращается; гермафродит; досознателен и трансцендентен, соответствует неустановленности и незавершенности и множественному состоянию Self. Выведен из бессознательного и отношений с общечеловеческой культурой. Трансцендентен, обладает высшей духовной сущностью
Феномен	«Человек инстинктивный»	«Красавица» и «Герой»	«Человек Духовный»
Качественные особенности	Формула: «Инстинкт — аффект — идея» (телесное). Libido и mortido — два главных влечения инстинктивной природы, причинно обуславливающие бытие человека. Инфантилен, сексуален, хочет всемогущества и обладания, не способен выдерживать аффективного напряжения и адекватно тестировать реальность. Мистификатор, «Маугли»	Архетип «Герой» обладает физической и интеллектуальной силой, преодолевает любые препятствия, завоевывает мир и правит им. «Красавица» — обладает тонкой чувственностью и чувствительностью, стремится к любви и материнству, соблазняет, становится обладательницей мужского семени, поддержкой мужской души и хранительницей домашнего очага.	Формула: «Архетип — аффект — идея» (ментальное). Чувствующий и понимающий, совершающий усилие, погружен в ситуации непрерывного выбора; автор своей жизни, ответственен и свободен; автономен, бытийствует в заботе и самосуществовании. Спокойный. Молчаливый «Богочеловек».

Глава 2

Ментальное

Онтология психического

Существование телесного, данного явно и самоочевидно, не требует онтологических доказательств, т.к. тело обладает материальной структурой, протяженностью и формой. Онтологический статус сознания и, тем более, бессознательного, должен быть доказан хотя бы логически, т.к. «тонкие» идеальные сущности имеют едва уловимые формы, доступные не всякому созерцателю.

Онтология сознания

Сознание в глубинной психологии соотносится с психикой как часть с целым.

Сознание эпифеноменально, т.е. существует в рефлексии мыслящего разума. Эпифеномен представляет собой простой дубль реального события, т.е. не имеет самостоятельной феноменологии. В том случае, если сознание действительно является «двойником» — всего лишь отражением, следом, отпечатком реальности, оно действительно *эпифеноменально*. Но если сознание является тем, «что само себя в себе показывает» (М. Мамардашвили), т.е. само, как феномен, встречает феномены мира, то приставка «эпи» — становится лишней. Феномен же, по определению, онтологичен в своей очевидности.

М. Мамардашвили приводит в качестве иллюстрации онтологической реальности феномена сознания *доопределение формы звуком* при его восприятии. Фонема есть то, что субъект слышит реально, но фонема есть внутренняя форма сознания, которая только доопределена звуком в физическом смысле слова. Реально человек слышит незвуковой эквивалент звука. Он слышит речь, а не набор сигналов в звуковой последовательности определенной частоты и интенсивности. В связи с чем эквиваленты сознания (элементы «экрана») относятся М. Мамардашвили к онтологическим структурам, при помощи которых субъект слышит то, что слышит — некое осмысленное качество звука, а не сам звук как таковой.

В связи с этим уместно упоминание о *cosa mentale* (ментальная вещь) Леонардо да Винчи, которая делает возможным восприятие художественного произведения: когда субъект его воспринимает, оно действует в нем вещественно. Без *cosa mentale* получить впечатления от картины, например, невозможно. *Cosa mentale*

представляет собой особое телесно-духовное образование, «опрозрачивающее» и согласующее далекие времена и пространства. *«Прозрачное для души, — говорит М. Мамардашвили, — само есть что-то... Тела, которые одновременно и телесны, и духовны — компенсируют нашу неспособность быть одновременно в различных точках пространства. Но они дают другое время и другое пространство. Несуществующие места несуществующего времени — весьма существенная конститутивная часть души человека, позволяющая переживать мир иначе, чем позволяет природа»⁵.*

Таким образом, феномен сознания *доопределяет* феномены внешнего мира (смыслами), а не просто повторяет их исходную форму. Вообще, похоже, в сознании никакие «исходные» внешние формы не «клонироваться». Они преобразуются в другие, *эквивалентные* им формы (понятия, схемы, образы и т.п.). Эквиваленты сознания нетождественны тем вещам, которые в них отражаются. Более того, в эквивалентах содержится то, чего нет в самих вещах — *идеи* вещей. Идея является главным эквивалентом вещи или события (или еще чего-нибудь внешнего по отношению к сознанию).

Абсолютная Идея, как идея всеобщего порядка, тем не менее, может быть внешней по отношению и к самим вещам.

Итак, если сознание феноменально, то его онтологический статус является доказанным.

М. Мамардашвили определяет сознание как место, в котором существует некоторая активность⁶. Он находит для обозначения этого «места» несколько метафор — «сфера», «экран» и «наклонная поверхности».

Как *сфера*, сознание выглядит в представлении М. Мамардашвили неким куполом, в центре которого находится сингулярная точка, в которую ничего не входит и из которой ничего не выходит (пустое напряжение). В этой точке субъект «держит себя живым» и никакое знание, по мнению М. Мамардашвили, туда передать нельзя, его можно только извлечь из самой жизни. Возвращение к сингулярной точке происходит столько, сколько происходит сама личная жизнь: из темноты «ничего-не-знания» и «ничего-не-предполагания» известным субъект возвращается к сингулярной точке полного осознания себя и своего бытия в мире. Так, проснувшийся «никто» у Пруста ищет и находит потерянный во тьме объект — себя самого.

Как *экран*, сознание отделяет психику человека от внешнего мира, и не дает человеку погибнуть от его вторжения. Экран содержит в себе способ, при помощи которого человек становится способным к пониманию этого мира (к упорядочиванию).

Вполне возможно, что у психотика не функционирует именно этот «экран».

«*Человек*, — говорит М. Мамардашвили, — *есть существо наклонных поверхностей...*»⁷. Сознание, по М. Мамардашвили, есть изменение сдвига, изменение склонения, вызывающее блокировку спонтанных сдвигов (хаоса) в психике человека. Если субъект осознает свое актуальное ощущение, он уже не совпадает с ним, т.к. происходит упорядоченный сдвиг от самого ощущения в область рефлексии этого ощущения. Так субъект оказывается *между* — и поэтому удержаться на наклонной поверхности и совершать сдвиг можно только приложив к этому собственное жизненное усилие.

Бытие М. Мамардашвили определяет как существование, несводимое к знанию. Знание не может быть предварительным. Оно извлекается всякий раз заново — из бытия — путем помещения «впечатления откликнутости» в первовместимость разума. Сие действие относится к *онтологическим актам* (сознания — Л.О.В.).

Рядом с размышлениями М. Мамардашвили о сознании становится совершенно безжизненным и серым набором слов идея о «формировании сознания под влиянием социокультурной среды». Под этим влиянием формируется социокультурное сознание, а не само сознание, как феномен. Как феномен, сознание не может быть детерминировано внешней причинностью. Оно само является своей собственной причинностью.

Всеми корифеями отечественной психологической науки отмечалось, что сознание включает в себя не только *смысловую*, но и *чувственную* (А.Н. Леонтьев), и *действенную ткань* (В.П. Зинченко), а также *телесную* и *трансличностную* (В.В. Налимов) составляющие. Чем больше времени изучает сознание психология, тем больше элементов иного качества начинает включать в себя понятие «сознание». Однако, речь идет именно о *понятии*, т.е. эквиваленте самого этого феномена — о сознании самого сознания.

«*Сознание есть осознанное бытие*»⁸ (А.С. Рубинштейн). Именно так и определял сознание М. Мамардашвили⁹. Аналогичным образом из *causa sui* субъекта выводится существование субъекта как причины самого себя¹⁰ (Л.М. Веккер).

Ни сознание, ни субъект не имеют другой причины своего существования, кроме самих себя: то, что есть, уже было...

Гносеологическая модель сознания включает в себя, прежде всего, субъект-объектное отношение, т.е. различие «Я» и «не-Я». Субъект и объект являются основными идеями сознания, при помощи которых сознание выделяет из бытия вещей само себя, как отличное от других, онтологическое образование. Субъект — хозяин своей жизни, носитель своего сознания, источник преобразующей активности и «выпрямляющего движения». Соответственно, объектами могут быть все те вещи, которые внеположены субъекту. В том числе и сам субъект, если он помыслит себя внеположенным себе самому.

Онтология бессознательного

Статус существования бессознательного подорван изначально, ибо бессознательное есть то, о чем ничего неизвестно сознанию. А если что-то сознанию неизвестно, то как можно *этому* сознанию считать неизвестное существующим?

Существующее (осознанное) для одного сознания может быть неизвестным (бессознательным) для другого сознания. Тогда одно и то же явление будет осознанным (существующим) в одной психической структуре и неосознанным (несуществующим) — в другой. Психотерапевт обычно и является той фигурой, которой доступно осознание бессознательного своего клиента (при условии, что психотерапевт сам имеет опыт встречи с собственным бессознательным). Клиенту положено быть в полном неведении относительно своего бессознательного. В противном случае психотерапевт ему бы не понадобился. Главная же задача психотерапевта — не перепутать бессознательный материал клиента с собственным бессознательным содержанием.

Меня часто веселят имеющие место быть в нашей среде, связанные с тотальной профессиональной деформацией психологов-практиков, неизменные, повторяющиеся от клиента к клиенту интерпретации: «Он (а таких уже только на этой неделе 10 чел.) застрял на доэдиповой стадии»; или «Она (соответственно в энной степени), конечно, истеричка (или негативная мать)».

Любая «любимая» интерпретация психотерапевтом проблематики клиентов является бессознательной проекцией собственной деформации, возвращенной на патогенной почве детско-родительских отношений и печального жизненного опыта.

Согласно Фрейду, бессознательное существует в промежутках, в разрывах непрерывного самодостаточного ряда сознательных процессов. Фрейд первым исследовал и объективировал бессознательное, открыв всему миру самое низшее и темное его содержание.

Бессознательные процессы Фрейд относил к первичным процессам, обладающим непротиворечивостью, вневременностью, склонностью к замещению внешней реальности внутренней, мобильностью катексиса (дословно: «электрический заряд» *libido*), регулирующимся согласно принципу удовольствия.

Первичные бессознательные процессы Фрейд подразделял на дескриптивное или латентное бессознательное (предсознательное) и вытесненное бессознательное (содержащееся в воспоминаниях и фантазиях). Вторичные сознательные процессы, управляемые принципом реальности (рассудок, осмотрительность, мораль), обладают логикой, снимающей противоречия, строгой пространственно-временной структурой и используют связанный катексис. Слово в психоанализе является той «емкостью» сознания, которая «вбирает» в себя энергию катексиса из бессознательного. Главная функция вторичных процессов состоит в том, чтобы тестировать реальность на предмет согласования желаемого и действительного.

Основными «энергиями» бессознательного, по Фрейду, являются инстинктивные силы *libido* (инстинкт жизни) и *mortido* (инстинкт смерти). они, разумеется, сокрушающе всеильны, примитивны и неизбежны. Всю свою сознательную жизнь человек призван обуздывать дикую природную либидозную энергию, научаясь использовать ее в собственных сознательных (адекватных реальности) целях. Такова, в самых общих чертах, феноменология бессознательного по З. Фрейду.

Идея Фрейда о том, что язык бессознательного сродни мифотворчеству, получила в дальнейшем колоссальный толчок для своего развития в трудах К. Юнга, Э. Нойманна, Д. Кэмпбелла, О. Ранка, К. Наранхо — представителей разных направлений современной психотерапевтической практики. Аспекту связи бессознательного содержания с мифологическими формами отведено в книге значительное место.

Проблема онтологической реальности бессознательного волновала в истории человечества умы многих философов. Используя мысль М. Хайдеггера о том, что сознание всегда есть нечто представленное (Гуссерль: сознание чего-то — интенция), т.е. осознание того, что стало «видимым» (репрезентированным), М. Анри утверждает, что бытие почти полностью исключается из сферы наличного

представления, а, следовательно, из сознания. Существование представляемого за пределами сознания, по М. Анри, сохраняет форму *пред-положенного* бытия. Бытие в этом «пра-мире», сохраняющем форму мира, М. Анри назвал бессознательным, имеющим онтологический статус.

Хайдеггер выдвигал тезис о том, что само трансцендентальное сознание бессознательно, т.к. все, что проявляется (из непознаваемого становится постигаемым), достигает состояния объекта, т.е. феномена для сознания. Любое возможное присутствие, по Хайдеггеру, обозначается как присутствие объекта. Процесс, которым владеет субъект, неизвестен носителю, т.е. сознание не отдает себе отчета в том продукте, который получает, а значит — имеет место быть, наряду с сознательным, и бессознательный процесс¹¹.

Шопенгауэр, автор известной идеи «воли к жизни», воспетой позже М. Прустом и М. Мамардашвили, называет бессознательным *непредставимое* (желание без объекта), вводя тем самым, помимо «идейного» измерения сознания, аффективное стремление, которое необходимо связано с сознательным представлением.

«Формула» аффективного комплекса, по Фрейд, также включает, кроме базового инстинктивного, аффективный и смысловой компоненты. Идея (слово, мысль) оказывается связанной с чувством.

Итак, гносеологически бессознательное является антитезисом сознания, онтологически — может быть выведено из представлений, внеположенных сознанию и не поддающихся сознательному контролю. В первом случае бессознательное должно обладать, по сравнению с сознанием, альтернативным набором качеств, а во втором — иметь гомологичные сознанию свойства. Как те, так и другие свойства обнаруживаются в любых бессознательных феноменах. Однако, в различных психотерапевтических школах приоритетными объектами анализа являются либо те, либо другие формы бессознательного содержания. Например, в ортодоксальном психоанализе и лаканизме бессознательное изучается как гомологичный сознанию феномен (при помощи слова). В арт-терапевтическом, эклектическом в целом, направлении — как альтернативный сознанию процесс (при помощи образов). Аналитическая психология К. Юнга подходит к феномену бессознательного с обеих сторон и рассматривает его как сложный комплекс биполярных структур, как самое противоречивое явление в человеческой психике.

Гомологичными сознанию являются такие бессознательные явления, как неосознаваемые регуляторы поведения и побудители способов выполнения деятельности (мотивы, установки, автоматизмы). Предпороговое восприятие и «вытесненное» противоречивое содержание сознательного Эго могут быть также отнесены к гомологичному сознанию классу явлений. Архетипическим формам и надсознательным явлениям в большей степени присущи свойства, полярные сознательным явлениям.

Бессознательное представляет собой неосвоенную субъектом часть психики, проявляющуюся полноценно и объективно, несмотря на неузнаваемость и бессубъектность, в беспричинных переживаниях, спонтанных и иррациональных по своей природе, обладающих семантической «размытостью», но имеющих оформленную структуру (образ и архетип).

Мифы и бессознательное

До XX века существовало два полярных отношения человечества (человека) к мифу и мифотворчеству: пренебрежительно-презрительное (как к чему-то низшему и примитивному) и мистически-нуминозное (как к чему-то высшему)

и непостижимо-роковому). В XX веке с появлением работ А. Бергсона, Ф. Ницше, Дж. Фрезера, Дж. Джайса, М. Музиля, М. Фриша, М. Булгакова, С. Дали, З. Фрейда, К. Юнга, М. Бахтина, А.Ф. Лосева и многих других произошла так называемая «ремифологизация» культуры. Миф вернулся к нам в обновленном виде как напоминание о том, что реальность реальна настолько, насколько она осознана.

Миф как феномен человеческой культуры и человеческой психики заслуживает того, чтобы обрести не только право на существование в любой человеческой жизни, но и получить вполне осмысленное (научное) положение в общей структуре психических явлений, содержащих в себе нечто особенное, уникальное, отличное от отражающихся в ней предметов объективной действительности.

Досознательное психическое в так называемом «примитивном человеке» целиком и полностью состояло из «странных» мифических персонажей и фантастических образов реальности. С оформлением Эго и границ сознания человеческая психика приобрела возможность «отражать» не только себя саму, но и внешний мир. В этом смысле *осознать* означает умение различать внутреннее субъективное содержание психики от внешнего объективного — актуально отражаемого.

«Цивилизованный человек» научился тестировать реальность, т.е. находить подтверждение или опровергать свои гипотезы относительно внешнего мира и себя, на основе которых он выстраивает отношения с собой и с миром. Однако, навыки тестирования реальности, появившиеся в филогенезе, не исключают, а лишь изменяют положение непрерывного процесса мифотворчества в психической жизни человека, предоставляя мифу царство бессознательного.

В индивидуальном развитии человек проходит все филогенетические этапы становления сознательности и выделения особой способности отражать свойства внешних предметов, в противовес способности наделять внешние предметы свойствами внутренних процессов. Впоследствии архаический остаток этой способности Фрейд назовет трансфером и проекцией. По-видимому, основные этапы восхождения от бессознательного бытия к осознанному можно обозначить следующей последовательностью:

- бессознательное бытие, чистое мифотворчество, фантазии, гегемония первичных процессов, слияние Эго и мира (внешнее — это внутреннее);
- приобретение сознательных навыков, формирование Эго-границ, сепарация, неравноправное сосуществование мифотворчества и процессов

отражения реальности — в пользу первичных процессов, зависимость Эго от мира (грандиозное внутреннее и «для меня» — внешнее);

- инфляция сознания, подавление индивидуального мифотворчества, обесценивание смысла и самого существования первичных процессов, видение исключенного содержания вне Эго, тоталитаризм вторичных процессов, псевдонезависимость Эго от мира (внутреннее — это внешнее);
- равноправное сосуществование мифотворческих первичных и сознательных вторичных процессов, ясное различие первых и вторых, способность на основе этого к адекватному тестированию реальности, автономия Эго (внешнее — это внешнее, внутреннее — это внутреннее).

С определенной долей приближения можно было бы соотнести три первых этапа из перечисленных четырех с так называемым «коллективистским» существованием человечества — в первобытных сообществах, в средневековых государствах и в цивилизованном обществе XX века. Четвертый этап открывает иной способ сосуществования, человека с человеком, который, по-видимому, можно назвать *гуманным* хотя бы потому, что у автономной личности нет необходимости использовать других людей в собственных целях и интересах. Кстати, человечество давно фантазирует на эту тему, но подойдет к реальности гуманизма, видимо, только в третьем тысячелетии, а может быть, и в четвертом. Если, конечно, не произойдет регресса на вторую или даже первую стадию в совершенно нефантастическом антигуманном воплощении.

Степень принятия и осознания реальности мифа и мифотворчества, таким образом, можно считать неким индикатором индивидуального (и надиндивидуального) соотношения сознательных и досознательных содержаний психических (культурных) феноменов.

Человек (культура), который лишает миф онтологического статуса, дескридирует мифотворчество, относит эти явления к прошлому — «низшему», «примитивному», благополучно перетекает в невроз, выстраивая совершенно ригидную, неадекватную картину реальности, в которой отсутствует целая половина!.

Другой человек (культура), который придает мифу и мифотворчеству предельно-высшее нуминозное значение, не способен увидеть другой половины реальности, что грозит ему наступлением всевозможных психотических расстройств и потерей Эго.

И обе они благополучно уживаются в современном обществе, перешагнувшем в третье тысячелетие многомиллиардной толпой атеистов и верующих, ученых

и недорослей, психоаналитиков и колдунов, престиджитаторов и экстрасенсов, астрологов и политиков, медиумов и художников, и т.п.

Итак, **миф**. Существует научный подход в постижении этого явления, т.е. подход вполне трезвый, без пренебрежения и без закатывания глаз, признающий существование и ценность мифа в жизни человека и общества.

М.М. Бахтин называл миф универсальным образом мира, с которым связаны все формы человеческого бытия, тем самым разводя «образ мира» (субъект) и мир (объект). С.З. Агранович рассматривает архаический миф в качестве основы **культуры гармонии**, роль субъекта в которой выполняет космос, роль объекта — коллективная личность с ее простым бытом, а роль «третьего» — Абсолюта — судьба, идентичная циклическому времени¹².

Согласно концепции С.З. Агранович, культуре гармонии противостоит *культура цели*, опирающаяся на монотеистические идеи существования трансцендентной личности и линейного времени, устремленного в вечность. В культуре цели роль субъекта выполняет обособившаяся бытийствующая личность, роль объекта выполняет мир (космос), а роль Абсолюта — Бог. Идеи Космоса, возвращающегося к себе в объектной культуре гармонии и диалога личности с возвращающимся к себе космосом в субъектно-личностной культуре цели — равноправны. Человек, живущий в двоичном измерении, вынужден выбирать между Богом и Судьбой. Однако существует троичность — «ни то, ни другое, а третье»¹³.

*«... в архаическом сознании вырисовываются контуры некоей структурной ТРИАДЫ, описывающей взаимоотношения отдельного человека и мира: человек (прасубъект), стремящийся слиться с коллективом, коллектив-социум (праобъект) и ритуал (праабсолют) как сакрально-медитативная ценность»*¹⁴ (С.З. Агранович).

На роль «третьего» может претендовать *только Порядок*, имя которому и Судьба, и Бог, и Универсум, и *ipus mundus*, и многие другие однопорядковые с ним феномены *надличностного* масштаба. Четвертый элемент в этой троице — живое тело человека, в котором буквально отпечатана результирующая первых трех. В четверичном пространстве сосуществуют и бытийно соположены и соразмерены: Эго-сознание (микрокосм), Мир (макркосм), Порядок и Тело (или шире — бессознательное, царство матерей, в которое ведет ритуальный лингам) реального человека — последний «низший» недостающий элемент.

Архаический миф причисляется к праосновам досознательного представления человечества о мировом Порядке. *Это не сам Порядок, но — представление о нем.* Представление, лишенное рациональности, однозначности и системности, обладающее универсальной знаковостью и мировоззренческим синкретизмом. Архаический миф иррационален. *Бинарная структура архаического мифа создает равные возможности сосуществования и взаимоперехода противоположностей, мыслимых альтернативами мироустройства, но реально соотносимых именно с протосознанием (бессознательным) — особенностью видения внешнего подобным внутреннему (принятие внутреннего за внешнее).*

«Миф универсален. В нем содержится не только обобщенная картина мира данной эпохи, но и зачатки более сложных моделирующих представлений о вселенной структур, которые разовьются только в последующие эпохи, составив компоненты своего «абсолютного мифа»¹⁵ (С.З. Агранович).

«Миф есть специфически человеческий способ творения (моделирования) и тем самым освоения и познания реальности, некий универсальный образ мира, с которым связаны все другие формы человеческого бытия»¹⁶ (С.З. Агранович).

Основными бинарными оппозициями архаического мифа являются:

- порядок — хаос;
 - живое — мертвое;
 - мужчина — женщина;
 - верх — низ;
 - правое — левое;
 - переднее — заднее;
 - естественное (человеческое) — сверхъестественное (сакральное, нуминозное, божественное);
 - чистое — нечистое;
 - свое — чужое;
- и некоторые другие.

А.Ф. Лосев писал о мифе:

«Миф — наиболее яркая и самая подлинная действительность, совершенно необходимая категория мысли и жизни. Миф — логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще. Переводя цельные

мифические образы на язык их абстрактного смысла, понимают цельные мифически-психологические переживания как некие идеальные сущности и противоречивости реального переживания, которое всегда мифично. В мифическом мире мы находим, например, явления оборотничества, факты смерти и воскресения людей и богов и т.д. Все это — факты разной напряженности бытия, факты различных степеней реальности.

Лосев подчеркивает онтологический статус мифа — это «необходимая категория сознания и бытия вообще». Согласно его мнению, миф есть «жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность». Основное онтологическое свойство мифа, по Лосеву, — не его «отрешенность» (аллегоричность, символичность) от реальности, но, вместе с тем миф представляет собой «реальную вещественно и чувственно творимую действительность». «То или иное отрешение от смысла вещей, — пишет Лосев, — всегда налично в опыте, и весь опыт в таком случае оказывается мифическим». И далее — «Весь мир и все его составные моменты, и все живое, и все неживое, одинаково суть миф и одинаково суть чудо».

Вундт отмечал, что «в основе мифа лежит аффективный корень, так как он всегда есть выражение тех или иных жизненных и насущных потребностей и стремлений».

Говоря о феноменологических особенностях мифа, Мелетинский писал:

«В мифе форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует. Мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова. Существа и его имени, единичного и множественного, начала и принципа, т.е. происхождения и сущности. Эта диффузность проявляется в сфере воображения и обобщения.

Для мира чрезвычайно специфичны отождествление генезиса и сущности, т.е. собственно замена причинно-следственных прецедентов. В принципе, в мифе совпадает описание модели мира и повествование о возникновении его отдельных элементов, природных и культурных объектов, о деяниях богов и героев, определивших его нынешнее состояние. Рассказ о событиях прошлого служит в мифе средством описания устройства мира, способом объяснения его нынешнего состояния».

Подчеркивая достоинства мифологического мировоззрения, В. Шуклин отмечал:

«Миф не излагает последовательного события, а акцентирует внимание только на тех, благодаря которым наступила устойчивая, всеобщая упорядоченность мира, возникла культурная традиция и показывает, как эти события совершались. Миф нарушает последовательность событий, часто не объясняет причин и мотивов совершаемых героем поступков. Мифические персонажи относительно обособлены в зависимости от зон, сфер или этапов жизни и деятельности человека. Непоследовательность и противоречивость мифов объясняется тем, что сложное в них описывается через простое. В каждом случае мы имеем дело с самостоятельным, замкнутым внутри себя миром».

Глядя на современного человека, может прийти (и приходит) в голову вредная мысль о его превосходстве над «примитивным» досознательным мифологически одаренным существом. Именно эта мысль ведет к инфляции Эго, неврозам и психосоматическим расстройствам. В каждом из нас живет это чудесное примитивное — но совершенно уникальное — создание, которое имеет не меньше прав на существование, чем сознательное Эго, обученное и натренированное социумом. Мифотворец (или бессознательное) обладает тем, чего лишено сознательное Эго — спонтанностью, креативностью, способностью к фантазированию, аффективностью и, наконец, телесностью.

Мифотворец в представлении Фрейда довольно монотонен, т.к. озабочен исключительно инстинктами, и довольно непригляден в своей «дикости». Мифотворец К. Юнга более разнообразен и не лишен привлекательности. По сути, вся эта книга посвящена таинству установления дружественных отношений между Эго-сознанием и собственноличным мифотворящим источником.

Цивилизованное общество часто попадает в невротические проективные ловушки современных мифов, таких, например, как миф о всемогуществе науки и превращении ее в магическое средство против всех несовершенных моментов миропорядка; миф о прогрессе-чуде; миф об НЛО (о вмешательстве сверхчеловеческих сил); миф о сверхчеловеческих способностях (ясновидение, телепатия, телекинез и т.д.); мифы о тщете человеческих усилий и бессмысленности существования; миф о всемирной катастрофе и многие, многие другие. Поскольку у современного человека есть идея о всемогуществе (сверх-возможностях) и об-

разованности (сверх-знании), то он легко принимает мифотворческие фантазии за научные истины.

«Акробат на канате, балансирующий между безднами добра и зла, к которым он равнодушен, как равнодушен к этим друзьям, которых он любит, когда зимой хочет отогреться» (Ю. Борген).

Бывает так, что создатель истины рассказывает о том, как он получил ее от пришельцев. Владелец истины и реалистичного сознания не в состоянии различить внутреннее и внешнее, т.к. он далек от понимания и принятия беспомощности и необразованности своего мифотворческого начала. Поэтому он понимает буквально ворвавшееся содержание бессознательного: пришли и сказали.

Любой миф, любая фантазия, любое бессознательное явление содержит лишь намек, тайный знак, шифр, метафору того вечного смыслопорядка, который пытается сам себя передать. Текст метафоры **буквально** прочитывается только неискушенным, эгоцентрическим сознанием, неспособным в рефлексии выделить себя — наблюдателя вместе со своим влиянием на характер наблюдаемого явления. Наблюдателя, весьма далекого от мифотворчества и понимания неполноты и неопределенности.

Так, Паскаль Марсон¹⁷ вслед за З. Фрейдом **буквально** трактует мифотворческую структуру фантазма первичной сцены (сцены о сексуальном спаринге родителей), которая только иногда бывает реальной. В остальных случаях она возникает как сопутствующая мифологема, в которой скрыт тайный смысл священного брака мужской и женской половины Души, сотворения мира и первородного греха. Этот смысл освидетельствует сам факт различения — полов, сознательного и бессознательного, тела и психики, но не проецируется напрямую на реальность соития родителей (или, чего доброго, оскопления, как в фантазме кастрации).

Не будучи уверенной в том, что мне удалось обозначить глубинный план бессознательных мифотворческих образов, постараюсь еще на одном примере показать двойной план этих феноменов, часто встречающийся в психотерапевтической практике. Невротическая личность особенно ярко проявляется в том, что воображает себя «недолюбленной» своими настоящими родителями, т.к. ей откуда-то известно о существовании «идеальных родителей» — всепринимających и всепрощающих. Реальные родители, разумеется, таковыми не являются. Вслед за ними, таковым не

является партнер, супруг и собственные дети, не соответствующие представлениям невротической личности о том, какими все они *должны быть*. Синдром «недолюбленности» невротика разрывает его между идеальным образом мира и реальностью, в которой он оставляет только то, что не соответствует его идеальной фантазии. И фантазия об идеальном объекте, и сама реальность (как остаток, вычитаемый из идеала) представляют собой для невротика одну и ту же фантазию, половинками которой он манипулирует, а вторую часть понимает буквально — т.е. видит, слышит и чувствует реальность именно такой. Буквальное понимание первичного процесса отличает плоское и линейное сознательное существование от осознанного бытия разнонаправленной *объемной* личности, которая допускает, что *в ней* остается что-то такое, что пока ей неизвестно, и *в мире* — тоже существует много такого, что почти невозможно доопределить — лучше оставить неопределенным. И неопределенное имеет право на существование.

Единый смысл архаического мономифа, который отыскивали Джозеф Кэмпбелл, Клаудио Наранхо, Виктор Тэрнер, Отто Ранк, Гуггенбуль-Крейг и многие другие психологи, состоит в идее *созидания Порядка* из Хаоса — в идее *Трансформации*. Любой миф (любое послание бессознательного) содержит в себе элемент фиксации того или иного акта созидания. Отсюда и слова — *мифотворчество* и *мифотворец*, самомотивируемые — «идет куда глаза глядят» — и самоорганизующиеся по законам мифологических трансформаций. Главная трансформация среди них — возрождение. Возрождаясь из мертвых форм, носитель приобретает *новую живую форму*, получая взамен смерти (прощания со старым и умирающим) жизнь.

Трансформации, описанные в мифах, содержат в себе сущностные элементы *внутренней* жизни человека, непрерывно преобразующихся в ее течении. Это и составляет главную ценность индивидуального и коллективного мифотворчества для психолога и психотерапевта, т.к. в нем объективируются невидимые внутренние изменения, которые, как засвидетельствовала аналитическая психология, имеют общие законы и механизмы, названные *архетипическими*. Архетип — нечто среднее между мифом и Порядком.

Архетипика бессознательного — объективно существующий феномен, поскольку он объективируется в содержательных моментах индивидуального и коллективного мифотворчества и являет собой, по мнению Юнга, онтологический факт формообразующего психического процесса, т.е. факт рождения порядка

из хаоса *сам по себе*, а не факт возникшей вдруг фантазии или представления о возникновении порядка. Онтологический статус архетипа изменяет точку зрения на мифотворчество и бессознательные (первичные) процессы.

С помощью идеи архетипа процесс упорядочивания и трансформации психических идеальных сущностей выстраивается в общий и единый нэгэнтропийный процесс, вечно противостоящий энтропийному — хаосу неопределенности и бессмысленности. Архетипическая структура бессознательного и есть его порядок. Юнг назвал центральный, первичный элемент этого порядка Самостью, соотнося его с внутренними упорядочивающими ритмами (1, 2, 3, 4...), наиболее устойчивыми среди которых являются триады и кватернионы, образующие соответствующие формы и пропорции.

Например, согласно Юнгу, геометрической формой, аналогичной порядку Самости, могут служить 4 двойные пирамиды, заключенные в кольцо. Наполнены эти формы чувственным впечатлением, которому человек придает тот или иной смысл, переводя его в эквивалентную словесную форму.

Таким образом, скрупулезно исследуя мифологию, индивидуальные и групповые мифы при помощи понятия **«архетип»**, аналитический психолог стремится постичь предельно общие законы психических трансформаций, ведущих к гармонизации упорядоченного и хаотического компонентов внутренней жизни человека.

Русский мистик Г.И. Гурджиев (по крайней мере его называли мистиком), оставивший после себя скандально-туманное и восторженное впечатление у той части человечества, которая его знала, тем не менее «оплодотворил» вполне разумными идеями блистательного П.Д. Успенского, сумевшего заложить основы **живой** психологии, т.е. психологии, вырастающей из жизни, а не из ума, почти неизвестной нынешнему поколению психологов. Ум сам по себе, как известно, способен «рождать» только иллюзии, а возникающий смысл вырастает из невербального корня бытия.

Идеи П.Д. Успенского очень близки к идеям аналитической психологии. В частности, представления Успенского о «множественности» и «ложности» Я. Он считает, вслед за Гурджиевым, что *«внутри человека обитает множество всевозможных «Я»* (ср.: part souls — парциальные души по Юнгу — множественные формы персонификации архетипа в сознании человека — Л.О.В.), *среди которых главенствующую позицию занимает Хозяин, обладающий телом во времени»*¹⁸. Кроме Хозяина существуют и другие обитатели «многояного»

пространства: человек в обычном состоянии, Я-наблюдающее, Я-управляющее, помощник управляющего и т.п.

В романе Д. Джойса «Улисс» «многояйность» сознания субъекта воплощена в художественном тексте, как если бы роман писался от целой сотни рассказчиков.

Одним из «Я» в этом пространстве является так называемая **ложная личность**, соперничающая с Хозяином — пустое воображаемое Я, которое тщеславно, лениво, защищает себя, отличается крайней негативностью и неточностью мышления. Успенский пишет: *«Наш главный враг — слово «Я», потому что у нас нет никакого права использовать его в совершенно обычных обстоятельствах»*¹⁹ (П.Д. Успенский).

У невротической и незрелой личности место Хозяина занято ложной личностью. Как считает Успенский, *«ложное “Я” нельзя исключить совсем или уменьшить в размере, но можно уменьшить в смысле времени»*²⁰. Постоянное «Я» в роли Хозяина лишает активности ложное «Я», тем самым личность приобретает **собственную сущность** (ср.: Self как истинная сущность человека и Эго как социальная маска по Юнгу; индивидуация — путь от Эго к Self через инфляцию Эго — Л.О.В.).

Успенский, вслед за Гурджиевым, рассматривает сознание как *самовоспоминание*.

*«Я есть? Но куда исчезло то полное ощущение всего себя, прежде всегда бывшее во мне в такие же моменты само-исследования в процессе само-вспоминания...»*²¹ (Г.И. Гурджиев).

М. Пруст, видимо, никогда не читавший ни Успенского, ни Гурджиева, приходит к той же мысли относительно субъекта, сознающего себя обладателем себя самого и имеющего ясное понимание себя такового со всей отделенностью от того, что им не является²². Просыпаясь, Марсель ищет какое-то время того, кто проснулся и вспоминает — ах, это же я! Живя, Марсель вынужден постоянно собирать себя, рассеянного по окружающему пространству тех и этих впечатлений, совершая усилие для того, чтобы держать все это непрерывным²³ (М. Мамардашвили). Что-то выпало из непрерывности — умерло для меня (предельный образ расставания с самой собой и есть смерть по М. Мамардашвили). Умирание

«Я» является неременным условием того, чтобы жить дальше. Привязанность к любимому предмету — своему «Я» — неумолимо влечет за собой реальную гибель собственника, т.е. фиксирует превращение живого в ригидное и неизменное ложное «Я».

Смерть Эго, таким образом, есть условие трансформации и перехода в новое живое качество «Я». Не об этом ли рассказывают нам мифы с их вечной темой смерти — возрождения?

Героический миф и процесс индивидуации

Героический миф в аналитической психологии рассматривается в качестве сложной метафоры личной индивидуации — процесса овладения человеком своей подлинной глубинной сущности. В психоаналитической литературе героика сопоставляется обычно со стадиями развития сознания (т.е. Эго), что не противоречит общему плану рассмотрения «развития вглубь» в глубинной психологии в целом.

Дж. Хендерсен отмечает, что *«мифы о героях невероятно разнообразны по деталям, но чем более внимательно присматриваться к ним, тем более очевидным становится то, что структурно они очень похожи. Они имеют, так сказать, универсальную схему...»*²⁴.

Наиболее известной «универсальной схемой» героического мифа, отражающей основные моменты трансформации Эго, является схема Отто Ранка:

*«Герой является ребенком весьма знатных родителей; обычно сыном царя. Его рождению предшествуют различные трудности, такие как воздержание, долгое бесплодие, тайная, из-за внешних препятствий или запретов, близость родителей. До рождения героя или перед зачатием имеет место пророчество через сновидение или оракула, предостерегающее о нежелательности его рождения и обычно таящее угрозу для отца или лица, его представляющего. Как правило, младенца предают воде в корзине, сундуке, бочке. Затем его спасают животные или люди низкого происхождения (пастухи) и вскармливают звериная самка или женщина-простолюдинка. Выросший герой находит своих знатных родителей весьма разнообразными способами; с одной стороны, он мстит своему отцу, а с другой — получает признание у других, и, в конце концов, добывается высокого положения и почета»*²⁵.

По Ранку, миф о герое представляет собой изощренное средство разрешения эротических желаний отдельного человека. Ранк видит в нем фрейдовскую археологию — эротическое отношение к матери и сопротивление отцу.

Э. Нойманн более скрупулезно анализирует структуру героического мифа, рассматривая героиню как архетипическую метафору сознания, развитие которого происходит в три стадии: **уроборическая** стадия (аутоэротическая, нарциссическая), характеризующаяся инфантильным и недифференцированным Эго; **матриархатная** стадия (двойственная, сепаративная) отделения от Великой Матери — пожирающей и любящей — на которой и происходит рождение Эго и переход в низший мир реальности; **патриархатная** стадия (разделение прародителей мира), характеризующаяся маскулинизацией Эго и отделением сознания (Героя) от бессознательного (царства матерей).

«Мужчина воспринимает «мужскую» структуру своего сознания как свою собственную особенность, а «женское» бессознательное как нечто чужое ему, тогда как женщина чувствует себя чужой в сознании и как дома в бессознательном»²⁶
(Э. Нойманн).

В связи с этим хотелось бы особо отметить тот факт, что героиня имеет прямое отношение к мужской индивидуации, и что женский путь индивидуации не может повторять героический путь мужчины, ибо это противоречит самой женской природе.

«В обществе европейского типа девочки разделяют интерес к мужским мифам о герое, потому что, как и мальчики, они также должны развивать надежную и прочную эго-идентичность и приобретать знание. Но существует еще и более древний слой разумной жизни, который, по всей видимости, выходит на поверхность в их чувствах с целью обратить девочек в женщин, а не в копию мужчин»²⁷ (Дж. Хендерсен).

Рождение женщины, по Дж. Хендерсену, начинается с чувственного пробуждения, запечатленного в универсальном мифе о Красавице и Чудовище.

«Научившись любить Зверя, она пробуждается к силе человеческой любви, скрытой в животной (и поэтому несовершенной), но подлинно эротической форме»²⁸
(Дж. Хендерсен).

«Этим путем она избавила себя и свой образ мужского от сил подавления, осознав свою способность доверять любви, как чему-то, что объединяет дух и природу в наилучшем смысле этих слов»²⁹ (Дж. Хендерсен).

По мнению Э. Ноймана «...миф о герое никогда не имеет отношения к личной истории индивида, а всегда связан с каким-нибудь прототипным и надличностным явлением коллективного значения. Даже личностные черты имеют архетипическое значение, независимо от того, насколько могут отличаться друг от друга отдельные герои, их судьбы и цели их битв с драконом»³⁰.

Обряд инициации и его магия в этом смысле является реальностью, а не иллюзией. В том самом смысле, о котором говорилось выше в связи с реальностью связи мифа с душевными трансформациями. Нойман пишет об этом:

«Современному человеку остается только сделать психологическое открытие, что действующим фактором в магии (инициации — Л.О.В.) является «реальность души», а не реальность мира. Первоначально реальность души проецировалась на внешнюю реальность»³¹.

Нойман приводит анализ многих героических мифов, в том числе мифа о Персее. Вот некоторые выдержки из этого анализа:

«Персей был сыном Данаи. Она зачала его от Зевса, пролившегося на нее в виде золотого дождя. «Отрицательный отец» появляется в личностной форме дважды. Первый раз — как дед, царь Аргоса Акрисий. Из-за того, что оракул предсказал ему смерть от руки его же внука, он велит заточить свою дочь Данаю и ее непредусмотрительно рожденного ребенка в сундук и бросить в море. Вторая отрицательная фигура отца — Полидект, «гостеприимный» правитель, он женится на Данае и, чтобы избавиться от Персея, велит ему принести голову Горгоны.

...Горгоны — это дочери Форкиса, «Седого». Как и две его сестры, Кето («чудовищная») и Эврибия («могучая») и его брат Тавмант («творящий чудеса»), он был ребенком пучины, Понта. Все они произвели на свет ужасающий мифический выводок чудовищ. Горгоны с металлическим крыльями, со змеями вместо волос и вместо поясов, с клыками, как у вепря, бородатые и шипастые, с высунутыми языками, являются уроборическими символами того, что мы можем справедливо называть «Адским Женским». Их сестрами и стражами были Граи, их имя означает «страх и

ужас». У них один глаз и один зуб на всех, и они также являются уроборическими созданиями, обитавшие у крайних границ ночи и смерти, далеко на западе, у берегов первозданного океана.

...Сторону Персея приняли Гермес и Афина, божества, покровительствующие мудрости и сознанию. С их помощью ему удалось перехитрить Грай и узнать у них дорогу к нимфам. Эти добрые морские богини дали ему шлем-невидимку Гадеса, пару крылатых сандалий и заплечный мешок. Гермес подарил ему меч, а Афина дала бронзовый зеркальный щит, чтобы он мог видеть отражение головы Медузы и таким образом убить ее, ибо прямой взгляд на лик Горгоны означал верную смерть, немедленное превращение в камень.

...Персей становится героем, потому что убивает Ужасную Мать.

...Сила Великой Матери слишком подавляюща, чтобы какое-либо сознание могло схватиться с ней напрямую. Горгона может быть уничтожена лишь косвенным образом, когда отражается в щите Афины — иными словами, только с помощью богини-покровительницы сознания, которая, как дочь Зевса, символизирует «небо».

...После убийства матери, на обратном пути, Персей спасает Андромеду от ужасного морского чудовища, которое опустошает страну и уже готово сожрать девушку. Это чудовище было послано Посейдоном, «любовником Медузы» и владыкой океана и также чудовищем. Он — Ужасный Отец и, как любовник Медузы, явно связан с Великой Матерью как ее непобедимый фаллический супруг. Снова и снова в своем гневе он посылает чудовищ опустошать страну и уничтожать ее обитателей; он является драконом или быком, представляющим деструктивную мужскую сторону уробороса, которая откололась и стала автономной. Нанести поражение чудовищу — это задача героя.

...Путь может быть триумфально завершен только с помощью божественного отца, посредником которого здесь выступает Гермес...

...Персей отдает голову Горгоны Афине и она украшает ею свой щит, венчает все происшедшее как победу Афины над Великой Матерью, победу воительного аспекта, благоприятного для мужчины и сознания.

...Крылатый конь Пегас вышел из обезглавленного туловища Горгоны. Конь относится к хтонически-фаллическому миру, и говорится, что он — детище Посейдона; он представляет природу и инстинкт, которые являются всемогущественными у всех получеловеческих созданий, таких как кентавры.

Крылатый конь символизирует освобождение либидо от Великой Матери и его парящий полет, другими словами, его одухотворение»³².

Героический путь, по Нойману, благополучно завершается в точке синтеза сознания и творческого бессознательного, в точке обновления и возрождения. Герой находит новый «плодотворный центр», тождественный сознательному божеству, благодаря которому он и мир продолжают существовать³³.

«Символический брак Эго-героя и анимы, наряду с тем, что он является предварительным и неперенным условием плодородия, также дает личности прочную основу для сражения с драконом, будь этот дракон миром или бессознательным. Герой и принцесса, Эго и анима, мужчина и женщина создают пару и образуют личностный центр, который, смоделированный по примеру Первых Родителей, но тем не менее противостоящий им, составляет собственно человеческую сферу действия»³⁴ (Э. Нойманн).

В изложении Дж. Хендерсена приводится четыре отдельных цикла в эволюции мифа о Герое (по Радину): цикл Трикстера, цикл Кролика, цикл Красный Рог и цикл Близнецов.

«Цикл Трикстера соответствует самой ранней и в наименьшей степени развитому периоду жизни. Трикстер — это фигура, чьи физические страсти, предметы желаний определяют его поведение; собственно, его умственное развитие соответствует младенческому. Не имея никаких иных целей кроме удовлетворения своих первичных потребностей, он жесток, циничен и бесчувствен (современные истории о Кролике Брер или Ренарде Лисе сохраняют основные элементы мифа о Трикстере). Этот персонаж, который вначале принимает форму животного, переходит от одной зловередной озорной проделки к другой. Но по мере того, как он все это проделывает, он начинает меняться. И в конце своего жульнического пути он начинает приобретать физическое сходство со взрослым человеком.

Следующая фигура — Заяц. Он, как и Трикстер (чьи животные черты зачастую представлены среди американских индейцев в образе койота), вначале появляется в виде животного. Он еще не достиг зрелого человеческого качества, но тем не менее он выступает как основатель человеческой культуры — Трансформер (Преобразователь). Виннебаго верят, что дав им их знаменитый Медицинский Ритуал, он стал их спасителем, равно как и культурным героем. Этот миф был настолько мощным, рассказывает нам д-р Радин, что члены Ритуала Пейюта не хотели уступать Зайца, когда в жизнь племени стало проникать христианство. Он слился

с фигурой Христа, и некоторые из соплеменников доказывали, что Христос им не нужен, поскольку у них уже есть Заяц. Эта архетипическая фигура демонстрирует явное преимущество перед Трикстером: видно, что Заяц воплощает социализированное бытие, корректируя инстинктивные и инфантильные побуждения, которые господствуют в цикле Трикстера.

Красный Рог — третья в этой героической серии фигура — личность весьма двусмысленная. О нем известно, как о самом младшем брате из общего их числа десять. Он соответствует требованиям архетипического героя: утверждает себя в сражениях и с успехом выдерживает такие испытания, как состязание в бегах. Его сверхчеловеческая мощь проявляется в умении побеждать гигантов с помощью коварства (при игре в кости) или силой (в состязании по борьбе). Есть у него и могущественный спутник в образе гром-птицы по кличке «Приносящая бурю», сила которой всякий раз компенсирует ту слабость, которую испытывает Красный Рог. В случае Красного Рога мы достигаем мира человека, хотя и здесь, чтобы гарантировать человеческую победу над окружающими его силами зла, необходима помощь либо сверхчеловеческих сил, либо богов-«опекунов». В завершение самой истории бог-герой отделяется от Красного Рога и его сыновей, оставляя их на земле. Теперь уже от них самих исходят опасность и безопасность для человеческого счастья.

Эта основная тема — повторяющаяся и в последнем цикле, цикле Близнецов — фактически, поднимает главный жизненный вопрос: сколь долго человеческие существа могут действовать успешно без того, чтобы оказаться жертвами собственной гордости или — на мифологическом языке — своей ревности к богам?

Хотя о Близнецах и говорится, что они сыновья Солнца, по своей сути они люди; кроме того, они люди, которые в совокупности составляют одну личность. Изначально единые в материнской утробе, при рождении они были насильно разъединены. Однако, они продолжают принадлежать друг другу, и необходимо — хотя и чрезвычайно трудно — объединить их вновь. В этих двух детях мы видим две стороны человеческой природы. Одна из них, Плоть или Тело, податлива, покорна, мягка, кротка и безынициативна; другая — Пень или Кочерыжка — подвижна и мятежна, недисциплинирована и непокорна. В некоторых историях о героях-Близнецах эти установки доведены до известного совершенства: одна фигура являет интроверта, главная сила которого зиждется в силе его ума и способности к рефлексии, а другая — экстраверта, человека действия, способного совершать великие дела»³⁵ (К. Юнг).

Существует особая точка зрения Джеймса Уайли на фалло-центричность мужского сознания, считающего эту особенность проявлением инфантильного эгоцентризма и патриархатных предрассудков. Превосходство мужчины, сконцентрированного на переживании себя владельцем phallos(a) характерно для состояния мужской инфляции, именно поэтому phallos занимает в его жизни очень большое место и, соответственно, представляется ему непомерно огромным и могучим³⁶.

По мнению Дж. Уайли, античный бог Приап и приапическая мифология как нельзя лучше отражают фаллическую инфляцию мужского сознания и описывают сущность перехода в иное его качество: от бессознательной фаллической завроженности и двойственности («Я» и phallos) к сознательности и целостности Эго (phallos внутри «Я»).

Приап — бог с огромными гениталиями, — является альтернативой кастрационному состоянию сознания, и метафорой отделенности phallos(a) (самостоятельной идентичности) и его инфляции (очень большой в сознании, следовательно, преувеличенный, т.е. на самом деле — меньше).

Дж. Уайли пишет:

«Согласно Пафсанию, Приап является ребенком Диониса и Афродиты, хотя в качестве его отца также упоминается Адонис, Гермес и Пан, а в качестве матери — Хиона. Гера то ли из ревности к Афродите, то ли в ярости от ее промискуитета, добилась того, чтобы Приап родился с огромными гениталиями. В мифах иногда также упоминается большой живот и другие телесные несуразницы. Мать оставила его, и Приап воспитывался пастухами.

В двух историях Приап ассоциируется с ослом. Так, например, Роберт Грейвс (Robert Graves) цитирует Овидия: «Однажды пьяный Приап попробовал обесчестить ее (Гестию), спящую, на сельском празднике. Там присутствовали все боги, которые уже так пресытились, что повалились спать. Однако в тот момент, когда Приап приготовился совершить свое черное дело, громко закричал осел, Гестия пробудилась, призвала на помощь богов, и Приап вынужден был в страхе бежать».

Эдвард Трип (Edward Trip) приводит другую точку зрения, согласно которой Приап вступает в спор с ослом, которому Дионис дал человеческий голос. Трип пишет:

«История в целом лишь дает намек, но можно предположить, что Приап и осел (животное, отличающееся своей эротической удалью) спорили об относительных размерах физических придатков, которые и служили предметом их особой гордости. Подобное хвастовство привело к спору, в котором бог выбрал самое наихудшее. Придя в ярость из-за поражения, Приап забил осла до смерти палкой. Дионис же обессмертил осла, поместив его на небеса как одну из двух звезд, называемых Ослами».

Кереньи рассказывают нам, что, по всей видимости, Приап в конце концов сыскал некоторую благосклонность Геры, которая сделала его учителем танцев Ареса. Изображение Приапа обычно устанавливалось в парках и фруктовых садах, где тот «стоял во главе плодородных полей и садов, покровительствуя разведению пчел, ловле рыбы и мастерству создания вина».

В книге Funk и Wagnall читаем: «В жертву ему приносились первые фрукты в хозяйстве», «Приап — садовник, не расстающийся с садовым ножом», а также известен как «обрезатель грушевого дерева» — священного дерева Геры»³⁷.

Бессознательный приапический комплекс, по Дж. Уайли, возникает вследствие фиксации на фалло-центрической стадии развития Эго-сознания и препятствует сближению с женщиной. Как если бы phallos, отделившись и став самостоятельным, взбунтовался бы и отправился на поиски своего тела, вечно пытаясь встретиться с ним, что всякий раз отодвигало бы реальность встречи phallos(a) и matrix (матки).

«...Маскулинность может быть связана с самой маткой (matrix) либо в качестве ее сына, либо в роли ее любовника, но одновременной связи в обоих качествах быть не может... Нужно быть внимательным и различать бессознательную связь с женским, которая является юношеской и матриархальной, и сознательную связь с женским — фаллическую, созидательную и равноправную»³⁸ (Дж. Уайли).

Раздел между сознанием и бессознательным происходит и по половому признаку тоже, так считают Юнг, Нойман и Уайли.

Чтобы обрести сознательную мужественность, мужчине необходимо совершить путешествие в бессознательное — царство матерей, — где ему предстоит победить уроборическую Мать и приобщиться к хтонической Матери. Уайли называет это путешествие фаллическим поиском.

«7 стадий фаллического поиска (по Дж. Уайли):

<i>Фаза</i>	<i>Стадия</i>
<i>I. Экспозиция</i>	<i>1. Отделение</i>
	<i>2. Инфляция</i>
<i>II. Развитие</i>	<i>3. Уменьшение (обрезание)</i>
	<i>4. Поиск</i>
	<i>5. Прекращение поиска</i>
<i>III. Разрешение</i>	<i>6. Божественное вмешательство</i>
	<i>7. Трансформация»³⁹.</i>

Трансформация в конце фаллического путешествия по мифологическим канонам приводит к маскулинности (против юношеской феминности), к благоразумию и рассудочности (против инфантильной сексуальной наполненности *всей* жизни), к обретению себя в целостности и автономии (против отделенности и следования за phallos(ом)).

Юнг, рассматривая особенности соотношения сознательного и бессознательного, приводит следующие архетипические соответствия:

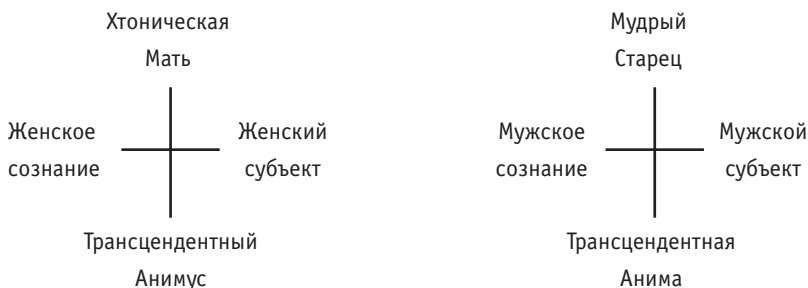
- *anîma* (soul, душа) соответствует материнскому Эросу;
- *anîmus* (mind, разум; spirit, дух) соответствует отцовскому Логосу;

Мудрый Старец в архетипической структуре мужского бессознательного соответствует Хтонической Матери, в бессознательном — женщины.

Первоначальное разделение на «два» элемента в дальнейшем приводит к разделению на «четыре», причем, и в сознательном, и в бессознательном обнаруживаются как «мужские», так и «женские» содержания. Упрощенно процесс разделения — интеграции сознательного и бессознательного у мужчины можно представить в виде следующей последовательности (1,2,3,4):

- сознательное — бессознательное слиты;
- сознательное («мужское», инфляция) и бессознательное («женское») разделены;
- сознательное («мужское») и бессознательное («женское» и «мужское») разделены;
- сознательное («мужское» больше, чем «женское») и бессознательное («мужское» больше, чем «женское») интегрированы.

Аналогичным образом можно было бы представить женский вариант этого процесса. Четверичные архетипические структуры, образующиеся в результате феминно-маскулиных трансформаций, могут иметь следующий вид:

Сакральная ориентация русской культуры ближе скорее не к приапически-фаллическому, а к дантевскому божественному или к трагичному гетевскому смыслу Пути человеческого («Фауст», К. Наранхо).

Русский герой часто отправляется в духовные поиски и странствия, которые плохо согласуются с обыденной жизнью. Он заведомо идет по ложному пути, что, однако, непременно способствует его духовной эволюции, т.к. освобождает от «ветхого Я» — неистинного, потерпевшего поражение и умирающего. Данте и Фауст совершают **путь вниз** — через демонизацию, чистилище и смерть — **к небу** — к подлинности, несокрушимости и духовной завершенности.

Русского героя (Ивана-Дурака, Князя Игоря, А. Невского, князя Мышкина и др.) волнуют те же сакральные аспекты бытия: Смерть, Спасение, Вознесение, Жертвоприношение, Прощение...

Возможности классического психоанализа в связи с этим представляются крайне ограниченными в применении к русской ментальности и с трудом согласуются с русской сакрально-бытийной культурой, хотя бы и вырастающей из **бытового** «сора», но при этом обладающий высшими **бытийными** смыслами.

Глубинная психология об источниках бытия

Ортодоксальный психоанализ о «человеке инстинктивном»

О телесном полюсе бытия размышлял З. Фрейд, подводя инстинктивную основу под любое, даже самое сложное, психическое явление. Открыв в цивилизованном человеке дикое и первобытное существо, Фрейд решил, что дикарь и представляет собой первозданную сущность притворяющегося возвышенным *Homo sapiens*.

Безусловно, дикарское начало присуще некоторым проявлениям бессознательного, но оно не является центральным и тем более самым существенным элементом в структуре психического. Как уже отмечалось выше, на этапе освоения тела и приобретения аффективного опыта «дикое» содержание бессознательного действительно актуализируется и затем «ассимилируется» сознанием — дикарь трансформируется в человека. Инстинкт более не способен овладеть им, но свободное волеизъявление человека, направляемое влечением, способствует получению одного из трех простейших удовольствий человеческого бытия.

Главное в теории — уточнить пределы, внутри коих остается верным то или иное допущение. В данном случае это допущение об инстинкте как *причине* человеческого бытия. Дикий инстинктивный человек чрезмерно инфантилен и сексуален, хочет всемогущества и обладания (даже собственными родителями — в сексуальном отношении), не способен выдержать аффективного напряжения и адекватно тестировать реальность. Задавленное в бессознательном «дикарское» влечение способно вызвать психическое заболевание. Но, как известно, не одно оно. Существует целый ряд других причин совершенно иной природы. Например, экзистенциальная тревога. Однако, для Фрейда других причин не существовало, как не существовало и самого духовного измерения человеческого бытия.

Согласно Фрейду, бессознательный (первичный) язык отличается символическостью, метафоричностью и аффективной насыщенностью. Язык сознания (вторичный) отличается парадигмальностью и отвлеченностью от первоначального желания и чувства. Зрелый человек может в равной степени удачно пользоваться и первичным, и вторичным языком. Отсутствие навыков использования первичного языка всегда связано с дезинтеграцией личности, а в некоторых случаях — с психопатологией. Так, например, невротик, рационализируя иррациональное содержание своего неведомого бессознательного, мистифицирует себя и реальность, полагая при этом, что ему все это не кажется, а есть на самом деле. Так

первичный процесс, невзирая на сопротивление своего носителя, сам пробивает себе дорогу в сознание, играя однако при этом с ним злую шутку, заставляя поверить в реальность несуществующего. *«Многое из содержания и описания бессознательного кажется мистическим из-за полного равнодушия к нему, т.е. незнания. Именно это и приводит к реальному мистицизму»*⁴⁰ (К. Юнг).

Становление психики «человека инстинктивного» Фрейд описал в своей модели психосексуального развития, согласно которой психика начинает свое развитие «из тела» — посредством контакта определенных участков тела (оральной, анальной и генитальной) с окружающим миром. Структурная модель психики (Id, Ego, Super-Ego) завершает логику основной идеи Фрейда — инстинкт есть первоначало психического, подавляемое социумом.

Монистическая модель психики не могла долго радовать разумного З. Фрейда, и противоречия привели его к дуализму, к вере в существование двух форм психической энергии (однако, инстинктивной природы) — влечения к жизни (libido) и влечения к смерти (mortido). В конце своей жизни Фрейд пришел к выводу, что эти энергии равносильны, но это допущение требовало полного пересмотра его монистической теории и трансформации ее в дуалистическую. Методологически теория Фрейда, разумеется, не состоялась. Тем не менее, З. Фрейд ввел и определил в глубинной психологии многие из нынешних понятий, заложил основы психоаналитических принципов работы с бессознательным, ему принадлежит авторство в создании и апробации четырех основных методов психоанализа: ассоциативного анализа симптомов, регрессивного гипноза, амнестического анализа, анализа бессознательных содержаний в сновидениях и фантазиях⁴¹ (К. Юнг). Неужели Фрейд был действительно убежден, что «человек инстинктивный» является глубинной сущностью Homo sapiens?

У человека с невротическим дикарским бессознательным обычно «выращена» псевдо-интеллигентная персона, у которой мысль замещает поступок⁴² (З. Фрейд). Ложное «Я» и мнимая духовность такого человека исключают возможность установления подлинных отношений как с самим собой, так и с миром. В жизни «человека духовного» инстинкту отведена скромная роль, приблизительно такая же, как утренней трапезе или сну. Да, они занимают место в жизни, но с тем, чтобы обеспечить существованию *тела* комфортные условия, «для того, чтобы...» — а далее следует индивидуальное ценностное отношение к себе и своей жизни.

Методологии фрейдовского и юнгианского анализа (именно поэтому они взаимодополнительны) являются прямыми альтернативами. Материалист Фрейд открыл и исследовал «человека инстинктивного», введя одно основание для психического явления — инстинкт. Пантеист Юнг вернул в психотерапию «человека духовного» и душу человека и, следуя за древними мыслителями, полагал, что единым основанием психического является и душа души — сила Духа.

Эго-психология о «психоаналитическом младенце» и Эго

Эго-психологическая методология (З. Фрейд, М. Кляйн, Р. Стерба, К. Хорни, Г. Ракер, О. Кернберг и др.) может быть определена как методология поиска смысла на рефлексивном уровне психотерапевтического взаимодействия (в словах, текстах и контекстах), а Self-психология (К. Юнг, Х. Кохут, Дж. Хиллман и др.) — как методология рождения нового смысла на нерефлексивном уровне. Конечно, эти методологии являются взаимодополнительными, но с трудом сочетаются в профессиональной деятельности каждого конкретного психотерапевта, что, по-видимому, становится все более актуальным в профессиональном и авторском самоопределении.

Эго-психология. *Примат слова:* смысл воплощается в слове, поэтому анализ смыслов осуществляется при помощи слов.

Примат «явности»: интерпретация дается только явным моментам (действиям, высказываниям, проявленным чувствам).

Примат здоровья: существует общая для всех формула здоровья.

Фрейд, говоря об упомянутых атрибутах ортодоксального психоанализа, подчеркивал, что они могут являться как сильнейшим психотерапевтическим инструментом, так и величайшей опасностью. Опасность возникает только при отсутствии сознательного, рефлексивного отношения психоаналитика к явленным фактам переноса-контрпереноса.

Идея «переноса-контрпереноса» состоит во взаимном обмене вымыслом, привлекаемым из прошлого опыта или найденном в характере задаваемых клиентом отношений. Авторы известного в современном психоанализе метода ССRT Лестер и Элен Люборски⁴³ выделяют 22 пункта в «шаблоне переноса» по Фрейду:

- желания, направленные на других, важны;
- ответы других и свои противоречат желаниям;
- особенно это очевидно для эротических желаний;
- это осознается не полностью;

- происходит из ранних отношений с родителями;
- вовлекает и терапевта;
- может быть вызвано воспринимаемыми чертами терапевта;
- может нарушаться восприятие;
- имеет один главный стойкий паттерн;
- имеются суб-паттерны, относящиеся к другим членам семьи;
- различаются для каждого человека;
- довольно постоянны во времени;
- немного меняются со временем;
- имеют кратковременные колебания интенсивности;
- точная интерпретация меняет наблюдаемый паттерн;
- понимание паттерна может принести пользу пациенту;
- может служить сопротивлением;
- во время его возбуждения могут проявляться невротические симптомы;
- проявляются в терапии и вне ее;
- позитивные и негативные паттерны можно отличить;
- проявляются в рассказах и снах;
- врожденная предрасположенность играет роль.

В самом общем виде идею переноса можно свести к пониманию психоаналитиком того, что у клиента есть неосознанный способ осмысления некоторых Других, вырастающий из его жизненного опыта («новые издания детского опыта» по Фрейду) и осознанных убеждений.

Термину «контрперенос» придаются самые разные смыслы⁴⁴ (К. Юнг). От всего, что возникает у аналитика в качестве психологической реакции на анализируемого, до того, что есть инфантильного в психотерапевтических отношениях. Известно, что Фрейд ввел этот термин по явной аналогии с переносом с единственной целью — обратить сознание аналитика на возможность продуцирования собственных невротических паттернов в «тотальном контрпереносе». Пристальное внимание психоаналитиков к явлению контрпереноса позволило выделить две разновидности контрпереноса:

— **конкордантный** (гомологический, согласующийся), отражает чувства, мысли, желания **клиента** по отношению к объектам, основан на интроекции и проекции, т.е. на резонансе внешнего во внутреннем («эта часть меня — ты»), невозможен без эмпатии;

— **комплементарный** (дополнительный), отражает чувства, мысли, желания *объектов* по отношению к клиенту, т.к. аналитик воспринимается клиентом так же, как и внутренний объект, проецируемый на него.

Обе разновидности контрпереноса базируются на механизме идентификации аналитика с клиентом, что и служит основой для понимания Другого. Рефлексия над случайными мыслями и внезапными чувствами аналитика во время психотерапевтической сессии является условием использования контрпереноса как инструмента анализа. Контрперенос как инструмент — это прежде всего уровень понимания психотерапевтом того, что у него возникают (с неизбежностью) способы осмысления реальности, сходные (или дополнительные) с таковыми у клиента. Безусловно, сами явления переноса-контрпереноса, заслуживают более глубокого рассмотрения.

Теория объектных отношений существует в нескольких своих основных разновидностях, в том числе и вне Эго-психологии, выросшей из психологии влечений (драйвов). Теория объектных отношений является основополагающим учением психологии развития, базирующемся на установлении **отношений с объектами**. Поиск объекта и отношения с ним определяют развитие и формирование Эго (окружение плюс личный опыт). Существуют две школы данного направления: Британская школа объектных отношений (М. Кляйн) и Американская школа объектных отношений (М. Малер, Х. Кохут).

Под **объектом** в теории объектных отношений понимается либо реальное физическое лицо и предмет внешнего мира (внешний объект); либо психический образ самого человека, другого субъекта, предмета (внутренний объект); либо комплекс переживаний, относящийся к определенной ситуации. Другими словами, объектом является все то, к чему субъект как-то относится. Объект есть условие реализации либидозных и агрессивных влечений субъекта. Объект, заряженный либидозным влечением — хороший объект, агрессивным — плохой объект. Однако, деление на «плохие» и «хорошие» объекты сохраняется только у инфантильного субъекта. *«Я многократно выдвигала гипотезу, что первичный хороший объект, материнская грудь, образует ядро Эго и жизненно важен для его роста...»*⁴⁵ (М. Кляйн). У зрелой личности агрессия поглощается изрядным объемом любви — и *libido* продолжает свою созидательную работу.

Под **объектными отношениями** понимается отношение субъекта к миру как итог определенной личностной организации. «Психоаналитический младенец» в теории объектных отношений очень похож на фрейдовского бессознательного

«Маугли», принципиально мало чем отличающегося от него. И так, «психоаналитический младенец» (Томэ, Кэхеле) в Эго-психологии и теории объектных отношений обладает следующими главными свойствами:

- инфантилен, сексуален (Фрейд);
- обладает первичной интерсубъективностью в диаде «мать — дитя» (Тревартен);
- автономен, обладает интегративной компетентностью (Parousek);
- трагичен, как нарцисс, не обнаруживший себя в зеркале любви (Кохут);
- агрессивен и завистлив (Кляйн).

В теории объектных отношений придается огромное значение первичному опыту отношений:

«На протяжении всей своей работы я придавала фундаментальное значение первым объектным отношениям младенца — отношениям с материнской грудью и с матерью — и сделала заключение, что если этот первичный объект, который интроецируется, укореняется в Эго с достаточной стабильностью, то закладывается основа для удовлетворительного развития. . . . Такая психическая и физическая близость к удовлетворяющей груди до некоторой степени восполняет, если все в порядке, потерянное пренатальное единство с матерью и чувство безопасности, которое оно дает. Это во многом зависит от способности младенца к сильной привязанности (катексису) к груди или символически заменяющей ее бутылочке; так мать превращается в любимый объект. . . . Хорошая грудь принимается внутрь и становится частью Эго, и младенец, который был вначале внутри матери, теперь принимает мать внутрь себя»⁴⁶ (М. Кляйн).

Переход к зрелости из инфантильного состояния Эго происходит в процессе сепарации — индивидуации (М. Малер), которая начинается в 9-месячном возрасте, а заканчивается в пубертатном периоде с установлением стойких границ Эго. Невротический инфантилизм взрослого человека, а также инфантилизм нарциссических, пограничных и психотических личностей тем или иным образом связан со степенью и качеством **сепарации** (отделения). Незаконченная сепарация ведет к установлению симбиотических отношений с объектами, сохраняющих созависимость в совместном существовании. В симбиотическом союзе сосуществуют два функциональных радикала отношений, которые комплементарны друг другу и легко «переворачиваются»: подчиняющийся, пассивный

(«он — все, я — ничто») и господствующий, активный («я — все, ты — ничто»). Оба полюса не могут существовать друг без друга, т.к. одна противоположность является **частью**, неразрывно связанной с другой противоположностью. Так, все примитивные формы любви носят симбиотический характер и запрещают развитие человеческой индивидуальности.

Стадии сепарации — индивидуации, начинающейся в 9-месячном возрасте, предшествуют стадия нормального аутизма (ребенок не различает субъектов и объектов, внутреннее и внешнее) и стадия нормального симбиоза, т.е. полного слияния с матерью, для которого характерна потребность в подтверждении своего существования со стороны матери и ее позитивная поддержка. Дефицитарное окружение ребенка в раннем возрасте, на досепаративных стадиях, формирует у него деформированное тревогой и расщеплениями Эго, что ведет в дальнейшем либо к психосоматизации, либо к пограничным, нарциссическим, психотическим расстройствам личности или формированию алкогольной (наркотической) зависимости.

На стадии сепарации — индивидуации М. Малер различает 4 фазы⁴⁷:

- фаза дифференциации либидозного объекта (аффективного отношения к матери и интериоризации ее образа);
- фаза практики (исследование мира, сопровождающееся избытком чувств от расширяющихся возможностей);
- фаза воссоединения (колебания между любовью и ненавистью, интеграции «плохого» и «хорошего» образа матери);
- фаза постоянства либидозного объекта (формирования чувства собственной идентичности, самоконтроля и целостного образа Эго).

Под «Эго» в теории объектных отношений понимается, в зависимости от аспекта анализа: первичный организующий принцип, определенная психическая структура; целостная сознательная личность; способ репрезентации субъекта объекту; идентичность, сформированная под влиянием психо-социального окружения; «мир образов» себя⁴⁸ (Ф. Тайсон, Р. Тайсон). Винникот ввел инструментальные понятия «истинного» и «ложного» Я. «Истинное Я» включает интегрированные и целостные «плохие» и «хорошие» образы себя, «ложное» — идентифицировано либо только с «хорошим», либо — только с «плохим» Я-объектом. Причем, отсутствующая половина является **отщепленной**, вытесненной в бессознательную сферу личности, что, в свою очередь, является основой для формирования проекций в отношениях с объектами. Собственно, Эго

и является областью синтеза и интеграции сложных и многоплановых явлений внутренней и внешней реальности. Остановка процессов синтеза и интеграции ведет к расщеплению и проекциям.

Аффекты в подобных остановках играют первостепенную роль, т.к. сопровождают довербальные репрезентации взаимодействий Эго, основанных на первичных процессах и являющихся базисом для вербальной репрезентации Эго. Наличие позитивного довербального либидозного подкрепления от объекта приводит к формированию позитивного и интегрированного Эго, к формированию адекватной логики на вербальном уровне вторичных процессов, к которым в теории объектных отношений относятся не только сознательные, но и высшие бессознательные процессы. Позитивное и интегрированное Эго обладает устойчивостью и силой, т.е. способностью сохранять целостность при сильных внешних инфляционных и стрессовых влияниях. Таким Эго обладает зрелая личность, единственно способная адекватно тестировать реальность и достигать **своих** целей, находя выгодные компромиссы с социальным окружением.

Если я делаю то, чего хочу, и то, что мне очень нравится, и при том именно это требуется от меня в данной социальной ситуации, то можно смело заключить, что мне удалось достичь **социального** уровня зрелости. Если же я что-то делаю лишь затем, чтобы получить средства к существованию или ради удовлетворения своих амбиций (ради социального признания), то, скорее всего, я нахожусь в ловушке собственных иллюзий и проекций и не могу адекватно понять ни себя, ни мир.

Позитивное и интегрированное Эго обладает аффективной зрелостью, т.е. способно **выражать** самые разнообразные чувства и управлять их экспрессией. Созревание аффективной сферы личности становится возможным только при условии достаточного уровня экспрессии аффекта, т.е. сформированности определенного **навыка** выражения и овладения им, как собственным продуктом. Первоначально неуправляемые базовые аффекты удовольствие — неудовольствие (Фрейд) имеют прямую связь и воплощение только в телесной экспрессии в форме смеха и плача. Дальнейшее развитие аффективной сферы усложняет ментальную организацию аффектов, в структуре которых, кроме аффективно-соматической экспрессии появляются мотивационные, коммуникативные и когнитивные (смысловые) компоненты (Ф. Тайсон, Р. Тайсон).

Эндогенная улыбка по Хартману перевоплощается в процессе социализации в экзогенную улыбку по Спитцу; от примитивной сигнальности (отношение и свидетельство об объекте) аффект восходит к сложному чувственно-смысловому явлению психической жизни человека. В условиях дефицитарного окружения развитие аффективной сферы останавливается, вплоть до почти полного исключения аффективных явлений из психической жизни человека. В этих случаях развивается алекситимия — неспособность к распознаванию и выражению чувств, — которая не случайно сопровождает психосоматические расстройства, т.к. аффект «живет» в теле.

В теории объектных отношений явление вытеснения аффектов получило название вертикального расщепления «verbal — sens», при котором человек способен только к словесному контакту, но не способен к довербальной репрезентации и к чувственному переживанию.

Отсутствие чувственного контакта затрудняет установление, прежде всего, близких отношений. М. Бубер пишет:

«Есть три таких сферы, в которых возникает мир отношений.

Первая: жизнь с природой. Здесь отношение — доречевое, пульсирующее во тьме. Создания отвечают нам встречным движением, но они не в состоянии нас достичь, и наше Ты, обращенное к ним, замирает на пороге языка. Вторая: жизнь с людьми. Здесь отношение очевидно и принимает речевую форму. Мы можем давать и принимать Ты. Третья: жизнь с духовными сущностями. Здесь отношение окутано облаком, но раскрывает себя — безмолвно, но порождает речь. Мы не слышим никакого «Ты», и все же чувствуем зов, и мы отвечаем — творя образы, думая, действуя; мы говорим основное слово своим существам, не в силах вымолвить Ты своими устами»⁴⁹ (М. Бубер).

Чувственно-телесный уровень бытия в процессе достижения зрелости наполняется многообразием переживаний и смыслов. Одним из самых удивительных явлений этого ряда является молчание вдвоем, наполненное присутствием «Я», в котором есть место «Ты». Вообще, слова сами по себе ничего не значат. Без чувственно-смыслового наполнения формы слов напоминают пустые красивые мыльные пузыри.

Смыслы, при помощи которых человеку удастся объединять разрозненные части мира и себя — в своем **сознании**. Главная смысловая проблема, которую

решает человек в своей жизни, как раз и заключается в том, чтобы объединить разное, совершить интеграцию на сознательном уровне своего бытия.

Ребенок пытается справиться с задачей объединения «плохого» и «хорошего» образов в единый и целостный, обладающий «третьими» свойствами, лежащими за пределами этих «декартовых координат». Юный человек совершает усилие в попытке сохранить свою автономию и установить близкие отношения с любимым. Взрослый человек, оказавшись между бытием и небытием, смыслом и бессмысленностью, прорывается к пониманию одновременности того и другого и данности «между»...

«Подтвердить обретенный смысл каждый может лишь неповторимостью своего существа и своей жизни. Как ко встрече не может привести нас никакое предписание, так из нее не ведет ни одно»⁵⁰ (М. Бубер).

Когнитивная сфера, сфера разума, начинает свое развитие от **фантазий** — первичного символического процесса, содержанием которого являются бессознательные, иррациональные, несуществующие во внешней реальности, символы — образы. Мифы, сказки и притчи воплощают в себе общечеловеческий опыт сознательной фиксации свободного первичного процесса, протекающего по особым механизмам и законам, отличным от законов и механизмов рационального мышления. Вторичные, сознательные процессы, при помощи которых осуществляется адаптация к реальности, упорядочивают мир и сознание самого субъекта при помощи **идей**. В Идее оформляется ясный смысл и устанавливается связь между явлениями. Инфантильное сознание «заражено» фантазиями первичного процесса, но структурирует их согласно строгой логике вторичного процесса. «Расширенное» сознание способно дифференцировать первичные и вторичные процессы и понимать их «внезапный» смысл. Символические эквиваленты бессознательного остаются неузнанными и непонятыми сознанием тогда, когда субъект не в состоянии отнестись к ним «иначе» — т.е. не буквально. Субъект, неспособный адекватно тестировать себя, отступает перед реальностью. Ему трудно отличить реальное от вымышленного. От отступает только для того, чтобы, чуть погодя, с новой силой стремиться к получению доказательств своей любимой, защищающей его иллюзии.

Этой теме посвящена четвертая идея книги — идея «фантома». Между реальным человеком и реальностью мира находится фильтр субъективного сознания: «картина мира» и «представление о себе». Эти субъективные явления либо ведут носителя к себе и к миру, либо — от себя и от мира. Либо — к подлинному бытию, либо — к иллюзорному и фантомному существованию.

Инфантильное сознание, кроме «узости», «буквальности» и «фантомности», обладает еще и эгоцентризмом, т.е. неспособностью к децентрации мышления (Ж. Пиаже) или к выходу во внеположенное к «Я» пространство, подразумевающее наличие других точек зрения на предмет. В процессе психотерапии человек получает возможность развивать способность к децентрации мышления, которая, как правило, у невротика отсутствует.

В творческой активности — высшей точке подлинного бытия личности — происходит интеграция первичных и вторичных процессов, аффективных переживаний и влечений, слов, образов и смыслов, прошлого, настоящего и будущего, бесконечности и реальной точки бытия. . . Бытие человека в творческом акте приобретает завершенность, целостность и высший смысл.

«Объектности прошедшего времени переходят в сущности реального настоящего»⁵¹ (М. Бубер).

Расщепление Эго в теории объектных отношений. Понятие расщепления в теории объектных отношений принадлежит к числу очень удобных инструментальных метафор, позволяющих работать с неинтегрированными в единое целое частями Эго-сознания. В теории объектных отношений главным измерением (Эго-сознания) является субъект-объектное отношение. Вертикальное расщепление Эго отделяет «плохие» части «Я» и объектов от «хороших». Горизонтальное расщепление поддерживает взаимную разделенность однородных образов «Я» и объектов⁵² (П. Куттер). В схеме О. Кернберга, иллюстрирующей множественное расщепление пограничной личности (borderliner), обозначены вертикальное и горизонтальное расщепления. Множественное расщепление не позволяет такому человеку «излучать уверенность», как пишет П. Куттер.

Borderliner постоянно сменяет в отношениях идеализацию на обесценивание, т.к. время от времени Эго меняет свое местоположение со своей бессознательной, отщепленной частью. В результате «Я» либо находится в состоянии «совершен-

ного и великолепного», либо в состоянии «опустошенного и бессмысленного». В полном соответствии с этим расщеплением объекты из «хороших» переводятся в «плохие» и наоборот. Причем, полюса субъект-объектного отношения могут быть «заряжены» либо одноименной при вертикальном расщеплении («Я — великолепен, Ты — великолепен» или «Я — достоин презрения, Ты — достоин презрения»), либо разноименно при множественно расщеплении («Я — великолепен, Ты — достоин презрения»; «Ты — великолепен, Я — достоин презрения»).

Работа с пограничными личностями требует особого терпения от психотерапевта, т.к. borderliner хочет много внимания и поддержки, но «наполнить» его заботой невозможно. Он стремится к установлению симбиотических отношений, в которых то восхищается, то подвергает полной девальвации личность психотерапевта, равно как и личность своего партнера. Спокойствие разрушает borderliner(a), погружает его в «яму», поэтому ему необходимо все время что-то делать, говорить, провоцировать своего собеседника к действиям и т.д. Такой клиент делает все, чтобы вы его возненавидели, однако он, как никто другой, нуждается в поддержке, заботе и любви, т.к. чувствует себя абсолютно пустым и отверженным.

Кстати, об этом он никогда не скажет, но, движимый страхом потери объекта, будет все время надоедать вам пустой болтовней, потому что самые невыносимые для него состояния — состояния одиночества, молчания и покоя. Такие личности обычно в качестве партнеров выбирают лиц с **нарциссическим** складом личности.

Структура пограничной личности по Отто Кернбергу (1975)

Нарциссическая личность — это личность, застрявшая в своем развитии на стадии аутоэротизма, самовлюбленности и наслаждения собственным величием и всемогуществом. Такая остановка в развитии возникает вследствие недостатка позитивной поддержки и любви, идущей от ближайшего окружения. Нарциссическая личность вообще не ведаёт о том, что такое любовь и чем она может быть, т.к. это переживание отсутствует как собственноличностный опыт, полученный **от мира**.

Поэтому нарцисс защищается, давая сам себе хоть что-нибудь, похожее на то, о чем он ничего не знает, но очень хочет получить. Нарцисс чрезвычайно недоверчив и постоянно держит дистанцию. Стоит только приблизиться к нему на то расстояние, на котором становится возможным проявление любви и заботы, как он мгновенно «захлопывается» и исчезает (даже физически). Движимый страхом поглощения объектом, нарцисс лишает себя возможности сближения, однако, стремится получить как можно больше внимания и заботы к своей персоне, отвечая полным равнодушием к другому человеку.

Нарцисс, как и пограничная личность, выглядит совершенно невозможным в психотерапевтических отношениях. Он будет «поглощать» всю вашу позитивную поддержку и заботу, но если только вы осмелитесь его «проинтерпретировать», он, уязвленный, обрушит на вас свой гнев. Занят он обычно только собой, и вас не будет покидать после общения с нарциссической личностью ощущение использованности. Надежды на взаимность нарцисс не оставляет никому, кроме самого себя. Забота о другом и восхищение другим — неведомые ему вещи. Именно эта равнодушная позиция к партнеру создает наилучшие условия для borderliner(a), чтобы постоянно цепляться своей «любовью» за нарцисса, желающего ее получить. Способность нарциссической личности к расщепленному отношению «идеализации — обесценивания» наилучшим образом поддерживает комлементарные потребности пары «нарцисс — borderliner» в постоянной смене сознательного и бессознательного содержания Эго.

«Есть на свете источники светлые и источники темные. Одни бродят вдоль темных источников, но кое-кто из них выживает с уверенностью в том, что знает, откуда идет свет. Другие вообще замечают в жизни только ее светлую сторону — светлую для них самих; они глядятся в зеркало источника и видят

там победоносного орла, даже если они сами засижены мухами» (Ю. Борген).

Нарцисс, также как и пограничная личность, неспособен к установлению таких отношений, которые позволили бы ему получить то, чего он хочет — близости. Он **слишком** хочет быть принятым и понятым, **слишком** наделяет мир своими любовными ожиданиями, а при получении того, что есть (обычно — простого равнодушия или легкого понимания), глубоко разочаровывается. Всячески поддерживая собственную исключительность, нарцисс «коллекционирует» чудесных, влиятельных друзей и необыкновенных партнеров, которые являются расширениями его нарциссического Эго. Однако, при малейшем несоответствии реального человека его представлениям, нарцисс безжалостно прерывает отношения, вновь испытывая разочарование. Часто за фасадом совершенства у таких личностей скрываются глубокие нарциссические «раны», которые никому не показываются, т.к. разоблачение мнимого совершенства сделает жизнь нарцисса совсем непереносимой. Нарциссическое Эго очень ригидно в отношении к любой коррекции и не способно вынести негативных посланий, в которых обесценивается главная идея нарцисса — идея его совершенства.

Иногда через освоение теневых свойств нарциссической личности («плохости») в глубинной психотерапии удается добиться эффективного результата, но, в целом, нарциссические расстройства требуют длительной и скупуплезной психотерапевтической работы. И, напротив, нарциссические свойства и нарциссические защиты, имеющиеся у любого клиента и, особенно, у женщин, легко корректируются методами глубинной психотерапии. Особо хотелось бы подчеркнуть главное отличие здорового нарциссизма от невротического: здоровый нарциссизм всегда предполагает **само-**ценность, а не обретение ценности **за счет** другого и других.

Психотические нарушения. «Психотический полюс» остается за пределами компетентности психолога и интегративной модели глубинной топологической психотерапии, излагаемой в данной книге. Тем не менее, отдельные клинические свойства характеров и состояния, близкие к психотическим, встречаются у людей, не страдающих психическими заболеваниями. Психотическое нарушение серьезно отличается от невротического, главным образом по уровню интеграции личности в целом.

Психотическая личность представляет собой экстремально расщепленную систему «ложных» Я без резких границ перехода между ними, а также между

внутренним и внешним мирами. В мире психотика царит беспорядочное многообразие в вакууме пустоты и вечно надвигающейся угрозы⁵³ (Р. Лэнг). Все отщепленные части Эго существуют одновременно, и в этом хаосе нет опоры⁵⁴ (П. Куттер). Центр Эго отсутствует, в связи с чем психотик напоминает испуганного ребенка, потерявшего и отчаянно ищущего себя, но без всякой надежды найти. Р. Лэнг отмечает, что при шизофрении у человека теряется способность к телесно-чувственным переживаниям, т.к. тело воспринимается сознанием как внешний, чужеродный объект. Вместе с телом «уходят» из сознания и чувства. Даже если что-то происходит с чувствами такого человека, то он ничего не может знать об этом.

Шизофренический и шизоидный характеры формируются в особых объектных отношениях, для которых характерны мистификации и «двойное послание». П. Куттер приводит пример типичной мистификации шизофреногенной матери, которая убеждает вполне бодрого ребенка в том, что он устал⁵⁵ (П. Куттер).

В моем профессиональном опыте был случай, когда одна мама убедила свою 13-летнюю дочь в том, что у нее, у дочери, галлюцинации. Дело было в том, что девочка, засыпая, сообщила доброй маме о том, что ее кровать «колется». Мама, на основании своего мистического заключения о галлюцинациях своего ребенка, смогла реализовать свои опасения в том, что у нее самой может быть шизофрения. Все не было бы так печально, если бы эта мама не начала после этого водить девочку к психологам и психиатрам, чтобы те проверили, нет ли у нее каких-либо отклонений.

«Двойные послания» являются результатом несоответствия сообщений, идущих по каналам коммуникации и метакоммуникации (Б. Рассел), одно из которых отрицает другое. Так, например, шизофреногенная мать, обращаясь словами к своему ребенку, выражает любовь, но на его желание прижаться к ней отвечает отталкиванием. Так, вполне здравомыслящая девушка словами гонит прочь своего возлюбленного, цепко держась при этом руками за его сильную шею. «Двойные послания» оставляют после себя ощущение тупика, полнейшего непонимания и полной неспособности что-либо сделать в ответ на него. Подобные послания часто засоряют коммуникации невротических, нарциссических и пограничных личностей.

Л. Бинсвангер отмечает несколько типичных проявлений шизофрении:

- шизофреническая экзистенциальная манера поведения, выражающаяся в непоследовательности естественного переживания и в неспособности пребывать в безмятежном состоянии среди вещей;
- раскол эмпирической последовательности на альтернативы («либо — либо»), при котором невозможно ни следовать идеалу, ни отказаться от него;
- концепт сокрытия той стороны противоречия, которая делает жизнь невыносимой и проецирование ее на других людей;
- неспособность найти какой-нибудь выход, экзистенциальное отступление⁵⁶.

В этих общих замечаниях Л. Бинсвангера содержится многое из того, о чем упоминалось выше в описании пограничной и нарциссической личностей. К сожалению, до сего времени нет согласия в мире по поводу выработки единых нозологических критериев в столь сложном и многообразном явлении, как шизофрения, а также в установлении однозначных границ между невротическими и психотическими расстройствами.

Аналитическая психология о «Внутреннем Ребенке»

В отличие от психоаналитической модели объектных отношений, оперирующей категорией «развитие», аналитическая психология предпочитает употреблять термин **«трансформация»**. В этом использовании термина «трансформация» состоит принципиальное отличие аналитической психологии от любой другой психологической концепции или теории.

Итак, развитие подразумевает **качественное причинное** изменение. Теория объектных отношений открывает одну из этих причин — **внешнюю**: окружение ребенка. Семья, родители и общество создают для ребенка не вполне благоприятную среду, что ведет к формированию невроза. А т.к. невозможно себе помыслить реальность без отрицательных, негативно влияющих на развитие личности, факторов, то здоровых людей, по данной логике, вообще быть не может. Так же, как нет в мире и совершенства. Если вам удастся помыслить вне «неблагоприятных внешних условий» и «патогенной роли родителей» нормальную полноценную личность, то вы сразу выпадаете из логики теории объектных отношений. Социальное окружение и родители изначально обладают неким патогенным «зарядом», готовым поразить и разрушить самобытное живое существо. Очевидно, что не существует реально идеальных родителей и идеальной социальной среды. Но существуют Авторы и Лич-

ности. Почему? Почему же все-таки в обладающей одной и той же патогенностью среде, вырастают как невротики, так и подлинные личности? Этот вопрос остается без ответа в модели внешней причинности теории объектных отношений.

Трансформация в процессе становления человеческой индивидуальности тоже подразумевает качественное причинное изменение, которое имеет, однако, **и внутреннюю причину**. Для осуществления трансформации необходимо не только, и не столько наличие некоторого комплекса внешних условий, сколько совершение **внутреннего усилия** преодоления себя самого и выхода из старых границ Эго в новые.

О! Такое испытание создает и совершает только **сам** человек, теряя себя совершенно и обретая вновь. С этих позиций невротик представляется крайне ленивым человеком, сохраняющим свое постоянство, ведь для этого тоже требуются усилия. Он придумывает себе несуществующие страдания с тем, чтобы избежать реальных испытаний и страданий. Реальное испытание и страдание есть трансформация. Нет ничего более тяжелого и болезненного в жизни человека, чем качественная трансформация Эго, т.к. в ней человек теряет самое ценное — себя. И всякий раз убеждается, что потерял не себя самого, а очередное ложное представление о себе, или отчасти ложное — в зависимости от глубины трансформации.

Эго в теории объектных отношений формируется **из** мира. Такое Эго в аналитической психологии изначально является ложным и обречено на встречное движение по направлению к Self (Самости) — к истинному «Я», данному каждому человеку уникальным и целостным, но спрятанному в глубинах бессознательного.

«Индивидуация имеет два главных аспекта: во-первых, — это внутренний и субъективный процесс интеграции, а во-вторых, — не менее ценный процесс установления объективного отношения. Ни один из них не может существовать и развиваться без другого, несмотря на то, что часто какой-то из них доминирует»⁵⁷ (М. Якоби).

К. Юнг, создавая собственное направление в психотерапии, подчеркивал, что единственным юнгианцем является он сам. Действительно, среди постъюнгианцев много психотерапевтов, которые считают себя его учениками, но не точно истолковывают даже понятие архетипа.

Работа в парадигмах юнгианского анализа и экзистенциальной психотерапии, адресованных «человеку духовному», всецело зависят только от одного профессионального качества психотерапевта — внутренней культуры. К. Юнг был энциклопедистом, читавшим древнейшие книги (на латыни, греческом, санскрите и др. языках), возраст которых исчислялся столетиями и тысячелетиями. Трудно себе представить современного, размышляющего «внешними» причинами, экстравертного психолога или психотерапевта, сидящим в библиотеке за изучением древних текстов.

Юнга спрашивали: «Как вы поставили такой диагноз?», он отвечал: *«Хорошо, я объясню, но для начала мне придется объяснить вам, что вы должны знать для того, чтобы быть в состоянии это понять»*. И еще, в связи с этим же: *«... лежащие в основе моих результатов наблюдения, вероятно, незнакомы большинству, а потому и кажутся необычными»*⁵⁸.

Глубокий интерес К. Юнга к духовным явлениям и философии поднял прикладную науку врачевания душевнобольных до теоретических размышлений о Духе:

*«Психология, удовлетворяющая только интеллект, никогда не бывает практической, т.к. целостность души никогда не может быть схвачена одним лишь интеллектом»*⁵⁹.

*«Психология — это не наука о сознании». Сознание выводится из мозга, из чувств (теперь — и из тела). Фрейд вывел бессознательное из сознания»*⁶⁰.

*«Аналитическая психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (...), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психологическим явлением...»*⁶¹.

Понять целостное психическое явление можно в том случае, если понимающий открывает к нему не только один свой интеллект, но — **душу**. К. Юнг был одним из первых, кто вернул в психологию потерявшуюся и выпавшую из нее душу. Всю свою жизнь он пытался понять то, как она устроена. *«... Душа, как и «личность» (Persona), есть функция отношения, — она состоит как бы из*

двух частей, — одной, принадлежащей индивиду, и другой, причастной объекту отношения...»⁶² (К. Юнг).

В работе «Либи́до и его метаморфозы» К. Юнг пишет о структуре души, объединяющей содержания сознания и бессознательного. Сознательное эфемерно и сиюминутно, но необходимо для упорядочивания жизни человека. Сознательные процессы охватывают его разум, волю и ощущения; интуицию, чувства и влечения в наименьшей степени подвержены сознательному контролю и пониманию. Бессознательные процессы противостоят сознательным, но движутся им навстречу (**энантиодромия** или встречное движение) — принцип взаимодействия противоположностей, установленный Гераклитом и используемый в качестве главного допущения в аналитической психологии К. Юнга. Все, что исключает сознательный разум, находит свое воплощение в ближайшем бессознательном.

В бессознательное Юнг поместил источник и форму духовного наследия человечества, а точнее, возможность выхода к нему — **архетип**, назвав этот уровень бессознательного коллективным. Сам Юнг горько сетовал, что понятие архетипа является иррациональным, и потому сложным для научного понимания. Но и сама «псюхе», как естественное образование, писал Юнг, «есть иррациональная данность», «опознанный универсум»⁶³. У К. Юнга существует множество определений архетипа. Вот некоторые из них:

«Архетип — это бессознательный психический первообраз»⁶⁴.

«Архетип — трансцендентная по отношению к сознанию реальность, вызывающая к жизни комплексы представлений, которые выступают в виде мифологических «мотивов»⁶⁵.

*«Архетипов имеется ровно столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение отчеканило этот опыт на нашей психической конституции — не в форме заполненных содержанием образов, но прежде всего как **форм без содержания**, представляющих такую возможность определенного типа восприятия и действия»⁶⁶.*

«Архетип... есть некий непредставимый наглядно фактор, некая диспозиция, которая в какой-то момент развития человеческого духа приходит в действие, начиная выстраивать материал сознания в определенные фигуры... Архетип, где бы он ни появлялся, обладает неодолимой, принуждающей силой, идущей от

бессознательного, и там, где действия архетипа осознаются, его отличительной чертой является нуминозность»⁶⁷.

«Архетип — это живая идея, которая постоянно порождает новые толкования, посредством которых она и раскрывает себя... «Живая идея» всегда совершенна и всегда сверхчувственна»⁶⁸.

Интеллектуальная формулировка архетипа имеет также вспомогательное значение.

Архетип является душевным органом, но действует вопреки воле и разуму. Архетип пуст — он создает и опосредует только саму *возможность трансформации* из примитивной (глиняной как метафоры, телесной) формы своей первоначальной инстинктивной сущности совершить прорыв в иные, божественные (духовные) измерения.

Само слово «архетип» было заимствовано Юнгом у древних философов и Гете. Филон называл архетипом образ бога в человеке; Платон — вечную идею; Блаженный Августин — исконный образ, лежащий в основе человеческого познания; схоластики — природный образ, лежащий в основе человеческого познания.

Таким образом, архетип К. Юнга — это идея, выросшая из его индивидуального жизненного впечатления о существовании **универсальных** способов человеческого бытия. Архетип обладает рядом свойств — коллективностью, глубиной, автономностью, аттракцией (силой притяжения) и определенной **формой**.

Отношения между архетипом и опытом строятся в движении процесса **формообразования**. Каждая из сторон — внутренняя (архетипическая) и внешняя (средовая) — влияет на другую, **формируя** собственноличный опыт субъекта. В архетипических формах кристаллизуется прошлый опыт и санкционируется будущий.

Архетипические формы представляют собой образования, имеющие телесно-духовную природу: архетип связан с идеями (направлен вверх) и влечениями (направлен вниз). В этом смысле **архетип** нельзя отнести ни к материальному, ни к идеальному феномену, именно поэтому он *представляет собой онтологическую метафору внутренней реальности человека*. А по мнению М. Мамардашвили, реальность человеческого бытия и есть метафора — скрывающаяся за разорванными эмпирическими фактами существования закономерностей их соединения.

К. Юнг подчеркивал, что **архетипический образ**, т.е. явленность сознанию некоторого архетипического содержания (что не тождественно архетипу), принципиально отличается от образа памяти, даже несмотря на то, что содержание их обоих может быть сходным. Архетипическое содержание всегда БЫЛО, а памяти — ЕСТЬ. Вездесущий архетип воздействует и на память как первопричина и общий принцип человеческого бытия. Центральным архетипом, по К. Юнгу, является **архетип Self**, о котором речь пойдет чуть позже.

Сакральная ориентация психотерапевтической позиции д-ра Юнга противопоставлена инстинктивной ориентации д-ра Фрейда. Их «младенцы» отличаются друг от друга так же, как отличается здание божественного храма юнгианского анализа от коммунальной квартиры психоанализа.

Предвечный младенец⁶⁹ К. Юнга является первичным элементом души человека и символом Self. К анализу психологического содержания архетипа Предвечного Младенца Юнг привлекает общие мифологические мотивы, к которым он относит:

- чудесное рождение младенца-богочеловека;
- покинутость и сиротство в первые моменты жизни;
- божественное могущество младенца и незащищенность;
- спасение и возвращение младенца;
- гермафродитизм (как у большинства богов).

Юнг считает, что младенец как символ объединяет в себе противоположные начала: одиночество и в то же время покровительство богов; примитивную досознательность и трансцендентность; нечто не установленное, неотделенное и завершенность нуминозно-возвышенного; подверженность опасностям и непобедимость и т.д.

Младенец символизирует множественное состояние самости на самых ранних этапах индивидуации. Человек, обладающий множественной самостью, бессознательно стремится отождествить себя с множественностью группы, т.к. только внутри группы он способен переживать свою целостность и непрерывность своего бытия. Архетип Предвечного Младенца является ведущим на стадии личного младенчества до вторичной идентификации — до «рождения Героя».

В постъюнгианской глубинной психологии место архетипа «Предвечного Младенца» прочно занял архетип «Героя», младенческое состояние души названо «Внутренним Ребенком». Этот термин в настоящее время стал общепотребительным в психотерапевтических школах. Какие бы трансформации

не происходили в душе человека, его внутренний ребенок остается ребенком, чудесным и ужасающим, постоянно требующим внимания и, в какой-то момент жизни, — воплощения. Он ужасен в своем нарциссизме, но чудесен в творческой непосредственности. Серж Леклер считает⁷⁰, что каждому человеку необходимо совершить символическое убийство внутреннего ребенка, т.е. трансформировать первичное нарциссическое представление того ребенка, что живет в душе. Мне известно другое — то, что эти дети часто «умирают» сами, делая своего носителя бесчувственным и неспособным понять свое истинное «хочу». Умирание как естественная архетипическая трансформация является целительной и ведет к возрождению. «Убийство» как способ сознательного ментального воздействия на свою душу не может привести ни к чему, кроме разрушения себя и своей души. Это один из примеров буквального понимания метафоры глубинной трансформации «смерти — возрождения», глубинного процесса, в который не следует вмешиваться, вооружившись хирургическим скальпелем.

Экзистенциальный психоанализ и экзистенциальная психотерапия о «Человеке духовном»

Помыслив однажды существование Духа, человек не может более не считаться с его постоянным присутствием в своей жизни. «Помыслив» — а значит **обнаружив** реальность духовных явлений **для сознания**, — человек оказался не в состоянии постичь то, что ему открылось. Он назвал **это**: сознанием, разумом, мыслью, идеей, «философским камнем», Абсолютом, Богом, Self, Универсумом, *unus mundus* и еще многими другими словами.

Но **Это** не постигается разумом нацело. Более того, **Это** существует и не для всякого сознания.

В отношении **к духовному** все многообразии современных психотерапевтических направлений можно разделить всего на две группы: на включающие **духовные явления в качестве центрального элемента** человеческого бытия и на исключающие духовное из области психических явлений, как если бы **этого** вообще не существовало. Тогда в качестве «центра» избирается любой другой элемент — например, природный (*libido*, инстинкты и драйвы Фрейда) или социальный («окружение» человека; отношения, послания или поведение между **миром** и субъектом. М. Кляйн, М. Малер). Разумеется, все перечисленное в качестве «других» элементов тоже существует, но для того, чтобы их осознать, не требуется особых усилий. Духовные же элементы скрываются в области «потаенного» — **за**

явью происходящего. Духовное есть внутренняя причина непотаенного человеческого бытия, даже если человек ничего не знает (не осознает) об этом.

Фрейд был убежден в том, что *«в тот момент, когда человек спрашивает о смысле и ценности жизни, он является больным»*. С его точки зрения, выход в духовное измерение является болезнью, ибо исключает инстинкт.

По-моему, более мистической психотерапии, чем психоанализ, не существовало в истории человеческой мысли, т.к. в ней, как случается именно и только в мифологической картине мира, содержание бессознательного **прямо** (буквально) проецируется на материю и отождествляется с ней.

Разумеется, существование инстинктов не отменяет духовности и творчества. Равно как и существование Тени Эго, которую открыл и исследовал Фрейд, не отменяет самого человека, способного принять, понять и контейнировать теневое содержание своего бессознательного. «Гордый владделец шиша с маслом» (Джойс), или иначе — невротик, — как раз неспособен именно к духовному развитию, ибо в этом случае он был бы **вынужден жить — в пустоте и полноте бытия**.

Юнгианский анализ является на сегодняшний день единственной духовно-ориентированной психотерапевтической методологией, которую, именно в связи с полным сознательным «неведением» о бытии Духа, часто упрекают в мистицизме. Действительно, мистическое, нуминозное переживание сопровождает духовные состояния человека. Только вот **что** он сможет **понять об Этом?**

Среди нескольких экзистенциальных направлений в психотерапии, т.е. направлений, ориентированных на уникальность **существования** человека, можно выделить два — экзистенциальный психоанализ Людвига Бинсвангера и экзистенциальную психотерапию Ирвина Ялома, — в которых реальность духовного **Это** становится центральным элементом человеческого существования.

Экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера имеет, при всей схожести названия, принципиальное отличие от экзистенциального психоанализа Ж.-П. Сартра, называвшего фрейдизм «эмпирическим психоанализом». Ж.-П. Сартр⁷¹ принимал за основную сущность бытия **бытие сознания**, отрицая бессознательное как исходный пункт человеческой деятельности и поведения. В этом случае психотерапевту и психологу придется исключить из психики те явления, которые явно и очевидно не контролируются сознанием. Например, такие, как подпороговое восприятие, память, произвольные психомоторные акты, произвольные

аффекты, не говоря уже о тех бессознательных содержаниях, которые в принципе не могут быть осознаны. Если что-то недоступно моему сознанию, то это не является поводом к тому, чтобы вообще лишиться чего-то права на существование.

Истоками экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера служили экзистенциальный анализ М. Хайдеггера и феноменология Гуссерля. В историческом споре Бинсвангера и Фрейда последний изрек глубокую мысль о том, что *«человечество всегда обладало духом; я должен был показать ему, что существуют еще и инстинкты»*. По-видимому, не «еще и», а «только».

Бинсвангер, в отличие от Фрейда, был убежден в том, что духовность простирается до глубин витальности⁷². Невроз возникает в результате исчезновения или сужения открытости личности к будущему; невроз есть «ловушка экзистенциально несвободной личности». Такая личность не может позволить миру быть и попадает под власть единичного мироустройства, которое владеет ей и подавляет ее. Степень, в которой свобода существования (Dasein) подчинена власти чего-то еще, определяет тяжесть психического заболевания по Л. Бинсвангеру⁷³. Подавление внутренней свободы приводит к состоянию заброшенности («бытию под-влиянием»), и исчезает будущее.

Бинсвангер создает альтернативную фрейдовской модель психоанализа. Он недоумевает, как духовность может зародиться **из** инстинктивности, творчество — **из** сексуальности, нравственность — из нарциссизма? Действительно — как?

«Любая идея, даже самая великая, всегда может быть подорвана другой великой идеей и со временем окончательно ею взорвана, уничтожена. Бессмысленность же неуязвима, несокрушима, непоколебима. Она — единственно основательная основа всего. А как иначе можно представить себе жизнь? Самые естественные, казалось бы вещи, всегда почему-то особенно тошнотворны» (П. Лагерквист).

Фрейд описывает такого человека, у которого **«тело»** обладает властью в определении необходимого бытия человека». «Инстинкт, в представлении Фрейда — это *первичная форма, лежащая в основе всех морфологических трансформаций*». Оказалось, что психическая структура обладает телесными формами и имеет такую же анатомию. Мысль о том, что все духовные аспекты человеческого бытия в высшей степени соматоморфны, принадлежит древним. Немногим в истории человеческой мысли удавалось понять ее буквально.

Dasein — центральный термин Л. Бинсвангера, — заимствован им у М. Хайдеггера. По Хайдеггеру, Dasein (существование) имеет онтологическую структуру трансценденции бытия-в-мире. В. Шилази пишет о Dasein «...элементы бытийной силы Dasein являются производными всей совокупности онтологических потенциальных возможностей — материальность становится телом только через союз, связывающий душу с тем, что принадлежит телесному. Dasein уходит из своей заключенности в тело, в духовное пространство...». Так рождается свобода существования — свободный дух.

В бытии все происходит внезапно и всякий раз необходимо усилие, чтобы подчинить события условию «всегда-бытия» (Я. Ниделмен). Свобода есть способность Dasein противостоять жестокому факту невозможности изменения и причинного воздействия прошлого, и через понимание этого — способность проектировать себя в будущее, отвечая за свою заброшенность (Я. Ниделмен). Невроз, таким образом, является бегством от свободы самости при полном подчинении мироустройству, к истощению экзистенциального потенциала. Отсутствие усилий и ответственности невротика увеличивает экзистенциальную тревогу, и мир становится недоступен для адекватного понимания и конструктивных действий на его основе. Я. Ниделмен приводит следующее обобщение основных позиций экзистенциального анализа Л. Бинсвангера⁷⁴:

- Dasein конституирует свой мир через значение — контекст экзистенциального а priori.
- Dasein признает, что его мир и самость конституируются таким образом.
- Dasein постигает мир и Самость в свободном открытом отношении и проектирует себя в будущее, понимая необходимость заброшенности (или отдается миру; как бы снаружи управляется собственными способами конституирования мира).

Энергия расходуется на сохранение самоопределения через истощение экзистенциального потенциала (невроз); полный отказ от свободы самости (психоз) — общее и повторение.

«Каждый раз, когда он оказывался перед выбором, он все рвал в клочки, чтобы это не наседало на него, не принуждало его делать выбор. Может быть, и остальные люди поступают также и поэтому мечутся от одного решения к другому, всегда только делая вид» (Ю. Борген).

Бинсвангер пишет: *«Не-невротиком... бывает лишь тот, кто «знает» о несвободе ограниченного существования и обретает «власть» над своим существованием в пределах этого бессилия»*⁷⁵.

Я. Ниделмен в своем «Критическом введении в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера» уделяет много внимания обзору исходных идей этого психотерапевтического направления. В частности, идеям Канта, Хайдеггера и Фрейда. Он считает, что кантовское понятие внеопытных трансцендентальных идей разума, делающих возможным любой опыт вообще, близко к понятиям «экзистенциального а priori» Л. Бинсвангера и «смысловых матриц Dasein» М. Хайдеггера. Различие, весьма существенное, состоит в том, что Кант раскрывает гносеологическую сторону использования идей (для познания мира), а Хайдеггер, и, вслед за ним, Бинсвангер, уделяют значительно больше внимания онтологической стороне самого процесса осмысления (для чего?) и рассматривают идеи в качестве форм выражения Dasein. У Канта идеи разума существуют как **априорные пустые формы**, и сам акт придания формы делает возможным познание вещи (непознанная вещь та, которой невозможно придать форму). Идеи рассудка, по Канту, являются опытными, эмпирическими и служат для **упорядочивания** содержаний восприятия. Идеи разума — трансцендентны, т.к. не соответствуют никакому опыту, но делают его доступным **для сознания**. Экзистенциальное а priori, в отличие от кантовских идей разума, делает нечто возможным **в бытии Эго — идея указывает на существование** мира в моем бытии и на **мое бытие посреди другого бытия в мире**⁷⁶ (Л. Бинсвангер). Самость в акте миропонимания добровольно выходит к миру и конституирует его силой своего бытия.

У Хайдеггера нет отдельной самости и отдельного мира, т.к. онтологически эти понятия представляют собой **один модус бытия-в-мире**. Dasein всегда находится в мире, который структурируется смыслами. Вне мира человек оказывается тогда, когда пытается оформить его неким **предварительным знанием**, объяснить при помощи известных форм и стереотипов. Так действует невротик, изолированный от бытия-в-мире одной-единственной картиной мира, не соответствующей всей существующей полноте и разнообразию. Бытие, по Хайдеггеру, есть **понимающее бытие**.

М. Мамардашвили и К. Юнг настаивают, тем не менее, на том, что человек, существующий в непрерывности, пребывает где-то **между** пониманием (осмыслением мира) и **переживанием** (впечатлением от реальности мира).

Человек бытийствующий всякий раз осуществляет **усилие перевода** из живого впечатления, наделенного аффективным зарядом факта бытия, в некую идею, категорию, делающую впечатление осязаемым, а мир — значимым. Идея человека понимающего указывает на существование чего-то в бытии Эго, т.е. на нечто, ставшее доступным в своем существовании для сознания. Единственным **способом быть**, таким образом, является способ «приготовления себя в качестве пустой формы», чтобы затем совершить усилие по созданию совершенно новой формы, содержащей, однако, в себе нечто неистребимо универсальное.

Что дает психотерапевту размышление о Dasein? На мой взгляд, в подходе Л. Бинсвангера есть очень важный момент перехода от познания к бытию Эго. Часто психотерапевт «мыслит» клиента в схемах предварительного знания, замещая его способ «отобъяснения» мира своим способом «отобъяснения»⁷⁷ (М. Мамардашвили). Суть от объяснения состоит в том, что на живое явление, от которого в силу каких-то причин отделен субъект, накладывается «чужая», не соответствующая ему, смысловая матрица — и явление умерщвляется, исчезает из бытия Эго.

Экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера и аналитическая психология К. Юнга оперируют предельно общей системой допущений, позволяющей в исходной абстрактно мыслимой и существующей изначально форме, — пустой, но упорядочивающей, — постичь любое конкретное уникальное явление.

Чем более обща, а, следовательно, более близка к универсальным законам бытия, система допущений психотерапевта, тем более вероятна встреча — встреча с живым впечатлением и живой мыслью — со своей, прежде всего, и с чьей-то еще жизнью.

В частности, предельно общим допущение Л. Бинсвангера является идея о том, что между человеком и миром находится объединяющая их картина мира, которая включает в себя центральную идею мироустройства, упорядочивающую смысловые матрицы **Dasein** — экзистенциального a priori, выстраивающего мир и Эго фактом бытия, усилием установления смыслового порядка.

Неплохо, если психотерапевт свободен от «нозологических», «симптоматических», «эдипальных» и других, подобных этим, оконченных смысловых матриц, через которые он рассматривает мир своего клиента.

«Человек что-то испытал, теперь он ищет соответствующую историю, нельзя, кажется, долго жить, что-то испытав, если испытанное остается без всякой истории, и подчас я представлял себе, что у кого-то другого есть точная история того, что испытал я...» (М. Фриш).

Само осознание существования такой картины мира освобождает субъективное понимание для создания нового смысла и новых форм, упорядочивающих данное уникальное содержание.

«У них все было сначала формой, еще до того, как наполнялось смыслом... Люди не умеют остановиться вовремя, не умеют, и все тут. Стоит появиться форме, как им нужно, чтобы она чем-то стала, чему-то уподобилась: вазе, картине, Селине с ее бессмысленным совершенством» (Ю. Борген).

В каком-то смысле перед каждым новым впечатлением человеку, чтобы его прожить, необходимо «перетечь» в свободное бесформенное состояние, близкое к «физическому растворению», с тем, чтобы ощутить свободный творческий процесс собственнического участия в создании более-менее точного эквивалента тому новому, ставшему доступным для меня «здесь и сейчас» явлению, что не похоже на все другие, предыдущие.

Экзистенциальная психотерапия И. Ялома, так же как и система Л. Бинсвангера, является прямой клинической альтернативой фрейдовскому психоанализу и близка к идеям Ролло Мэя⁷⁹.

Экзистенциальная психотерапия И. Ялома строится на основном допущении того, что человеческое существование не может быть отложено. Он рассматривает в качестве основы психотерапевтического подхода первичную экзистенциальную ситуацию. К ее основным компонентам относятся: **смерть, свобода, изоляция и бессмысленность**. Последняя составляет половину человеческих трудностей, тогда как действие на основе осознания смысла составляет целостную единицу существования. Человек, по И. Ялому, в своем бытии погружен в ситуации непрерывного выбора. В том случае, если он выбирает бездействие, охваченность тревогой, разорванность и спутанность сознания, слияние или изоляцию в отношениях, он помещает себя в «недорожденное» состояние невроза. Небытие составляет момент бытия, а тревога и вина сигнализируют о том, что бытие стремительно ускользает, и человек теряет свой путь.

В свое время К. Юнг ответил одной юной деве на вопрос о том, как найти кратчайший путь к самости, короткой фразой: «сбиться с пути».

Без погружения время от времени в «ничто», без совершения ошибочных действий человеку не найти свой путь. Невротик же склонен преувеличивать небытийные моменты существования, абсолютизировать их и выстраивать на их основе картину мира и своего бытия в нем.

Освобождая, таким образом, себя от необходимости совершать всякие усилия — ведь все равно бесполезно! И тогда легко быть «невинной жертвой», «судьбоносным неудачником», «выражающим волю народа» и т.п. безымянным автором своей жизни, которая очень похожа на тысячи других «ничейных» жизней.

Авторство — явление куда более редкое, чем плагиат или компиляция. Авторство требует от человека духовных усилий, а также ответственности и за свои действия, и за свое бездействие, и за свои удачи, и за свои грехи. Серьезную угрозу авторству представляет потеря духовного измерения в существовании, отказ от внутреннего преодоления, от движения вперед и вверх. Духовное развитие ведет к осознанию собственного инфантилизма и нарциссизма, невозможности и абсурдности своих Эго-центрированных притязаний, а это очень болезненный процесс, снимающий завесу с реальности изоляции.

«Прогрессивное расширение сферы индивидуального развития и опыта регрессивно сопровождалось сужением противоположной области межиндивидуальных отношений» (Д. Джойс).

Восхитительное «Я», которое, возможно, не понимают, недостаточно любят и не ценят окружающие, проходит мучительное крушение о равнодушие и безучастность мира к его уникальным качествам. И человек с необходимостью совершает свой выбор: либо он будет обижаться на этот жестокий и черствый мир, либо станет выстраивать с ним отношения на основе абсолютного осознанного и ответственного понимания того, что **кроме меня самого, никому мое существование не нужно.**

Кому-то оно понравилось? Спасибо. Кто-то счел его оскорблением своего существования? Это вряд ли окажет влияние на общую стратегию моего бытия, но, вполне вероятно, изменит его тактику.

Полная свобода от так называемых «мнений» оценивающего окружения и отсутствия малейшего желания делать то же самое только потому, что оно этого ожидает, отличает зрелую личность от инфантильной, стремящейся хоть кого-нибудь захватить в зону своего влияния или быть «охваченной».

«В известном возрасте человек освобождается от многих иллюзий и опасений, и ничто его больше не заставляет вести общественный образ жизни. Пропадает желание ходить в гости и разговаривать со знакомыми и незнакомыми людьми» (Ч. Чаплин).

Единственная власть, реально данная человеку — это власть над самим собой. Если же субъектом кто-то еще управляет, значит он потерял себя и отождествился с чем-то, им не являющимся. Свободное движение навстречу свободе другого, исключающее подавление, использование, зависимость, уподобление и другие, стирающие индивидуальность, защиты Эго от него же самого, ведут к высшей точке духовного бытия Эго — к любви, к единственно возможному факту бытия, превозмогающему само одиночество.

«...Каждый должен идти своим собственным путем, с одной лишь надеждой и с открытыми глазами человека, который осознает свое одиночество и опасность его бездонных глубин» (К. Юнг).

И. Ялом пишет, что чувство экзистенциальной изоляции знакомо любому человеку. По Э. Фромму, изоляция является первичным источником тревоги⁸⁰. Столкновение с экзистенциальной изоляцией приводит к переживанию тотального бессилия и ужаса.

«Все в нем заполнило одно лишь усталое изумление — оттого, что люди могут быть так близко и в то же время так далеко друг от друга, что пути их, точно пути небесных тел, отклоняются друг от друга с математической точностью и,

даже пересекаясь, тотчас расходятся, повинуюсь закону, который самую дружбу превращает в непрестанное расставание» (Ю. Борген).

Человек вынужден преодолевать все это и тяжесть переживания может подтолкнуть его к очередному межличностному слиянию, в каждом из которых можно получить иллюзию освобождения от изоляции. Но всего лишь — **иллюзию**. В автономном существовании человек **принимает** изоляцию как факт своего бытия. Поэтому только автономное Эго способно отнестись к существованию другого из интереса к **самому этому существованию**, а не из-за страха собственной экзистенциальной изоляции. По словам И. Ялома, изоляция — в высшей степени дискомфортное состояние, но *«никакие отношения не могут уничтожить изоляцию»*⁸¹, любовь немного компенсирует боль одиночества, а *«...великие отношения пробивают брешь в барьерах возвышенного уединения, смягчают его суровый закон и перебрасывают мост от одного самостоятельного существа к другому самостоятельному существу через пропасть страха вселенной»*⁸² (М. Бубер).

Тот человек, который встретил и вынес боль изоляции, действительно сумеет с любовью обратиться к другим, не нуждаясь в благодарности и привязанности, престиже и наградах. Он больше нуждается в уединении, чем в контакте с поддерживающим окружением⁸³ (А. Маслоу). В этом смысле одиночество освобождает человека от использующих связей с вещами и существами (К. Юнг).

Бытие с другими для зрелого человека проходит в заботе (**забота** и есть бытие по М. Хайдеггеру) о себе и о других.

Человек, использующий других в качестве объектов «заботы» для получения подтверждения собственного существования, только воображает себя в «комнате сокровенного диалога», а на самом деле стоит один-одинешенек среди зеркал, произнося свой любимый заученный монолог. В полной пустоте, не доступной, правда, его сознанию, т.к. она оказывается наполненной пусть иллюзорным, но — смыслом.

Обычно в те жизненные мгновения, когда иллюзорность вдруг становится **явной**, вступает в бытие то состояние, которое, собственно, и породило эту иллюзию — экзистенциальный вакуум (В. Франкл).

Я могу, почувствовав пустоту, просто быть в ней, переживая эту боль и говоря себе «ну вот, снова пустота». И это не будет иллюзией. Но если, почувствовав приближение пустоты, я запрещаю себе любыми средствами ее чувствовать и скажу «все замечательно, мир прекрасен, а жизнь удивительна», то **в тот момент** я лишу себя бытия созданием желаемого переживания, а не переживанием действительного.

«То, что не убьет меня, сделает меня сильнее», сказал Ф. Ницше, застряв, по словам К. Юнга, в состоянии крайнего напряжения.

Между мной и миром необходимо найти такую точку, существование в которой допускало бы наибольшее число возможных соответствий между нами и освобождало бы мой усердствующий Дух от чрезмерного напряжения.

Уединение как результат обособления отдельного сознательного существа из бессознательного стада, ведет к тому, что данное существо становится слишком отличным от единообразного большинства. Обретая себя, выходя к своей духовной харизме, человек вместе с харизмой обретает и проклятие — непонимание и отвержение толпы, склонной считать его безумцем. Однако, существует одно принципиальное отличие между безумцем и харизматической личностью. Сознание безумца является стерильным **объектом** его же бессознательного («не ведает, что творит»), заполняемого чем попало. Харизматическая личность, напротив, сама волеизъявляет к уединению и существует как полноправный **субъект** своего бытия. Сознание харизматической личности является интегрирующим элементом осознанного и потаенного бытия. Толпа отвергает безумца, потому что он непонятен даже себе самому. Харизматическую личность отвергают как невыносимое напоминание о своей «недорожденности» или, напротив, чрезмерно восхищаются ей, водружая не нее ореол недостижимости. Позитивная или негативная исключительность харизмы создается именно толпой, т.к. человек, обладающий харизмой, обладает правом быть всяким, любым и, не сливаясь с толпой, провоцирует тем самым ее к оформлению собственных границ и к обособлению, — хотя бы группой. Самыми сложными являются отношения между харизматической личностью и толпой. Единственным конструктивным способом «отмены» исключительности харизмы в толпе может быть предельное дистанцирование в отношениях и погружение в отношения диалогические («харизма харизме говорит...»), и, возможно, не «здесь», а «там», — волевым усилием вытаскивая себя из деструктивной среды и одновременно создавая среду для автономного человеческого существования.

«Любовь есть часть нашей души, более длительная, чем те различные «Я», которые последовательно умирают в нас... Они эгоистически хотят вернуться, чтобы я вспомнил, но... универсальная часть, которая более длительна, чем умирающие «Я», должна, каких бы стремлений и болей нам это ни стоило, отделиться от существ, с которыми она была связана, чтобы суметь восстановить общность и придать этой любви понимание этой любви... такой, какая находится в универсальном духе, и не оказаться сведенной к той любви или к этой любви... — к тем «Я», с которыми мы последовательно хотели бы слиться»⁸⁴ (М. Пруст).

Состояние одно, но — оно множественно.

Self-психология о «Человеке духовном» и Самости

Центральным термином аналитической психологии Юнга является термин «архетип». В середине XX века он подвергался яростной критике, в связи с которой К. Юнг сетовал о крайней трудности понимания смысла самого термина «архетип». Смысл его вполне иррационален, как и следует быть смыслу онтологического принципа.

К. Юнг никогда не претендовал на теорию (архетипов, глубинной психологии и т.п.) — все эти «теории» появились после его смерти. Он ввел понятие архетип для обозначения универсального принципа строения человеческой психики, заимствовав само слово у Гете. Идею о прототипах как об «исходных формах всех вещей», он извлек из трудов у Шопенгауэра, отнесясь к этой идее как «ценной находке». «Первоначальные идеи» Платона так же оказали влияние на ход мыслей К. Юнга.

Как и все категории Юнга, термин «архетип» обозначает некое реально существующее, повторяющееся явление, носящее универсальный характер. Архетип устанавливает порядок внутренней жизни, существует до опыта и в нем кристаллизуется весь реальный жизненный опыт, определяя суть жизненного формообразующего процесса и его направление (цель). Архетип представляет собой единство противоположных начал, каждое из которых может быть освоено субъектом в отдельности. Юнг был первым психотерапевтом, который описал универсальные **процессы формообразования** в Душе человека. Архетипические формы он назвал матрицами для трансцендентной по отношению к сознанию реальности. Описав некоторые типичные из них, он положил начало развитию новой эры духовной психотерапии.

Архетипическое формообразование в глубинной психотерапии представляет собой универсальный способ бытия Духа, явленный в **соединении** и **оформлении** имеющегося и рождающегося ментального содержания. Усилием сознания субъект способен **трансформировать** любое глубинное содержание своей психики. Эта способность и является причиной возможности существования глубинной (архетипической) психотерапии.

Среди последователей К. Юнга один лишь Дж. Хиллман точно «угадал» глубокий смысл его архетипических размышлений и идей. Многие постъюнгианцы весьма логично, а, следовательно, упрощенно, развивают идеи «архетипа», «бессознательного» и «направленного воображения» (Ламберт, Стюарт и др.), что противоречит самой иррациональной природе постигаемых ими и используемых в психотерапии феноменов.

Архетип — это онтологическая метафора, т.е. такая внутренняя форма, при помощи которой становится возможным соединение в бытии субъекта несоединимого ранее или даже отвергаемого содержания его жизни. Назовите это бессознательным, архетипом или как-то еще — от этого сам феномен не изменится. Возможность измениться при этом открывается только самому наблюдателю, стремящемуся к целостному и объемному видению бытия. Идеи Юнга — это только принципы, **формы** для осмысления некоего онтологического содержания.

Основные архетипы Юнга — Тень, Анима и Анимус, Сенекс (Мудрец), Self, — в постъюнгианской глубинной психологии умножаются в геометрической прогрессии. Однако, согласно «брите Оккама», не следует умножать число сущностей сверх необходимости.

К. Юнгу удалось выделить **все** точки в архетипическом пространстве, центру которого он присвоил имя Self.

В приведенной ниже краткой таблице дана характеристика основных архетипов К. Юнга.

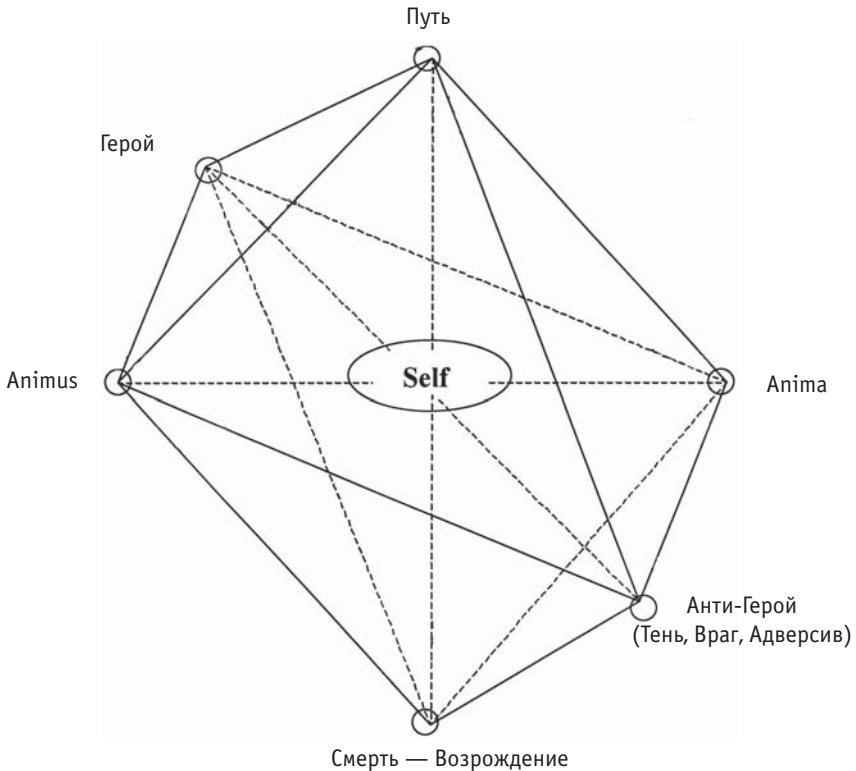
К. Юнг различал архетип и **архетипический образ** (воплощенное содержание индивидуального бессознательного в общей надиндивидуальной форме). Кроме того он рассматривал **архетипический сюжет** — процесс движения и трансформации архетипа в цепи жизненных событий (Путь), метафорически представленный в бессознательном.

Если рассмотреть с этой точки зрения архетипический кристалл С. Вильямса⁸⁵, т.е. учитывая тонкие различия между архетипом, архетипическим образом

Основные архетипы К. Юнга

Архетип	Содержание (семантика)	Форма (примеры архетипических образов)
Персона (Эго)	Архетип социальных границ. Соответствует сознательной «Я-концепции» и «Я-образам», сформированным в семье и других социальных группах. Может быть позитивной / негативной, действительной / ложной, воплощенной / невоплощенной и т.д.	Фигуры Маски, имени, ролей. Дом, дерево. Герой (Нойманн), Красавица (Лаврова)
Тень	Архетип примитивного и отвергнутого содержания, прямо противоположного содержанию любого архетипа, в том числе и Эго (что верно только в случае их полярности). Принятие Тени есть первый шаг трансформации Души (отвержение закрывает путь духовной трансформации)	Брутальные фигуры: Колдуны, Ведьмы, вурдалаки, убийцы, мертвецы, лешаки и русалки, дикари, низменные твари. Дракон (Нойманн)
Анима	Архетип Души , обладающий собственной трансформацией (см. главу «Красавица и Герой»). Женская часть мужской Души. Иррациональна, эмоционально нестабильна, капризна, непоследовательна, ранима, незащищена, глупа	Небесная женская фигура (нежная, утонченная, чувственная и одухотворенная). Сосуд. Цветок. Океан (вода). Мать. Земля
или Анимус	Архетип Души , обладающий трансформацией (см. главу «Красавица и Герой»). Мужская часть женской Души. Логичен, последователен, силен, доминантен, бесчувственно стабилен, решителен, целеустремленно напорист, умен, склонен к боевым действиям	Сильное мужское начало (уверенное, агрессивное, соперничающее, интеллектуальное). Фаллос. Кинжал (меч). Факел (огонь). Отец. Небо
Мудрый старец (Сенекс)	Архетип Разума. Глубинная мудрость, способная удерживать внутренние противоречия и противостоящие силы в едином ритме жизни, подводя их к соединению. Ясное осознание бытия	Учитель, Священник, наставник, проводник (Сталкер), Маг, Целитель, Хранитель Тайн, оракул
Мудрая женщина (Кассандра)	Архетип Разума. Глубинная мудрость переживания и чувствования течения жизни. Вершина интуитивного бытия. Полноценное и подлинное переживание реальности, стремление к завершенности незавершенного	Харизматическая женщина, наставница, Хранительница священной тайны, волшебница, Целительница, предсказательница, блаженная
Самость (Self)	Архетип Духа , проявляющийся во всех архетипических формах в качестве интегрирующего, связующего процесса. Источник жизни, первопричина бытия, внутренний центр личности. Обладает той же биполярностью, т.е. внутри Self силе интеграции, воссоединения всегда противостоит сила разрушения, диссоциации (Тени). Божественная сила борется с демонической на поле жизни человека. Без одной нет и другой	Предвечный младенец, Великая Мать, Великий Отец, источник, священные животные, свет всепроникающий, Солнце, мандала, квадратура круга, Древо Жизни, Рай-Ад, Золото, камень, фекалии, сокровища

и архетипическим сюжетом, то искушенному сознанию сразу становится ясно, что и Вильямсу не удалось понять эти различия, и он построил замечательную, но — гносеологическую модель, в которой соединяются для удобства понимания совершенно различные аспекты воплощения архетипических форм (см. рисунок «Семь основных архетипов» С. Вильямса). В кристалле С. Вильямса оказались соединены архетипические формы и архетипические сюжеты, что, возможно, логично в теории, но нелогично в бытии. На следующем рисунке («Архетипический кристалл») представлена авторская альтернативная модель объединения архетипических форм в кристаллическую структуру. Принципиальное отличие данного «кристалла», который, хочется надеяться, все-таки ближе к идеям самого

Система 7 архетипов (С. Вильямс)

К. Юнга, состоит в том, что в него включены те основные архетипические формы, которые им описаны. Второй важный отличительный момент, согласующийся с допущениями аналитической психологии, состоит в объединении биполярного содержания каждого архетипа, воплощая идею единства позитивных и негативных (интегрирующих и разрушающих) сил бессознательного. Негативные и разрушительные силы объединяются в архетипе Тени, проявляющемся не только в паре Эго-Тень, но и в любой другой архетипической паре. Духовная интегрирующая и позитивная сила Self противостоит всем этим разрушительным тенденциям.

В системе семи основных архетипов С. Вильямса, архетип Героя противопоставлен Тени (Анти-Герою). Юнг подчеркивал, что Тень является прямой противоположностью Эго, тогда как героика является одним из архетипических сюжетов индивидуации, то есть движения Эго к «Self». Согласно авторской точке зрения, у Эго существует 3 пары архетипических альтернатив: Герой — Анима, Младенец — Старец (Сенекс), Дух — Тень (две противоборствующие архетипические силы). Причем, у женщин и у мужчин эти биполярные архетипические пары совершенно разные.

Эго-центр в «Архетипическом кристалле» не обозначен явно, т.к. он, скорее всего, является той самой точкой пассионарной аттракции, которая притягивает «неузнанное» содержание кристалла и извлекает его на поверхность (сознания), соединяя с другим, уже извлеченным и узнанным. Основными архетипическими измерениями в «кристалле» являются:

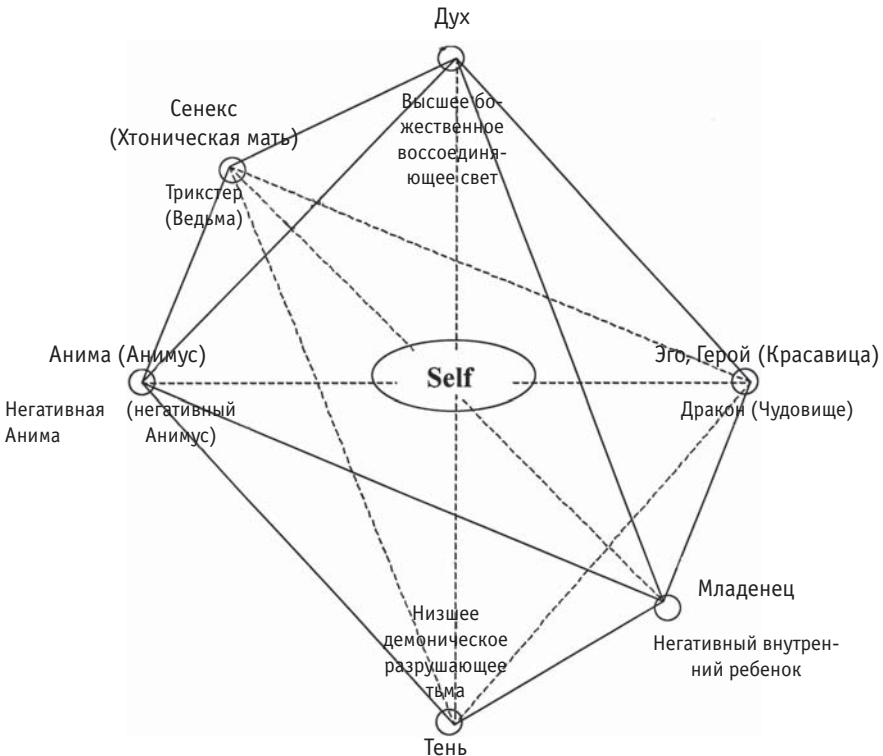
- противостоящие друг другу силы интеграции и разрушения, света и тьмы, добра и зла (Дух и Тень);
- мужская и женская природа (Герой — Анима, Красавица — Анимус), вечно сосуществующие друг с другом и дополняющие свою противоположность;
- начало и конец, наивность и мудрость, пустота и наполненность человеческого бытия (Младенец и Мудрец);
- центрированное единство противоположностей — точка жизни и смерти, точка Self.

Аналитическая психология, по словам К. Юнга, *«может притязать на то, чтобы... быть наукой о духе»*⁸⁶. Погружение в глубины человеческой души открывает для одного исследователя реальность духовного источника, для другого — объективность дикой инстинктивной природы. Для одного исследователя

«вниз» означает «вверх», а для другого — действительно «вниз». Природа и Дух — вечно противостоящие силы в человеческом бытии, объединенные Душой, требуют от разума серьезных усилий в познании таинства этого единства. По Гегелю, наука (в том числе, разумеется, и психология) распадается на следующие три части:

1. Логику — науку об идее в себе и для себя.
2. Философию Природы — науку об идее в ее инобытии.
3. Философию Духа — идею, возвращающуюся в самое себя из своего инобытия.

Психология человеческой Природы в психоанализе З. Фрейда и психология человеческого Духа в аналитической психологии К. Юнга не исключают, а

Архетипический кристалл (О. В. Лаврова)

взаимодополняют друг друга. Неизвестно, сколько человечеству придется ждать новой психотерапевтической парадигмы, которая сумеет найти между ними пресловутое «третье».

А пока я с восторгом хочу отметить, что гегелевский Абсолют в роли «третьего» начала, духовного и надличностного, вселяет больше оптимизма в живую душу, чем зависимое от окружения инстинктивное животное ортодоксального фрейдизма.

По Вундту, дух есть внутреннее бытие, при котором внешнее бытие не принимается во внимание: «...*сущностно дух — это оживленное и оживляющее*»⁸⁷. Спиноза и Гегель считали дух атрибутом некоей Единой субстанции. Назовите ее Богом, Абсолютом или Идеей — смысл от этого не изменится. Христинская гипотеза Духа превосходит природную (телесную) жизнь, т.е. саму смерть.

Юнг считал, что духовное и материальное составляют единое целое, одну вещь, состоящую из трех⁸⁸:

- души — органа духа;
- тела — инструмента души;
- духа — окна в вечность, формы форм.

Дух оживляет душу, душа оживляет тело, а их ментальное единство может быть достигнуто путем преодоления тела: трансформации тела в дух, духа — в тело. А. Яффе: *«Круг — это символ психического (еще Платон описывал психическое как сферу). Квадрат же (и нередко прямоугольник) — символ косного земного вещества, тела и реальности»*⁸⁹. Квадратура круга означает единство, священный брак Духа и Природы. Именно это единство составляет «центр, испытанный в опыте», «духовного повелителя повседневной жизни», Самость, — внеположенную сознанию область⁹⁰ (К. Юнг).

Алхимическая символика, по Юнгу, представляет собой метафору разделения — воссоединения Духа и Природы: *«сделай нелетучее летучим, а летучее — нелетучим, и ты можешь называться мастером»*⁹¹. Для разума «первым числом является двойка, и с нее начинается множество и реальность»⁹². С помощью сознательных усилий человек приближается к «единице», к единству и целостности. Но *«наш жалкий разум не в состоянии помыслить тело и дух как единое целое; вероятно, это и есть одно целое, мы просто не можем себе этого представить»*⁹³. А если нельзя представить, значит следует принять как постулат.

Дух, по Юнгу, является трансцендентной идеей, наделяющей связующим смыслом человеческое существование. Природная сила бытия человека — жизнь,

сила духовная — смысл. Однако смыслы не «входят» в сознание извне, а возникают изнутри, «выходят» из трансцендентного бессознательного, обладающего могучим интегрирующим и самоорганизующимся потенциалом. Смыслы **оформиляют** бытие, однако, лишь только в том случае, если они рождены из **самостоятельного** восходящего мышления⁹⁴. Четверка основных психических функций Юнга выходит из глубин бессознательного. Три из них дифференцированы и осознаны: мышление, ощущение и интуиция⁹⁵. Чувства — четвертая функция («ахиллесова пята») — всегда остаются родом из бессознательного⁹⁶.

Известно, что символика троичности в натурфилософии связывалась с логическим мышлением, а в христианстве — со Святым Духом, объединяющим разобщенные Первое и Иное. Четверица и четверичность соответствовали целостному философскому мышлению и возвращению к четвертой, низшей функции, интегрирующей с первыми тремя. За этой символикой скрывается смысл объединения частей и противоположностей в целое, смысл процесса интеграции бессознательных содержаний в сознание, смысл архетипических трансформаций. В этом контексте мысли (Дух) и чувства (природная жизненная аффективность) **приходят** из глубин человеческой души навстречу миру. Но — не являются непосредственными «отпечатками» или «отражениями». След мира в душе оставляет не столько сам мир, сколько открывшаяся к нему другая Вселенная — сам человек, — безграничная в своем самоосуществлении⁹⁷ (К. Юнг).

Таким образом, бессознательная «псюхе», являясь матрицей для сознательной «псюхе», остается скрытой от Эго и непознаваемой бесконечностью. Центром интеграции сознательного и бессознательного Юнг называл архетип Self — «потенциальную целостность, трансцендентирующую сознательное мышление»⁹⁸ (Г. Адлер). В связи с чем полнота бытия человека лишь частично «собирается» в слова (логически), а в остальном она является представимой и выразимой лишь через символы⁹⁹ (К. Юнг) и метафоры, т.е. иррационально. По выражению Юнга, *«Самость — это эмпирическое понятие. Она существует так, как если бы ее не существовало»*. *«Жертвоприношение в архетипической трансформации является символом самопожертвования эгоистической Персоной ради себя (Self), которого Я не сотворю сознательно, ... а того себя, который мне попадается»*¹⁰⁰.

Self-психология, таким образом, основоположником которой можно считать Карла Юнга, базируется на совершенно иных принципах, отличных от принципов Эго-психологии:

Примат образов: смысл содержится в образе, поэтому именно образы следует анализировать при помощи слов.

Примат чувств: работать следует только с тем, что имеет высокую эмоциональную насыщенность (действие, высказывание, чувство).

Примат индивидуальности: не существует общей для всех формулы здоровья и счастья. Впрочем, последнего не существует вообще.

«Нео»-Self-психология, провозглашенная К. Кохутом, является попыткой объединения идеи Self с положениями теории объектных отношений.

В целом Эго-психология призвана помогать человеку в решении проблем адаптации к окружающему человеческому миру, а Self-психология — в постижении и проявлении всего многообразия своей индивидуальности в процессе приспособления к ней. Ясно, что оба аспекта адаптации являются жизненно необходимыми для каждого человека. Но первый аспект, вплоть до настоящего времени, занимает умы психологов и психотерапевтов в значительно большей степени, чем второй. Почему? Возможно потому, что индивидуальное сознание обычно противопоставляет себя миру и ищет смысл во взаимодействии с ним.

Внутренним путем (я — это и есть мир) идут гении, шизофреники и представители глубинной психологии.

Юнг пишет: *«Можно сказать, немного преувеличивая, что персона есть то, чего в действительности нет, но о чем она сама, как и другие, думает, что есть»*¹⁰¹.

«Те, кто не притворяются — неудачники. А остальные всегда что-то из себя строят, покуда им это удастся» (Ю. Борген).

Персона не охватывает личность человека целиком. *«Личность как полный феномен явно не совпадает с Эго, т.е. с сознательной личностью, а образует объект познания (entity), который надобно отличать от Эго»*¹⁰² (К. Юнг). И далее: *«...Эго образует центр поля сознания, и поскольку оно охватывает эмпирическую личность, постольку выступает субъектом всех личных актов сознания»*¹⁰³ (К. Юнг).

«Я представляю себе:

С человеком произошел несчастный случай, например, он попал в дорожную аварию, у него резаные раны на лице, опасности для жизни нет, есть только опасность, что он потеряет зрение. Он это знает. Он долго лежит в больнице с повязкой на глазах. Он может говорить. Он может слышать: птиц в парке за открытым окном,

иногда самолеты, затем голоса в комнате, ночную тишину, дождь на рассвете. Он может ощущать запахи: яблочного пюре, цветов, гигиены. Он может думать о чем угодно, и он думает... В одно прекрасное утро повязку снимают, и он видит, что видит, но молчит; он не говорит, что видит, никому, никогда.

Я представляю себе:

Его жизнь отныне, когда он играет слепого, даже находясь один на один с кем-либо, его общение с людьми, которые не знают, что он их видит, его общественные возможности, его профессиональные возможности благодаря тому, что он не говорит, что видит, его жизнь как игру, его свободу в силу некоей тайны и т.д.

Назову его Гантенбайн» (М. Фриш).

Поэтому сознание и склонно опознавать себя по тем признакам, которые оно к себе причисляет (думает), но часто не по тем, которые им, собственно, являются. Эта та ловушка сознания, в которую попадает невротик. Реальность «думания в голову» для него становится более реальной, чем настоящее явление себя в бытии. «*Некуда жить — вот и думаешь в голову*» (А. Платонов).

Явленность «Я» замещается его концепцией, и сознание, как орудие развития, превращается в орудие самоубийства. В тот момент, когда сознание обнаруживает свои пределы, подходит к неизвестному — снаружи или внутри, — оно вынуждено изменяться, впуская известную неопределенность поиска. Невротик же упорно находит одно и то же, полагая, что ему просто не повезло. В действительности он просто не может ничего другого увидеть, пережить и понять. Устойчивое и непоколебимое Эго оставляет себя в тупике. Следует заметить — устойчивое, но слабое. Сила Эго, которая черпается из бессознательного, единственная реальность, которая обеспечивает чувство «непрерывности и тождественности с самим собой» через установление связи с новым и неизвестным психическим содержанием, которому находится соответствие с уже имеющимся. Такая сила есть критерий сознательности субъекта, его способности адекватно тестировать реальность. Именно поэтому первой задачей психотерапии должна являться задача установления реалистичных отношений с самим собой, т.е. отношений между Эго-сознанием и всей полнотой психического содержания личности.

Эго опирается не только на психическую, но и на соматическую основу: «...соматическая основа Эго состоит из сознательных и бессознательных факторов. То же самое справедливо и в отношении его психической основы: с одной стороны Эго опирается на поле сознания, а с другой — на общую сумму

*бессознательных содержаний»*¹⁰⁴ (К. Юнг). *«Тело чаще всего выступает воплощением теневой стороны Эго»*¹⁰⁵ (К. Юнг). В этом смысле человек, лишенный телесности, навсегда утратил связь со своей тенью, а вместе с ней — и путь в свое бессознательное. Тень стоит у входа в бессознательное, «пугая» своего владельца и «отбивая» у него всякое желание заглядывать туда еще раз. Однако наиболее терпеливым и небоющимся грязи людям удастся проникнуть через все ужасающие нечистоты бессознательного к его изумительно чистым и светлым пределам.

Тень представляет собой ближайшее бессознательное к Эго и является полной его противоположностью. Это «негативная часть» личности, сумма невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного. «Теневыми» компонентами (негативными) обладает каждый архетип. Юнг говорит: *«...Никто не может осознать тень без значительного нравственного усилия... Сознание тени требует признания темных сторон личности реально существующими»*¹⁰⁶. Теневое содержание обычно проецируется на окружение. Проекция мешает установлению связи с миром, а неспособность установить отношения объясняется недоброжелательностью окружения, что ведет к усилению изоляции и заставляет человека переходить к аутистическому состоянию, в котором человек выдумывает мир, сохраняя с ним хотя бы иллюзорную связь. Чем больше проекций между человеком и его окружением, тем труднее видеть собственные иллюзии, тем сложнее выйти навстречу собственной тени.

Тень не может никуда исчезнуть, ее нельзя уничтожить или «проинтерпретировать». Единственно, что возможно и реально — это ассимиляция силы, заключенной в Тени, в Эго, т.е. подчинение сознательному использованию ее ресурсов. В отношениях Эго и Тени происходит много драматических событий: разделение, конфронтация, союзничество и т.п. Теневой архетип многолик и постоянно создает компенсаторный бессознательный контекст содержанию Эго-сознания.

Отрицание теневой части личности ведет к так называемой «одержимости» теневым архетипом — к идентичности Эго с бессознательным содержанием, — не поддающейся никакому контролю. Эго переживает себя объектом, но не субъектом подобного процесса, что создает препятствия для выхода бессознательного содержания в сознание. Идентификация с этим содержанием рождает неузнаваемость этого нового и ведет к его подавлению и исключению из сознания.

Теневой архетип претерпевает ряд трансформаций (от низшего к высшему): от животных форм (пауков, чудовищ, койотов и кентавров) до человеческих форм

(вампиров, ведьм и другой «нечисти»). Как только Эго ослабевает, наружу выходит Тень, и поединок этот длится всю жизнь. Лучшим способом сознательной эксплуатации Тени является использование ее ресурсов в защите целостности границ Эго при какой-либо угрозе извне, т.е. в формах доброкачественной агрессии¹⁰⁷ (Э. Фромм).

Любой человек, **полагающий себя** совершенным и нравственным, вызывает подозрение, ибо грешен человек, но грешен вдвойне, если не ведает этого.

Путь преодоления Тени долг и труден, и он — в **признании** ее существования. «Инстинктивный человек» Фрейда, собственно, является научным признанием человечества в существовании своей Тени. Хорошо бы теперь не отождествиться с ней полностью.

Самым сложным теневым архетипом является **Трикстер** — обманщик, плут и мошенник, имеющий животную природу и человеческий облик. Трикстер как неосознанная «парциальная личность» (Д. Хиллман) представляет угрозу для полной диссоциации Эго. Юнг пишет: *«При вытеснении Трикстер, вместо того, чтобы угаснуть, имеет наилучшие шансы сохраниться»*¹⁰⁸. Его негативное содержание проявляется в аморальном поведении, лжи, интригах и других «изысканных» человеческих пороках, держащих Эго в своих сетях. Юнг считает, что в массовом сознании Трикстер может персонифицироваться в наиболее «стерильные» в нравственном отношении периоды развития. Таковы, например, коллективные персонификации Трикстера в выборе человечества на роль вождей Сталина, Гитлера и Муссолини. Как правило, действия Трикстера имеют высоконравственные объяснения.

В религиозной символике эквивалентом Трикстера является гордыня. Согласно библейской легенде, гордыня представляет собой то самое Эго, которое вообразило себя высшей инстанцией бытия и решило, что ему «все дозволено» и оно все может, т.е. в полном смысле слова — «сбесилось», стало своей противоположностью. Рабский образ жизни человека как нельзя лучше готовит его к этому «революционному перевороту» в его душе.

Юнг различал телесное сознание и телесное бессознательное. Образы тела и способность управлять ими находятся в области Эго-сознания; аффективные пе-

реживания и особая неконтролируемая телесная организация (см. рис. «Метафоры телесной организации», ч. II, гл. 3, с. 128) — в области бессознательного.

Бессознательная телесная организация, обладающая аффективной наполненностью, состоит во всей совокупности явлений телесно-чувственного бытия в комплементарных отношениях с бытием разума. Тонко дифференцированный и реалистичный интеллект человека, по мнению Юнга, оставляет место только для недифференцированных (архаичных) чувств и неразвитых интуитивных способностей. И, наоборот, способность к полноценному, глубокому чувственному переживанию и способность схватывать целое исключают развитую способность к аналитическому тестированию реальности¹⁰⁹. В этом состоит типическое различие мужского и женского в психике человека, противостояние и единство Логоса и Эроса.

Юнгом выделяются в психике мужчины и женщины соответствующие гетеросексуальные архетипы: Анима и Анимус. **Анима** — женский архетип в бессознательном мужчины, — является представителем его телесно-чувственного бытия, а **Анимус** — мужской архетип в бессознательном женщины, — является представителем ее разумного бытия. Дух и Природа, разделенные в мужчине и женщине, находят друг друга не только в сознательной жизни, но и в бессознательном. Аниму и Анимуса называют «психопомпом» или проводником от сознания в бессознательное. Позитивный аспект этого архетипа открывает путь, а негативный — его преграждает.

Мария-Луиза фон Франц, одна из самых известных последовательниц идей К. Юнга, так пишет о феноменологии этих архетипов:

Об Аниме: «Как показал Юнг, ядро психики (Самость) чаще всего выражает себя в какой-либо четверичной структуре. Число четыре также связано с **анимой**, поскольку, как отмечал Юнг, имеются четыре ступени в ее развитии. **Первая ступень** лучше всего символизируется фигурой **Евы**, представляющей чисто инстинктивные и биологические отношения. **Вторую ступень** можно разглядеть в **Елене** в «Фаусте»: она персонифицирует романтически-эстетический уровень, который по-прежнему характеризуется сексуальным началом. **Третья ступень** предстает, например, как **Дева Мария** — эта фигура поднимает любовь (эрос) до высот духовного посвящения. **Четвертый тип** символизируется **Sapientia** — мудростью, которая лежит за пределами даже самого святого и самого чистого. В «Песни песней» Соломона она выступает как **Суламифь**. (Эта ступень крайне редко

достигается в душевном развитии современного человека. Мона Лиза ближе всего подходит к такой аниме-мудрости)»¹¹⁰.

«**Негативная анима** проявляется в мужской личности также в форме язвительных, ядовитых, уничижительных замечаний, которые все обесценивают. Замечания такого рода всегда содержат в себе частицу истины, но они утонченным образом деструктивны»¹¹¹.

«В этом облике анима холодна и безжалостна, подобно иным жутким сторонам самой природы. В Европе до сего дня эти стороны находили свое выражение в вере в ведьм»¹¹².

«...**Позитивная функция анимы** встречается у мужчины, когда он всерьез принимает свои чувства, настроения, ожидания и фантазии, посылаемые его анимой, когда он их в какой-то форме фиксирует — например, в литературе, живописи, скульптуре, музыке, танце. Когда он терпеливо и медленно над ними работает, из глубин его бессознательного поднимается новое содержание, соединяющееся с уже имевшимся. После того, как фантазия получила четкую специфическую форму, она должна исследоваться — как интеллектуально, так и этически — реакцией оценивающего чувства»¹¹³.

Об Анимусе: «Как и анима, **анимус** имеет четыре ступени развития. Сначала он выступает как олицетворение простой физической силы, например, как **атлет-чемпион или «силач»**. На следующей стадии он обладает инициативой, способностью к целенаправленным действиям. На третьей анимус становится «словом», предстает как **профессор или священник**. Наконец, на четвертой ступени он оказывается **воплощением смысла**. На этом высшем уровне он становится (как и анима) посредником религиозного опыта, через который жизнь обретает новое значение. Она дает женщине духовную твердость, невидимую внутреннюю крепость, компенсирующую ее внешнюю мягкость. Анимус в своей наиболее развитой форме иногда сочетается с духовным ростом женщины, а потому она делается более восприимчивой, чем мужчина, к новым творческим идеям. По этой причине в древности женщины были прорицательницами и провидицами у многих народов. Творческая смелость позитивного анимуса временами находит выражение тем мыслям и идеям, которые ведут людей к новым деяниям»¹¹⁴.

«**Негативный анимус** проявляется не только как демон смерти. В мифах и сказках он играет роль разбойника и убийцы. Примером может служить Синяя Борода, который тайком убивает своих жен в скрытой от глаз комнате. В этой форме анимус персонифицирует все полусознательные, холодные, деструктивные размышления,

которые посещают женщин в иные часы, в особенности, когда они не сумели реализовать свои чувства. Тогда женщина начинает думать о вещах вроде семейного долга, возникает целая сеть замыслов-вычислений, полных злобы и интриганства, доводящих ее до состояния, когда она даже желает другим смерти»¹¹⁵.

«...Позитивная сторона анимуса может олицетворять дух предприимчивости, мужества, правдивости, а в своих высших формах — и духовной глубины. Через него женщина способна воспринять основания своего объективного — культурного и личностного — положения, найти свой путь к интенсивной духовной позиции. Естественно, это предполагает, что ее анимус перестает представлять не подлежащие критике мнения. Женщина должна найти смелость и широту ума, чтобы поставить под вопрос святость своих убеждений. Только тогда она станет способной воспринять внушения бессознательного, в особенности там, где они противоречат мнениям ее анимуса. Только тогда к ней приходят манифестации Самости, тогда она становится способной постичь их смысл»¹¹⁶.

Сам Юнг об Аниме писал:

«...Он родом из него, этот опасный образ Женщины. Она олицетворяет верность, которую он, в интересах жизни, иногда должен нарушать; Она — очень нужная компенсация риска, борьбы, жертв, которые обычно заканчиваются обманутыми надеждами; Она — утешение за всю горечь жизни. И, в то же время, Она — великий иллюзионист, обольстительница, которая втягивает его в жизнь своей майей, причем вовлекает не только в благоразумные и полезные занятия, но и в ужасные парадоксы и противоречия, где добро и зло, успехи и гибель, надежда и отчаяние уравновешивают друг друга. Так как она представляет для него величайшую опасность, то и требует от мужчины всего его величия, — и если оно в нем есть, Она его получит»¹¹⁷.

Юнг пишет, что **высшей инстанцией психики** является не Эго-сознание, а бытийная стихия «Я» — **Self**, — вечно ускользающий от сознания виртуальный центр личности. Первую половину жизни человек посвящает разделению Эго и Самости, а во второй половине совершает усилия по их воссоединению. Согласно представлениям Юнга, последнее возможно только через установление унитарной интеграции человека с миром, через связь с божественной, **сакральной межличностной самостью**¹¹⁸.

Циркулярные символы бессознательного являются символами Self, в частности, «мандала» как особая культурная форма воплощения сакрального знания и созидания. Аниела Яффе пишет об этом следующее:

*«В изобразительном искусстве Индии и Дальнего Востока круг в виде четырех (или восьми) расходящихся лучей выполняет роль основной модели для религиозных образов, используемых в качестве инструмента медитации. Очень важная роль, особенно в тибетском ламаизме, принадлежит изображениям **мандалы**, покрытым сложным узором. Как правило, эти мандалы представляют космос в его отношении к божественным силам.*

*Однако для множества изображений, используемых в практике восточной медитации, характерен чисто геометрический узор; такие изображения называют **янтрами** (yantras). Помимо круга, другой не менее распространенный мотив образует здесь два взаимопроникающих треугольника, один из которых обращен углом вверх, другой повернут углом вниз. Такая форма по традиции символизирует соединение Шивы и Шакти, мужского и женского божеств, сюжет, который фигурирует также в бесчисленных вариациях в скульптуре. С точки зрения психологического символизма в этой форме находит выражение слияние противоположностей — личного, временного мира эго с неличным, вневременным миром не-эго (non-ego). В конечном счете, такое слияние суть не что иное, как исполнение и конечная цель всех религий: слияние души с Богом. Символическое значение двух взаимопроникающих треугольников аналогично значению более распространенной кругообразной мандалы. Ими репрезентируются целостность психического, иначе говоря — Самость, лишь частью которой — наряду с другой частью, представленной бессознательным, — является сознание.*

Абстрактный круг играет также заметную роль в живописи Дзэн. Говоря о картине, созданной известным проповедником дзэн Сангаи и носящей название «Круг», другой учитель дзэн пишет: «В традиции дзэн круг изображает просветление. Он символизирует собой человеческое совершенство».

...Абстрактные мандалы появляются и в искусстве христианской Европы. Один из самых великолепных примеров — круглые окна-розетки готических соборов. В них можно видеть образ человеческой Самости, перенесенной в космический план. (Космическая мандала в форме сияющей белой розы открывается Данте в райском видении). Изображения мандалы можно видеть и в нимбах вокруг головы Христа и христианских святых в религиозной живописи. При этом только нимб, окружающий

голову Христа, в ряде случаев разделяется на четыре части — многозначительный намек на его страдания как Сына Человеческого и смерть на кресте и в то же самое время символ его дифференцированной целостности. На стенах ранних романских церквей можно иногда заметить в абстрактной манере кругообразные фигуры; не исключено, что они восходят к языческим источникам.

В нехристианском искусстве такие круги называют «солнечными колесами». Они появляются уже в наскальных рисунках, которые относят к эпохе неолита, т.е. времени, когда колесо еще не было изобретено человеком. Как отметил в этой связи Юнг, термин «солнечное колесо» схватывает только внешнюю сторону этого изображения, что действительно имело значение во все времена для обращавшихся к нему, так это переживание архетипального, внутреннего образа, которое человек каменного века передавал в своем искусстве с той же верностью, с какой изображал буйволов, газелей или диких лошадей.

Много живописных изображений мандалы можно встретить в христианском искусстве: например, довольно редкое изображение девы Марии в центре кругообразного дерева, что все вместе должно служить символом Бога в образе горящего куста. Наиболее распространенный в христианском искусстве мотив мандалы — это Христос в окружении четырех Евангелистов. Такой тип мандалы восходит к древнеегипетским изображениям бога Гора и его четырех сыновей.

В архитектуре мандала также выполняет важную функцию, которая, впрочем, часто остается незамеченной. Мандала формирует общий план как светских, так и сакральных сооружений почти во всех цивилизациях; она является органической частью классического, средневекового и даже современного градостроительства. Классическим примером может служить рассказ Плутарха об основании Рима. Согласно Плутарху, Ромул пригласил строителей из Этрурии, которые подробно ознакомили его со священными преданиями и писаными правилами относительно обрядов, которые должны быть соблюдены, — так, словно дело шло о «посвящении в таинства». Сначала вырыли круглую яму — на том месте, где теперь расположены Комитиум, или Народное собрание, — и затем сложили в эту яму символические жертвоприношения из основных плодов земли. Затем каждый из присутствующих бросил в яму горсть земли, принесенной из тех краев, откуда он пришел, после чего все брошенное в яму перемешали. Яме было дано название *tondus* (что означает также космос). Вокруг нее, как вокруг центра, Ромул пропахал по окружности границу города плугом, в который были запряжены вместе бык и корова. Всякий раз, когда доходили до места, где предполагалось

построить ворота, сошник вытаскивали из земли и переносили на руках до продолжения борозды.

*Город этот, основанный с такими торжественными церемониями, имел форму круга. Тем не менее, старое и знаменитое определение Рима — *urbs quadrata*, квадратный город. Согласно одному из объяснений, которое пытается примирить это противоречие, слово *quadrata* следует понимать в смысле «разделенный на четыре части»; то есть кругообразный город делился на четыре части двумя главными городскими магистралями, протянувшимися с севера на юг и с запада на восток. Точка пересечения совпадала с *tundus*, упоминаемым Плутархом.*

*Согласно другому объяснению, указанное противоречие может быть понято только в качестве символа, а именно зрительно воспринимаемого символа математически неразрешимой проблемы квадратуры круга, очень занимавшей мысль греков, а впоследствии имевшей столь же большое значение для алхимии. Как ни странно, но еще до того, как Плутарх приступил к описанию кругового обряда, исполняемого Ромулом, он уже успевает упомянуть в своем рассказе о Риме, как о *Roma quadrata* — квадратном городе. Для него, следовательно, Рим является и кругом, и квадратом.*

В каждом из этих объяснений речь идет, по существу, о самой настоящей мандале, что хорошо согласуется и с сообщением Плутарха о том, что этруски обучали Ромула закладке города так, словно посвящали его, «как в мистериях», в некий тайный обряд. Этот ритуал не был всего лишь внешней формой. Благодаря наличию мандалы в общем плане города, последний, вместе со своими обитателями, возвышался над чисто земной сферой. Это, кроме того, подчеркивалось и тем, что у города имелось средоточие, мундус, который утвердил родство данного города с «иным» миром, где обитают души предков. (Мундус накрывался сверху большим камнем, носившим название «камня душ». В определенные дни камень отодвигали, и тогда, как считалось, души мертвых поднимались из глубины шахты).

Многие города средневековой Европы, точнее, их старая, центральная часть, «сити», строились по плану, в основании которого лежала мандала, и соответственно были обнесены стенами, образующими более или менее правильный круг. В таком городе, например, как Рим, две главные магистрали разделяли его на «четверти» и вели к четырем воротам. Церковь или кафедральный собор находились в точке пересечения этих магистралей. Источником вдохновения для создателей средневекового города с его обязательными четырьмя кварталами был Небесный

Иерусалим (каким он предстает в Откровении Иоанна Богослова), который имел форму четверугольника и двенадцать ворот в своей стене. Однако у Небесного Иерусалима та особенность, что в его центре нет храма, поскольку непосредственное присутствие Бога и есть храм и центр. (Использование мандалы в разработке генерального плана городов никоим образом не вышло из моды. Современный пример — центр Вашингтона, федеральный округ Колумбия).

... Всякое сооружение, имеющее мандалу в своем общем плане, представляет собой проекцию на внешний мир архетипального образа, таящегося в глубинах человеческого бессознательного. Город, точнее, его старая центральная часть, — цитадель, или кремль, в центре города — и, наконец, храм стали символами психической целостности и в этом своем качестве оказывают специфическое воздействие на всякое человеческое существо, живущее или входящее в это место»¹¹⁹.

А. Копытин, описывая символ «мандала», имеющий отношение к архетипу Self, пишет следующее:

«В своей работе «Мандала символизм» (1973) Юнг описал и систематизировал многообразие различных вариантов и разновидностей циркулярных образов, которые могут проявляться в фантазийной жизни человека и его творчестве в процессе индивидуации. Он, в частности, выделяет девять основных категорий мандал:

- *Циркулярные, сферические и яйцевидные формы.*
- *Круги, образованные цветком или колесом.*
- *Символы, напоминающие солнце и звезду или включающие в себя крест с четырьмя, восемью или двенадцатью лучами.*
- *Круги, сферы или крестообразные фигуры, изображенные во вращении (свастика).*
- *Циркулярные образы, являющиеся изображением змеи, кусающей свой хвост, или змеи, свернувшейся в виде спирали.*
- *Круги в сочетании с крестом или квадратом.*
- *Образы, изображающие план замка, города или внутреннего двора какого-либо сооружения.*
- *Изображения глаза.*
- *Образы, представляющие собой разные сочетания круга с другими фигурами, имеющими три или пять либо четное трем и пяти граней или элементов (триадические или пентадические фигуры).*

Юнг полагал, что тот или иной тип мандалы может отражать индивидуальную динамику психических изменений в процессе индивидуации, а также особенности личности человека. В то же время в работах Юнга не содержится каких-либо предположений относительно того, какие именно психические процессы или свойства личности могут быть связаны с разными типами и разновидностями мандал. Для Юнга была характерна высокая степень доверия к естественному процессу психических изменений, наблюдающихся при аналитической работе с пациентом, а также при переходе от одного этапа индивидуации к другому.

Последователи Юнга придавали большое значение циркулярным образам, появляющимся в визуализациях, сновидениях и творчестве клиентов. Предпринимались попытки исследовать то, как тот или иной их тип может отражать динамику психических изменений. Так, например, E. Harding (1973) выделила три основных типа мандал, соответствующие определенным стадиям психического развития.

Простой круг — отражает исходную целостность психики ребенка при низкой степени ее дифференцированности и зрелости.

Собственно мандала, представляющая собой комбинацию круга с квадратом, крестом или треугольником, — отражает высокую степень дифференцированности и зрелости психики, с наличием в ней противоположных свойств и тенденций, уравновешивающих друг друга.

Циркулярные образы в виде яйца, сосуда или чрева («сосуд преображения») — отражают процесс дальнейшего «роста» личности в направлении ее большей цельности и реализации в многообразии ее свойств и возможностей»¹²⁰.

«J. Kellogg предположила, что разные типы мандал, создаваемых пациентами, определенным образом сменяют друг друга в соответствии с динамикой психотерапевтического процесса. В результате многолетних исследований ей даже удалось установить последовательность, характеризующую смену одних типов мандал другими по мере того, как пациент достигает тех или иных психотерапевтических результатов.

Данный тип последовательности, характеризующий смену одних типов мандал другими, J. Kellogg описала в соответствии с картографией, названной ею «Архетипические стадии Большого Круга мандалы» (Kellogg, DiLeo, 1982; Fincher, 1991)»¹²¹.

И снова — порядок, снова Дух. Бог. «В начале было слово. И слово было Бог. И слово было у Бога...». Метафорический язык Библии говорит о том же, обращаясь к **полной** личности, а не к ее узкому и ограниченному сознанию.

Инфантильная личность услышит в этих словах буквальный смысл, который является главным смыслом ее «слепой» жизни: «можно не рисковать в жизни, достаточно молиться».

Произнесите любую великую мысль и спросите человека, что он услышал, и вы узнаете, что составляет смысл его жизни. Глубокий смысл доступен только **полной** личности, выразить словами его невозможно. Можно попытаться построить слова так, чтобы смысл было легче угадать и почувствовать: «имеющий уши да услышит».

Аниела Яффе проводит аналогию между феноменом «смерти Бога» (Ницше) и периодом «помутнения» массового сознания:

«Д-р Юнг также приходит к пониманию того, что странный и таинственный феномен смерти Бога — это, прежде всего, психическая реальность нашего времени. В 1937 году он писал: «Я знаю — и в данном случае высказываю то, что известно бесчисленному множеству людей, — что время, в которое мы живем, — это время исчезновения и смерти Бога». На протяжении многих лет ему приходилось наблюдать, как образ христианского бога увядает в свидениях его пациентов — т.е. в бессознательном современного человека. Утрата этого образа равносильна утрате самого важного фактора, дающего жизни смысл»¹²².

«Видимость» и «кажимость» общего лица этой бездуховной толпы прикрывает смертельную внутреннюю пустоту, из которой с пугающей вероятностью появляется образ внешнего Врага, состоящий из клубка теней невыносимого и бесполезного бытия этих людей. *«Тщетно было бы искать под этой скорлупой личность. После торжественного вскрытия там можно найти только жалкого человечешку»¹²³ (К. Юнг).*

Тема эта является одной из самых актуальных в современной России, на территории которой духовное и бездуховное ведут какую-то смертельную борьбу. Духовная функция и «духовная фикция» являются коллективными и универсальными феноменами, такими же как и сила тяготения. Однако, духовность общества как целого обратно пропорциональна его величине¹²⁴ (К. Юнг). *«Большое общество, составленное из прекрасных людей, по нравственности и интеллигентности равно большому, тупому и свирепому животному»¹²⁵ (К. Юнг).* К этому же заключению пришли Ле Бон и Московичи.

Духовный потенциал российской культуры, безусловно, огромен. Как и невероятно велик ее тупой, безжалостный и чудовищно сильный бессознательный и бездуховный облик.

В этом смысле не имеет себе равных событие, произошедшее в нашей культуре в конце уходящего тысячелетия — опера С. Слонимского «Видения Ионна Грозного». В ней вели и ведут ту самую смертельную борьбу жизнь и смерть, светлое и темное, духовное и бездуховное. Этой же драматичной теме посвящены все работы российского независимого кино, которое называют новым декадансом. Это работа А. Балабанова «Про уродов и людей», О. Ковалова «Концерт для крысы», П. Луцика «Окраина», П. Бардина «Герой», «Чевенгур» в постановке Льва Додина и др. Истинное искусство первым улавливает общую тему коллективного бессознательного и воплощает ее в своих произведениях.

Массовое искусство в России, формирующее массовое сознание, создает пустые стереотипы и ловкие подделки — «духовные фикции». Те произведения, которые были упомянуты выше, нельзя назвать массовыми. Но они, как то самое простое мудрое изречение, являются своего рода «лакмусовой бумажкой» для человеческого бессознательного. Один человек видит в них бред или грязный порок, а другой — боль и страдание неразрешенной трансформации.

«Жизнь — не Свет, а единство Света и Тьмы»¹²⁶ (К. Юнг), рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. И на постижение этой истины каждый человек тратит целую жизнь.

Психотерапевт в этом процессе выполняет роль архитектора, обучающего ученика строительству и проектированию сознательного круга «Эго-границ» — средства, интегрирующего хаос бессознательного. Поэтому для начала психотерапевту самому необходимо пройти хотя бы часть сего мучительного пути. Зрелость и полнота личности способствуют построению **реальной автономии** во взаимоотношениях с миром.

В этом смысле талантливый психотерапевт имеет еще одну реальную возможность воплощения внутренней полноты (кроме той, которая есть у любого другого человека в отношениях с любимым, в священном браке Природы и Духа, объединенных душой любви), — в психотерапевтическом творческом процессе¹²⁶, психотерапевтическом творческом совместном росте.

Сосредоточение на пути к собственной целостности ведет человека к невысшему духовному состоянию — парадоксальности и многозначности, — к пониманию того, *«что его кто-то несет, когда он больше не может нести себя сам»*¹²⁷, что необходимо *«очень сильно нагнуться, чтобы взять на себя бремя своего креста»*¹²⁸ и нести его, *«циркулируя вокруг тайной середины»*¹²⁹ — вперед и вверх. К встрече с Миром, один на один (К. Юнг).

Таким образом, «Человек духовный», Самость, Предвечный Младенец К. Юнга имеют общий исток — духовное начало, обращенное к миру и к телесной природе человека. Интеграция противоположной духовной инстинктивной Природы человека и других бинарных оппозиций его существования происходит путем сложных архетипических трансформаций, путем духовного становления личности, где Дух — это «манифестация принципа порядка в психическом»¹³⁰.

Глава 3
Телесное

Психосоматика

Термин «психосоматика» был введен в 1818 году И. Хайнротом, и десятью годами позже К. Якоби предложил похожий термин «соматопсихика», который, однако, не стал популярным. В дальнейшем психосоматика развивалась как клиническая дисциплина, учитывающая, кроме биологических факторов, патогенные психосоциальные причины возникновения того или иного соматического заболевания, которые рассматривались как первичные причины возникновения и дальнейшего течения психосоматических расстройств.

Впервые описал причины семи психосоматических заболеваний Ф. Александер, объясняя их возникновение наследственной предрасположенностью, дефицитным эмоциональным климатом в семье и эмоциональными переживаниями взрослой жизни. В настоящее время выделены **типичные** психосоматические расстройства, имеющие психогенное происхождение: ожирение, нервная анорексия, нервная булимия, бронхиальная астма, язвенный колит, болезнь Крона, лабильная эссенциальная гипертония (психосоматоз), сердечный невроз, гастроэнтерит (как пример функциональных расстройств, не вызывающих структурных изменений органов) и некоторые другие.

Как правило, в психосоматическом анамнезе находят одни и те же причины, вызывающие заболевание, что приводит к серьезным затруднениям в ответе на вопрос: почему одна и та же причина «выбирает» разные органы? Эта проблема в медицинской модели психотерапии в настоящее время не получила достаточно глубокого и методологически обоснованного объяснения.

Наиболее изученными в традиционной психосоматике являются заболевания желудочно-кишечного тракта и сердечно-сосудистой системы, тогда как заболевания дыхательной системы и кожные заболевания (особенно нейродермит и псориаз) остаются практически недоступными современному научному познанию со стороны психогенеза этих соматических нарушений.

Ф. Данбар исследовала личностные профили психосоматических больных. Так появились «А-тип» и «В-тип» личности [М. Fridman], «раковая» личность [Н. Weinez] и т. п. Однако, как показывают большинство научных исследований в области психосоматики, любой психосоматический пациент обладает общими

особенностями, неспецифическими для того или иного заболевания. К ним относятся прежде всего:

- **алекситимия** (P. Sifneos) — особенности телесно-чувственной экспрессии, выражающиеся в затрудненной идентификации и переживании собственных чувств и чувств другого человека; особенности когнитивной сферы личности, проявляющиеся в неспособности к фантазированию и во внешне ориентированном мышлении;
- **манифестация зависимого поведения** (или псевдонезависимого), сопровождающаяся ограниченной саморефлексией чувств, нарциссической дисрегуляцией, агрессивным торможением и депрессиями;
- **особенности детско-родительских отношений в нуклеарной семье пациента** — эмоциональный дефицит, симбиотические отношения в диаде с авторитарной, сверхвключенной, враждебной и навязчивой матерью, из которых удален слабый отец;
- психодинамическая конфронтация конфликта по типу **зависимости/независимости и близости/дистанцирования**.

Психосоматический пациент, таким образом, представляет собой весьма инфантильную личность с примитивными психологическими защитами и ригидной системой поведенческих паттернов в межличностных коммуникациях. Он стремится к независимости и автономии, которые вступают в противоречие с инфантильными желаниями зависимости и страхом «потери объекта» (или «слияния с объектом»). Тем не менее, несмотря на низкую степень автономии, психосоматический пациент обычно обладает высоким уровнем социальной интеграции и легко «растворяется» в групповом «Мы», находя подходящую фигуру лидера для поклонения и раболепия.

Тем не менее, не всякий человек с присущими ему алекситимическими особенностями становится психосоматическим пациентом. Алекситимия обнаружена также у онкологических больных, наркоманов, алкоголиков, гэмблингов, больных СПИДом и у многих здоровых людей с характерной «примитивной» ментальностью, уходящей в своем происхождении в самые ранние контакты ребенка с окружающим миром. Будущему алекситимитику в детстве была запрещена сепарация, и он задержался на фазе симбиоза с матерью, что сделало его очень уязвимым к воздействию жизненных стрессоров.

Зависимые отношения психосоматических пациентов с миром строятся через «Я» другого человека — более значимого, чем он сам. Дж. Энгел доказал, что

заболевания часто развиваются вслед за потерей «ключевой фигуры», игравшей важную роль в жизни человека. Переживание события как потери, подчеркивал Дж. Энгел, гораздо важнее степени реальности самой потери. Он различал угрозу потери, символическую потерю и действительную потерю, каждая из которых может спровоцировать начало заболевания. Подверженность стрессу «объектной потери» или «потери объекта», с точки зрения многих теорий в Эго-психологии и Self-психологии, является свидетельством наличия дефектов в структуре Эго, формирующихся в родительско-детских отношениях. «Нуждающееся» Эго — это Эго, которому необходимы «архаические Я-объекты» (родители или их заместители), которые бы выполняли функцию регуляции внутреннего равновесия. Изъятие людей-регуляторов (объектная потеря) приводит к беспомощности, безнадёжности у зависимого симбиотика и увеличивает риск соматизации.

Невротические расстройства личности в большинстве случаев сопровождаются соматическими дисрегуляциями, особенно при соматоморфных и психосексуальных расстройствах. **Характерологические особенности** личности также связывают, вслед за А. Лоуэном 131, с особенностями телесной организации, в экспрессии которой проявляется чувственное переживание человека и полноценное проживание телесно-чувственного бытия целиком. Как правило, целостное переживание акцентуанту и невротiku недоступно, что находит отражение в общих особенностях его телесно-чувственной экспрессии и тонусе мускулатуры. Тело человека, таким образом, своей индивидуальной формой и стилем экспрессии воплощает в себе — живом, — не только свободные «порывы», но и «срывы» ментальной организации.

По А. Лоуэну, оральный тип характера соответствует массивному телу с контрактированной диафрагмой и недостаточно устойчивой опорой в нижних конечностях. Напряжение мышц обычно возникает в области головы и шеи. Отсутствует моторный импульс, направленный на разрядку напряжения. Вес приходится на пятки, верхняя часть тела отклонена назад и движение начинается с головы. Коленные суставы малопластичны, а сегменты тела сжаты под тупыми углами.

Мазохистскому типу характера соответствует, по А. Лоуэну, крупное, с хорошо развитой мускулатурой тело, округлая спина, толстая шея, мускулистые руки и бедра. Сильно сжатые своды стоп не обеспечивают устойчивости телу. Страх генитального возбуждения создает спазм мышц в тазу и не дает сексуальной разрядки.

Истерическому типу характера соответствует легкое, но ригидное тело с жировыми отложениями на бедрах (по женскому типу). Спазм мышц приходится на шею и челюсти. Чаще встречается у женщин, которые в сексуальном отношении могут проявлять фригидность.

Фаллически-нарциссический тип характера чаще встречается у мужчин. Тип телосложения — атлетический, но довольно грациозный и гибкий. Тело устойчиво, сильно и обладает «твердостью» — высоким напряжением, выражающемся в агрессивности и энергичности. Физически силен и прекрасно управляет телом (в том числе, в сексуальных отношениях). Уязвим и чувствителен.

Человек с **шизофреническим типом** характера, по А. Лоуэну, чаще всего обладает некоординированной, разобщенной и вялой телесной экспрессией.

В.Н. Никитин¹³² приводит 5 невротических и 2 психопатических типа характеров, особенностям телесной организации которых он дает более системное и подробное описание.

Оральный невротический тип

Ноги — слабые, неустойчивые; координация плохая; отсутствие гибкости в суставах; контроль над их движениями недостаточен.

Грудина сплюснутая с выдающимися нижними ребрами — «куриная грудь»; диафрагма высоко поднята, контрактурована; дыхание ограничивается грудью без участия плеч и живота; грудные мышцы напряжены.

Живот — плоский, «пустой»; спастичность прямой кишки. Таз — мышцы сжаты; ригиден. Шея — напряжена; тоньше, чем должна быть. Кожа — недостаточный тургор.

Мышечное напряжение проходит через плечевой пояс и основание шеи, таза.

Телесная структура диссоциирована. Частые головные боли вследствие напряженности головы и шеи. Мышечная система недостаточно развита по сравнению с объемом тела.

Вес тела приходится на пятки. Плечи отведены, что компенсируется наклоном головы вперед. Таз отведен назад. Движение вперед начинается с головы, а не от земли. Спина не участвует в активном движении.

Мазохистический невротический тип

Обладает крупным телом и хорошо развитой мускулатурой (облик гориллы). Спина округлая, короткая толстая шея, мускулистые руки и бедра, широкие груды

и плечи. Грудь при дыхании движется легко. Живот — мягкий. Бедрa и ноги очень ригидные, в коленных суставах и щиколотках отсутствует гибкость. Стопы сильно напряжены. Налицо мышечная скованность.

Мышечная система выполняет не естественную функцию движения, а невротическую функцию удержания.

Мышцы чрезмерно развиты, чтобы сдерживать негативные импульсы и контролировать естественные. Принуждение к испражнению в детстве становится причиной рвоты, которая, в свою очередь, вызывает сильное напряжение шеи и горла. Сильное мышечное напряжение в плечевом поясе удерживает в спине ненависть и гнев по отношению к матери.

Истерический невротический тип

Средняя часть лица — нос и скулы — будто омертвелые. Кожа, довольно туго натянутая и сухая, выглядит неживой.

Рот узкий, губы вытячены. Плечи высоко подняты, прямые и одеревенелые.

Тонкие руки придают плечам «костлявый» вид.

Верхняя часть тела (выше таза) узкая и сильно зажатая. Грудь — мягкая. Спина — очень ригидная. Нижняя часть (ниже таза) — мягкая и полная.

Цвет кожи верхней части — белый, нижней — со смуглым оттенком. Ноги — сильно волосатые. Хотя диафрагма относительно свободна, ригидность всей структуры ограничивает вдох и выдох.

Таз более или менее мягкий и сексуально активный. Шея зажата, голова фиксирована в вертикальном положении. Прямая осанка нуждается в развитии панциря для защиты. Гордость проявляется в ригидной шее. Решительность выражена в застывшей челюсти.

Фаллически-нарциссический невротический тип

1-й тип (обсессивный):

Маленький человек с довольно узким телом, ведущий интенсивную эмоциональную жизнь. Обсессивный тип художав и жилист, с хорошо развитой мускулатурой. Движения быстрые и решительные. Мускулатура спины напряжена и неподатлива по сравнению с передней частью тела.

2-й тип (компульсивный):

Компульсивный тип — с более длинным, костистым скелетом и гораздо более развитой мускулатурой. Тяжелая, агрессивно выдвинутая вперед нижняя челюсть,

плечи широкие, талия узкая, бедра закрепощены. Строение тела производит впечатление силы и твердости.

Довольно длинные ноги, дышит животом, лоб напряжен. Высокие квадратные плечи — знак рано взятой на себя ответственности.

Пассивно-женственный невротический тип

Мягкий женоподобный голос, отсутствие глубокого резонанса и резкости. Выражение лица мягкое и пластичное. Движения никогда не бывают резкими, в них не чувствуется напора. Тело может быть либо округлым, с довольно узкими плечами (L-тип), либо V-образным с широкими плечами и узкими бедрами. Руки мягкие и довольно слабые. Стопы узкие с тяжелыми контрактированными сводами. Слабые ноги, отсутствие контакта с землей. Поднятые плечи являются выражением страха.

Узкие бедра — результат значительного напряжения таза и бедер, из-за которого уменьшаются объем таза и снижается половая потенция. Основное напряжение приходится на глубокие мышцы, тогда как поверхностная мускулатура относительно мягкая. Это проявляется в мягких движениях.

Иммобилизация генитальной агрессии препятствует нормальному развитию мужской мускулатуры. Таз мягкий и округлый, но присущий мужчинам тазовый выступ отсутствует, что соответствует недостаточной агрессивности в целом.

Шизоидный психопатический тип

Голова никогда не выглядит прочно сидящей на шее. Нередко она бывает наклонена под некоторым углом. В таких случаях тело имеет вид беспомощности, отчужденности, как будто голова удалена от основного энергетического потока в теле. Руки обладают силой, но движения при ударе диссоциированы; руки будто вывихнутые, и повинна в этом мышечная слабость. Движения у шизоида выглядят механическими, он имеет большую физическую силу. Пальпация мышц шеи выявляет сильные изолированные напряжения, но не общую ригидность. Существенным является глубокое напряжение в основании черепа. Сама голова контрактирована и зажата, что придает ей изможденный вид. Лицо в целом напоминает маску. Кожа черепа вдоль макушки туго натянута, а у мужчин фронтальная часть головы имеет выраженную тенденцию к облысению. Лоб уплощен, отсутствует выражение в глазах. Рот не бывает пухлым и чувственным, создается впечатление постоянного отсутствия радости, полноты и яркости экспрессии.

Отсутствует единство структуры тела. Различные сегменты тела функционально оторваны друг от друга. Разъединенность головы и тела является биоэнергетической основой расщепленности.

Шизофренический психопатический тип

Наблюдается феномен деперсонализации, когда утрачивается контакт с собственным телом или с его важнейшими частями. Мышечная система развита слабо. Однако шизофреник может обладать большой силой и развитой мускулатурой. Мускулатура напряжена, особенно спастичны глубокие мышцы, а вся система не скоординирована и сегментарна.

Ощущение целостности телесной структуры отсутствует: голова словно ненадежно укреплена на туловище, заметно «защемление» тела в области диафрагмы, нижние конечности функционально не интегрированы с телом. Шизофрения проявляется в глазах. Присутствует взгляд в даль, когда смотрят как бы не на вас, а сквозь вас. Глаза остекленевшие. При кататоническом ступоре лицо напоминает маску, глаза ничего не выражают. Шизофреник видит, но не смотрит.

Энергетический поток в мышечной системе прерывается или ослабляется в суставах. Человек чувствует, что голенистоп застыл и не сгибается. Если движения не совершаются сознательно, координация и пластика отсутствуют.

Клиническая типология характеров очень удобна в применении, в ней используется ось развития и ось клинических типов характеров (см. таблицу). Каждый человек может получить в этой системе координат свое концептуальное выражение, которое, несомненно, значительно меньше его Эго, но, тем не менее, содержит некоторые весьма важные типические моменты, необходимые для ведения психотерапии. Любой клиент, нуждающийся в психотерапевтической помощи, имеет «плохое тестирование реальности, неадекватную сепарацию, ограниченную интеграцию идентичности и неудовлетворительные объектные отношения». В этом смысле у каждого клиента можно найти те или иные черты клинического типа, что, тем не менее, не является свидетельством глубоких патохарактерологических изменений личности.

На рисунке «Типология характеров и метафоры телесной организации» представлены иллюстрации к изложенному выше содержанию, в которых отчасти был использован материал из книги В.Н. Никитина «Телесное сознание».

**Типологическое измерение и измерение уровня развития личности
(по Н. Мак-Вильямс, 98)**

Измерение уровня развития		Типологическое измерение								
		Психопатический	Нарциссический	Шизоидный	Параноидный	Депрессивно-маниакальный	Мазохистический	Обсессивно-компульсивный	Истерический	Диссоциативный
	Уровень от невроза до здоровья. Интеграция идентичности и константность объекта, Эдипов по Фрейду, инициативность или вина по Эриксону									
	Пограничный уровень. Сепарация — индивидуация, Анальный по Фрейду, Автономия или стыд и неизвестность по Эриксону									
	Психотический уровень. Симбиоз, Оральный по Фрейду, базовое доверие или недоверие по Эриксону									

Метафоры телесной организации отражают особую типическую телесность, присущую личностям с клиническим типом характера, что отмечалось Кречмером, Мелдоном, Райхом, Лоуэном и др. Метафора телесности психопатической личности — «всадник без головы», т.к. ощущения его тела сосредоточены в основном в корпусе, а ощущения идущие от области головы практически отсутствуют.

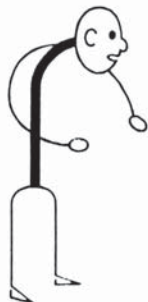
Метафора телесности нарциссической личности — «облако в штанах», что является альтернативой телесности психопатической личности, т.е. телесные ощущения у нарцисса сосредоточены в области головы. К каждой из представленных в рисунке типов личности подобрана соответствующая метафора телесной организации, в которой отражены типичные субъективные телесные ощущения и области максимального телесного напряжения (обозначены жирным шрифтом).

Психосоматику, как естественно-научную область ортодоксальной медицины, отличает узкий практицизм и материалистическая методологическая ориентация.

3. Фрейд был первым естествоиспытателем, предположившим, что истерическая

ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ И МЕТАФОРЫ ТЕЛЕСНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПСИХОПАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

"Рваный буг соловьи"

НАРЦИССИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

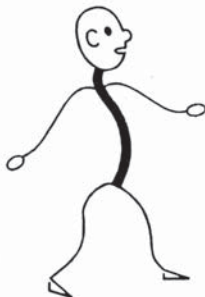

"Облако в шталах"

ШИЗОИДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

"Сидеть у стены
Дружок"

ПАРАНОИДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

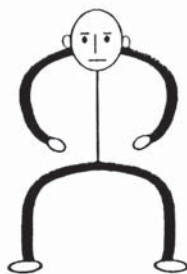

"Катилеутовский курс"

ДЕПРЕССИВНО-МАНИАКАЛЬНАЯ
ЛИЧНОСТЬ

"Бокса"

МАЗОХИСТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

"Горчила"

КОМПУЛЬСИВНАЯ
ЛИЧНОСТЬ

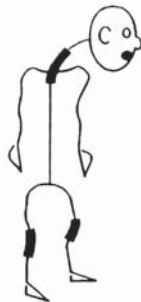
"Оловянный солдатик"

ИСТЕРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

"Русалочка"

ОБСЕССИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

"Свинный шприц"

конверсия выполняет функцию символического выражения подавленных интрапсихических конфликтов. Нематериальная причина стала служить объяснением вполне материальному явлению. Правда, З. Фрейд считал, что все телесные симптомы представляют собой компромиссный способ разрядки сексуальной энергии. До настоящего времени психодинамическая модификация психоаналитической парадигмы З. Фрейда до сих пор остается ведущей в традиционной психосоматической медицине.

Ф. Александер совершил попытку выявления специфичности интрапсихического конфликта для различных психосоматических заболеваний и выступал против придания телесным симптомам исключительно символического значения.

Во второй половине 20-го века становятся более популярными психофизиологические модели психосоматического заболевания, основанные не только на клинических описаниях, но и на объективных «телесных» показателях. В русле психофизиологического подхода находится модель Г. Вольфа, считавшего, что специфичным в психосоматическом заболевании является реакция конкретного организма на стресс (Г. Селье), и Дж. Лейси, предположившего, что человек «отвечает» на стимулы определенным органом (один человек — изменением деятельности желудочно-кишечного тракта, другой — изменениями кардио-васкулярной системы). Результаты психофизиологических исследований показали, что существует связь между алекситимией и блокировкой импульсов от лимбической системы к передним отделам коры, что как-то прояснило телесно-чувственную ригидность алекситимитиков.

У. Грейс и Д. Грахам указали на роль сознательных установок в развитии психосоматических расстройств. Они обратили внимание на качество самоинтерпретаций жизненных событий у психосоматических пациентов. Если интерпретация является негативной, и события выглядят в ней чрезмерно угрожающими Эго, то Эго отступает в болезнь.

М. Шур, врач Фрейда, создал двухфазную теорию десоматизации — ресоматизации, базирующуюся на идее о том, что причины психосоматоза связаны с провалами в деятельности Эго и с регрессией на более низкий уровень психосоматического функционирования. Эго использует защитные механизмы, противостоящие его разрушению и удерживающие телесно-ментальный баланс на некотором постоянном уровне. Если защита не «сработала», то может возникнуть заболевание.

Г. Вейлантом были выделены 4 группы из 18 защитных механизмов Эго, различных по степени зрелости: психотические, незрелые, невротические, зрелые. Использование незрелых и невротических защит, а также разрушение зрелых Эго-защит под воздействием стресса приводит к регрессии на физиологическом уровне и может вызвать соматические последствия.

Из приведенного короткого обзора некоторых основных идей и концепций видно, что в психосоматической медицине, при всей ценности отдельных научных «находок», царит методологический хаос. В ней остается неясным главный момент, декларируемый в самом ее предмете — проблема соотношения телесного и ментального. Ответ на этот вопрос является ключевым, единственно способным интегрировать все многообразие мнений и механизмов в современной психосоматике.

Психофизиология

Психофизиология, в отличие от психосоматики, идет путем поиска нейрофизиологических механизмов сложных психических процессов и состояний. Материалистическая психофизиология исходит из допущения, что именно в мозге находятся все первопричины психического. Тогда как психосоматика находит эти причины не только вне мозга, но и вне тела. Обе науки, развиваясь независимо друг от друга, обнаружили и исследовали внутренние (мозговые) и внешние (средовые) причины, обуславливающие влияние мозга на психику и психики на тело. Разумеется, существует и внутренняя, и внешняя причинность в данной паре взаимовлияющих друг на друга сторон.

Однако по причинному принципу согласуются между собой явления в «плотном» макром мире, тогда как в «тонких» психических микромирах согласование происходит по совершенно другим законам, в том числе и согласование с явлениями макромира.

В психофизиологических исследованиях чаще всего используются две модели причинных согласований между мозговыми и психическими процессами: либо линейная (однофакторная, содержащая одну причину и одно следствие), либо системная (многофакторная со сложной структурой опосредованных взаимодействий). И та, и другая модели принадлежат к причинно-обусловленным,

нацеленным на поиск одной или нескольких, но — причин. Иррациональное и внепричинное *argiori* (*causa sui*) является в этих моделях всего лишь той структурой, причина которой пока не найдена.

Искали несколько столетий, но не нашли. Может быть, все-таки, не там искали и не то?..

Считается, что нейрофизиологические процессы, происходящие в мозге человека и сопровождающие психическую деятельность, имеют опосредованное отношение к психике 133 (А.М. Иваницкий). Мозг является аппаратом отражения, при помощи которого осуществляется «удвоение» первой реальности через материальные нейрофизиологические процессы, являющимися по своей сути информационными кодами опосредованных процессов. Психические процессы в своем происхождении оказываются связанными с мозговыми процессами приема, переработки, хранения и воспроизведения информации. По информационному содержанию нейрофизиологических процессов экспериментатор может судить о характере (но не о содержании) психической деятельности. Например, по уровню активации коры можно судить об уровне вовлеченности отдельных зон коры в обеспечение данного вида деятельности: активация моторных речевых зон свидетельствует о наличии экспрессивного компонента в речевой деятельности, активация лобных отделов коры — об уровне контроля и управления деятельностью, выраженная асимметрия левополушарной активации — о вербальном характере деятельности и т.д. Основными нейрофизиологическими индикаторами функционального состояния мозга служат количественные частотно-амплитудные характеристики ЭЭГ (электроэнцефалограммы).

В системных психофизиологических исследованиях используется парадигма о взаимосвязи «упорядоченных частей», образующих некую целостность, т.е. идея о существовании причинно-следственных связей между мозгом и психикой, определяющих целостность человеческой индивидуальности, понимаемой как многоуровневая система. Мозговые и психические процессы рассматриваются в ней как подсистемы. Однако, в реальности оказывается невозможным установить прямые и непосредственные связи между двумя этими подсистемами, т.к. процессы, происходящие в них, качественно отличаются друг от друга, тем более, что сами по себе данные подсистемы являются весьма сложными для научного познания. Тем не менее, основные мозговые факторы, опосредующие психическую деятельность, были выявлены многочисленными исследованиями.

Мозг, в отличие от психики, сам принадлежит к системам 1-й реальности. Процессы, протекающие в нем, объективизируются в динамических показателях изменений и биоэлектрической активности мозга. Самым сложным в этой ситуации для исследователя остается вопрос: что в этих изменениях имеет отношение к исследуемому психическому процессу, а что к гомеостатическим процессам нервной системы.

Системный подход к решению психофизиологической проблемы позволяет рассмотреть мозговые процессы включенными в более крупные системные взаимодействия. Анализ изменений биоэлектрической активности мозга ведется в этом случае с учетом внутренних (индивидуальные особенности динамики мозговых процессов) и внешних (информационный контекст) факторов.

Динамика изменений биоэлектрической активности мозга представляет собой стохастический квазистационарный процесс, неукладывающийся в рамки системных взаимодействий. По различным классификациям системы можно подразделить либо на три класса: стохастические, сложные и хаотические, либо на два — целостные и суммативные (аддитивные). В обеих классификациях система может принадлежать либо к одному, либо к другому типу, хотя подразумевается, что любой системный процесс проходит в своем развитии эти стадии. С позиции термодинамического подхода любые сложные системы содержат в себе элементы изменчивости, т.е. хаоса¹³⁴ (Г. Николис, И. Пригожин). В данной работе в рассмотрении динамических мозговых процессов мы придерживались позиции И. Пригожина, согласно которой сложные живые объекты, к которым принадлежит мозг, содержат в себе как стабильные функциональные отношения, так и неравновесные.

Подход И. Пригожина к описанию «хаотических» процессов признан наиболее перспективным в научной методологии. Динамические паттерны мозговой деятельности в термодинамической категориальной системе могут быть причислены к диссипативным структурам. Диссипативными структурами, по определению И. Пригожина¹³⁵, называются постоянно флюктуирующие около некоторого стабильного состояния системы. Мозг, как диссипативная структура, обеспечивает стабильность своей функциональной организации постоянными динамическими перестройками (или колебаниями) около определенного равновесного состояния. Переход мозга в другое состояние означает переход к иному равновесному состоянию, характеризующемуся такой же внутренней нестабильностью, но с обязательным элементом постоянства (точки равнове-

сия). Колебания в диссипативных структурах представляют собой устойчивые во времени пограничные циклы с постоянной амплитудой, усиливающие некоторые возмущения в некоторое время¹³⁶. Именно такую динамическую картину нестационарных процессов наблюдают на ЭЭГ — совокупности волн с постоянными и переменными частотно-амплитудными составляющими.

По данным A.S. Soong¹³⁷, альфа-ритм, основной ритм ЭЭГ, обладает свойствами хаотического аттрактора (притягивающего множество в фазовом пространстве), сочетающего в себе стабильные и нестабильные процессы и состояния.

При анализе данных ЭЭГ возможно и целесообразно использовать принцип диссипативности для описания фазовых переходов мозга в различные функциональные состояния. Устойчивые динамические паттерны ЭЭГ этой позиции можно рассматривать как те самые «точки» равновесия, около которых совершаются постоянные флюктуации динамических изменений биоэлектрической активности мозга, имеющей определенную пространственную локализацию. Принцип диссипативности позволяет в некотором смысле «снять» проблему поиска стабильности мозговых процессов и говорить о наличии наиболее устойчивых биоэлектрических паттернов для определенных функциональных состояний мозга.

Межполушарная асимметрия

Феномен межполушарной асимметрии первоначально был обнаружен при исследовании нарушений речевой деятельности человека. Было установлено, что именно возникновение языка обусловило структурную и функциональную асимметрию мозга человека, которая является видовым признаком *Homo sapiens*.

Узкий локализационизм в исследовании речевых функций мозга связывает наличие речеслуховой зоны Вернике и речедвигательной зоны Брока (в корковых полях 44, 45, 22 и 37 по Бродману) с «доминантностью», вербальностью левого полушария. Правое полушарие, соответственно, мыслится как — «субдоминантное», невербальное.

В настоящее время доказано, что речевая деятельность, как и любой другой вид психической деятельности, не связан с функцией одного полушария. Деятельность полушарий является взаимодополнительной, отражая неравномерность распределения функций между двумя различными системами мозгового кодирования. Правое полушарие обладает в большей степени континуальными функциями (кодирует «целостность»), а левое — дискретными (кодирует сущес-

твенные признаки целого). Функциональные особенности, присущие правому и левому полушарию, сведены в таблицу 1 с указанием авторов, приписывающих те или иные функции в большей степени одному из полушарий.

По данным S.J. Dimond¹³⁸, значение левого полушария состоит в самоидентификации, невозможной без вербальной экспрессии, а жесты и эмоциональные реакции (правое полушарие) на вербальном уровне воспринимаются как чуждые его «Я». По мнению H. Petsche¹³⁹, существуют достоверные различия ЭЭГ-параметров фона и деятельности, зависящие от креативных способностей, профессиональной подготовки, пола и сложности задач. Результаты C.R. Reynolds¹⁴⁰ показали, что тренировка творческого мышления увеличивает число испытуемых с правополушарным типом обработки информации с 28 до 56%.

Можно считать правомерным причисление к рангу «асимметрий» в деятельности мозга антериорно-постериорный (передне-задний) ракурс взаимодействий. Согласно концепции префронтально-сенсорной полярности Launglin¹⁴¹ (M. Posner, S. Petersen, P. Fox, M. Raichle), взаимодействие передних отделов неокортекса с задними отделами опосредует интенциональные процессы, т.е. направленность субъекта на объект и различение субъективного и объективного. По мнению других исследователей, передне-центральные области неокортекса могут являться субстратом рефлексивных процессов¹⁴² (O. Psatta, M. Matei), а изменения биоэлектрической активности (в основном тета-активности) в этих отделах коррелируют с эффективностью обучения¹⁴³ (T. Radil) и с показателями внимания, экстравертированности и эмоциональной стабильности¹⁴⁴ (M.E. Rachle). Именно в передних отделах неокортекса расположены третичные зоны (по А.Р. Лурия) и сложные ассоциативные интегративные системы мозга, функциональной особенностью которых является способность к вероятностному прогнозированию и целеполаганию.

Нейропсихологами при операции «лоботомии», прерывающей анатомо-функциональные связи префронтальных отделов неокортекса со всей остальной корой, обнаружены глубокие личностные нарушения, связанные с потерей волевых качеств и процессов целеполагания¹⁴⁵ (А.Р. Лурия). Эти результаты свидетельствуют об особой роли префронтальных отделов в мозговой деятельности, связанной с функциями вероятностного прогнозирования, управления и выработки цели деятельности¹⁴⁶ (А.С. Батуев).

Задние отделы неокортекса (темпорально-париетально-окципитальные зоны) имеют, в отличие от передних, большую связь с внешней реальностью, в

Функциональная специализация полушарий

Функции левого полушария	Функции правого полушария
<p>Моторный компонент письменной и устной речи (Брока). Распознавание устной и письменной речи (Вернике). Абстрактно-логическое мышление, сознательное целенаправленное (Sperry). Аналитические свойства, рациональное сознание (H. Jackson). Восприятие отдельных компонентов слова, дискретизация (N. Johnson). Восприятие временной последовательности, сукцессивный способ (А.Р. Лурия, С. Спрингер). Самоидентификация в вербальной экспрессии (S. Dimond). Анализ абстрактных и конкретных слов (M. Rastatter). Формирование глубинных структур второго языка (Л.Я. Баллонов). Распознавание поверхностных грамматических конструкций, перевод глубинных структур высказывания в поверхностные (Миллер-Хомский). Полезависимый когнитивный стиль (Ф.М. Гасимов). Обладает большим количеством тормозных нейронов. Более активно у мужчин (Бианки, D. Kimura). Рационально, западный технйцизм (С. Спрингер). «Сознательное» (Росси).</p>	<p>Распознавание дескрипторов и ядерных конструкций высказывания (H. Хомский). Тормозное влияние на речевые зоны левого полушария (Mettler). Образное мышление, неосознанное эмоциональное поведение (Sperry). Синтетические свойства, иррациональное сознание, творческие способности (H. Jackson, C. Reynolds). Опознание слова как семантического целого (N. Johnson). Восприятие вневременного целого, симулянтный способ (А.Р. Лурия, С. Спрингер). Опознание говорящего по экстра- и паралингвистическим ха-рактеристикам речи, распознавание коммуникативных ожиданий (В.А. Деллии). Анализ конкретных слов (M. Rastatter). Формирует глубинные структуры родного языка (Л.Я. Баллонов). Распознавание референтов слов и позиций имени для фраз, опознание семантического целого, восприятие слов как неконвенциональных смыслов (Миллер-Хомский, J. Sergent, A. Ellis). Полнезависимый когнитивный стиль (Ф.М. Гасимов). Диффузно, более активно у женщин, находится под влиянием подкорковых структур (Бианки, D. Kimura). Интуитивно, восточный мистицизм (С. Спрингер). «Бессознательное» (Росси).</p>

связи с чем их основной функцией является кодирование сенсорной информации (проекционные модально-специфические зоны) и синтез «надмодальных» кодов несенсорного свойства (задние ассоциативные или модально-неспецифические зоны).

С этих же позиций пространственное направление «верх» (кора мозга) и «низ» (подкорковые структуры, ствол мозга и спинной мозг) также обладают своего рода асимметрией и взаимодополнительностью. Асимметрия (лево-правая, передне-задняя, верхне-нижняя) является свойством диссипативных структур, возникающим вследствие усложнения организации системы, отражает некий определенный уровень ее «порядка». Согласно материалистической модели, в динамических колебаниях асимметрий мозга проявляется нестабильность пространственно-временной организации нервно-психической деятельности человека, флюктуирующей около стабильного распределения координат кодирования информации между полушариями и различными интегративными системами мозга.

Правое-левое, передне-заднее, верхнее-нижнее — все эти измерения и способы пространственной ориентации сознания в мире являются, как видно из анализа особенностей мозговой деятельности, одновременно главными характеристиками организации микро-космо-человеческого мозга. Используя измерения «верхне-нижнее», М.М. Бахтин пишет о мифологическом значении «материально-телесного» низа человеческого тела, изображаемого в художественных произведениях, в частности в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Франсуа Рабле, как об одновременно плодородном, рождающем чреве и об умерщвляющем все живое вместилище. Верх (голова) обращен к космосу и соединяет человека с наиндивидуальным сознанием, и эта мифологическая метафора тела как нельзя более точно соответствует соотношениям функций коры — «верхнего» уровня мозговой организации, управляющего и соединяющего все со всем, — и подкорковых структур — «нижних» уровней мозговой организации, соответствующих по структуре и функциям «рептильному мозгу» или мозгу животного.

Что касается измерения «правое-левое», то одним из мифологических значений, придаваемых ему в теле, является оппозиция «женское (левое) — мужское (правое)». Имеется в виду левая и правая стороны тела, которые, как известно, управляются контрлатеральным (противоположным) полушарием мозга. По свойствам, причисленным учеными разным гемисферам мозга, правое полушарие, управляющее левой стороной тела, действительно ближе к «женскому», а левое

полушарие — к «мужскому» типу реагирования (эмоционально-интуитивный и рационально-логический абстрактный).

Ту же аналогию можно провести между мифологическим значением оппозиции «передне-заднее» и функциональными взаимоотношениями передне-ассоциативных и задне-ассоциативных областей коры. Семантика «переднего» в этой связи совпадает со связью с самим собой, а «заднего» — с миром в целом. Удивительно то, насколько точно совпадают во всех указанных аналогиях парные семантические соотношения. И это не означает того, что мозговые структуры с их типом взаимоотношений влияют на ментальные (пусть мифологические) образования или наоборот.

В причинной (биполярной) парадигме можно размышлять только о том, какая из сторон — мозг или психика — определяет аналогию в другой оппозиции, но трудно сомневаться в очевидности проявления единого принципа (закона порядка в триадной парадигме), лежащего в основе этих качественно различных, но соотносенных между собой явлениях.

Квантование информации мозгом

Мозг воспринимает информацию порциями или квантами. Квантующий механизм является общим механизмом для нейрофизиологических процессов, мыслительной деятельности¹⁴⁷ (К.В. Гавриков, Я.С. Оруджев, С.П. Ивашев) и поведения¹⁴⁸ (Ю.М. Пратусевич). В каждом из этих трех континуумов наблюдается феномен дискретизации текущих процессов: десять колебаний в секунду альфа-ритма задают предел объему кратковременной памяти (7+2 бита информации), скорость квантования отдельных мыслительных актов — числу степеней свободы в семантических пространствах, «кванты» поведения — числу промежуточных мотивов, объединенных общей целью достижения полезного результата. В связи с этим, частотные характеристики ЭЭГ следует рассматривать как одно из проявлений единого механизма квантования информации на уровне целостного мозга. Каждый частотный диапазон ЭЭГ, по-видимому, обладает своими квантующими особенностями.

Основным квантующим механизмом мозга можно считать альфа-ритм. Выраженная альфа-активность формируется у человека к 13–14 годам и, согласно последним данным Н. Petsche¹⁴⁹, синхронная импульсация ЭЭГ возникает за счет формирования в коре горизонтальных связей, в связи с чем существование ги-

потетического подкоркового (таламический) пейсмекера альфа-ритма ставится под сомнение, тем более, что альфа-колебания в ответ на прямое раздражение могут возникать и в изолированной от таламуса коре (по лимбико-ретикулярному пути). По-видимому, гармоника альфа-ритма отражает некоторую степень согласованности работы коры больших полушарий, несмотря на то, что сама альфа-активность является нестационарным процессом.

По мнению Е.Н. Соколова и Е.Д. Хомской¹⁵⁰, структурами, определяющими состояния других образований мозга, являются активирующая и инактивирующая системы мозга, локализованные на разных уровнях ретикулярной формации. Именно они определяют условия протекания процессов во множестве других мозговых систем. Как показывают результаты исследований Н. Petsche, альфа-активность имеет скорее ретикулярную, чем таламическую подкорковую природу.

Традиционно появление на ЭЭГ альфа-ритма связывается с синхронизацией и дезактивацией, а появление бета-активности — с десинхронизацией и активацией мозга¹⁵¹. Но четвертая часть человечества не имеет в частотно-амплитудных характеристиках ЭЭГ выраженного альфа-ритма, что затрудняет интерпретацию их десинхронной ЭЭГ в данной бинарной системе. Многие исследователи считают, что альфа-ритм можно отнести к наследственным признакам, тем более, что встречаемость альфа-ритма в популяции Homo sapiens напоминает известное менделевское расщепление «3:1».

В различных областях коры альфа-ритм имеет различную степень выраженности и подвижности. По данным магнитоэнцефалографии¹⁵² (В.А. Введенский) и компьютерного анализа на основе эквивалентного диполя¹⁵³ (В.В. Гнездицкий), альфа-центр, где регистрируется максимальная амплитуда волн, проецируется на 8 см выше *inion* (окципитальная область). Именно в этих областях ЭЭГ монозиготных близнецов оказывается наиболее идентичной по данным W. Lennox¹⁵⁴, тогда как в темпоральных областях — наоборот, отличается большой индивидуальной изменчивостью.

Спектральный анализ частотно-амплитудных характеристик ЭЭГ позволил обнаружить гетерогенность частотного состава альфа-диапазона, которая проявляется в одновременном сосуществовании различных частотных составляющих в спектрах мощности от 8 до 13 Гц, в среднем разнесенных на 1 Гц. В деятельности максимальное значение приобретает мощность то одной, то другой частотной составляющей¹⁵⁵ (И.В. Мальцева, А.В. Маркина). Распределение пиков мощнос-

ти альфа-ритма индивидуально постоянно, а при деятельности доминирующим становится то один, то другой пик. По данным А. Mecklinger¹⁵⁶, высокочастотная составляющая альфа-ритма (10,5–12 Гц) может рассматриваться в качестве показателя общей психической нагрузки при умственной деятельности. Согласно результатам, полученным W. Klimesch¹⁵⁷, низкочастотная составляющая альфа-ритма оказывается более чувствительной к появлению непредсказуемой, незакономерно предъявляемой вербальной информации. Квантующие возможности альфа-ритма отличаются некоторой полимодальностью, свойственной процессам, протекающим около точки диссипативного равновесия. По своим квантующим признакам альфа-ритм признан ведущим квантующим механизмом мозга. Спектральным анализом ЭЭГ выявлен альфа-диапазон даже для лиц, у которых визуально на ЭЭГ альфа-ритм отсутствует¹⁵⁸.

При активации мозга происходит снижение мощности альфа-ритма, что связывают с перестройкой межкорковых взаимодействий и установлением нового режима синхронизации, обеспечивающего данный вид деятельности. По данным J. В. Earle¹⁵⁹, повышение трудности вербальных задач сопровождается увеличением частоты альфа-ритма в правых теменно-задневисочных областях коры, тогда как снижение амплитуды альфа-ритма коррелирует с увеличением уровня тревоги. По данным W. Lang¹⁶⁰ альфа-активность появляется во время ожидания, т.е. в отсутствии деятельности. Распределение альфа-активности во время умственных операций связывают с эффективностью деятельности. Так, появление фокусов взаимодействия (по коэффициенту связей Иваницкого) в передне-ассоциативных областях (фронтально-центральных и левых височных) сопровождается высокой эффективностью, а в задне-ассоциативных (окципитальных и правых темпорально-париетальных) — низкую эффективность вербальной деятельности.

Согласно мнению многих исследователей, альфа-активность выражает некоторое свойство мозга, определяющее эффективность и качество его работы. В фоновой ЭЭГ частота альфа-ритма связывается обратнопропорциональной зависимостью с силой нервных процессов¹⁶¹ (Ж.Г. Сидоренко). Увеличение дисперсии частотных изменений альфа-ритма отражает динамику перестройки уровня возбуждения в нейронных ансамблях, а депрессия альфа-ритма является основным механизмом активации коры.

Субъекты с сильной нервной системой имеют лабильную, со средней частотой альфа-ритма и стойкую к шумовым воздействиям ЭЭГ¹⁶² (Ж.Г. Сидоренко), быстрота

времени психомоторной реакции коррелирует с обучаемостью и наличием на ЭЭГ нормального типа ЭЭГ с выраженным альфа-ритмом¹⁶³ (Б.Г. Бовин).

Более высокую скорость перцептивных процессов показывают субъекты с высокой частотой альфа-ритма, а качество переработки информации зависит от средней величины индивидуальных отклонений от средней частоты альфа-ритма.

Что касается других частотных диапазонов ЭЭГ, то относительно их функционального значения для квантования информации известно значительно меньше. Появление бета-активности на ЭЭГ обычно соотносят с процессом десинхронизации, т.е. с активацией данной области коры. Речевая деятельность сопровождается прежде всего активацией речевых зон левого полушария и симметричных им зон правого полушария. Распределение фокусов максимальной активации (ФМА) по коре коррелирует с характером умственной нагрузки. По данным Л.П. Павловой¹⁶⁴, при сложных формах понятийного мышления наблюдается левосторонний лобный ФМА и доминирующий фокус в речевых зонах, сопряженный с дезактивацией задне-правых зон коры, а автоматизированные функции (речь, чтение) сопровождаются появлением ФМА в речевых зонах при сопряженной дезактивации лобных и затылочных отделов. Для бета-диапазона также был найден феномен «раздвоения» спектра в диапазоне 13–18 Гц¹⁶⁵ (O. Psatta, M. Matei), названный «медленным» бета-ритмом, функционально связанным с «быстрым» альфа-ритмом, который как бы «просачивается», захваченный большой силой сигнала, в слабый бета-ритм.

Тета-активность, по мнению большинства исследователей, имеет гиппокампальное происхождение, в связи с чем ее соотносят с эмоциональными процессами и процессами памяти. При вербальной деятельности тета-ритм преобладает в лобных отделах левого полушария что связывают с участием тета-ритма и в обеспечении интеллектуальной деятельности. В частности, по данным Y. Mizuki¹⁶⁶ лобный тета-ритм (ЛТР), регистрируемый в передне-центральных отведениях, более выражен у эмоционально стабильных экстравертов и появляется во время умственной нагрузки. У невротиков ЛТР регистрируется только при применении транквилизаторов. И.Р. Ильюченко¹⁶⁷ и W. Lang¹⁶⁸ также отмечают передне-центральную локализацию фокусов взаимодействия в диапазоне тета-волн при вербальных мыслительных операциях. Сдвиг спектров мощности ЭЭГ в низкочастотную область предположительно свидетельствует об утрате новой корой ведущей роли и переходе к регуляции со стороны лим-

бической системы¹⁶⁹ (Z.J. Koles, H.P. Elor). Но множество экспериментальных фактов свидетельствуют о том, что чем выше скорость эффективной переработки информации, тем ярче выражены низкочастотные составляющие ЭЭГ. По данным Е.Д. Хомской¹⁷⁰, высокая амплитуда дельта-волн ЭЭГ положительно коррелирует с высокой способностью испытуемых к переработке информации. Попыткой интеграции всех представлений о функциональном значении тета-ритма во время бодрствования стала его трактовка как стресс-ритма, или ритма напряжения, возникающего в ситуациях, требующих и эмоциональной, и интеллектуальной реакции, опосредованных процессами памяти. Происхождение тета-ритма не выяснено. Возможно, он возникает в коре головного мозга вследствие распространения электрического поля потенциалов гиппокампа¹⁷¹ (H.G. Wieser, G. Mazzoli)].

Преобладание в фоновой ЭЭГ низкочастотных ритмов у лиц с умственной отсталостью¹⁷² (R.H. Chaney, L.M. Forbes, L. Leve) связывают с худшими умственными способностями, гиперактивностью и стереотипизацией движений. Среднечастотный альфа-ритм (около 10 Гц) связывают со сбалансированностью возбuditельно-тормозных процессов в ЦНС, низкочастотный (8 Гц) — с высоким уровнем коркового торможения (экстраверты), высокочастотный (12–13 Гц) — с низким уровнем коркового торможения (интраверты)¹⁷³ (D.E. Broadbent). Наличие замедленного альфа-ритма и устойчивости к десинхронизации в процессе умственной активности коррелирует с высокими умственными способностями¹⁷⁴ (J.L. Bradshaw, N.C. Nettleton).

Дельта-ритм, с частотой от 0,5 до 3,6 Гц, проявляется в глубоком сне и, по мнению клиницистов¹⁷⁵, является характерным для патологических состояний ЦНС. По-видимому, этот ритм имеет значение на ранних этапах онтогенеза. Он доминирует на ЭЭГ детей, причем обнаружена корреляция выраженности дельта-ритма с их поведением¹⁷⁶ (R.H. Chaney, L.M. Forbes, L. Leve). Нарушение нормальной деятельности ЦНС при развитии патологического процесса обуславливает возврат к «детскому» виду ЭЭГ с преимущественно медленными ритмами дельта-диапазона.

По данным Н.Ф. Суворова¹⁷⁷ сонастройка в стрио-таламо-кортикальной (С-Т-К) системе происходит по дельта— и тета-ритмам, т.е. в области низких частот ЭЭГ. В этой системе реализуются узловые процессы обобщения и абстрагирования, связанные с формированием довербального понятия и обеспечением различных стадий интеллектуального поведения. Лобные отделы выполняют в

данной системе завершающую роль: осуществляют переход от систематизации конкретных понятий к образованию широких.

Относительно недавно была обнаружена сверхмедленная электрическая активность коры, т.е. потенциалов в частотном диапазоне от 0 до 0,5 Гц¹⁷⁸. Различают постоянный потенциал (омега-потенциал), апериодические и ритмические колебания секундного, декасекундного и минутного диапазонов. Эти волны наблюдаются в перерывах между ритмическими компонентами ЭЭГ, и их функциональное значение связывается с градуальной формой кодирования семантической информации¹⁷⁹ (Е.Д. Хомская). Происхождение медленных и сверхмедленных электрических процессов (МЭП) связывают с деятельностью глубоких подкорковых структур мозга. Для каждой нейроглиальной популяции глубоких структур мозга выявляется определенный диапазон колебаний постоянной составляющей МЭП, при котором они включаются в обеспечение психической деятельности.

Процесс квантования также известен не только психофизиологам. По своему происхождению и течению он представляет собой объединение заключения в одну конечную форму нескольких сходных элементов (контейнирование опыта в теории объектных отношений, интеграция и дезинтеграция в бессознательном и т.п.). Так ребенок складывает картинки в лото и собирает сложные механизмы из конструктора. Разделение перед объединением является неотъемлемым механизмом упорядочивания мира. Первое число, как уже упоминалось, — двойка. Один появляется после двух. Кстати, этот же механизм действует и в бинарности кодирования одного сигнала двумя кодами мозга — правополушарным и левополушарным.

Синхронизация. Мозг функционирует как целостная многоуровневая система, основной функцией которой является интегративная функция¹⁸⁰ (А.С. Батуев). Уровни интеграции мозговых подсистем принято рассматривать в следующей иерархической последовательности: модуль («колонка» 110 нейронов), глиальные и сосудистые элементы; макроансамбль функционально объединенных модулей («распределенные системы»); проекционные системы мозга (сенсорно-специфические области коры, кодирующие сигналы определенной сенсорной модальности); ассоциативные системы мозга (межсенсорные таламо-париетальные, таламо-темпоральные и таламо-фронтальные области); интегративно-пусковые (моторные и орбитальные области, имеющие эфферентные выходы на мотонейроны спинного мозга) и лимбико-ретикулярная система (совокупность корково-

подкорковых образований, обеспечивающих энергетический, вегетативный и эмоционально-мотивационный компоненты деятельности)¹⁸¹ (А.С. Батуев). Все эти подсистемы согласованы, т.е. **синхронизированы** между собой.

По Е.Д. Хомской, функциональное объединение (синхронизация) мозговых структур является своего рода *modus operandi* (способ действия) мозга, обеспечивающим целостность его работы как «системы систем».

По гипотезе С.Д. Laughlin¹⁸², существует нейрогностический способ познания, субстратом которого являются нейронные сети. В нейрогнозисе, по его мнению, следует отвести ведущую роль префронтальным мультимодальным ассоциативным полям, интегрирующим информацию о различных параллельных событиях в сенсорной сфере. Связь между префронтальными и сенсорными (проекционными) полями коры опосредует интенциональные процессы в сознании и чувство различия между субъектом и объектом. Параллельность течения различных процессов в мозге глобально может быть представлена как взаимодополняющее бинарное кодирование различными способами одного и того же сигнала (последовательность сигналов) прежде всего правым и левым полушарием мозга. По данным М.И. Posner¹⁸³ и М.Е. Raichle¹⁸⁴ параллельно осуществляются процессы сенсорного, фонетического (для экспрессивной речи) и семантического кодирования, затрагивая при этом разные системы мозга. Неизвестно только (до сих пор) какие именно системы мозга осуществляют пресловутое несенсорное кодирование. Мозг как материальный субстрат реагирует на физический сигнал. Через 100 мс услышанный сигнал будет опознан человеческим сознанием, и лишь через 300 мс он поступит в виде сенсорного кода в проекционные зоны слуховой сенсорной системы.

Общим основанием в оценке интегративной деятельности мозга в работах нейрофизиологов и нейропсихологов является отведение особой гностической и прогностической роли префронтальным отделам неокортекса и констатация феномена различных способов «представленности» (бинарного кодирования) текущей информации в разных мозговых системах.

В реплике Хомского Скиннеру¹⁸⁵ была сформулирована основная проблема расшифровки мозговых кодов, связанная с наличием смыслового континуума для воспринимаемых субъектом объектов первой реальности: *«Я часто употреблял слова “Эйзенхауэр” и “Москва”,... но я никогда не получал “стимула” от соответствующих предметов»*. Искушенному сознанию становится ясно, что только в первой реальности существует сам объект, а во второй — только его

смысл, нечто эквивалентное, но — другое. Для носителя сознания «сенсорной», т.е. только физической, информации практически не существует. Существует мир смыслов и впечатлений, который и является единственной реальностью для человека (Л.О.В.).

Уровень пространственной синхронизации биопотенциалов мозга как способ оценки мозговых процессов и состояний был предложен М.Н. Ливановым¹⁸⁶. Этот показатель отражает степень согласованности в деятельности отдельных областей коры и имеет некоторую оптимальную величину, определяющую эффективность мозговой деятельности. В настоящее время для анализа ЭЭГ все чаще используется когерентный анализ, который выявляет процессуальную (динамическую) синхронизацию, а не только числовую (статическую).

По данным Merrin¹⁸⁷, только тип когерентности ЭЭГ коррелирует с клиническим диагнозом, тогда как изменения спектральной мощности ЭЭГ у здоровых лиц и лиц с психическими нарушениями практически не отличаются. Это свидетельствует о том, что когерентный анализ выявляет достаточно тонкие механизмы синхронизации между различными областями коры, которые не выявляет спектральный анализ. Во время деятельности у здоровых людей спектры когерентности могут оставаться неизменными («жесткий» тип когерентности) и могут значительно изменяться («гибкий» тип). Стабильный уровень синхронизации по спектрам когерентности коррелирует с медленным темпом умственной активности, а динамичный — с быстрым¹⁸⁸ (М.В. Бодунов).

Увеличение уровня когерентности происходит при невербальной деятельности¹⁸⁹ (Z.J. Koles, H.P. Elor) и в транс-медитативных состояниях¹⁹⁰ (F.T. Travis, D.W. Orme-Johnson). Данные по асимметрии спектров когерентности в литературе не встречаются. Лишь в работе Н.Е. Свидерской¹⁹¹, использующей методику пространственной синхронизации биопотенциалов, установлен факт о «косом» направлении градиента синхронности (от левых передних областей к правым задним областям коры). Увеличение уровня синхронизации в низкочастотном диапазоне квантования происходит при решении сложных задач¹⁹² (В.Н. Киной) и в процессе творческой деятельности¹⁹³ (И.М. Подклетнова, Г.В. Тарабынова).

Уровень синхронизации биопотенциалов мозга отражает, прежде всего, уровень согласования в деятельности отдельных интегративных систем мозга и сопровождает процесс оптимизации использования мозговых ресурсов при выполнении деятельности. По данным Л.А. Власкиной¹⁹⁴, умственную деятельность при модально-специфическом предъявлении информации характеризует неко-

торый оптимальный уровень синхронизации биопотенциалов мозга. По данным Б.М. Ливанова¹⁹⁵, при увеличении субъективной сложности задач происходит чередование этапов максимальной десинхронизации с этапами синхронизации. Причем, чем выше сложность задачи, тем ниже синхронизация в диапазоне средних (альфа) и высоких (бета) частот ЭГ, но тем выше пространственная синхронизация потенциалов в области низких частот¹⁹⁶ (В.Н. Кирой). Для лиц с высокой работоспособностью при умственной деятельности отмечается более дифференцированный характер пространственной синхронизации в фоновой ЭГ и сохранение высокой синхронизации во время деятельности в левых темпоральных областях¹⁹⁷ (В.И. Кирпичев).

Синхронизация нескольких корковых зон по одной и той же частотной составляющей, проявляющейся в значениях максимума спектра мощности ЭГ, также свидетельствует о совместном вовлечении подкорковых и корковых структур коры в обеспечение данного вида деятельности и отражают индивидуально устойчивый паттерн мозговой активности. Подобные диссипативные структуры мозга, устойчиво образующиеся в пространственно-временном континууме мозговых процессов, получили название «динамических паттернов». Динамические паттерны отражают целостность в работе мозга, т.к. возникающее распределение активности затрагивает не отдельную, а несколько зон коры, вовлеченных в обеспечение данной деятельности¹⁹⁸ (Н.Е. Свицерская).

Кроме частотной синхронизации биопотенциалов для абсолютного значения частот, существует способ оценки пространственно-временной согласованности ЭГ по значениям когерентности.

По данным Z.I. Koles¹⁹⁹ спектр когерентности для большинства людей представляет собой относительно постоянную величину, а максимальное изменение когерентности ЭГ обнаружено при невербальной деятельности. Согласно результатам, полученным F.T. Travis²⁰⁰ и E.I. Merrin²⁰¹, увеличение когерентности сопровождает медитативные состояния, а изначально высокий уровень когерентности связан с клиническим диагнозом, в частности с выходом из психотических состояний. По мнению У. Хика²⁰², невротические состояния возникают вследствие патологической подвижности процессов отражения вероятностной системы событий, вследствие чего уровень синхронизации мозга должен быть значительно ниже, чем у здоровых лиц.

О влиянии на уровень синхронизации характера прогноза ситуации указывал также Д.А. Ширяев²⁰³, связывая возникновение десинхронизации

с увеличением количества альтернатив в реакции выбора. По мнению нескольких авторов, увеличение значений когерентности свидетельствует о торможении процессов текущей афферентации и высших корковых функций, т.к. комплексная функция когерентности характеризует межцентральные отношения коры.

Быстрый индивидуальный темп умственной активности связывают с гибкостью пространственно-временной согласованности ЭЭГ (спектр когерентности), что выражается в скорости смены изменения и восстановления исходного уровня когерентности во время и после деятельности²⁰⁴ (М.В. Бодунов). Эффективность при решении умственных задач коррелирует с исходным высококодифференцированным уровнем синхронизации в фоновой ЭЭГ, сохраняющейся при умственной деятельности даже в речевых зонах.

Принимая во внимание существование двух основных типов реакции активации (по Е.Д. Хомской и Е.Н. Соколову) — генерализованной (общей) и локальной (региональной), имеющих различное происхождение (ретикулярное или таламическое), — генез альфа-активности ЭЭГ можно рассматривать с учетом всех возможных влияний: подкорковых (ретикулярно-лимбико-таламических) и внутрикорковых. Генерализованный уровень активации обеспечивается влияниями ретикулярной формации на кору (тоническая или длительная регуляция), а локальный — восходящими таламо-кортикальными влияниями (фазическая или срочная регуляция). Тоническая десинхронизация ритмов ЭЭГ соответствует фазовым переходам, т.е. перестройке динамических паттернов, а фазическая — установлению оптимальных режимов активации мозга. Оптимальный уровень синхронизации ритмов ЭЭГ отражает эффективное использование мозговых ресурсов при выполнении деятельности.

А в работе И.М. Подклетновой²⁰⁵ указывается на то, что стереотипная форма деятельности сопровождается десинхронизацией (по сравнению с фоном), тогда как творческая деятельность, наоборот, вызывает смещение спектра мощности в низкочастотную область.

Синхронизация, разумеется, не тождественна феномену синхронистичности, о котором писал К. Юнг, но вполне может быть интерпретирована и как особая форма ее проявления на уровне согласования макромира (мозг) и микромира (психика). В показателях когерентности мозговой активности, как в никаких других характеристиках ЭЭГ, отражаются те или иные психические нарушения. Именно это дает основания предполагать, что за уровнем синхронизации моз-

говых процессов могут «скрываться» нематериальные синхронизирующие и упорядочивающие процессы, единые в своем происхождении с телесным.

Самуэлс в курсе юнгианского анализа обращается к работам Стивенса, который считает, что *«...архетипы являются нейropsychическими центрами, ответственными за координацию поведенческих и психических репертуаров...»*. Стивенс считает, что *«ДНК — это способный к повторению архетип вида»*, распознающий то, что не является им самим. Стивенс предполагает даже существование биологического аналога самости, на роль которого претендуют лимфоидные клетки и/или клетки ретикуло-эндотелиальных систем.

Известный всему миру Росси выдвинул гипотезу о том, что место архетипов может находиться в правом полушарии мозга (право-левое направление), обосновывая это через связь с образными представлениями и интуицией. Нейропсихолог Генри на основании модели мозговых систем Мак-Лина, согласно которой неокортекс представляет собой «социокультурный мозг», лимбическая система — «инстинктивно-эмоциональный» мозг; гипоталамус — «рептильный мозг», высказал идею о том, что лимбическая система и стволовые структуры мозга (верхе-нижнее направление) могут быть местоположением коллективного бессознательного. Хотелось бы заметить, что, во-первых, к «рептильному» мозгу по Мак-Лину относятся все структуры лимбической системы, в том числе и гипоталамус, а, во-вторых, структуры неокортекса есть и у высших приматов (за исключением префронтального неокортекса), в связи с чем они тоже должны обладать «социокультурным» мозгом со всеми вытекающими последствиями.

Во всех приведенных рассуждениях о связи архетипа — с мозгом ли, с ДНК ли, — присутствует одна и та же методологическая ошибка и семантическая неточность. Методологическая ошибка заключается в поиске одного явления в другом, обладающем качественно иной природой. Семантическая неточность выглядит попросту вопиющей, т.к. архетип невозможно вообще нигде локализовать по определению.

Спросите себя: «Как я узнаю о том, что существует время? Где оно локализуется? — и если ваш ответ будет: «из календаря» и «в будильнике», то ход вашей мысли точно совпадает с ходом рассуждений вышеупомянутых ученых (Л. О.В.).

Архетип так же, как и понятие «вида», «времени», «пространства» не может содержаться целиком в каком-то конкретном идеальном или материальном явлении. «Явленность» архетипа, времени, пространства — только возможность, а

сама сущность этих **общих** принципов бытия остается где-то в области «потаянного», переживаемого мной в бытии как моя — но объективная данность.

Возвращаясь к исходным допущениям, хотелось бы выделить несколько **особо важных обобщений** и аналитических замечаний, обсуждаемых в этом небольшом теоретическом разделе:

1. В причинной (биполярной) парадигме взаимоотношений психики с мозговым субстратом выделяются внутренние и внешние причины.
2. Внешней причинностью наделяется обычно сенсорная среда, под влиянием которой формируется мозг, а **вслед за ним** и психика (в материалистической модели).
3. Внутренней причинностью обладает, как правило, сам материальный носитель (ДНК, полушария, кора и т.п.), из особенностей которого выводятся различия психических феноменов (в материалистической модели).
4. В синхронистичной (триадической) парадигме взаимоотношений психики и тела предусматривается наличие третьего элемента, упорядочивающего сосуществование первых двух — самого порядка.
5. В синхронистичной парадигме психика и тело упорядочиваются **аналогично** друг другу по одним и тем же механизмам и законам.
6. Единство и аналогия внутренних механизмов и законов и есть та причина, которая объединяет качественно различные противоположности в одно целое.
7. «Вывести» одну противоположность из другой (психику «из мозга» или наоборот) возможно только логически и только в бинарной парадигме.
8. Пространственно-временная асимметрия (жизнь — смерть; трансформация; правое — левое; верхнее — нижнее; переднее — заднее) может быть причислена к базовым бинарным оппозициям, на основе которых возникает порядок.

Диссипативная организация тела

Тело человека, как известно, тленно. Постепенно, достигая определенной точки своего развития, оно начинает терять целостность и прежние весьма совершенные свойства. С позиций классического термодинамического подхода

процесс возврата порядка в хаос неизбежен — энтропия (хаос) во Вселенной все время увеличивается. Однако, этому увеличению противостоят нэгэнтропийные (порядок) живые системы и общий универсальный механизм упорядочивания: вселенский порядок против вселенского хаоса.

Течение жизни — от хаоса к порядку и от него снова к хаосу, — к сожалению, необратимо (по крайней мере, в телесных формах). Ответ на вопрос: «почему умирает (превращается в хаос) тело?» звучит в констатации очевидных вещей приблизительно так: «потому что жизнь конечна». Почему? (Хорошо хоть искусство — вечно...).

Казалось бы, какое отношение имеет этот вопрос к психотерапии и к обсуждаемым в этой книге темам? Искушенный читатель, безусловно, заметит эту связь — она состоит во взаимоотношениях **жизни** как порядка с телесно-материальными формами, в которых она, собственно, воплощается. «Психе» в этом смысле тоже может рассматриваться как своего рода уровень жизни и порядка, существующих во вне-телесных идеальных формах.

Утрата телесных возможностей в старости есть проявление энтропийных, хаотических, деструктивных тенденций в жизнедеятельности организма в противовес нэгэнтропийным тенденциям, преобладающим в период морфогенеза.

Вера науки в материальное начало жизни привела к вере в ее генетическую детерминацию: «смерть начинается с зиготы». Но ни один здравомыслящий генетик не в состоянии объяснить простой и очевидный факт (известный как загадка Уоддингтона): почему бегущий кролик содержит больше информации, чем оплодотворенная яйцеклетка, от которой кролик и начинает свое печальное развитие? Потому что живые системы почему-то сами производят информацию и порядок, что невозможно в неживой природе. Уровень порядка в течение жизни растет, достигает некоего определенного уровня — и постепенно снижается.

И. Пригожин в соавторстве с П. Гландорфом²⁰⁶ выявили основную особенность термодинамики необратимых процессов в открытой системе, находящейся вдали от равновесия (в нелинейной области). Эта особенность состоит в способности удерживать «неравновесное равновесие», то есть диссипировать (совершать колебания) около точки равновесия. Такое равновесие было названо диссипативным. Его отличает динамичное постоянство состояния системы, получаемое через непостоянство (изменения) ее колебательных состояний. Точка

диссипативного равновесия снижает поток энтропии, идущий извне (среда) и изнутри (организм). В процессе роста организма потоки энтропии снижаются и стабилизируются. Это есть состояние высшей «неравновесной равновесности», когда любое изменение (извне или изнутри) компенсируется и система сохраняет динамическое и подвижное равновесие.

Организм, начав свое развитие с высокого уровня продукции энтропии (с высокой функции внешней диссипации), в процессе дальнейшего развития постепенно снижает интенсивность производства энтропии (уменьшает функцию внешней диссипации). Используя терминологию И. Пригожина, можно говорить о переходах живой системы на новые уровни диссипативного равновесия, сопровождающиеся всякий раз уменьшением энтропии и увеличением негэнтропии.

Это «восхождение» необратимо и конечно. Достигая в зрелом возрасте предела диссипативного развития, организм постепенно утрачивает способность противостояния энтропийным тенденциям. Наблюдается регресс — переход в состояния диссипативного равновесия, предшествующие данному (т.е. с более высоким уровнем энтропии). Схематично этот процесс изображен на рис. «Схема жизненного цикла живой системы».

«Подвижность» системы есть ни что иное как ее способность отвечать сохранением равновесия на любые сильные воздействия, т.е. флюктуировать с «широким размахом» вблизи точки диссипативного равновесия. И.А. Аршавский²⁰⁷ отмечает, что концепция И. Пригожина объясняет «невероятность» живых систем, которые представляют собой гигантские флюктуирующие объекты, существующие далеко от области равновесия, но свободно возвращающиеся к ней (и уходящие от нее).

Следовательно, телесная субстанция человека (организм) объединяет в себе свойства детерминированных и стохастических объектов, представляя собой диссипативную структуру. С одной стороны, тело обладает стабильными, генетически детерминированными особенностями, с другой — тело способно к динамическим, случайным изменениям.

В геронтологии существуют такие понятия как «синхроноз» — «десинхроноз».

В зрелом возрасте организм функционирует как динамическая равновесная система, в которой процессы синхроноза и десинхроноза непрерывно сменяют друг друга, сохраняя при этом целостность системы. Жизнь тела в зрелом возрасте уравнивает абсолютно противоположные тенденции: гомеостаз и

гомеокинез, синхронизация и десинхронизация, энтропийные и негэнтропийные процессы, стабильность и нестабильность. В позднем возрасте наблюдается смещение этого равновесия в сторону усиления десинхронных, энтропийных, нестабильных тенденций, сопровождающих переход системы в хаотическое состояние (разрушительное), которое, в свою очередь, приводит организм к точке абсолютного равновесия — смерти. Локальный десинхронизация — хаос — ничто. Таков путь разрушения целостности живого организма. Но не все функциональные системы тела человека стареют с одинаковой скоростью. Более того, абсолютная синхронизация и есть — «ничто». В живой системе синхронизация подвижна и неупорядочена.

Самыми важными синхронизаторами, сохраняющими целостность стареющего организма, являются эндогенные осцилляторы²⁰⁸:

- мембранные (биохимические циклы трансмембранный транспорт);
- эндокринные (прежде всего катехоламин и серотонин);
- центральные (регуляторы смены функциональных состояний мозга);
- социальные (индивидуальные регуляторы образа жизни).

Большинство исследователей адаптационных возможностей организма сходятся на том, что при старении происходит ослабление центральных и периферических механизмов, обеспечивающих адаптацию организма к факторам среды в результате сокращения структурных, функциональных, метаболических и других резервов. При этом уменьшается устойчивость и надежность систем организма, увеличиваются темпы старения и изменения биологического возраста. Но старение — сложный внутренне противоречивый процесс, в ходе которого возникают наряду с инволютивными и положительные адаптационные изменения. Последние в значительной мере определяют мощность механизмов, увеличивающих продолжительность жизни, или витаукт²⁰⁹ (В.В. Фролькис). Адаптационные перестройки, проявляющиеся в процессе старения, происходят на всех уровнях организации регуляторных и эффекторных систем и находятся под контролем центральных механизмов. Изменения, возникающие в отдельных звеньях ЦНС в процессе старения, приводят к ослаблению нервного и гормонального контроля, в результате чего развиваются глубокие структурные, обменные и функциональные сдвиги в клетках различных тканевых систем. В конечном итоге это приводит к сокращению прежде всего клеточного фонда, составляющего структурно-функциональную основу адаптации органов и систем организма. Поэтому постоянная нейрогуморальная активация метаболизма, энергетических и пластических

процессов в клетке способствует сохранению необходимого структурного фонда и резервов адаптации. Тренировка адаптационно-регуляторных механизмов, включающих как центральные, так и периферийные нейрогуморальные звенья, увеличивает продолжительность жизни организма.

Экстремальные воздействия на организм, особенно стареющий, оказывают отрицательное влияние, поскольку с возрастом снижается реактивность корковых нейронов и центральное торможение, ведущее к ослаблению антистрессовой роли ГАМК-ергической системы мозга. В этом плане двигательная активность как естественный фактор стимуляции всех систем организма, осуществляющаяся через нервную и гормональную регуляцию, занимает особое место в развитии процессов витаукта. По мнению И.А. Аршавского²¹⁰, оптимальная мышечная деятельность — фактор избыточного анаболизма. Физиологический стресс, возникающий на умеренную физическую нагрузку, обогащает организм новыми дополнительными энергетическими и пластическими ресурсами, увеличивает упорядочение систем, повышает неспецифическую и иммунобиологическую резистентность.

Однако на современном этапе развития цивилизации двигательная активность значительно сократилась. Возникла гиподинамия, которая для большинства людей развитых стран стала привычной, закономерной. Исследования, проведенные в последние два десятилетия, показали, что гипокинезия оказывает неблагоприятное влияние на здоровье людей. Она отрицательно сказывается на всех функциях организма, изменяя течение информационных, метаболических, нейроэндокринных процессов, состояние сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, мышечной, репродуктивной систем. Имобилизация вызывает значительные нарушения функциональной деятельности ЦНС, которые сопровождаются ослаблением интегративных процессов при формировании морфофункциональных систем поведенческих актов. Особенно уязвимым является организм стареющего человека.

Гиподинамия, в свою очередь, приводит к расстройству сложившегося в процессе развития взаимодействия двигательных и вегетативных функций. В результате ослабляются моторно-висцеральные рефлексy, что ведет к возникновению различных функциональных нарушений внутренних органов и систем. Естественно предположить, что возникшая критическая ситуация может быть изменена, и притом в положительную сторону, усилением двигательной активности организма. Однако увеличение физических нагрузок не может быть бес-

предельным, как и практически отсутствовать, чтобы не вызывать отрицательных сдвигов в наиболее важных жизнеобеспечивающих системах организма — сердечно-сосудистой и нервной.

Следует подчеркнуть, что по вопросу структурно-функциональных сдвигов в сердечно-сосудистой, нервной и других системах организма, возникающих в условиях ограничения подвижности и тренировки к физическим и иным нагрузкам, накоплен обширный материал. Показано, например, что при длительной гипокинезии уменьшаются размеры сердца, снижается его вес, особенно левого желудочка, укорачивается длительность сердечного цикла электрической системы, уменьшается амплитуда зубцов «Т» в левых грудных отведениях на ЭКГ, нарушается предсердно-желудочковая проводимость, появляются сдвиги в фазовой структуре систолы левого желудочка, характерные для синдрома гиподинамии миокарда, падает ударный объем крови.

При физиологическом старении наблюдается, хотя и не грубое, но существенное изменение двигательных синергий — сложных двигательных комплексов, составляющих основу естественной двигательной деятельности. В пользу такого заключения свидетельствуют и результаты исследования синкинезий, которые в отличие от синергий представляют собой произвольные движения, сопутствующие произвольному двигательному акту, при этом никак не улучшая, а, наоборот, даже ухудшая условия его существования. У испытуемых старших возрастов наблюдается умеренное усиление синкинезий лица, координационных и имитационных синкинезий. Экстрапирамидные нарушения амиостатического типа у лиц позднего возраста в значительной мере обуславливают характерные черты осанки, мимики, артикуляции, письма и т.д. Речь в большинстве случаев приглушенная, тихая, недостаточно модулированная. Нередко наблюдаются произвольные движения, особенно рук, напоминающие скатывание пилюль, поглаживание подбородка и др.

В структуре головного мозга наблюдаются последовательные инволюционные изменения от филогенетически более молодых структур к более поздним. В неокортексе в пожилом и старческом возрастах уменьшается число нейронов и возрастает число глиальных элементов, что, следовательно, приводит к разрушению межкортикальных и внутрикортикальных связей. Это касается прежде всего передне-ассоциативных областей (фронтальных и темпоральных), которые, как известно, выполняют функцию синтеза информации, не имеющей сенсорной модальности. В коре мозжечка на 25% уменьшается число клеток Пуркинье.

В лимбической и стрио-паллидарной системах происходят склеротические изменения, снижается концентрация серотонина, норадреналина и дофамина.

Все полученные данные свидетельствуют о том, что энтропийные тенденции в различных функциональных системах организма развиваются неравномерно: в каких-то быстрее, а в каких-то значительно позже. Такое гетерохронное развитие характерно для живых систем. И становление (эволюция), и разрушение (инволюция) происходят по гетерохронному типу. Первыми системами организма, не выдерживающими энтропийного «натиска», являются моторно-двигательные (включая центральный компонент регуляции) и сердечно-сосудистая (включая вегетативный компонент регуляции) системы.

Таким образом, при старении энтропийные тенденции пронизывают уровни мембранных (клеточных), нейро-эндокринных и системных десинхронозов, нарушая тем самым деятельность соответствующих эндогенных осцилляторов. При этом начинают снижаться функциональные возможности тела, а низкий уровень двигательной активности, в свою очередь, еще больше усугубляет энтропийные тенденции. Социальные изменения в жизни пожилого человека влияют на качество психической жизни и еще больше усугубляют десинхроноз.

Следовательно, живое подвижное тело является в высшей степени синхронизированным, т.е. упорядоченным объектом. Его синхронизированное бытие обладает одной самой важной особенностью: порядок в нем всякий раз **возникает** из хаоса, порождая диссипативные колебания, сводимые к подвижному противостоянию: порядок против хаоса. Каузальность и источник самого порядка, по-видимому, следует отнести к идее свободной причинности, т.е. порядок (жизнь) является причиной самого себя.

Психология телесности

Человек взаимодействует с миром опосредованно — через тело, обладающее физической протяженностью, равно как и другими материальными свойствами: непрозрачностью, устойчивостью, границами, физиологическими функциями, биохимической структурой и т.д. Живое тело представляет собой, по выражению А.Ш. Тхостова²¹¹, универсальный «зонд» субъекта. А.Ш. Тхостов использовал эту метафору вслед за А.И. Леонтьевым, которым в условиях экс-

перимента, допускавшего использование зонда для ощупывания предмета, был обнаружен интереснейший феномен **смещения** субъект-объектной границы на границу «зонд-объект». Он был назван феноменом «зонда» — «удлиннения» протяженности тела, в котором телесные ощущения субъективно локализовались на кончике зонда, а не руки, державшей зонд.

А.Ш. Тхостов заключает, что сознательная «размерность субъектности» может варьировать в зависимости от различных условий взаимодействия с миром, изменяющих телесную протяженность человека. Инструмент, при помощи которого субъект взаимодействует с первой реальностью, становится продолжением тела²¹². И, наоборот, исключенные из взаимодействия с миром части тела (или тело как таковое) могут терять свою принадлежность к данной «размерности» в субъектном измерении и становиться объектом.

В этом точном рассуждении заключена одна очень важная деталь, делающая качественно иным понимание взаимоотношения субъекта со своим телом. А именно: тело не само по себе отвечает на раздражители первой реальности, а является инструментом в «руках» сознания, Эго. Попробуйте сделать любое движение рукой и спросите себя: «Как это происходит?» Ведь это движение вряд ли можно назвать рефлексом — оно произвольно и обладает сознательной целевой программой. Кто движет рукой? Ответ очевиден: «Я, разумеется». И в этот момент обнаруживается громадный методологический изъян полученного нами в наследство из прошлого века материалистической идеологии, которая будет искать причину того, как же кора «узнала» о том, что я хочу подвигать рукой? Сие явление оказывается полнейшей бессмыслицей в рефлексной (от слова «рефлекс») модели телесного движения.

А.Ш. Тхостов отмечает²¹³, что, воздействуя на границы тела, внешняя реальность проявляет себя, т.е. становится явью для субъекта. В случае нарушений отношений субъекта со своим телом, возникают психосоматические расстройства, как следствие несовпадения натурального и «культурного» тела. Под «культурным» телом, вслед за Э. Кассирером и М. Бахтиным, А.Ш. Тхостов понимает реальность культурного бытия тела, знаково-символическое опосредование интрацептивных и экстрацептивных телесных ощущений.

Концепция «культурного тела», изложенная М.М. Бахтиным в связи с анализом творчества Франсуа Рабле²¹⁴, уходит своими истоками в смеховую культуру, в карнавальность. По М.М. Бахтину, **карнавал** является «дублем» реальности, вторым миром, в котором все происходит наоборот. «Зеркальное» отражение

реальности в карнавальной форме отрицает ее устоявшиеся ритуалы и развенчивает ее ценности. Пафос, фамильярность, профанации, ругательства и смех карнавала хоронят сознательно поддерживаемый общественный порядок жизни, тем самым обновляя и возрождая его.

В этих точных наблюдениях М.М. Бахтина содержится один тотальный момент бытия человека, который был отмечен в юнгианском анализе. Речь идет о «законе» внутренних трансформаций: без отрицания (умирания, разрушения) невозможно качественное изменение психики. Небытийные моменты жизни человека являются, таким образом, необходимыми моментами развития и трансформации его Души. В карнавале специально осуществляется ритуал осмеяния существующего, — для того, чтобы высвободить новое из небытия.

Тело, как культурный феномен, обладает в контексте смеховой культуры карнавальной гротескностью и амбивалентностью. Тело обладает преувеличенно «низкоорганизованной» сущностью и одновременно содержит в себе оба полюса качественного изменения: и старое, и новое, и умирающее, и рождающееся. Наиболее емким символом гротескного образа тела в искусстве является изображение беременной старухи, которая смеется. В ее теле «живут» одновременно два тела, из одного «выпирает другое, новое тело»²¹⁵.

В образах, появляющихся во время проведения техники направленной визуализации, довольно часто встречаются подобные символы «смерти — возрождения», трансформация которых сопровождается переживанием так называемых «катарсисов» и «инсайтов».

По мнению М.М. Бахтина, тело как таковое «...воплощает в себе весь материально-телесный мир как абсолютный низ, как начало поглощающее и рождающее, как телесную могилу и лоно, как ниву, в которой сеют и в которой взрывают новые всходы»²¹⁶. Что-то нетелесное созревает в теле, снимая его биологическую природу, натуральность и «опрозрачивая» его бытие.

Натуральное тело и весь материальный мир вне субъективного понимания представляют собой «неприсвоенное», «плотное» пространство. Осмысляя, или иначе — осозная, — тело ли, мир ли, субъект присваивает его и делает его «прозрачным». «Культурное» тело, так же как и понятый «мир» и понятое эмпирическое «Я», является результатом «опрозрачивания» и присвоения их субъектом. **«Мое»** означает по А.Ш. Тхостову — понятое мной, переведенное в

границы Эго. **«Иное»** — представляет собой отчужденную от «Я» область «не-Я», или нечто непрозрачное для сознания субъекта.

Тело человека, обладающее свойствами первой реальности, присваивается сознанием таким же способом, что и весь остальной материальный мир. Через явность «моего тела» субъект получает возможность объективировать «потаенные», неявные идеальные сущности: в телесной экспрессии находят выражение чувства, в речевой экспрессии — мысли, в поступках — отношения. Тело необходимо человеку, чтобы взаимодействовать с миром и выражать себя **явно**.

Другому человеку необходимы явные послания, для того, чтобы коммуницировать со мной. Если я боюсь выразить себя (убогого) или скрываю действительное отношение к другому человеку, то первое, что я теряю при этом — себя самому. Не выражая вовне, через тело, свое «Я», человек теряет и себя, и связь с этим миром. Психология долгое время настойчиво игнорировала эти очевидные вещи. Не замечала, что коммуникации в идеальном измерении, в измерении, лишенном тела, становятся совершенно **недоступными для опознания** (речь ведь тоже «телесна» и поэтому явна).

В настоящее время в отечественной психологии интенсивно развивается совершенно новое направление — «психология телесности». Данное направление представлено работами А.Ш. Тхостова, Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой, Г.А. Ариной и др. В. В. Николаева в своей статье «От традиционной психосоматики к психологии телесности» пишет: *«Телесность оказалась «теоретически невидимой» для психологии, несмотря на свою очевидность»*. Напротив, медицина, всецело обращенная к телу человека, вплотную подошла к психосоматическим феноменам, исследуя при этом патологические проявления *«в соматической сфере человека, связанные с воздействием патогенных психологических факторов»*. Николаева В.В. отмечает, что «бестелесная» психология и педагогика упускают целые пласты важнейшей реальности человеческого существования, сталкиваясь с ней лишь в форме «ущербности», искаженного развития или патологии...».

В.В. Николаевой определяется **предмет** нового направления отечественной психологии, «психологии телесности» — это *«закономерности развития телесности человека на разных этапах онтогенеза, а также ее структура и психологические механизмы функционирования в качестве человеческого, т.е. культурно детерминированного феномена, влияющие на формирование нор-*

мальных и патологических явлений телесности). Телесность в таком широком понимании становится, таким образом, включенной в контекст не только естественно-научного, но и гуманитарного знания, обретает смысл и ценность. Развитие телесности в процессе социализации, по В.В. Николаевой, проходит в несколько этапов (натуральное тело — чувствующее тело — вербализированное тело) на пути усвоения и порождения телесных знаков, а также расширения телесных действий. Формирование телесности включает в себя два плана: становление способов психической регуляции телесных функций (что само по себе изменяет точку зрения на телесное бытие как организменный факт) и создание собственных психических эквивалентов тела (образа тела, самочувствия, «культурного» тела). Оба плана базируются на преобразовании природных явлений телесного бытия в культурные, т.е. в явления, обладающие смыслом, значением и ценностью для своего носителя.

Процесс «опрозрачивания» тела в онтогенезе, по В.В. Николаевой, происходит через трансформацию бытия «Я есть тело» к бытию «у меня есть тело», что определяющим образом связано с выходом «тела» в план открытого поведения — в третий, **внешний** план бытия, план установления отношений с миром.

Неслучайно именно в XX веке наука психология потеряла, вслед за всем человечеством, **все тело**, изучая локальные взаимодействия в области связей «мозг — психика». Разросшееся сознание лишилось главного инструмента в установлении отношений с миром — своего тела. Диссоциация тела и души, — основной отличительный культурный феномен XX столетия, — не могла не отразиться на развитии психологической науки и психотерапевтической практики. Тем не менее, отдельные «прорывы» к интеграции тела и души совершаются, и не только психотерапевтами, но и академическими учеными, что с необходимостью обеспечивает объективацию эмпирического клинического опыта и ведет к сознанию не диссоциированной, но интегрированной модели психологического знания.

В современных психотерапевтических направлениях, включающих в психотерапевтическое пространство работу с телом, накопленные эмпирические наблюдения, как правило, не подвергаются глубокому теоретическому осмыслению. Академическим научным исследованиям взаимоотношений телесного и ментального, напротив, характерны излишняя абстрактность и консерватизм, как в трактовке данных, так и в построении экспериментальных моделей.

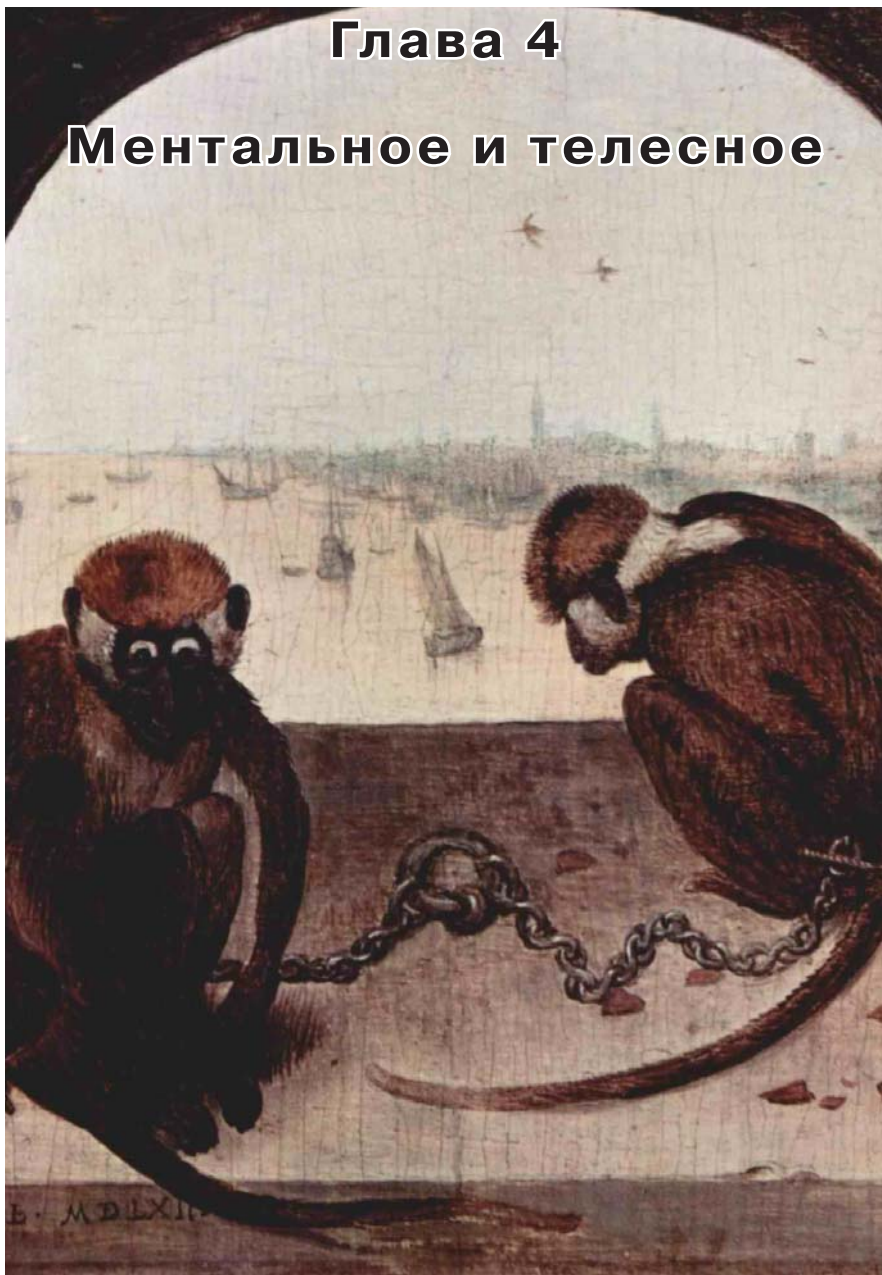
Ананьев В.А.²¹⁷ в своей авторской модели психотерапии обращает особое внимание на телесные переживания человека и их представленность на нейроиммунологическом уровне. Основными методологиями, на которые опирается Ананьев В.А., является термодинамическая теория, теория систем и синергетика. Его подход в целом отличает многофакторность, но вместе с тем данный подход скорее можно отнести к традиционным в психотерапии и академической психологии. Тем не менее, Ананьев В.А. «дополняет» свою психотерапевтическую модель притчевой метафорической подсистемой, само наличие которой неслучайно, что вместе с ней постигаемое и постигающее становятся соотносимыми друг с другом.

В новом направлении «психология телесности» совершена не только попытка пересмотра самого предмета психологии, но и одна из плодотворных попыток выведения эмпирических психотерапевтических наблюдений на объективный уровень научного знания.

В целом, интеграция обобщенного психотерапевтического опыта в научное сознание является весьма сложной проблемой, т.к. критерием объективности в психотерапии является наблюдаемость психического феномена самим человеком (психотерапевтом), которого невозможно исключить из описания явления, т.к. понимание явления происходит **через него (в связи с чем психотерапию и упрекают в субъективности)**. **Объективация же в академической науке происходит путем абстрагирования от конкретного опыта и его носителя, через обращение к объективно существующей логике и использованию ее доказательных законов. В этом «разрыве» видна еще одна дихотомия, разорванность которой пытается преодолеть современная «психология телесности».**

Глава 4

Ментальное и телесное

Жизнь есть усилие во времени.

М. Пруст

Жизнь есть противостояние разрушению.

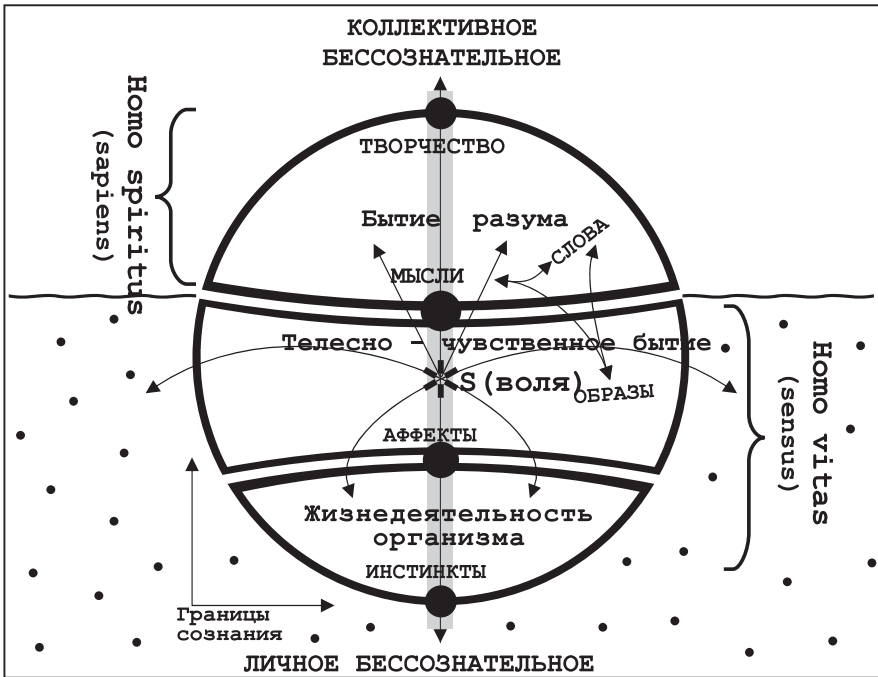
Уоддингтон

Универсальный закон порядка имеет множество проявлений в экспрессии бытия, объединяющего в себе телесное и ментальное начала. Точками аттракции (притягивающими множествами) в телесно-ментальном бытии человека сознанию доступны следующие его проявления: инстинкт, аффект, мысль и творчество (см. рис. «Метафора онтологической организации психики»). Соответственно, необходимо выделить 4 уровня бытия: инстинктивный (уровень жизнедеятельности организма), аффективный (уровень телесно-чувственного бытия), мыслительный (уровень бытия разума) и творческий (духовный уровень бытия). В бытии природно-духовного человека гармонично согласованы телесное, душевное и духовное, т.е. в его бытии необходимо соотнесены и осознаны все уровни существования: уровень жизнедеятельности организма — с телесно-чувственным уровнем, телесно-чувственный — с мыслительным и духовным, и все уровни явлены и упорядочены в едином акте бытия целостного человека.

Механизм этой гармонии имеет прямое отношение к реальности Абсолюта — единого универсального закона бытия.

Форма, представленная на рисунке, является авторской метафорой. Метафора, в отличие от логической схемы, включает в себя и иррациональные моменты, что дает возможность исследователю объединить разобщенные в сознании отдельные в одну форму, несколько разных планов психического явления как такового — «увидеть» вместе, соотнесенными друг с другом. Рациональные моменты метафоры таковы:

- во-первых, бытие психического обладает уровневостью качественных соотнесенностей (чувственно-телесный уровень или *Homo vitas (sensus)* и мыслительно-духовный уровень или *Homo spiritus (sapiens)*);
- во-вторых, в бытии психического воплощено существование единого центра (*S* — субъект, обладающий сознанием и волей), способного перемещаться на любой из имеющихся и доступных сознанию уровней

Метафора онтологической организации психики

(кстати, единый центр становится всякий раз из множественных центров внутренним усилием «держания» себя целостным);

- в-третьих, бытие психического определяется наличием упорядочивающих элементов — «стержня», связующего все уровни в единое целое, — и границ Эго-сознания для каждого уровня отдельно и в целом, создающих определенность формы ментального пространства, ее устойчивость и гибкость одновременно;
- в-четвертых, бытие психического необходимо связано с наличием точек интеграции разноуровневого пространства (инстинктов — точки интеграции организма с низшими психическими процессами; аффекты — точка интеграции инстинктивного тела и чувств; мысль и идея — точка интеграции чувственного, рассудочного и разумного; творчество — точка высшей духовной интеграции всех предыдущих уровней, точка «выхода» в инобытие).

Иррациональный смысл метафоры заключен в самом символе формы психики, проникающей в тело: централизованный устойчивый шар, плавающий на границе внутреннего и внешнего миров, «корнями» уходящий в тело, и чувства, упорядоченный «крестообразными» процессами духовной природы. Данная метафора является общей для всех рассуждений, приведенных в данной книге. В ней отражен общий подход к терапевтическому процессу в целом, в котором таинство интеграции осуществляется за счет духовных творческих ресурсов клиента и ресурсов его разума, с привлечением и раскрытием глубинных ресурсов телесно-чувственного и инстинктивного уровней. Данная метафора имеет прямое отношение к циклическим образам, которые часто возникают у клиентов и психотерапевта в глубинной психотерапии в момент интеграции.

Метафора представляет собой шар, свободно плавающий в море личного бессознательного, граничащего с небесами коллективного бессознательного, которые, как известно, взаимопроникают друг в друга (вода превращается в пар, а пар конденсируется в воду). Шарик этот имеет «центр тяжести», полупроницаемые границы и точки «пассионарной аттракции» внутри, при помощи которых удерживается почти эфемерная целостность шарика.

Возможно, именно в этих разделяющих и соединяющих одновременно точках происходит альтернативный причинному процесс установления синхронистичного порядка, который, кстати, не исключает, а дополняет механизм причинности.

Центральной связью в метафоре являются связь между макромиром (телесным) и микромиром (ментальным). Прообраз целостности бытия реального человека. Его феноменология до сих пор остается непознанной и практически недоступной в объяснении многих «психотерапевтических эффектов», которые могут быть сведены к связи тела с психикой (например, телесно-ориентированные и холдинг-технологии или направленная визуализация). Они изменяются вместе, взаимовлияя друг на друга. Если изменение произошло, то его невозможно «локализовать» только в теле, или только в психике.

* * *

Девочка плачет — шарик улетел,
Ее утешают, а шарик летит.
Девушка плачет — жениха все нет,
Ее утешают, а шарик летит.
Женщина плачет — муж ушел к другой,
Ее утешают, а шарик летит.
Плачет старушка — мало пожила,
А шарик вернулся, а он — голубой.

Б.Ш. Окуджава

Хотелось бы сделать одно замечание относительно употребления терминов «ментальное», «психическое» и «психика» в тексте данной книги.

«Ментальное», как абстракция, включает в себя сознательные и бессознательные, личные и коллективные, чувственные и рациональные проявления психического (вообще).

«Психическое» является конкретным проявлением ментального в реальном носителе психики — человеке.

Относительно семантики терминов «телесное» и «тело» можно сказать то же самое:

- «телесное» представляет собой абстрактную категорию, обозначающую телесные свойства вообще, как совокупность «общетелесных» особенностей, характерных для физико-биологической материальной структуры;
- «тело» же является реальностью, конкретным телом конкретного человека.

Использование онтологической метафоры психики в психотерапии, которая, как хочется верить автору, близка в целом к общему смыслу идеи архетипа К. Юнга, дает **сознательные ориентиры** психотерапевту. Эти сознательные ориентиры являются суммой предельно общих допущений, не обладающих ни конкретным, ни, тем более, системным содержанием. Они задают лишь **форму**, по которой и внутри которой возможно совершение движения мысли, чувства и действия, балансируя между рациональным и иррациональным в таинстве процесса психотерапевтического взаимодействия.

Допущение 1. «Примат Духа» или «Примат порядка». Синхрония и причинная взаимосвязь представляет собой внутренние механизмы универсального закона Порядка. Причинные связи являются наиболее постоянными и создают порядок на макроуровне (в теле). Синхронистичные связи упорядочивают и соединяют случайное и непостоянное на микроуровне (в психике). Причинные связи могут проявляться на микроуровне (логика), синхронистичные связи — на макроуровне (космический порядок).

Допущение 2. Порядок рождает форму. **Форма** представляет собой явленный порядок, место его существования. **Телесная форма** есть макроуровневая онтологическая структура. Микроуровневой онтологической структурой является **ментальная форма**. Соположение телесных и ментальных форм причиннообусловлено и синхронизировано, что и составляет сущность самого порядка.

Допущение 3. Структура ментальных и телесных форм образована **биполярными** связями (правое — левое; верхнее — нижнее; переднее — заднее; позитивное — негативное; мужское — женское и т.п.), образующими целостные единицы. Одна противоположность не является причиной другой. Их сосуществование определяется третьим — Порядком, Универсумом, Абсолютом, *opus mundus...*

Допущение 4. Явные изменения ментальных и телесных форм ведут к более высокой упорядоченности — к **трансформации**. Трансформации сопровождаются качественными изменениями соположения форм и их внутренних постоянных и непостоянных составляющих. Трансформация телесных форм идет по пути роста и дифференциации. Трансформация ментальных форм осуществляется через разрушение (смерть) к созиданию (возрождение). Энергией ментальной трансформации является усилие, которое воздействует не только на ментальные, но и на телесные формы.

Допущение 5. Двама основными векторами бытия человека в **усилии** являются: усилие, необходимое для актуальной трансформации; усилие в установлении отношений с миром.

Допущение 6. Источником усилия, порядка, формообразования, трансформаций и т.п. является **субъектная духовная сущность**, обладающая всеобщностью (Универсум) и уникальностью (Человек), непостижимая, а лишь угадываемая разумом.

Допущение 7. Основные предметные области психотерапевтического воздействия — это области **синхронистичных и причинных связей** психики, удерживаемых усилиями бытия субъекта целостными в единстве с материальным носителем — телом человека. Основные синхронистичные и причинные связи следующие:

- между телом и психикой в целом;
- между инстинктом и творчеством;
- между разумом и бессознательным;
- между телом и инстинктами;
- между телом чувствами;
- между телом и бессознательным;
- между телом и разумом;
- между чувствами и разумом;
- между чувствами и инстинктами;

- между чувствами и бессознательным.

В инстинкте проявляют себя тело человека, в творчестве — душа и дух. Связь между телом и макромиром проявляется в экспансии жизнедеятельности и в телесной экспрессии. Связь между телом и чувствами воплощается в «интернальном теле» (см. главу «Идея вторая: ментальная форма»). В телесной экспрессии «пойманный» момент синхроничности между телом и чувствами — катарсис, между сознанием и бессознательным — инсайт. Связь между телом и разумом проявляется в волевой регуляции, в осознанных поступках, в межличностной репрезентации, в управлении телесно-чувственным компонентом бытия. Связь между разумом и бессознательным воплощена во всех предыдущих связях.

Таким образом, психотерапевту в глубинной топологической психотерапии отведена во взаимодействии с клиентом весьма скромная роль — роль «будильника», звонящего настолько громко, насколько это необходимо для того, чтобы разбудить спящие духовные ресурсы человека. Эффективность психотерапевта и клиента в этой модели базируется на усилении «удержать себя живым»; на способности удерживать свое сознание видящим, слышащим и переживающим все то, что происходит в реальности жизни.

Ведущими терапевтическими методологиями в настоящей модели являются: теория объектных отношений, аналитическая психология и экзистенциальная психотерапия. Юнгианская методология позволяет единообразно рассматривать оба вектора человеческого бытия: как в отношении внутренних трансформаций, так и в отношении связи с миром. Эго-психология и теория объектных отношений позволяет объяснить только одну из причинных сторон взаимосвязи «Я-Мир» — внешнюю причинность, т.е. влияние на Эго ближайшего социального окружения и роль эмоциональной позитивной поддержки в его становлении. Этим не исчерпывается вся сложность процесса формообразования и трансформации на пути становления подлинного «Я». Экзистенциальная психотерапия отслеживает подлинность как таковую и дает ключи к пониманию ее повлечения в бытии.

Именно об этом, **внутреннем** измерении становления подлинного «Я» пойдет речь в «Идее третьей:…» и «Идее четвертой:…» данной книги.

«Человек инстинктивный» и «Человек духовный» в теоретико-практических основаниях интегративной модели представляют собой ту биполярную пару, которая в определенном соположении друг к другу составляет единство Эго и Self. В

Семантика соположения ментальных форм Эго и Self

Эго (внешняя причинность преобладает)	Self (внутренняя причинность преобладает)
<p>Центр сознания, формирующийся под воздействием внешних социальных факторов.</p> <p>Имеет границы, сознательную концепцию, ясную область «Я», отделенного границей от «Мира».</p> <p>В психике одного человека уживаются многие «Я», среди которых (у здорового человека) одно «Я» является полноправным хозяином, регулирующим взаимодействие с Миром и обеспечивающим целостность «многояйного» субъекта.</p> <p>Полатание себя таким-то и таким-то имеет в своей основе абсолютное согласие самого субъекта с идеями о себе, как об объекте, обладающем определенными особенностями.</p> <p>В соответствии с идеями о себе находятся идеи полатания «Мира» таким-то и таким-то. Между концепциями «Эго» и «Мира» всегда можно установить логическое соотношение: либо взаимоисключающее (комплементарное, взаимопротивоположное); либо построенное по принципу сходства — «подобное — к — подобному». Содержание концепций проявляется в переносе и контропереносе, т.е. в реальных взаимодействиях «Я» с «Миром» (частью «Мира»).</p>	<p>Центр психики, существующий a priori. Психика в целом обладает не только свойствами сознания, но и качественно иными свойствами, относимыми к сфере бессознательного.</p> <p>Self является своего рода «внутренним космосом», бесконечным, безграничным, включенным в единое трансцендентное начало, объединяющее субъекта со всем сущим и отделяющим его существование от существования других вещей.</p> <p>Self, как источник внутренней силы, энергии, как упорядочивающее ядро психики, обладает огромным интегрирующим потенциалом, уравновешенным противоположными энтропийными тенденциями. В Self порядок и хаос противостоят друг другу. Через внутреннее усилие человек сохраняет целостность, противостоит разрушению, вырабатывая базовый «навык бытия» — способность к преодолению, противостоянию, сохранению устойчивости и целостности.</p> <p>Его невозможно «помыслить», им можно уметь (или не уметь) пользоваться. Этот «навык бытия» пронизывает все уровни человеческого существования: от телесного до духовного.</p> <p>Сила преодоления — ресурс Self.</p>

помещенной ниже сравнительной таблице дана самая общая характеристика этих двух основных архетипов, состоящих друг с другом в отношениях синхронии.

Выработка фундаментального «навыка бытия»: быть и совершать усилие, — составляет одну из главных целей глубинной топологической психотерапии, в частности, и человеческой жизни, — в целом.

В интегративной модели, предлагаемой читателю, подразумевается наличие только одной телесной формы — собственно физического тела человека и трех основных ментальных форм: идеи, архетипа и «интернального тела» (последняя рассмотрена в «Идее второй...»). Они представляют собой разновидности онтологических метафор, в которых воплощается универсальный закон порядка и через которые порядок (форма) становятся явными, т.е. доступными сознанию в своем бытии.

Идеи существуют явно в сознании и представляют собой априорные «пустые» вместилища (формы) смысла, при помощи которого разумом и постигается суть вещей.

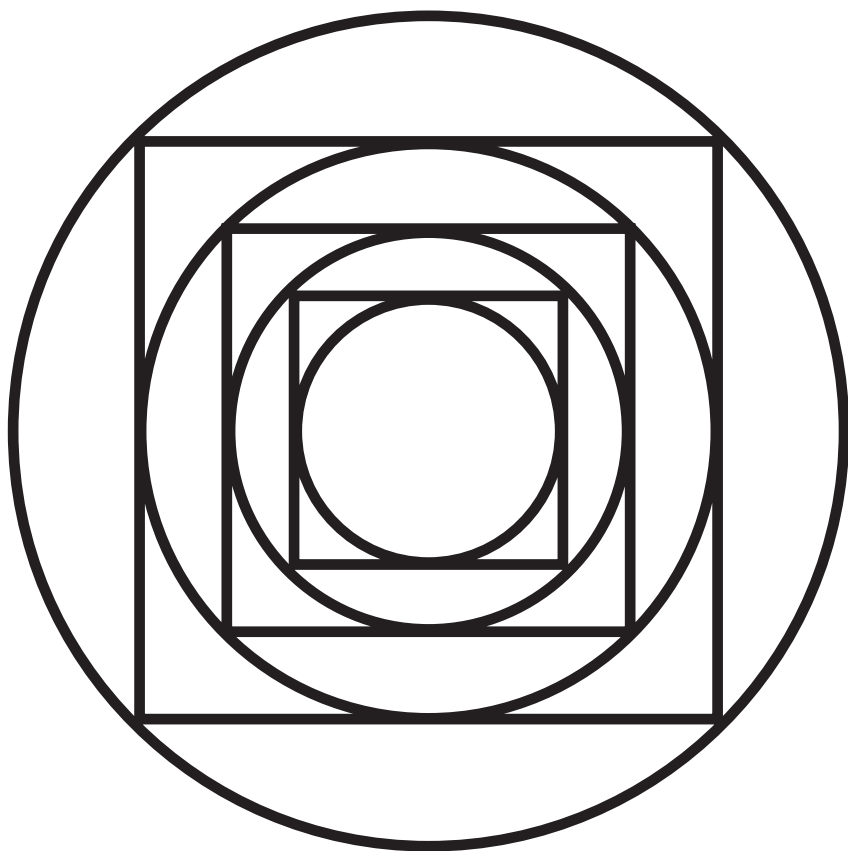
Архетипы упорядочивают бессознательные явления и тоже представляют собой априорные «пустые» вместилища (формы) для переживаний, побуждений и энергии дальнейших трансформаций.

Идея архетипа, таким образом, отличается от архетипа, как такового, наличием определенного смыслового содержания — порядка иного уровня. Без идеи архетипа архетипы все равно существуют в психике в виде общего принципа ее упорядочивания, но в этом случае архетипы скрыты в области «потопленного» и совершенно недоступны осознанию. Идея в психотерапии является главным инструментом психотерапевта, при помощи которого становятся «видимыми» «невидимые» сущности. А поскольку сущности чрезвычайно сложны, то идей, раскрывающих их тайный смысл, может быть великое множество — и каждая из них будет иметь свои пределы.

Иллюзорность идеи будет определяться качеством самой жизни, влекомой этой идеей.

Часть вторая

**ИДЕИ
О ТРАНСФОРМАЦИИ**

Глава 1

Идея первая: ТОПОС

О топологии Души

Душа — это... все сущее.
Форма формы.

Дж. Джойс

Топос (буквально — место, пространство, обладающее границами), с одной стороны, представляет собой родовое понятие по отношению к видовому понятию архетипа. Но, поскольку понятие подобного ранга принадлежит к разряду невозможных для разума, то будем считать, что топос — это онтологическая метафора трансцендентного порядка, описывающая явления не только ментального, как архетип, но так же и физического плана бытия. Граница, отделяющая внутреннее топологическое измерение от внешнего — лежащего за пределами данного топоса, но в пределах какого-то другого, — обычно называется **формой**. Таким образом, топос включает в себя статические элементы — формы, и динамические — взаимоотношения и взаимовлияния форм, которые в своей совокупности образуют становящееся из хаоса упорядоченное движение внутри ясно очерченных границ пространства — МЕСТА для ПУСТОТЫ, в которой возникает самоорганизующийся порядок, и которая в бытии души всякий раз наполняется заново.

М. Мамардашвили попытался создать метафору бытия сознающего субъекта. Ему удалось начать размышления и рассыпать зерна для прорастания философии бытия. Главная его метафора состоит в том, что сознание есть особое **место — сферическое ментальное пространство**. «Сознание... — место, в котором существует некоторая активность»¹. В *центре* ментального пространства находится **сингулярная точка**, точка равнодействия — туда ничего не входит и оттуда

* * *

Сперва нарисуйте клетку
С настезь открытой дверцей,
Затем нарисуйте что-нибудь
Красивое и простое,
Что-нибудь очень приятное
И нужное очень для птицы;
Затем в саду или в роще
К дереву полотно прислоните,
За деревом этим спрячьтесь,
Не двигайтесь и молчите.
Иногда она прилетает быстро
И на жердочку в клетке садится,
Иногда же проходят годы —
И нет птицы.

Не падайте духом, ждите,
 Ждите, если надо, годы,
 Потому что срок ожиданья,
 Короткий он или длинный,
 Не имеет никакого значения
 Для успеха вашей картины.
 Когда же прилетит к вам птица
 (если только она прилетит),
 Храните молчание, ждите,
 Чтобы птица в клетку влетела,
 И, когда она в клетку влетит,
 Тихо кистью дверцу закройте,
 И, не коснувшись ни перышка,
 Тихо клетку сотрите.
 Затем нарисуйте дерево,
 Выбрав лучшую ветку для птицы,
 Нарисуйте листву зеленую,
 Свежесть ветра и ласку солнца,
 Нарисуйте звон мошкары,
 Что в горячих лугах режется,
 И ждите, ждите затем,
 Чтобы запела птица.
 Если она не поет —
 Это плохая примета,
 Это значит, что ваша картина
 Совсем никуда не годится;
 Но если птица поет —
 Это хороший признак,
 Признак, что вашей картиной
 Можете вы гордиться
 И можете вашу подпись
 Поставить в углу картины,
 Вырвав для этой цели
 Перо у поющей птицы.

Ж. Превер
 Как нарисовать птицу

ничего не выходит, — в которой субъект переживает себя живым. Эта точка является также точкой **пассионарной аттракции**, т.е. обладает страстной активностью, чувствительностью и сильным притяжением — из любой другой точки сферического пространства субъект будет «заброшен» именно к ней. Движение к центру происходит по поверхности и из глубины этого пространства. Воссоединение извлеченного на поверхность события скоординировано с собираемыми точками движения по поверхности, структура которых и есть соответствие их всех одному (смыслу, образу, идее, форме).

В ментальном пространстве действует **топологический закон**: если на поверхности сферы появляется другая занятая точка, то прежняя исчезает. Человек размышляет — возникает один бегущий узор на поверхности сферы, беседует — другой. Мамардашвили считает, что **идеи являются точками** малой аттракции, т.е. тоже обладают притяжением, — собирая вокруг себя соответствующие точки ментального пространства.

Мамардашвили приводит рассуждение Рильке, в котором бытие сознания представлено метафорой **пирамиды**. Вот оно: *«Мне представляется всегда, как если бы наше обиходное сознание на самом деле жило бы не на вершине некой пирамиды, базис которой — в нас и, соответственно, под нами — настолько полностью и далеко уходит в свою ширину, что, чем дальше мы сумеем погрузиться, тем в большей мере мы вовлекаемся*

в независимую от пространства и времени данность земного, в самом широком смысле светского бытия... В глубоком срезе этой пирамиды сознания становятся возможными для нас событиями самые простые вещи, непрерывное присутствие и одновременно бытие которых на верхнем конце пирамиды доступно переживанию только в виде потока»² (М. Мамардашвили).

Лев Гумилев³ считает, что одной из причин развития этноса является накопление пассионарного напряжения — хаоса коллективной жизни, выходящего за границы сущего. Надличностные коллективные, сцепленные с природой образования — МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА больших скоплений людей (или этносы) — обладают, по сути, теми же пассионарными свойствами, что и психика отдельного индивида. Однако не каждый индивид в этносе является носителем пассионарной активности так же, как не каждый элемент в психике принадлежит к сфере сознания и порядка. Пассионарные элементы нарушают стабильность и устойчивость границ топоса, что приводит к трансформации границ и переходу на новый уровень упорядоченности и сложности, к возникновению новых элементов и связей.

Топос не является системой в строгом научном смысле, т.к. понятие системы исключает хаотические иррациональные моменты в существовании явления. Можно говорить о том, что система — это миг в бытии топоса, в котором насильно зафиксирован только момент порядка и взаимодействия. Кроме упорядоченности, в каждом моменте бытия содержатся разрушительные тенденции, которые способствуют переходу к новым вершинам порядка, но так же могут привести и к окончательному разрушению.

Бытие живых материальных форм имеет скрытый второй план, недоступный до сих пор научному познанию. Работу познания совершает человек, для которого факт жизни равен идее: сущности, закону, смыслу⁴ (М. Мамардашвили).

«Идея есть нечто существующее в силу формы» (Г. Флобер).

«Живая форма» Аристотеля и есть идея, доопределяющая внешний мир, но существующая и действующая независимо от познающего субъекта. Самое трудное, пожалуй, в любых рассуждениях о человеке не перепутать представляемое / мыслимое с реально существующим.

Если я буду полагать, что все, что я помышлю и представлю — реальность, то мне придется принять «слово за мир» и так и не удастся открыть «мир в слове». Идея, смысл, слово необходимы не для того, чтобы заменить собою сущее, а нужны мне затем, чтобы сущее стало прозрачным для моего разума и чтобы мой разум смог отличить — где сущее, а где мое представление и мои мысли о нем.

В психотерапии единственно важным моментом — а зачем все это нужно? — в совместных усилиях с клиентом является выход в реальность.

Существует колоссальное количество психологических и философских способов, претендующих на полноту и точность ответов на вопрос о том, что реально, а что — нет:

- «я мыслю — следовательно, существую» — право на существование имеет только то, что можно помыслить, познать;
- «сознание есть свойство мыслящей материи» — существуют материальные тела, которые можно измерить, все остальные — всего лишь их продолжение;
- «нет ничего вообще — все плод моего воображения» — реально существующего нет, есть только субъективное представление об этом и т.д.

Ответ обычно содержит только один план — одно возможное измерение — либо познание, либо бытие.

XX век посвятил человечество в таинство нового способа мышления и привел к формированию нового уровня сознания.

Тексты Р.-М. Рильке, Ж. Превера и других авторов, упоминаемых на страницах этой книги, как раз отличаются этой главной особенностью объемного сознания — способностью удерживать одновременно разные планы и двигаться в каждом из этих направлений параллельно. Текст библии может постичь только объемное сознание.

«Глава 3.

Всему свой час, и время всякому делу под небесами;

Время родиться и время умирать,

Время разбрасывать камни и время собирать камни,

Время обнимать и время избегать объятий,

Время отыскивать и время дать потеряться,

Время хранить и время тратить,

Время рвать и время шивать,

Время молчать и время говорить.

Что было — уже есть, и чему быть — уже было» (Книга Экклесиаст).

Плоскостное научное сознание озабочено поиском внешней и/или внутренней причинности, пределов истинности-ложности, построением системных моделей и последовательных/логических рассуждений. В фокусе такого сознания может

находиться предельно частный момент реальности, к которому и сводится все системное теоретическое построение.

Математик Гедель доказал теорему, согласно которой любая жестко формализованная система допущений оказывается неполна, т.к. в ней всегда можно построить высказывание, которое будет невозможно доказать, находясь внутри данной системы допущений (Л.О.В.).

Объемное научное сознание не озабочено ничем — оно бытийствует внутри себя и свободно проявляется вовне, что, собственно, и сопровождается процессом непрерывного познания — познания над бытием — а не вместо бытия — как в предыдущем случае.

Объемное осознание ведет к формированию метанавыка «двойного видения», которое собственно и создает объем. «Двойное видение» включает в себя следующие основные навыки:

- одновременного слежения и осознания двух (а далее трех и более) планов бытия — например, чувственного и мыслящего;
- ясное различие внутреннего, субъективного и внешнего, объективного плана текущих событий;
- осознание особенностей воображаемой реальности и тестирование действительной;
- отказ от любых ожиданий и открытость непосредственному впечатлению;
- рефлексия надо всем вышеперечисленным до извлечения удовлетворительного смысла.

Научить объемному осознанию можно только непосредственно — объяснить этот процесс не представляется возможным вообще, как невозможно, например, объяснить архетип Юнга, «Реквием» Моцарта или «Улисса» Джойса. Можно погрузить свое сознание внутрь этих сложных смыслов и попытаться выйти за рамки своих привычных плоскостных рассуждений. В противном случае

* * *

Мне не спится, нет огня,
 Всюду мрак и сон докучный.
 Ход часов лишь однозвучный
 Раздается близ меня,
 Парки бабье лепетанье.
 Спящей ночи трепетанье,
 Жизни мышья беготня...
 Что тревожишь ты меня?
 Что ты значишь, скучный шепот?
 Укоризна или ропот
 Мной утраченного дня?
 От меня чего ты хочешь?
 Ты зовешь или пророчишь?
 Я понять тебя хочу.
 Смысла я в тебе ищу.

А.С. Пушкин

понимающий поймет что-то совершенно другое, не имеющее ничего общего с тем смыслом, который бытийствует в объемном сознании.

Хотя, конечно, любой понимающий понимает что-то свое, извлекая свой смысл. Тем не менее, человеку свойственно не только ошибаться, но и быть услышанным — другим, совершающим синхронный бег в поиске неизвестного и потаенного.

Что же имеет человек, собирающийся постичь нечто, для того, чтобы это постигать? Он имеет специально приготовленное МЕСТО — первоначально пустое — внутри себя, которое постепенно обретает осознаваемую форму и содержание, что и позволяет ему это **узнать** — заново в который раз. В психологии такое место принято называть **образом**. Как пишет М. Мамардашвили «образ — ...источник превращения чего-либо в чувство»⁵, которым сопровождается **непосредственное** впечатление. Впечатление может быть реально непосредственным, если форма — пустая. В том случае, если она уже наполнена каким-то предзнанием, наступает власть воображаемой реальности. Что бы не попало в эту заранее чем-то заполненную форму, извлечь из нее можно будет только то, что в ней уже было — того, что ЕСТЬ, там не может быть по той простой причине, что ему некуда было вститься.

«Присутствовать — значит быть свободным от ожидания»⁶ (М. Мамардашвили).

Вместилище непосредственного впечатления делает его удобным для узнавания сознанием и для воссоединения с предыдущим опытом — в новой форме находится точное МЕСТО в пространстве Души, после нахождения которого познающий субъект вновь ощущает себя наполненным и целым, но всего лишь до следующего мига непосредственного впечатления.

Как пишет М. Мамардашвили, субъект все время занят **формированием** себя и своего пути — «какости» воссоединения событий своей жизни. Все, что с ним происходит, является одновременно и сейчас, и **не сейчас**; и здесь, и **не здесь** в силу того, что внутри для принятия актуального «сейчас» и «здесь» существует заданная «расчерченная топология» — линия жизни субъекта, из которой для осмысления непосредственного впечатления извлекается тот давний непонятый мной «там и тогда» смысл, который может быть понят сейчас с помощью нового впечатления. Вечная незавершенность прошлого и направленность в неопреде-

ленное будущее через возврат к этому прошлому заставляют человека в настоящем всякий раз собирать себя заново. Субъект **формирует** (находит подходящие формы и места) себя **в настоящем**, в котором сходятся разрывающие его надвое прошлое и будущее, наблюдение и исполнение жизни. По выражению М. Мамардашвили, человек живущий находится в труде постоянного собирания себя, рассеянного по окружающему пространству впечатлений. Только посредством **формирования** — т.е. создания формы — «Я» может осуществлять самоличное присутствие в своей жизни, занимать определенное МЕСТО. *«Форма — мускулы человеческого существования»*⁷ (М. Мамардашвили).

Пространство форм, по Мамардашвили, является духовным или душевным расстоянием между частями индивидуальной жизни — между небытием и бытием. При помощи слова это расстояние не может быть преодолено, т.к. в логосе нет эквивалентов для индивидуального впечатления. Эти эквиваленты создаются переживанием себя вовлеченным в исполнение жизни, а не в наблюдение за ней — «впечатление откликнутости»⁸ вместо интерпретации.

По словам М. Мамардашвили, *«индивидуальность —... единственный путь в реальность»*⁹. В мире нет ничего такого, что бы объяснило мне, кто я. Существование, несводимое к знанию, а тем более к предзнанию, и есть бытие, реальность которого определяется отношением между теми и этими живыми впечатлениями. Вся жизнь представляется М. Мамардашвили разбросанными по пространству и времени впечатлениями, и по этому топосу саморождается новое впечатление, соединяющееся с многими другими.

Потерянное впечатление — не воссоединенный со мной опыт — образует разрыв в структуре Эго. Место потерянного впечатления часто находится во время психотерапевтического процесса.

При помощи логоса невозможно понять не только себя, но и других людей. Анализ сущего представляет собой не более чем иллюзию, ни-сколько не совпадающую с тем порядком вещей, который ее вызвал. Единственно возможное использование логоса, адекватное бытию, состоит в приспособлении его к описанию моментов существования и нахождение с его помощью более общих **идей**, соответствующих сущности, явленной в бытии.

Возвращаясь к **идее** МЕСТА, о которой здесь идет речь, хотелось бы напомнить читателю о том, что пространственное измерение в объемном сознании возникает

при одном условии — при наличии чувственного плана непосредственного впечатления. Отсутствие чувственной вовлеченности обычно уплощает впечатление и сводит его к не имеющей ничего общего с ним интерпретации.

По-видимому, онтологическое понятие архетипа у Юнга, включающее полное чувственное присутствие, не может быть понято теми психотерапевтами и психологами, которые ориентированы только на интерпретацию клиентов, в связи с чем им неплохо было бы самих себя проинтерпретировать.

У К. Юнга, кроме основного объемного и пространственно-онтологического понятия «архетип», существует и частное понятие архетипа пространства — **архетип Теменоса** (архетип архетипа), которое представляет собой закон упорядочивания форм, приводящий к образованию центра и к интеграции элементов, находящихся внутри этого нуминозного пространства.

Активное воображение: направленная трансформация внутреннего образа

К основным экспрессивным методам глубинной психологии можно отнести следующие методы: направленную визуализацию (направленное воображение, направленное фантазирование, активное воображение), арт-терапевтические и психодраматические методы — способы высвобождения спонтанности и самоупорядочивающей психической энергии, движение в формах пространства Души.

Образ — как форма репрезентации внешнего во внутреннем — изучается в общей психологии, и в ней различают два вида перцептивных образов: первичный перцептивный образ, который является непосредственным отпечатком внешнего объекта в психике человека; и вторичный перцептивный образ, являющийся воспоминанием об объекте или продуктом его мысленного создания/воссоздания.

Так называемый «внутренний образ» (хотя, разумеется, образ всегда внутренний) как особая категория используется в глубинной психологии для обозначения особого вида образов, которые не имеют ничего общего с внешней

реальностью. Карл Юнг такие образы назвал архетипическими, обосновывая тем самым внутреннюю и вместе с тем трансцендентную каузальность подобных этому психических явлений. Внутренний образ не является результатом непосредственного отпечатка внешнего мира в психике. Его можно считать либо формой репрезентации внутреннего содержания психики самой психике (внутреннего внутреннему), либо формой организации самопричинно и независимо существующей внутренней реальности, не являющейся прямым продолжением внешней реальности, — того, что обычно называют результатом психического отражения и удвоением.

К. Юнг считал, что сознание представляет собой, кроме общего осознания тела и персонального существования, *«определенную идею о пребывании в экзистенции некоторое время, основанную на длинных последовательностях воспоминаний»*¹⁰ (К. Юнг).

Феноменология «внутреннего» — того самого, которое слишком отлично от объективного мира, изучается в глубинной психологии и скрывается чаще всего за понятием «бессознательное».

По Юнгу, образом бессознательного необходимо «забеременеть» — вступить с ним в живую, подлинную связь. Такая связь не возникает из мысли, она может быть лишь продолжением бытийного переживания. Поэтому лучшим началом процесса направленной визуализации будет являться перевод актуального состояния и чувств клиента во внутренний образ или актуализация образов сновидений. И третьим способом, наиболее известным в качестве психотехнологии активного воображения, можно считать так называемое тематическое воображение. Однако при этом следует помнить о том, что тема направленной визуализации угадывается психотерапевтом как та тема, которая соответствует актуальным переживаниям клиента.

Согласно Юнгу, активное воображение не подразумевает концептуального вмешательства психотерапевта в спонтанно текущий поток бессознательных содержаний. Его главными принципами исполнения техники психотерапевтической работы с образами являются следующие:

1. Созерцание и внимательное наблюдение за изменениями образов; дление времени внутренней реальности согласно правилу «покой есть главное в движении».

2. Позиция невмешательства.
3. Удерживание главной темы воображения.
4. Установление диалогов с различными воображаемыми персонажами согласно правилу «они также реальны как и я».
5. Создание условий и возможностей для того, чтобы бессознательное клиента анализировало себя само, т.е. направление самого поиска смысла внутри образа до того момента, пока сам клиент на него не наткнется.

В своем фундаментальном труде «Misterium» К. Юнг пишет:

«...Процесс может произойти спонтанно или его можно спровоцировать. В последнем случае вы выбираете сновидение, или какой-то другой фантазийный образ, и просто сосредотачиваетесь на нем. В качестве исходной точки вы можете использовать плохое настроение, а затем попытаться обнаружить, какой тип фантазийного образа оно создаст, или какой образ выражает это настроение. Затем, посредством концентрации внимания, вы можете закрепить этот образ в вашем разуме. Как правило, он начнет изменяться, поскольку сам факт созерцания оживляет его. Следует все время старательно отмечать изменения, поскольку они отражают психические процессы в бессознательной основе, которые проявляются в форме образов, состоящих из материала осознающей памяти. Таким образом, сознание и бессознательное соединяются, подобно тому, как водопад соединяет верх и низ. Складывается цепочка идей-фантазий, постепенно приобретающая драматический характер: пассивный процесс становится действием. Поначалу оно состоит из спроецированных фигур, и эти образы видятся как театральный спектакль. Иными словами, вы грезите наяву. Как правило, прослеживается явная тенденция наслаждаться этим внутренним развлечением и на этом остановиться. В этом случае, разумеется, имеет место не реальный процесс, а бесконечная цепочка вариаций на одну и ту же тему, что совершенно не является целью данной процедуры. То, что происходит на «сцене», по-прежнему остается процессом «на фоне»; он никоим образом не трогает зрителя, и чем меньше он его трогает, тем слабее будет очищающее действие этого «личного театра». Разыгрываемый спектакль не хочет, чтобы его просто смотрели, он хочет заставить зрителя принять в нем участие. Если зритель понимает, что на этой внутренней сцене разыгрывается его собственная драма, то он не может остаться равнодушным к сюжету и его развязке. По мере появления на сцене актеров и развития сюжета, он обратит внимание на то, что все это целенаправленно связано с осознаваемой им ситуацией, что к нему обращается бессознательное, и что

это оно заставляет эти образы появляться перед ним. Стало быть, он чувствует потребность или подталкивается к ней аналитиком принять участие в пьесе и, вместо того, чтобы сидеть в зале, по-настоящему разобраться со своим alter ego. Ибо ничто в нас не может навечно остаться не оспоренным, и сознание не может занять позицию, которая не вызовет где-то в темных углах психе отрицания или компенсирующего действия, одобрения или возмущения. Это процесс знакомства с Другим в нас является очень стоящим делом, потому что таким образом мы познаем аспекты нашей природы, на которые мы никому не позволяли нам указывать и существование которых никогда не признавали»¹¹.

Лучшая ученица К. Юнга М.-Л. фон Франц выделила четыре стадии активного воображения:

1. Пустой Эго-разум.
2. Заполнение пустоты бессознательным содержанием.
3. Этическая оценка.
4. Интеграция в повседневную жизнь.

Другие последователи К. Юнга чаще всего применяли свои модификации к выполнению техники направленной визуализации. Среди этих подходов наиболее известными являются модификации Ш. Уоткинс, В. Стюарт, Р. Дезолье и Х. Лейнер.

Мэри Уоткинс дала следующую характеристику типам направленного воображения:

«Вот несколько различных типов воображения:

- 1) *Вы смотрите на образы, но сами не среди образов. Вы, как вы осознаете себя, ограничиваетесь пассивным наблюдением.*
- 2) *Вы видите себя, наблюдающего образы изнутри воображаемой сцены, например, вы видите себя, смотрящего вниз с дерева.*
- 3) *Вы видите себя, взаимодействующего с образами внутри ландшафта воображения.*
- 4) *Вы внутри сцены, наблюдаете за образами (сами вы на дереве).*
- 5) *Вы взаимодействуете с образами внутри ландшафта воображения в вашем обычном «я».*
- 6) *Вы взаимодействуете с другими образами в воображаемом теле, не в вашем собственном. Вы все еще управляете своими действиями.*

- 7) *Вы действуете внутри воображаемого ландшафта, но не так, как вы постоупаете обычно. Ваши действия не вызваны вашим сознательным эго. Вы подчиняетесь тем же движениям, что и остальные образы.*
- 8) *Вы действуете внутри воображаемого ландшафта не как вы сами, но как периферийный образ сцены, например, будучи деревом в контакте с другими образами вокруг дерева. Здесь вы также не думаете, что именно дерево собирается делать. Вы становитесь всем, что бы оно ни делало.*
- 9) *Вы являетесь любым образом. Вы не в вашем воображаемом эго или теле. Вы чувствуете и двигаетесь, вы почва или птица. Вы — не ваше нормальное эго в теле птицы. Вы являетесь птицей.*
- 10) *Вы наблюдаете образы изнутри воображаемой сцены, но вы, т.е. наблюдатель, представляете другой тип эго с другим способом восприятия и движения, чем тот, о котором мы могли бы иметь представление вначале.*

В первом примере эго совершенно отдельно от воображаемой сцены. Во втором и третьем существует два эго, одно все еще отделено от воображаемого. Наблюдатель не находится внутри воображаемой им сцены. Эти три типа воображения можно назвать термином «зрительское» воображение. Воображающий не выходит за рамки своего обычного эго, остающегося за пределами сферы воображения.

В четвертом и пятом типах воображения происходит большое качественное изменение. Воображающий находится внутри воображаемой сцены. Эго вступает в воображаемое тело и может двигаться в воображаемом пространстве. Можно научиться входить в воображаемое тело»¹².

Существует качественное различие между плоским сознательным представлением и объемным воображением, обладающим так называемым эффектом присутствия. Направленное воображение и создает этот «объем», т.к. вводит обладателя сего психического содержания внутрь самого себя, т.е. внутрь воображаемого пространства, а не наоборот. Пользуясь терминами гештальт-терапии и гештальт-психологии, можно сказать, что в направленной визуализации фигура и фон меняются местами.

По В. Стюарт, направленная визуализация задает тему в психотерапевтическом взаимодействии. Например:

1. **Первое задание — исследование внутреннего.** Задание раскрыть наш центр. Внешняя жизнь должна быть уравновешена адекватной внутренней жизнью. Исследование центра никогда не заканчивается, это поиск всей жизни.

2. **Второе задание — исследование высот.** Исследование бессознательного, чтобы начать понимать его и включить в себя свою «тень» — нижнюю часть своей индивидуальности. Чтобы исследовать, нам нужно развить интуицию, волю, мышление и чувства. В помощь развитию чувств в качестве путеводаителя предлагается «Колесо эмоционального осознания».
3. **Третье задание — исследование глубин.** Третье задание состоит в том, чтобы принять вызов спуска в бессознательное и включить в себя то, что там обнаруживается.
4. **Четвертое задание — исследование протяженности.** Сознание может быть увеличено или расширено, чтобы принимать больше и больше.
5. **Пятое задание — исследование пробуждения.** Природное сознательное состояние — то же, что быть спящим. В состоянии, подобном сну, мы видим все и всех через плотный покров красок и искажений, который происходит от наших эмоциональных реакций, результата прошлых психических травм и внешних влияний. Пробуждение от этого состояния требует мужества.
6. **Шестое задание — исследование просветления.** Просветление — путь от сознания к интуитивному пониманию. Просветление — это одно из максимальных переживаний жизни.
7. **Седьмое задание — исследование огня.** Функция огня — это прежде всего функция очищения. Пройти через огонь — намек на процесс фильтрация, применяемый к золоту и серебру на стадии удаления примесей.
8. **Восьмое задание — исследование развития.** Главные символы развития — семя и цветок. Живая иллюстрация развития — превращение ребенка во взрослого.
9. **Девятое задание — исследование любви.** Человеческая любовь — это попытка войти в духовную общность с другим человеком. Только входя в отношение «Я — Ты», мы устанавливаем эффективную связь.
10. **Десятое задание — исследование трансформации.** Трансформация или превращение, это тема, которую исследует Юнг в отношении сновидений и символов. Трансформация происходит через соединенные действия подъема и спуска.
11. **Одиннадцатое задание — исследование возрождения.** Трансформация мостит путь для духовного возрождения, «нового рождения».
12. **Двенадцатое задание — исследование освобождения.** Уничтожение затруднений, процесс освобождения от наших комплексов, наших иллюзий и иденти-

фикации с другими ролями, которые мы играем в жизни, от масок, которые мы на себя надеваем»¹³.

На первый взгляд может возникнуть впечатление, что стоит только пройти весь имеющийся список тем по В. Стюарт, и внутренняя целостность будет достигнута. К сожалению, все не так просто. Без выхода в реальность и без разделения на внутреннее и внешнее в сознании клиента, текущий поток образов, не расшифрованный и не понятый им, превращается в полнейшую бессмыслицу.

После проведения визуализации процесс психотерапии только начинается. О чем это? Как это связано с моей жизнью? Что я об этом знаю? Ответы на эти и другие вопросы делают визуализацию осмысленной и завершенной — в том случае, если соответствуют истинному смыслу происходящего (Л.О.В.).

У неискушенного читателя может сложиться впечатление, что достаточно задать некую абстрактную «глубинную» тему, как в тот же момент станет возможным движение в пространстве внутреннего образа. Сознание психотерапевта, для которого существует только языковой (и исключен метаязыковой) сознательный дискурс, легко перепутает пустое фантазирование, пускай даже на заданную тему, с творческим процессом направленного фантазирования, т.к. во-первых, сознательное состояние всегда дополняет образы и переживания интерпретациями, а во-вторых, в этом случае исчезает двуплановость и параллельность встроенных друг в друга **сознательных и бессознательных семиотических систем** (Р. Барт, 89). В процессе направленного фантазирования психотерапевт одновременно анализирует оба параллельных плана содержания, воплощая в своей позиции по отношению к клиенту политику невмешательства, но вместе с тем задавая общее тематическое направление спонтанному процессу.

По словам Дж. Хиллмана, «исцеление отношения к воображению» начинается со свободного переживания, которое обычно человек стремится сдержать или понять. Понять до того, как переживание исчерпает себя. *«Интерпретация вместо переживания образа — вот что делает вас сумасшедшим... Даже слово в сновидении — это образ, а не концепция»*¹⁴.

Осознание играет в этом случае с человеком злую шутку, предлагая ему вместо реальности чувства — реальность нереальной мысли. Нереальной именно потому, что никакого отношения содержание этой мысли к чувству не имеет, т.к. мысль не потрудились так следовать за чувством, чтобы разобраться в его истинных причинах и смыслах.

По мнению Дж. Хиллмана, интерпретации и аллегории изгоняют внутренний образ, представляющий собой **контейнер** для чувств, мыслей, событий и памяти. Если психотерапевту удастся способствовать тому, чтобы образы клиента расширялись, приходя в спонтанное движение, то он фасилитирует самокорректирующий процесс и ведет клиента в конечном итоге к осознанию содержания образа и завершающему контейнированию.

«Терапия — это тип материнства... по отношению к образам, которые... являются матерью по отношению к нам» (Д. Хиллман).¹⁵

Комментарии Р. Дезолье и его модификация активного воображения являются собой пример буквального понимания объемных метафорических смыслов. Основные темы для проведения направленного фантазирования по Р. Дезолье приведены в следующей таблице¹⁶:

№ пп.	Цель	Тема	
		для мужчин	Для женщин
1.	Столкновение с более обычными характеристиками	Меч	Сосуд или контейнер
2.	Столкновение с более подавленными характеристиками	Спуск в глубины океана для обоих полов	
3.	Выход на границы с родителем противоположного пола	Спуск в пещеру и обнаружение ведьмы или колдуньи	Спуск в пещеру и обнаружение колдуна или мага
4.	Выход на границы с родителем того же пола	Спуск в пещеру и обнаружение колдуна или мага	Спуск в пещеру и обнаружение ведьмы или колдуньи
5.	Выход на границы с социальным принуждением	Спуск в пещеру и нахождение сказочного дракона	
6.	Выход на границы с эдиповой ситуацией	Замок со Спящей Красавицей в лесу	

Ханскарл Лейнер применяет десять стандартных ситуаций направленной визуализации, каждая из которых актуализирует тот или иной аспект душевной жизни человека:

Ситуация 1. «Луг» или «Райский сад» — тема отношений с матерью.

Ситуация 2. «Восхождение на гору» или описание вида ландшафта — тема продуктивной активности.

Ситуация 3. «Следование вверх или вниз по ручью» — тема высвобождения внутреннего ресурса.

Ситуация 4. «Дом» — тема Эго и его границ.

Ситуация 5. «Близкие родственники» — тема сепарации.

Ситуация 6. «Розовый куст» — тема полороловой идентификации.

Ситуация 7. «Лев» — тема агрессии.

Ситуация 8. «Идеальное «Я» — ценностная тема.

Ситуация 9. «Пещера» — тема встречи с тенью, которая предполагает моменты конфронтации, примирения и истощения. Уничтожение монстров, драконов и т.п. исключается, т.к. это есть ни что иное, как нападение на самого себя.

Ситуация 10. «Болото» — тема глубоко подавленной боли, которая вызвана реальной травматической ситуацией.

Х. Лейнер обращается с этим методом скорее как с диагностическим, чем как с психотерапевтическим. В его модификации направленное воображение дает возможность психотерапевту получить точные ответы на непрямые диагностические вопросы.

Из приведенных выше примеров становится ясно, что все попытки структурировать и систематизировать способы направленной визуализации в конечном счете приводят к почти нулевому результату, т.к. подобная форма психотерапевтического взаимодействия оказывается сродни искусству, а описание самой технологии напоминает музыкальную партитуру, которая не всегда точно совпадает с самой тканью музыкального произведения.

В некоторых случаях описание становится вообще невозможным — так же как невозможно, например, найти точное соответствие между описанием балетных движений и самим балетом.

Тем не менее, описание способов направленного воображения позволяет сложить более точное представление о работе с внутренними образами. Однако необходимо помнить о том, что только по описанию технику направленной визуализации выполнить невозможно.

По мнению К. Юнга, базисной структурой, продуцирующей образы, является архетип. Чувства и идеи, интегрирующиеся в процессе направленной визуализации, в конечном итоге образуют некий осмысленный порядок и приводят к высвобождению и завершению переживаний.

«Amor matris (любовь матери — Л.О.В.) — родительный субъекта и объекта — единственно подлинное в мире»¹⁷ (Д. Джойс).

Так происходит таинство встречи сознания и бессознательного, между которыми зияет пустая пропасть, если, конечно, ее не наполнить собой — поместить себя в переживание этой заполняемой мной пустоты. Двадцатый век, по мнению Р. Мэя, уводит человека от переживания пустоты, неопределенности, что в конечном итоге и держит человека в пустоте, от которой он стремится убежать.

Метод направленной визуализации представляет собой в некотором смысле альтернативу анализу переноса и контр-переноса в психотерапевтическом взаимодействии. Помогая клиенту исследовать свое внутреннее пространство и контейнировать его, юнгианский аналитик принимает во внимание то архетипическое ядро, которое находится за переносом или аффективным комплексом. Актуализация архетипического содержания в процессе направленной визуализации приводит к переживанию и проживанию состояния тождественности субъекта и объекта сознательного и бессознательного, а затем — к их разотождествлению.

«Если внимание направлено на бессознательное, то бессознательное откроет свое содержимое, а оно, в свою очередь, оплодотворит сознание, подобно фонтану живой воды, ибо сознание так же бесплодно, как и бессознательное, если эти две половины нашей психической жизни отделены друг от друга»¹⁸ (К. Юнг).

Обращение в глубины бессознательного вырачивает новый план сознания — объемный. В этом смысле можно говорить о существовании двух планов или двух видов сознания/осознавания:

- **плоскостное, линейное** — последовательное, бинарное, одноплановое и однозначное, с ясными временными пределами (наличием начала и конца);
- **объемное, нелинейное** — отличающееся параллельностью измерений, кватерностью, многоплановостью и многозначностью, бесконечностью во времени.

Объемный план сознания обеспечивается одновременным удержанием в фокусе сознания двух параллелей — языкового и метаязыкового плана, — в которых каждая половина также отличается двуплановостью: субъекта и объекта; сознательного и бессознательного; рационального и чувственного и т.п.. Плоскостное сознание способно удерживать только один план, что не способствует адекватному тестированию реальности.

Тексты К. Юнга, —

«... Компенсирующее воздействие бессознательного всегда направлено на наиболее укрепленные позиции сознания, поскольку именно они и вызывают наибольшее сомнение, хотя враждебный, на первый взгляд, аспект этого воздействия — это всего лишь отражение угрюмого лица Эго, обращенного к нему. На самом же деле компенсирующее воздействие бессознательного задумано не как враждебный акт, а как необходимая и полезная попытка восстановить равновесие»¹⁹.

У. Джойса, —

«Какими параллельными курсами следовали Блум и Стивен на обратном пути? Тронувшись совместно, нормальным прогулочным шагом, с Бересфорд-плейс, они проследовали по Нижней и Средней Гардинер-стрит и по Маунтджой-сквер, в указанном порядке, на запад; затем, замедленным шагом, оба забирая влево, по ошибке через Гардинерс-плейс до самого угла Темпл-стрит: затем, замедленным шагом, с остановками, забирая вправо, по Темпл-стрит; на север до Хардвик-плейс. Продвигаясь, весьма несхожие, неспешным прогулочным шагом, оба пересекли круглую площадь перед церковью Св. Георгия по диаметру, поскольку хорда всякого круга короче той дуги, которая на нее опирается.

Какие темы обсуждались дуумвиратом во время странствия?

Музыка, литература, Ирландия, Дублин, Париж, дружба, женщины, проституция, диета, влияние газового освещения или же света ламп накаливания и дуговых на рост близлежащих парагелиотропических деревьев, общедоступные муниципальные мусорные урны для срочных надобностей, римско-католическая церковь, безбрачие

духовенства, ирландская нация, учебные заведения иезуитов, различные профессии, изучение медицины, минувший день, коварное влияние пресубботы, обморок Стивена.

Обнаружил ли Блум общие сближающие факторы в их обоюдных сходных и несходных реакциях на окружающее?

Оба не были глухи к художественным впечатлениям, предпочитая музыкальные пластическим или живописным. Оба предпочитали континентальный уклад жизни островному и проживание по сю сторону Атлантики — проживанию по ту сторону. Оба, получив раннюю домашнюю закалку и унаследовав дерзкую склонность к инакомыслию и противостоянию, отвергали многие общепринятые религиозные, национальные, социальные и нравственные доктрины. Оба признавали попеременно стимулирующее и оупляющее влияние магнетического притяжения полов»²⁰.

М. Пруста, М. Мамардашвили, —

«Существуют вещи, которые не случились — случаются. Вечно. Событие, внутри которого вечно свершающееся, вечно со-бытийствующие... В центре — вечно длящиеся акты. Это точка абсолютного «Я» (в отличие от психического «Я»). Существо, поместившее себя внутрь длящегося акта, имеет интуицию самого себя как абсолютного. По отношению к нему — в других слоях душевной жизни «Я» многочисленно»²¹, обладают бесконечным объемом и полнотой смысла.

«Расхотились ли они во взглядах на какие-либо предметы?

Стивен открыто не соглашался с мнением Блума относительно важности диетического и гражданского самоусовершенствования, Блум же не соглашался молчаливо с мнением Стивена относительно вечно утверждения человеческого духа в литературе. Блум внутренне поддерживал поправку Стивена, согласно которой было анахронизмом относить дату обращения ирландского народа из веры друидов в христианство, каковое совершил Патрик сын Кальпорна, сына Потита, сына Одисса, посланный папою Целестином Первым в году 432, в царствование Лири, приблизительно к 260 году и царствованию Кормака Мак-Арта (+266 н.э.), задохнувшегося в Слетти от неправильного проглатывания пищи и погребенного в Роснари. Обморок, который Блум объяснял желудочным истощением и действием некоторых химических соединений с различной мерой подмешанности и различным градусом алкогольной крепости, усиленным за счет умственного напряжения и быстрых круговращательных движений в расслабляющей обстановке, Стивен приписывал вторичному появлению утренней тучки (наблюдавшейся обоими из двух разных пунктов, Сэндикоува и Дублина), величину сначала не больше женской ладони.

Имелся ли такой предмет, на который их взгляды были одинаковы и отрицательны?

Влияние газового, а равно электрического освещения на рост близлежащих паразитических деревьев.

Обсуждал ли Блум в прошлом подобные темы во время ночных прогулок?

В 1884 году с Оуэном Голдбергом и Сесилом Тернбуллом ночью на городских магистралях между Лонгвуд авеню и Леонардовым углом, между Леонардовым углом и Синг-стрит и между Синг-стрит и Блумфилд авеню. В 1885 годус Перси Энджоном по вечерам, прислонясь к стене между виллой Гибралтар и Блумфилд-хаусом в Крамлине, баронство Апперкросс. В 1886 году спорадически со случайными знакомыми и возможными покупателями, на крыльце у дверей, в передних, в вагонах третьего класса пригородных железнодорожных линий. В 1888 году зачастую с майором Брайеном Твиди и его дочерью мисс Мэрион Твиди, совместно или же по отдельности, на веранде дома Мэтью Диллона в Раундтауне. Единожды в 1892 и единожды в 1893 году, с Джулиусом (Иудой) Мастянским, и в том и в другом случае — в гостиной его (Блума) дома на Западной Ломбард-стрит.

Какие мысли возникли у Блума в связи с бессистемной цепочкой дат, 1884, 1885, 1886, 1888, 1892, 1893, 1904, до их прибытия к месту назначения?

Ему подумалось, что прогрессивное расширение сферы индивидуального развития и опыта регрессивно сопровождалось сужением противоположной области межличностных отношений.

Каким именно образом?

От предсуществования к существованию он пришел ко многим и был воспринят; существуя, он был со всяким как всякий со всяким; исшед из существования в несуществование, он станет для всех никем, не воспринимаемым.

Какое действие выполнил Блум по их прибытии к месту назначения?

На ступеньках четвертого в ряду равноразличных нечетных номеров, номера 7 по Экклс-стрит, он машинально погрузил руку в задний карман брюк, чтобы достать ключ.

Находился ли там последний?

Он находился в означенном кармане тех брюк, которые он носил накануне.

Почему это вызвало у него двойную досаду?

Потому что он позабыл и потому что он вспомнил, как дважды напоминал себе не забыть»²² — обладают глубоким внутренним измерением, создающим объем.

Слово является главным элементом в структуре плоскостного сознания, а законы логики выполняют роль принципов построения связей между ними. Так работает чистое дискурсивное мышление. Но сколь ни были бы сложны связи между словами, они не в состоянии, как правило, передать объемный онтологический смысл, который воспроизводит полноту явления в его бытии. Чрезвычайно сложные (когнитивно сложные) тексты по своей семантической структуре ближе всего к пространству объемного сознания, т.к. они лишены жесткой логики, определенности и завершенности.

«Какие возможности открывались перед нашей четой, обесключенной предумышленно и (соответственно) по неосмотрительности?»

Входить или не входить. Стучать или не стучать.

Решение Блума?

Тактический маневр. Утвердив ноги на карликовой стене, он взобрался на ограду, надвинул плотнее шляпу на голову и, ухватившись в двух точках за нижнее сочленение поперечин и столбиков, постепенно свесил свое тело во дворик, на всю его длину в пять футов и девять с половиною дюймов, до расстояния в два фута и десять дюймов от замощенной почвы, после чего предоставил телу двигаться свободно в пространстве, отделившись от ограды и сжавшись в предвидении удара при падении.

Упал ли он?

В соответствии с известным весом своего тела, равным одиннадцати стонам и четырем фунтам в английской системе мер, как то было удостоверено градуированным приспособлением для самостоятельного периодического взвешивания в помещении аптекаря и фармацевта Френсиса Фредмена, Северная Фредерик-стрит, 19, в минувший праздник Вознесения, а именно двенадцатого мая високосного тысяча девятьсот четвертого года по христианскому летосчислению (по еврейскому летосчислению пять тысяч шестьсот шестьдесят четвертого, по мусульманскому летосчислению тысяча триста двадцать второго), золотое число 5, эапта 13, солнечный цикл 9, воскресные литеры СВ, римский индикт 2, юлианский период 6617, MCMIV.

Поднялся ли он невредимым после падения?

Достигнув вновь положения устойчивого равновесия, он поднялся невредимым, хотя и испытал сотрясение при падении, поднял щеколду наружной двери, приложив усилие к ее свободно движущейся пластине и рычаг первого рода к ее точке

опоры, с задержкою проник в кухню через примыкающую полуподвальную кладовку, воспламенил трением спичку «Люцифер», открыл поворотом вентиля горючий газ, зажег сильное пламя, каковое убавил, регулируя, до спокойного горения, и зажег, наконец, портативную свечу.

Какую прерывную последовательность образов воспринял в это время Стивен?

Прислонившись к ограде, он воспринял через прозрачные стекла кухни образы человека, регулирующего газовое пламя в 14 свечей, человека, зажигающего свечу в одну свечу, человека, снимающего поочередно оба своих башмака, и человека, покидающего кухню, держа горящую свечу.

Появился ли этот человек в другом месте?

По истечении четырех минут мерцание его свечи стало различимо сквозь полупрозрачное полукруглое веерообразное оконце над входной дверью. Входная дверь замедленно повернулась на своих петлях. В открывшемся пространстве прохода человек появился вновь, без шляпы и со свечой.

Повиновался ли Стивен его знаку?

Да, он бесшумно вошел, помог затворить дверь и взять ее на цепочку, после чего бесшумно проследовал за спиной человека, его обтянутыми тканью ступнями и горячей свечой через прихожую, мимо луча света из-под левой двери и с осторожностью вниз, по заворачивающей вбок лестнице более чем из пяти ступеней, на кухню блумова дома»²³.

Образ скорее принадлежит к элементарным частицам (а может быть и волнам) объемного сознания, где законы спонтанного движения, описанные в принципах работы с образами в технике направленной визуализации, выполняют роль принципов построения непрерывности и целостности всей множественности связей данного, имеющего границы, но бесконечно длящегося внутри МЕСТА. Мышление в пространстве объемного сознания становится возможным только в том случае, если человеку удастся выйти на уровень так называемого интегративного мышления, которое представляет собой сложную целостность дискурсивного мышления и эмпатического мышления. Эмпатическое мышление является неким способом осмысления телесно-чувственного бытия без придания ему абстрактных смыслов. При помощи эмпатического мышления человек способен распознавать чувства — и свои собственные, и чувства других людей. Интегративное мышление выводит человека на особый уровень бытия — экзистенциальной сопричастности, для которой характерно одновременное переживание и осмысление глобальной

разделенности человека и мира, но в то же время — принятия таинственной бытийной связи между ними.

Внутренний образ, с которым работает юнгианский аналитик, — это контейнер для опыта бытия, содержание которого необходимо пережить во всей полноте (на телесно-чувственном уровне), а затем подобрать подходящие слова, осмыслить — с тем, чтобы контейнер приобрел окончательную завершенность и получил свое постоянное МЕСТО в могучей целостности собственноличного опыта человека.

* * *

В бамбуковой ограде,
подернутой туманом легким утра,
прекрасны влажные цветы.
Кто мог сказать,
что осень — это вечер?

Басё

«...ффиииууфф где-то поезд свистит такая сила в этих машинах как громадные великаны и вода брызжет из них и течет по ним со всех сторон как в конце Любви эта старая сладкая песня кто там работает должны бедняги всю ночь жариться возле этих машин далеко от жен от семей сегодня можно было задохнуться хорошо что я сожгла половину тех старых Фрименов и Фотокартинок везде раскидывает всякий хлам не обращая внимания а половину выкинула в клозет скажу ему чтобы завтра нарезал их для меня да получить за них пару пенсов вместо того чтобы валялись там еще год а он бы выпрашивал где номер за прошлый январь и все старые пальто убрала из прихожей от них только духота еще больше чудный дождик прошел тут же как я вздремнула все освежилось я сначала думала будет как в Гибралтаре упаси Господи какая там жара была перед тем как восточный ветер налетел темно как ночью и во время вспышек скала выступает как громадный великан не сравнить с этой их горой 3 Скалы они думают какая огромная красные часовые тут и там тополя все раскалено добела и запах дождевой воды в баках солнце без конца палит и все платье выцвело которое папина знакомая миссис Стенхоуп мне прислала из Бон Марше в Париже такая жалость красивое славная моя Жучка она мне писала она была очень милая только как ее звали эта открыточка только чтобы сказать что я послала тебе маленький подарок я только что приняла теплую ванну получила большое удовольствие и сейчас чувствую себя совсем чистенькой собачкой я и черныш она его называла черныш мы все готовы отдать за то чтобы снова очутиться в нашем Гибе и слушать как ты поешь Ожидание и в старом Мадриде Конконе так назывались эти эзерсисы он мне купил такую новомодную какое-то слово я не разобрала шаль интересная вещица они чуть что

рвутся но по-моему красивые думаю и тебе всегда будут вспоминаться наши милые чаепития с божественным сливочным печеньем и малиновыми вафлями которые я обожаю будь умницей милая Жучка и пиши поскорей теплый а слово привет она пропустила твоему отцу и капитану Гроуву с любовью и друж чув масса поцелуев она нисколько не выглядела замужней дамой совсем как девочка он был гораздо старше ее этот черныш он очень меня любил на корриде в Ла Линеа придержал проволоку ногой чтобы я могла переступить в тот раз матадор Гомес получил ухо быка ну и платье приходится нам носить кто только придумал попробуй например взобраться на холм Киллини как на том пикнике затянута вся в корсет в толпе в таком наряде пропащее дело ни убежать ни отскочить поэтому я так испугалась когда другой Бык старый разъяренный бросился бодать бандерильерос с шарфами и с этими двумя штуками на шляпах а дикари мужчины кричат браво торо уверена что и женщины там были не лучше в своих белоснежных мантильях несчастные лошади с выпотрошенными кишками я в жизни не слыхивала про такое да он всегда помирал со смеху когда я изображала как скульпт тот бедный больной пес на белл-лейн что-то с ними случилось с тех пор думаю уж давно оба умерли вспоминается как сквозь какой-то туман и чувствуешь себя такой старой печенье это я конечно пекла у меня все было чего захочу когда была девочкой Эстер мы с ней сравнивали волосы у меня были гуще она показала мне как их закручивать на затылке когда собираешь наверх и что-то еще а как делать узел на нитке одной рукой мы были как сестры сколько мне лет тогда было в ту ночь когда буря я спала в ее постели она меня обвила руками потом наутро мы сражались подушками так весело было она всегда смотрел на меня при любой возможности когда я стояла на эспланаде Аламеда возле оркестра с отцом и капитаном Гроувом я посмотрела сначала вверх на церковь потом на окна потом опустила взгляд и тут наши глаза встретились я почувствовала словно меня колют иголками глаза заблестели помню когда я потом посмотрелась в зеркало я едва узнала себя такая перемена он мог вполне нравиться девушкам несмотря на то что слегка лысел умный и вид растерянный и в то же время веселый похож на Томаса из тени Эшлидайт я была словно роза кожа просто великолепная от солнца и от волнения ночью не могла сомкнуть глаз по отношению к ней это было бы некрасиво но я же вовремя могла прекратить она мне дала прочесть Лунный камень до этого я ничего не читала Уилки Коллинза Ист Линн прочла и тень Эшлидайт миссис Генри Вуд еще Генри Данбар этой другой женщины потом я ее давала ему с заложеной фотокарточкой Малви чтоб он видел что у меня есть и лорда Литтона Юджин Эрам Молли бон миссис Хангерфорд эту

она дала мне из-за названия а я не люблю книжек где есть Молли вроде той что он приносил про девуку из Фландрии воровала где только могла одежду и материал целыми ярдами Ох одеяло слишком на мне тяжелое так вот лучше не имею ни одной приличной ночной рубашки эта вся подо мной скрутилась да еще он со своими глупостями так лучше в тот раз я из-за жары все вертелась на стуле нижняя юбка пропотела и прилипла между половинок сзади когда я встала они были такие крепкие полненькие когда я стала на диван чтобы посмотреть и подобрала подол полно клопов ночью и москитные сетки я не могла ни строчки прочесть»²⁴.

Психодрама: объективация формы

Психодраматический подход в психотерапии был разработан в начале XX века Якобом (в другой транскрипции — Джекобом) Морено — врачом и философом, получившим образование психоаналитика в Венском университете. Неслучайно психодраму причисляют к методическим направлениям в групповой психотерапии, т.к. ее методологическое и идейное содержание не было востребовано современниками Морено, а в настоящее время отличается необычайным разнообразием (от процесс-аналитического и исследовательско-когнитивного до символа — и гипно-драматического).

Морено, как и З. Фрейд, создавал практический метод, при помощи которого он рассчитывал получить более глубокий психотерапевтический эффект.

Он исходил из простого допущения — если человека поднять с психоаналитической кушетки и заставить двигаться, то он будет вынужден что-то делать кроме того, чтобы просто думать о чем-то. И о том, что сделать — тоже.

Как теоретическое построение, **театр Морено** выводится из топологической **идеи Места**, мимо которой обычно проходят его последователи, замечая идеи спонтанности, «теле», конфликта, обмена ролями и многое другое, не имеющего отношения к центральной, главной идее его психотехнологии.

Идея **Места**, пространства является центральной идеей психодрамы. Пространство в психодраме имеет свою роль и включается в терапевтическую процедуру. Оно отделено от пространства реальной жизни, являясь и реальным,

и нереальным одновременно. Его реальность определяется наполненностью переживаний Протагониста и значимостью условности повторения того, что будучи прожитым им в первый раз, оказалось неподлинным и непонятым. Поэтому вторичное проживание, для которого создаются специальные условия и выстраивается психодраматическое пространство, во многом избыточное и искусственное, представляется единственной возможностью перевода и перевоплощения искусственного в подлинное — небытия — в бытие.

Реальность внутреннего пространства Души становится видимой в психодраматическом пространстве, где каждое направление и поворот обладают своим уникальным смыслом. Протагонист в психодраматическом пространстве оказывается внутри своей Души — носитель и содержимое как бы меняются местами. И это перевернутое состояние обладает удивительно целительными свойствами, т.к. дает возможность человеку пережить непережитое и осмыслить неосмысленное.

Морено придавал особое значение пространству сцены, на которой разворачивалось психодраматическое действие. Его сценическое сооружение состояло из трех восходящих ярусов и балкона. Направление движения «вверх» в этой уровневой структуре соответствовало главному направлению психодраматического процесса, что само по себе неслучайно, т.к. в интрапсихическом пространстве это направление обладает высшим сакральным смыслом.

В современных условиях психодраматисты работают без особо оборудованных помещений — в обычных классах, аудиториях и залах. Психодраматическая реальность, врывающаяся туда, заполняет своим особым смыслом предметы и формы этого реального пространства, превращающегося в как бы нереальное, т.е. реальное по-особому, почти так же, как на театральной сцене — только для меня и сейчас.

Морено пишет в «Театре спонтанности»:

«При установлении отправной точки для выяснения происхождения идей и объектов должно обращать внимание на три фактора: Статус Происхождения, Место и Матрица. Они представляют собой различные фазы единого процесса. Нет в природе вещи вне Места, Места без Статуса Происхождения или Статуса Происхождения без Матрицы. Место цветка, например, — клумба, на которой он стал цветком, а не прическа женщины, которую он украсил. Его Статус Происхождения — развивающаяся вещь, произрастающая из семени. Его Матрицы — само плодоносящее

семя. Место произведения художника — то специфическое окружение, в котором оно возникло. Если переместить полотно в пространство, вне его естественного окружения, оно становится всего лишь еще одним «объектом» культуры — второй меновой ценностью.

Место слова — язык произносящего его или строка, в которой оно впервые появилось из-под пера. Слово это при повторении становится лишь еще одним уродливым звуком; рукопись, размноженная в типографии, становится ничем иным как интеллектуальным товаром. И вновь уникальность стирается.

С точки зрения собственно полезности и практичности, различия между оригиналом и копиями нет никакого. Слова, произносимые человеком, и их отпечатанный дубликат несут для непосвященного то же самое содержание. Но существование многочисленных копий, идентичных оригиналу, создает обманчивое впечатление наличия множества оригиналов или равнозначности оригинала и копии. Может возникнуть ощущение, что оригинала вообще не существует, есть лишь производные.

Значимыми представляются размышления по поводу внутреннего процесса трансформации, который имеет место в ходе перемещения креативной экспрессии из ее Места Происхождения в новые пространства или среды. Одна «вещь» обращается в другую «вещь» — хотя в силу заторможенности языка одно и то же слово может использоваться для обозначения многих объектов и событий, отличных друг от друга. Таким образом, Давид, созданный Микеланджело, в его Месте Происхождения — «истинный» Давид. Помещенный в музей, он перестает быть действительно собой: он жертвует своим содержанием для создания другого содержания — музея. Подобно этому и лилия в руке женщины перестает быть собственно лилией, но становится декоративным продолжением ее руки, ее тела. Изначальная ситуация вещи заключена в месте ее рождения.

Место геометрических фигур предопределено геометрией пространства. Место Происхождения и объектов предопределено «теометрией» пространства.

Всякая вещь, форма или идея имеет некоторое место, Место, наиболее адекватное и подходящее для нее и в котором она находит наиболее идеальное, наиболее совершенное выражение собственного значения. Мы можем построить идеальное Место «письма», «книжки», «языка», но подобным же образом может быть построено и Место «театра». Воплощение должно соответствовать его идее, в противном случае она становится искажением его сути. Письмо, например, имеет свое идеальное Место в руках человека, которому оно написано. В руках же непосвя-

ценного, которому письмо не адресовано, выраженное содержание и невыраженный подтекст равно бессмысленны, а само письмо как бы отчуждается, пребывает вне своего Места.

Традиционный театр — театр вне своего Места. Истинное Место театра — Театр Спонтанности»²⁵

И далее:

«Задача воссоздания естественного Места театра может быть решена в четырех вариантах: театр конфликта или театр критики, театр спонтанности или театр момента, терапевтический театр или театр взаимности и театр создателя»²⁶.

Театр конфликта (или театр критики) представляет собой, по Морено, **Место столкновения**: зрительского и сценического театра, специально подобранной животрепещущей темы о противоборствующих — наступающей и защищающейся — силах, о выборе, который можно совершать, а можно и законсервировать и т.д. Конфликт, по мнению Морено, высвобождает ресурсы спонтанности и креативности, если, конечно, человек воспринимает его всерьез и решает жить в нем, а не ожидать. Морено считает, что только зрительский театр действительно является спонтанным, в отличие от театра сценического, драматического, который консервативен и лишен главного — личного, а точнее — собственноличного содержания.

Театр спонтанности (или театр момента). В начале, как пишет Морено, театр спонтанности становится психотехнологической лабораторией, работа в которой носит исследовательский характер. Спонтанность необходимо освободить от сознательного контроля и бессознательных стереотипов. В творческой экспрессии исчезает различие между сознательным и бессознательным. Морено предлагает различные упражнения, способствующие высвобождению ресурсов спонтанности, что, по его мнению, равнозначно выходу в ирреальное измерение — измерение «как если бы», внутри которого и становится возможным создание чего-то нового.

В настоящее время идеи зрительского театра спонтанности с успехом воплощаются в двух известных формах: плейбэк-театре и форум-театре.

Театр взаимности (или театр межличностных отношений) строится на следовании **за одним** главным героем (Протагонистом), вокруг которого выстраивается эмпатическая согласованность действий в спонтанном пространственно-временном континууме коммуникаций. Каждый актер в психодраме, кроме Протагониста, играет второстепенную роль — роль его дублера. И, несмотря на второстепенность роли, дублеры переживают первостепенные собственные чувства.

Театр создателя. У творческого акта есть свой автор — его субъект-создатель. Вот как пишет сам Морено о роли создателя в психодраме:

«Объекты прекрасного первого порядка возникают, следовательно, вследствие процесса отчуждения: результатами его являются, например, произведения скульпторов и художников; психика и дух проецируются на материал, изначально лишенный художественного начала.

Объекты прекрасного второго порядка возникают в процессе порождения и отчуждения: например, произведения писателей и композиторов, в которых самотворящий дух и самотворящая материя сначала сливаются и соединяются в нечто независимое внутри личности художника, чтобы затем после отчуждения от создателя — в результате своеобразного акта рождения — начать свое собственное внешнее существование.

Объекты прекрасного третьего порядка возникают в процессе сознательного и систематического собирания, протекающем внутри личности самого создателя: примером их может служить традиционная драма. Самотворящая материя сливается с духом, лишенным художественного начала, будучи чуждой личности артиста, в некий самодостаточный, самодавящий продукт, внешне не отторгаемый от своего создателя, но живущий внутри него особой непрерывной жизнью.

Объекты прекрасного четвертого порядка возникают в процессе спонтанного творчества: здесь воссоединяются истинный в себе дух и истинная в себе материя.

Первые три группы объектов принадлежат эстетическому. Они могут стимулировать развертывание логических, этических, физических, психологических и социальных построений и в конечном счете предполагают создание метафизических систем. Метафизика есть позиция, точка зрения созданной вещи, позиция, точка Создания. «Мета»-«Физическое» следует отличать от «Мета»-«Не-Физического» (Метабиология, Метapsихология и Метасоциология), могут требовать конституирования «Das Ding an sich» («вещи в себе»), отличной от ее физического аналога.

Четвертый порядок вынуждает нас разработать новую конструкцию. Феномены, представляющие этот порядок, являются именно тем, чем они нам кажутся. Они — не что иное, как «Das Ding an sich», т.е. «вещь в себе». Они неотторжимы от акта собственного создания. Пространство «мета», следовательно, должно быть поделено на две гетерогенные сферы: метафизика и метапрактика. Метапрактика есть позиция Создателя»²⁷.

Метапрактика, по Морено, представляет собой Место потенции вещей, которое существует до начала мироздания. Так называемый конец и начало в одном моменте хаоса: до создания и после того, как было разрушено то, что создавалось.

«Время постоянно сбивается и исчезает, а человек остается на одном месте со своей надеждой на будущее...» (А. Платонов).

Метатворец (Создатель), субъект метапрактики, имеет право взять тряпку и стереть с доски весь этот мир, после чего он исчезает как мир-рисунок в нашем воображении. Метапрактика Создателя сталкивает реальное и воображаемое, вместе с тем показывая реальность иллюзорного.

«Метапрактика — это жизнь воображения и сознания, построение бесконечных вариантов собственного бытия. Вся наша вселенная так же мала в сравнении со сферой метапрактики, как миг нашего бытия ничтожен в сравнении с величию нашей Вселенной. Она всемогуща, она способна, при желании, в одно мгновение обратить наш метафизический мир в нечто иллюзорное. Метапрактика — это пространство, в котором адекватно решается наш извечный вопрос о свободе воли»²⁸ (Д. Морено).

Согласно Морено, психодрама проектирует по законам метапрактики мета-театр — воображаемое пространство, которое является не менее (а часто — более) реальным, чем любое другое. Статус Происхождения внутренней реальности раскрывается буквально «на глазах у изумленной публики», замороженной психодраматическим процессом, матрицей которого, по словам Морено, является душа автора — Протагониста.

«Человек меньше всего сообщает о себе, когда говорит от своего лица. Дайте ему маску, и он скажет вам правду»²⁹ (О. Уайльд).

Гретой Лейтц, директором всемирно известного института психодрамы, социометрии и групповой психотерапии Морено в Германии, написана книга о так называемой классической психодраме, что само по себе свидетельствует о существовании неклассической, т.е. отличной от понимания Морено, психодрамы.

По Лейтц, к классическим идеям, формам и технологиям психодрамы следует отнести следующие:

- **Идеи** — спонтанности, «теле», матриц и вселенных.
- **Формы** — ролевые игры, психосоциальные сети (социальный атом), разогрев, шеринг, процесс-анализ и др.
- **Основные техники** — дублирование, обмен ролями, вчувствование и прочувствование, зеркало, magic shop, ар-арт и др.

В изложении Г. Лейтц **спонтанность** выступает в качестве главной бытийной психической составляющей. По словам Лейтц, Морено дает следующее определение конструктивной спонтанности: *«это адекватная реакция на новые условия или новая реакция на старые условия»³⁰*. Деструктивная спонтанность — это что-то вроде ментальной раковой опухоли, которая настолько бессмысленна, насколько недифференцирована и неосознана. Неприсвоенный спонтанный ресурс обладает разрушительной силой в психике человека, однако используемый ресурс спонтанности является *«решающим феноменом во всех изменениях состояний человека и космоса»*, где *«возникновение вселенной мыслимо лишь как проявление непостижимой спонтанности»³¹*.

Только объемному сознанию доступен смысл такого дискурсивно-эмпатического и метаязыково-языкового понятия, как спонтанность.

Понятие «теле» у Морено является характеристикой отношений между людьми, строящихся вне переносов и контр-переносов. Переносные отношения управляются одним субъектом, и другое «Ты» в них не представлено в качестве самостоятельной личности, а является объектом бессознательных желаний и представлений одного субъекта — его неодушевленным продолжением в другом человеке. Телеотношения основаны на эмпатии, вчувствовании двух субъектов в бытие друг друга. По Липпсу, это сопровождается непредубежденным проникно-

вением в личный эмоциональный мир индивида (или в эстетическую структуру объекта), предпосылкой которого является «умение-отказаться-от-самого-себя». Столкновение двух вчувствований, воплощенное в бытии взаимности — встречи, — скрывается за объемным мореновским понятием «теле». Вводя понятие «теле», Морено следует за идеей Гегеля о «прочувствовании» и идеей Бинсвангера об «исполненной любви». «Теле» возникает там и тогда, где между эмпатически мыслящими людьми разворачивается вовне многочувственный и здоровый модус человеческих отношений, осмысленный и присвоенный глубоким пониманием бытия с Другим.

«...какова бы ни была перспектива социального развития, насущно необходимо показать, как практически осуществляется сближение одного человека с другим... Я думаю, что, если не будет разрешена эта очень простая, но столь насущная проблема, завтра мы можем оказаться перед лицом такого общества, которое внешне будет прекрасно организовано... но в котором отношения между отдельными индивидуумами окажутся чисто поверхностными, лишенными всякого внутреннего содержания; в них будут царить равнодушие, отчуждение, невозможность познания человека человеком»³² (Ф. Феллини).

Понятие о мореновской «вселенной» выводится из его представлений о четырех стадиях развития ролей: эмбриональной стадии (матрицы), стадии (матрицы) первой психической вселенной, второй психической вселенной и третьей психической вселенной.

Согласно Морено, на эмбриональной стадии человек переживает психосоматическое единство с миром, аналогичное симбиотическим отношениям, описанным в теории объектных отношений. Представления ребенка о себе и о мире упаковываются в «матрицы».

Понятие «матрицы» у Морено очень близко к понятию архетипа у Юнга.

Первую вселенную Морено называет матрицей или стадией вселенской идентичности, для которой характерно бессознательное отождествление человека с миром.

«По аналогии с функциональным единством матери и ребенка, представляющего собой на эмбриональной стадии матрицу органического развития, Морено рассматривает интеракциональное единство матери и ребенка в первой вселенной в качестве матрицы социального развития человека. Иногда она также называется матрицей идентичности или социальной плацентой»³³ (Г. Лейтц).

И далее:

«В конце стадии первой вселенной ребенок начинает различать окружающих людей и предметы, а иногда даже их узнавать. В целом, однако, он переживает их и познает только в тот момент, когда они реально присутствуют. Представление или воспоминание, если таковое уже имеется, воспринимается таким же реальным, как реальные люди и объекты. В отличие от стадии переживания тождественности с миром, матрицы вселенской идентичности, это вторая фаза первой вселенной, фаза переживания одного только вещно реального мира, получила у Морено название матрицы вселенской реальности»³⁴ (Г. Лейтц).

Таким образом, на стадии первой вселенной, по Морено, человек совершает рывок от эмпатического понимания и мифологического мышления к дискурсивному пониманию и научному мышлению, погружая себя при этом в пропасть между субъектом и объектом.

«Издали люди вообще напоминают собою кегли, но вблизи каждый из них оказывается обладателем особых чувствований, неповторимой индивидуальности» (Этьен Декру).

Вторая психическая **вселенная** характеризуется расщеплением реальности на переживание мира представлений и на переживание самой реальности. Как это сформулировал сам Морено, восприятие мира ребенком разделяется на «восприятие реальности и на фантазию». На передний план на этой стадии выступают психические и социальные роли. Застревание на переживаниях в мире своих представлений (ирреальные страхи, желания и т.п.), по Морено, могут стать причиной невротической отгороженности от реальности.

«Сцена — самое укромное место на земле» (Л. Енгибаров).

Третья психическая **вселенная** представляет собой стадию осознанной интеракциональности человека с миром, полноценного и глубокого бытия.

«Аналогично переживанию тождественности с внеиндивидуальным бытием в первой вселенной на стадии третьей вселенной переживается тождество с трансперсональным бытием. Однако это переживание единства с космосом происходит не на бессознательном уровне в виде «participation inconsciente», как бы я назвала переживание вселенской идентичности в первой вселенной, и не в виде «participation mystique» в понимании Леви-Брюля, а в виде «participation consciente» переживания без утраты способности к дискурсивному мышлению. Это переживание не является обязательным в психосоциальном отношении. Оно не совершается только в психических или только в социальных ролях, а осуществляется благодаря трансценденции к новой ролевой категории интегративного переживания. Поэтому, как мне кажется, соответствующие третьей вселенной роли следовало бы назвать «трансцендентными», или «трансперсональными», ролями»³⁵ (Г. Лейтц).

К основным техникам в психодраме относят обмен ролями и дублирование. Техника дублирования или вспомогательного «Я» (alter ego) применяется практически в любой форме групповой работы с клиентами. По Д. Кипперу *«дублирование — это один из лучших способов обучения способности сопереживать»*³⁶.

Зерка Морено и Блатнер (по Келлерману) употребляют термин «вспомогательное Я» (auxiliary ego) сокращенно до auxiliary — помощника, т.к. дублиеры в психодраме «играют роль не только «его», но и внешние и внутренние «объекты» и символический внутренний мир в целом»³⁷ (П. Келлерман). Лейтц отмечает, что *«...в качестве вспомогательных “Я” протагониста партнеры создают для него призрачный вспомогательный мир психодрамы»*³⁸.

Дублирование основано на непредубежденности и вчувствовании, что роднит отношение alter ego к протагонисту, а это само по себе делает болезненный психотерапевтический процесс более безопасным и способствует необходимой регрессии протагониста. Выпуская слабость и «детскость», протагонист получает возможность выхода (или входа) в пространство бессознательного вакуума, в котором спрятаны насильно разрушенные (как казалось) нетронутые временем фантазии и боль нарциссического «Я» ребенка.

Можно сказать взрослому человеку, испытывающему реальную нарциссическую боль: «Стань же, наконец, взрослым!». Однако сами по себе эти слова не оказывают нужного воздействия на структуру личности. Скорее, они являются тем заклинанием, при помощи которого человек «заколдовывает» (для сознания) мир своих нарциссических фантазий, т.е. не освобождается от них, проживая, а делает их как бы несуществующими (для сознания), запрещая их вообще — как ему кажется. Самое удивительное состоит в том, что, «заколдовывая» фантастический мир, человек помещает себя целиком в его пространство и попадает в проективную позицию (ему все время что-то кажется) в межличностных отношениях (Л.О.В.).

В психодраматическом процессе самым захватывающим является обращение к чувствам, законсервированным в непрожитых бессознательных фантазиях. Высвобождаясь, чувствование способно, наконец-то, обратиться к реальности и стать в нем проводником сознания, в противовес невротической предубежденности, предожиданию и предзнанию.

Таким образом, пространство, выстраиваемое протагонистом в психодраме, имеет прямое отношение к бессознательному. Оно является МЕСТОМ, в котором бессознательное становится доступным для осознания и проживания.

Ролевые игры в психодраме в чем-то сродни детской игре. По крайней мере, в большей степени — детской игре, чем той **роли**, которую, как известно, тоже — **играют**.

Роль навязывается миром. При проигрывании ролей формируется социальное Эго, которое является компромиссом между субъектом и миром, ограничивая человека однажды и навсегда пределами социальной Персоны, заданными извне, с чем человеку необходимо считаться, чтобы выжить в человеческом муравейнике. Роли Персоны представляют собой единицы законсервированного поведения, которое имеет единственный смысл и позволяет Эго быстро получить желаемое.

Дэвид Киппер, один из известных американских психодраматистов, профессор Чикагского университета США, директор отделения моделирования поведения принадлежит к психотерапевтической школе психодрамы, ориентированной скорее на поведенческий, внешний аспект человеческого существования. Его психодраматическая модель отличается системностью и плоскостными свойствами.

С именем Д. Киппера в психодраме связано когнитивно-ориентированное направление, которое характеризуется системностью и обращенностью к ситуациям реального взаимодействия клиента с миром. Д. Киппер отходит от иррациональных моментов психодраматического процесса и центрируется на ролевых играх, которые, согласно Кипперу, определяются как *«осязаемое проявление поведенческого компонента... — сложными наборами действий»*³⁹.

Понимание ролевых игр по Кипперу существенно отличается от понимания Морено и Лейтц, т.к. основывается не на тестировании реальности при помощи ее точного воспроизведения.

Такой подход в психодраме, конечно, уместен, но он может быть эффективен только в сочетанном применении с традиционным подходом, для которого любая фантазийная реальность клиента является первой. Собственно, именно для выхода из нее к объективной реальности и создана психодрама.

Основными терапевтическими принципами применения ролевых игр в психодраме по Кипперу являются следующие:

«Принцип 1. *Клинические ролевые игры основаны на конкретном описании. Весьма существенно, чтобы информация, представленная во время сеанса ролевых игр как терапевтом, так и пациентами, носила конкретный характер. Первое психодраматическое правило (Морено, 1965) гласит, что пациенты представляют свои конфликты, а не рассказывают о них. Конкретизация, таким образом, подразумевает вовлечение в действие. Терапевт говорит пациенту: «Покажи мне, что произошло», а не «Расскажи мне, что произошло».*

Принцип 2. *Разыгрываемое поведение должно быть аутентичным. Как и в любой другой области психотерапии, в клинических ролевых играх следует добиваться того, чтобы поведение и состояния, связанные с разыгрываемыми эпизодами, были аутентичными. Аутентичность обычно рассматривается как достоверность и подлинность, что в контексте ролевых игр имеет два значения. Первое из них — отсутствие умышленного обмана. Следует убедиться, что описание не поддельно, ибо тогда оно не может представить действительных чувств и мыслей в момент действия. Второе — максимальное сходство с исходным случаем. Итак, аутентичность предполагает, что воссозданное пациентом описание достоверно отражает психологическое состояние в момент развертывания ситуации.*

Принцип 3. *Терапия посредством клинических ролевых игр использует выборочное усиление (фокусировку). Во многих случаях применения моделирования поведения детали разыгрываемых этюдов должны четко воспроизводить оригинальные ситуации. Такое воспроизведение сходства означает: а) все основные компоненты исходной ситуации должны быть представлены; б) представление каждого компонента или аспекта должно производиться в верной пропорции, сходной с тем видом, в котором они проявились в исходной ситуации. Эти виды имитации не допускают диспропорционального усиления какой-либо грани подлинной модели.*

Принцип 4. *Клинические ролевые игры помогают расширить познавательные возможности... Эту возможность можно охарактеризовать как новый шанс психологической и социокультурной реинтеграции. Клинические ролевые игры образуют временно скорректированное окружение, что ведет к появлению познавательных возможностей, недоступных пациенту в обычной жизни.*

Принцип 5. *Клинические ролевые игры включают последовательность взаимосвязанных разыгрываемых эпизодов. Основной предпосылкой этого принципа служит то, что клинические ролевые игры состоят из некоего числа взаимосвязанных эпизодов, и максимальный терапевтический эффект достигается при последовательном переходе от одного эпизода к другому»⁴⁰.*

Киппер предлагает свой психотерапевтический способ достижения прозрачности сознания, отличный от способа Морено, Лейтц и Келлермана: традиционный психодраматический способ состоит в разведении фантазии и реальности, а способ Киппера — в усилении контроля сознания над реальностью.

Исполнение роли — **игра** — процесс гораздо более сложный, чем сама роль как целесообразный культурный продукт, закрепленный и передаваемый буквально из рук в руки. В проигрывании ролей человек входит в бытие, становясь посвященным и в это таинство тоже — наряду с другими, освоенными ранее. Приобретая через исполнение ролей опыт тех или иных моментов со-бытия, всякий раз обращенных к Другому и Другим, человек вырастает в целостную «мы-йность» роскошной совокупности интеракций, попадая тем самым в Мир человеческих отношений, и пребывая посредством этого с Миром в непрерывной связи.

«Играющее бытие» — «царская власть ребенка» — открывает дверь в общечеловеческое, фасилитирует некую матрицу души, посредством которой она становится способной как-то проявить себя и стать видимой миру. В этом смысле человеческое существо, по мнению П. Питцеле, представляет собой ролевую мат-

рицу — множественную идентичность, выразимую в контексте межличностного взаимодействия⁴¹.

Мне кажется, что П. Питцеле, заявляя, что Морено не трактовал «Я» в платоновском (от имени Платон, а не Платонов) смысле (т.е. имея в виду некую изначальную сущность), совершает типичную семантическую ошибку, характерную для перевода объемного высказывания в плоскостное измерение. Слова Морено: *«Роли не рождаются из человеческого “Я”: наоборот: из ролей может появиться “Я”»*, — не содержат буквального смысла — мол, роли — это первое, причина, а «Я» — второе, следствие. В этой фразе, я думаю, Морено определяет действенное бытие как единственную причину и форму явленности «Я» Миру, из чего не следует, что роль располагается где-то в Мире — вне «Я». Напротив, ролью «Я» связывает себя с Миром, имея роль в себе, рождая ее из себя от впечатления — подсказку, идущей от жизни в Мире — «будь этим, но будь!».

За ролью, так же как и за маской, спрятан тот, кто является миру с их помощью, — сам субъект. Бессознательная идентификация субъекта с ролью и с маской часто ограничивает существование Эго, делает его подчиненным роли, а не наоборот.

Психодрама учит человека самому владеть широким методом разнообразных ролей, креативно «сочинять» новые, пользоваться ими по собственному усмотрению для достижения своих целей, и при этом не забывать, что все они — всего лишь роли, — а Я остаюсь где-то за всем этим невоплощенным таинством. Как отыскать роль, способную вместить всю меня? Мне такая роль неизвестна...

«Упражняться в жизни легко без умолчания и преувеличения...» (Цветы Сада М).

Исполнение роли — это не только форма послания субъекта Миру, но и возможность удовлетворения двух категорий потребностей — нарциссических и творческих. Роль застенчивого человека в этой связи можно прочесть как послание: «Ни в коем случае, ни при каких условиях не смотрите на меня», — что обычно, напротив, привлекает внимание к играющему, что ему и нужно. Застенчивых людей гораздо чаще, чем людей незастенчивых, открытых, посещают мысли о том, что на них все смотрят и все ими интересуются.

Как это возможно? Застенчивость, скорее всего, есть следствие нарциссического предположения, что я непременно являюсь центром всеобщего внимания. Если человек делает это для того, чтобы привлечь внимание, то он — гений манипуляций общения. Но если он думает, что он на самом деле при этом стесняется, то его бессознательное играет с ним злую шутку.

Отношения субъекта с ролями предполагают некоторую степень разотождествления, что ведет к пониманию того, что Я больше и сложнее всех тех ролей, которые Я использую для установления отношений с миром. **Действительное** Эго лишь отчасти может быть воплощено в той или иной роли. Вопрос в том — каково **действительное** Я? Если Я за ролью, за маской — то что же тогда это такое? Обычно с этих вопросов и начинается исследование себя и приведение своей жизни в соответствие с тем, чем **Я** являюсь, как **мне** кажется. И тогда роли становятся чем-то совершенно иным, т.к. начинают обладать наполненностью подлинного бытия, в котором душа идет навстречу к миру, соответствуя себе, а не роли.

Лживая роль исполняется обычно в двух случаях:

- когда необходимо утаить реальность — лукавым имитатором, которому хочется быть не тем, кем он является на самом деле;
 - когда реальность «Я» неизвестна самому «Я» — безликим хамелеоном, принимающим обличье того ситуативного контекста, в котором уместно быть этим или тем.
- Тема имитаторства, на мой взгляд, приобрела в настоящее время особое значение в жизни русского человека. Слишком много стало имитироваться: начиная с подделок чая «Lipton» и костюмов от «Armani» и заканчивая семейными и политическими отношениями.

Питер Келлерман, директор Иерусалимского центра психодрамы и групповой работы, один из ведущих современных психодраматистов, пишет в своей книге:

«В ролевых играх участники имеют мужество переиграть прошлые ситуации так, как будто они имеют место в настоящем; относиться к неживым объектам так, как будто они одушевлены; и разговаривать с другими членами группы так, как будто они являются их старыми знакомыми или самыми важными людьми в их жизни. Психодраматическая сцена сама по себе представляется и актерам, и зрителям так, как будто это арена, на которой может случиться все, даже невозможное.

Таким образом, внутри психодраматической реальности «как будто» внутренний опыт может быть экстернализован, могут быть воплощены абстрактные меж— и внутриличностные отношения и могут сниться сны среди белого дня»⁴².

Реальность «как будто» соответствует главному правилу ИГРЫ — мы договариваемся, что сейчас для нас нечто существует, и затем выходим в эту реальность, имеющую едва ли меньшее значение, чем реальность №1. Понимание «как будто» и извлечение своих «как будто» из первой реальности, принимаемых за то, что есть на самом деле (без осмысления «как будто») дает в результате освобождение от вымысла в реальности. Как ни парадоксально, игра в «как будто» освобождает человека и способствует выходу в реальность, а отрицание игры («серьезное лицо», с которым совершаются все глупости на свете), наоборот способствует созданию вымыслов, мифов и фантомов.

Так отличается **игра бытия** от **игры в бытие**: играя, понимаю, что игра; и, играя, верую, что все всерьез.

По словам Келлермана, «как будто» в психодраме имеет дело не с актуальным миром, а с метареальностью или «сюрплюс-реальностью» — сверхреальностью по Морено.

«Сюрплюс» значит «то, что остается» и обозначает ту часть человеческого опыта, которая остается внутри нас, даже если окружающая реальность завладевает нашим вниманием. В этой сфере психическая реальность «расширяется» и «получают выражение неуловимые, невидимые измерения жизни протагониста» (Moreno&Moreno, 1969). «Это царство мечтаний, в котором самые болезненные вопросы разрешаются одним движением руки или улыбкой. Сцены, продолжавшиеся в реальной жизни в течение нескольких дней, здесь завершаются за минуту»⁴³ (П. Келлерман).

Сверхреальность представляет собой единичный вариант личной правды клиента, даже если этого никогда не было. **Уникальный опыт восприятия реальности** в психодраме получает свое «экзистенциальное подтверждение», т.к. в любом акте осмысления жизненного опыта присутствуют элементы сверхреальности, различается лишь ее объем. Внутренняя жизнь тотально **сверхреальна**,

тогда как внешняя — только частично, но, тем не менее, тоже сверхреальна. В психодраматическом процессе воображаемое и реальное постигается не слитно, а раздельно, что ведет к осознанию того внутреннего, что я принимаю за внешнее, к более ясному различению внутреннего и внешнего, и в конечном счете к адекватному тестированию реальности.

Театр Морено представляет собой особое место для построения сверхреальности Протагониста — главного действующего лица в психодраматическом пространстве, на матрице чувственного опыта которого и разворачивается психодраматическое действие.

Спонтанные состояния имеют, согласно Морено, еще одну матрицу — «матрицу деятельности», которая создается автором и произвольно им регулируется:

«Спонтанное состояние не есть что-то ригидное, оно не дается человеку изначально, как нечто уже существующее. Если бы это было так, нам не пришлось бы прилагать усилий для его достижения. Оно также не возникает по принуждению — за исключением, конечно, патологических форм спонтанного состояния. Оно, как правило, возникает в результате волевого усилия; оно носит добровольный (произвольный) характер с позиции субъекта деятельности — хотя много произвольного может быть привнесено им в спонтанный творческий акт. Творческому субъекту свойственно отношение к спонтанному состоянию, как к сокровенной, присущей лишь ему деятельности, автономной и свободной в смысле свободы от внешних и внутренних, неподвластных его контролю, влияний. Подобные представления могут быть иллюзорными, но именно так он рассуждает и чувствует, устремляясь к спонтанному состоянию. Оно обладает, во всяком случае для него, субъекта деятельности, всеми характерными особенностями свободно осуществляемой деятельности»⁴⁴ (Дж. Морено).

И далее:

«Главным признаком таланта спонтанности является способность быстрого продуцирования идей и быстрого же воплощения этих идей в действия. Скорость подобных преобразований в силу своей исключительной значимости для человека, попадающего в экстремальные ситуации, придает фактору спонтанности решающую роль в сравнении с другими качествами, которыми может обладать: мимикой, ораторским искусством и коммуникабельностью»⁴⁵.

Даже критиками психодрамы признается то, что она принадлежит к числу специфических психотерапевтических **методов**, выходящих за рамки психотерапевтических ситуаций.

Однако при этом часто упускается из виду авторская философско-экзистенциальная позиция Морено, которая является гораздо более важной, чем психотехнологическая система психодрамы в связи с собственными топологическими приоритетами в психотерапии.

Психодрама — одно из немногих психотерапевтических направлений, оперирующих «объемными» понятиями. Эти понятия дискурсивно обозначаются в текстах Морено, но постичь их смысл можно только под руководством тренера-психодраматиста. Например, к разряду таких объемных понятий принадлежат понятия «теле», первой, второй и третьей вселенных, матриц и само понятие драматического действия как психотерапевтического инструмента.

По Морено, встреча с другим человеком возможна после достижения некоторого соответствия «Я» себе самому, которое является необходимым условием того, чтобы соответствовать Другим и Миру в целом.

«Чтобы со мною встретиться, ты должен пройти свой путь с самого начала, начать его там, откуда ты вышел, с себя, и если ты соответствовал себе, с тех, с кем ты живешь, и если ты соответствовал им, с соседями по дому, а если ты не соответствовал им, то можешь продолжить свое странствие, от места к месту, не слишком быстро, не слишком медленно, так, как получится»⁴⁶ (Г. Лейтц).

Упрощенное понимание психодрамы связано с глубиной понимания категории «роль», отчего зависит дальнейшая трактовка психодрамы как суммы технологий проигрывания ролей. При буквальном и поверхностном понимании ролей и субъектной представленности носителя роли в ней психодрама сводится к имитации: «Сейчас мы договоримся, кто кого будет играть, и — начали!..». Даже такое простое на первый взгляд понятие, как «роль», представляется в психодраматическом контексте сложной инструментальной и фундаментальной идеей, при помощи которой психодраматист может создать условия Протагонисту для поиска своего подлинного «Я», своей идентичности. Каждый человек выбирает — сделать вид, притвориться умозрительным «совершенством», построенным по неким

общепризнанным социальным ориентирам (с единственной целью — подчинить себе Мир, сделать его управляемым), или использовать социальное знание для того, чтобы наконец постичь и выразить то, что бытийствует внутри Эго и не поддается полному осмыслению. Целью Я-бытийствующего является воплощение того, чем оно является в адекватных этому сложному содержанию аспективных формах — ролях. Единственное, что себе в этом случае подчиняет человек — это свое собственное существование.

«Когда призванный к живому наблюдению человек начинает схватку с природой, то вначале он испытывает огромное желание подчинить себе предметы. Но это длится недолго, и они настолько насаждают на него, что он хорошо ощущает: у него есть все основания признать их власть и воздать должное их действию. Едва убедившись в этом взаимном влиянии, он обнаруживает двоякого рода бесконечность: в предметах — многообразие бытия и становления и многообразие перекрещивающихся исполненных жизни отношений, а в самом себе — возможность бесконечного совершенствования, в котором он приравнивает свою восприимчивость и свое суждение все к новым и новым формам сопротивления и противоборства»⁴⁷ (Гете).

* * *

Краткое описание архетипических символодрам мужской (архетип Героя) и женской инициации (архетип Красавицы)

Символодрамы мужской инициации включают в себя в качестве момента актуализацию младенческого состояния, выход к разрешению сепаративных проблем в отношениях с обоими родителями и архетипическое символическое завершение. Формирование маскулинного Эго «замораживается» нарциссическими младенческими потребностями, а пробуждение маскулинных ресурсов бессознательного мужчины начинается с активного отделения от материнского начала и в дальнейшем ведет к идентификации с физически и духовно сильным отцовским началом (даже в том случае, если реальный отец представляется в сознании клиента слабой фигурой, например, как у сыновей алкоголиков). Завершается маскулинизация архетипической «свадьбой» — интеграцией маскулинного сознательного Эго с анимальным содержанием бессознательного.

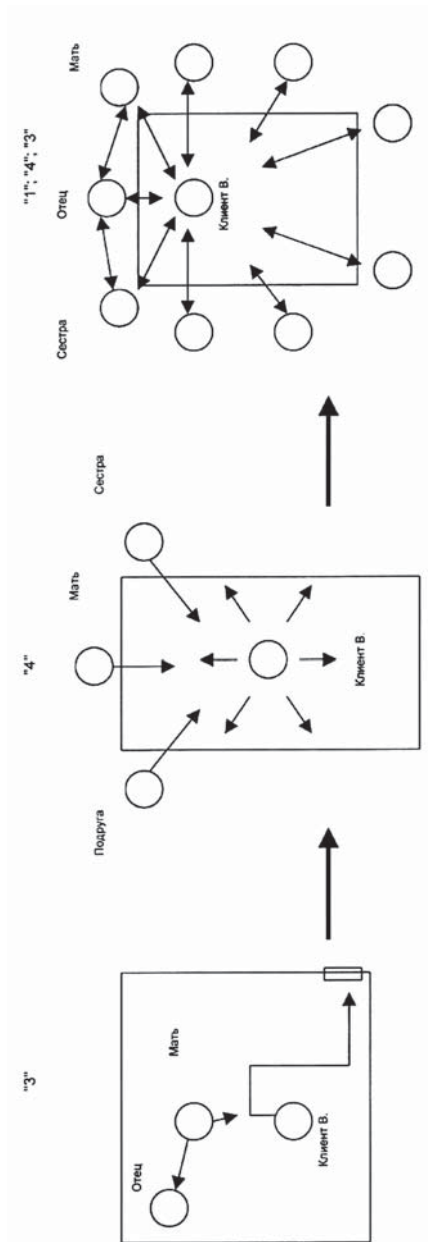
Клиент В. — 21 год, неженат, на психодраматической сессии заявил свой сон, в котором самой яркой была сцена, где он утопил свою однокурсницу, испытывая при этом амбивалентные чувства — с одной стороны, его мучали угрызения совести, а с другой — он испытывал удовлетворение и злорадство. Фокусировка проблемы позволила установить связь между образом сновидения и тем реальным лицом, к которому клиент испытывал в действительности амбивалентные чувства — это его мать. Был выстроен целый ряд женских образов, значимых для него, по отношению к которым клиент испытывал похожие чувства.

Первая сцена протагониста выстраивалась на основе воспоминаний подросткового возраста, где диадические отношения с матерью, исключавшие отца, вызвали актуализацию переживания глубокой нарциссической обиды.

Вторая сцена носила сверхреальный характер и являлась образом, соответствующим этому сильному переживанию: клиент В. увидел себя окруженным несколькими женщинами, среди которых были и его мать, и его сестра, проносившие весьма неслестные слова в его адрес. Вербальным ключом этого образа было послание «Чтоб ты содох», что буквально реализовывалось в бессознательном клиента, вызывая подавляемое желание сделать тоже самое авторам послания.

Третья сцена выстраивалась как символическая, в которой реальность собственного умирания и младенческой пустоты были пережиты клиентом в психодраматическом пространстве. В том помещении, где отработывалась эта драма, поблизости случайно оказались мраморные плиты, размером 30х30 см, с помощью которых удалось создать адекватное телесному состоянию переживание небытия. Клиент В. поместил себя в мраморный саркофаг, каждая плита которого накладывалась на его тело женщиной, произносившей очередное негативное послание. Максимизация чувства через усиление телесных ощущений привела к тому, что постепенно у клиента В. возникло желание отреагировать свои агрессивные чувства по отношению ко всем этим, разумеется, воображаемым фигурам. Трудно себе представить, чтобы такое количество женщин ненавидело бедного клиента В. Однако фантазия вызвала у него мощные чувства, которые нельзя игнорировать. Как только он смог выразить агрессию, он заплакал. Мраморный саркофаг в его воображении трансформировался в мраморную купель, заполненную водой, в которой он ощущал тепло и блаженство.

Подобная работа соответствует начальному психотерапевтическому этапу — освобождению и контейнированию младенческих нарциссических обид. Как правило, их переживание и отреагирование ведет к изменению сознательных представлений о реальности. Так, например, клиент В. после своей работы в качестве протаго-

I сцена
«Комната»

II сцена
«Саркофаг»

III сцена
«Нупель, рождение»

Младенческий топос психодраматического действия (Клиент В.)

ниста смог увидеть реальные отношения с матерью и сестрой, в которых присутствовали также принятие и любовь, что отвергалось его сознанием и замещалось разросшейся фантазией об их ненависти по отношению к нему и желании от него избавиться.

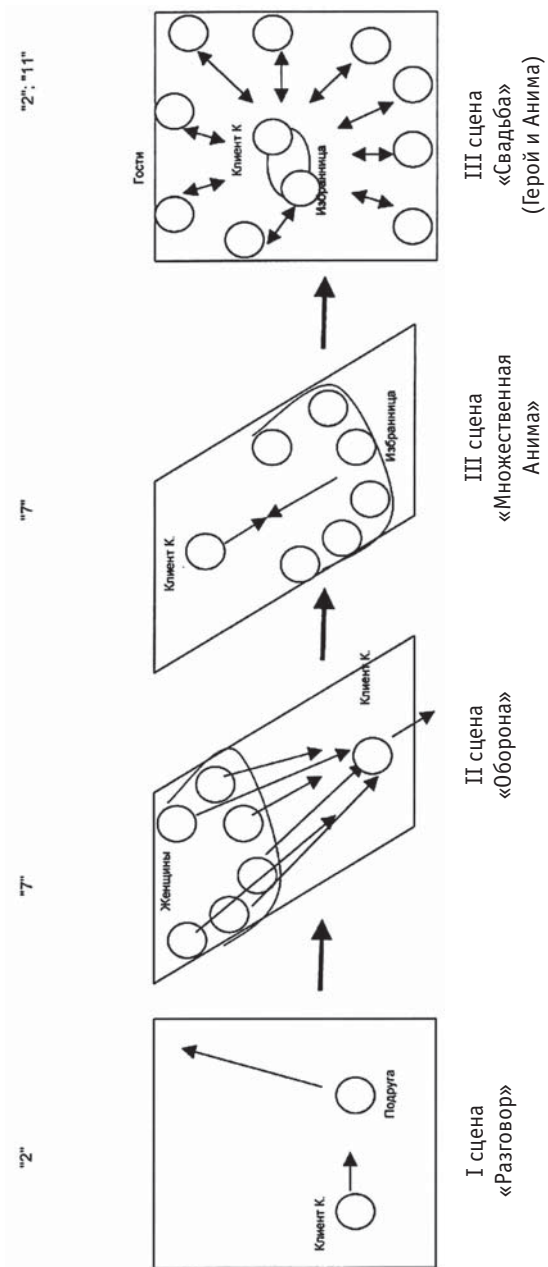
Клиент К. — 26 лет, не женат. Заявленная тема — отношения с женщинами. По словам клиента, ему не удастся создать эмоционально близкие отношения, его объяснение — это уход женщин от близости.

Первая сцена разыгрывалась в реальной квартире, где происходил разговор протагониста со своей подругой, которую он упорно называл просто «человеком». Фокусировка на чувствах и их максимизация позволила протагонисту найти подходящий образ.

Вторая сцена — сверхреальность образа переживаемых чувств в отношениях с женщиной: протагонист «держит оборону» перед несколькими женщинами. Они лежат и насмешливо смотрят на него. Кстати, он выбрал для этой сцены шесть самых привлекательных девушек в группе. В этой сцене протагонист осознал свои негативные ожидания — страх собственной несостоятельности и обращение в бегство. Это то, что делало для него невозможным прорыв к близости и заставляло выбирать не тех женщин, которые ему действительно нравились, а совершенно других, к которым он относился, как к объектам. Движение образа в процессе осознания привело к изменению формы.

Третья сцена — сверхреальность архетипического образа «множественной Анимы». Протагонист увидел женщин, стоящих теперь за его спиной, и почувствовал смятение. Актуализация переживания тепла — невидимых нитей, которые возникли между протагонистом и одной из женщин — его вспомогательных «Я», — привели, наконец, к тому, что он преодолел такое большое для него расстояние и приблизился к своей избраннице.

Завершающая четвертая сцена представляла собой символическую сцену священного брака Героя и Анимы, которые стояли внутри ритуального группового пространства (Анима — слева от начального ориентира), где каждый испытывал катарсически мощное переживание, сопровождающее таинство внутренней трансформации — прелюдии к новому качеству бытия. По окончании работы, в процессе шерринга протагонист осознал свои проекции — это не женщины уходили от близости, а он сам. Причиной этого бегства был ранний опыт общения с женщинами.

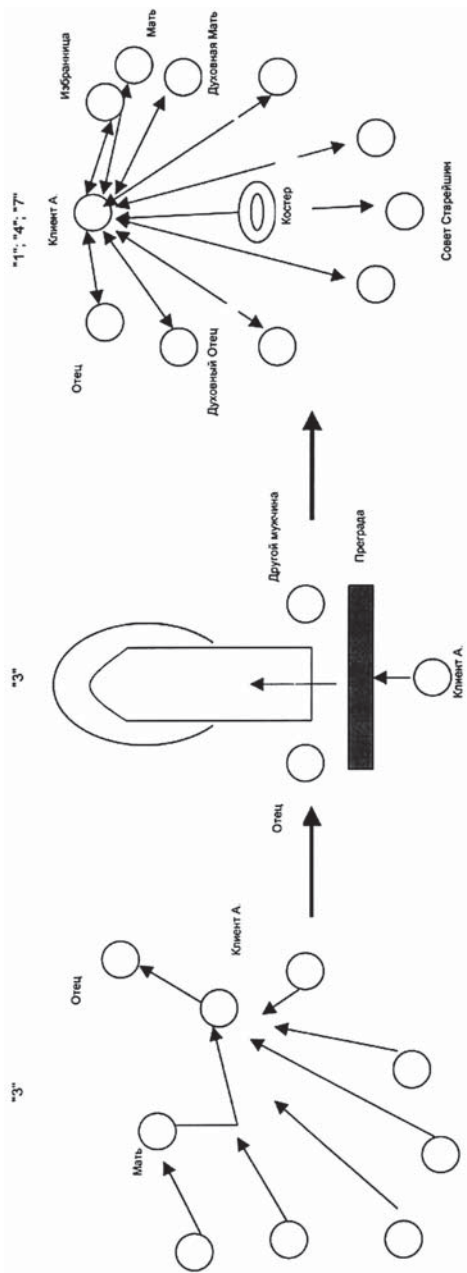
Героический топос психодраматического действия (Клиент К.)

Клиент А. — 20 лет, не женат. На второй день работы в группе почувствовал сильную боль в голове и в ушах (в детстве перенес отит). Максимизация болевых ощущений вывела к осознанию психогенеза соматических проявлений — развод родителей, перед которым они много и громко кричали друг на друга. Превозмогая боль, клиенту А. удалось расслышать мамины страшные слова, обращенные к отцу: «Уходи, подлец», и к себе: «Ты такой же, как твой отец». Вскоре клиенту приснился сон, с которым он работал в качестве протагониста в психодраме (снодрама). Ключевая сцена сна (первая сцена) — племя, в котором мать — вождь. Она говорит отцу, чтобы он навсегда покинул племя. Затем она объясняет духовной матери, что сын таит в себе большую опасность, и если он останется жив, то все племя погибнет. Отец научил сына чему-то такому, с чем нельзя жить. Мать-вождь приказывает убить сына. Отец узнает об этом и уводит его куда-то. Они сидят около костра, где отец отдает сыну амулет — квадрат с солнцем внутри. Затем на глазах у сына отец убивает себя ударом ножа в солнечное сплетение. Самоубийством он сохраняет жизнь сыну.

Движение в сновидческом пространстве первой сцены максимизирует переживание потери отца протагонистом. На вопрос: «Кто его убил?» — протагонист отвечает: «Мать». Мать таким образом «убила» в сыне саму возможность стать мужчиной — «если будешь мужчиной — будешь подлецом».

Вторая сцена — сверхреальность продолжения сна в снодраме. Протагонист увидел продолжение сна в последующих образах (вторая и третья сцены). Одним из них был образ, в котором он находился недалеко от дуба, у которого стоял его отец и какой-то другой мужчина. Протагонист не мог к ним прорваться — как будто вокруг колонны (дуб трансформировался в колонну) было высокое металлическое ограждение. Накал психодраматического действия способствовал созданию условий для полного и глубокого вовлечения протагониста в осуществление прорыва — он ворвался внутрь и занял место колонны (под аплодисменты группы).

Третья сцена представляла собой результат трансформации образа сновидения в процессе психодраматического действия. Протагонист увидел собрание Совета старейшин племени вокруг костра, во главе которого был он сам. Мать и духовную мать он усадил слева от себя. Отца и духовного отца — справа. Совет старейшин задавал ему много различных вопросов: «В чем смысл жизни?», «Что важнее в жизни — брать или отдавать?», «Чем следует руководствоваться в жизни — чувствами или разумом?» и т.п. Протагонист долго и вдумчиво отвечал на них, выбрал себе невесту и осознал, что теперь он стал вождем племени.

I сцена
«Матриархатное племя»

II сцена
«Фаллическая инициация»

III сцена
«Патриархатное племя.
Духовная инициация»

Героический топос психодраматического действия (Клиент А.)

Следует отметить, что полная мужская инициация включает обычно 3 элемента: фаллическую (природную, физическую), интеллектуальную и духовную (анимальную и сенексическую) инициацию.

Таким образом, клиент А., прожив заново боль от потери отца — внутри — смог понять тайный смысл своего сна и использовать его в фасилитации собственной душевной трансформации.

Символодрамы женской инициации. Младенческий топос женской инициации также имеет своим содержанием нарциссические обиды, от которых клиенты освобождаются, одновременно расставаясь с непомерно великими ожиданиями (любви, внимания и заботы к собственной персоне) от отцов, матерей и партнеров. Несбыточность и ирреальность этих ожиданий рождает в душе «младенца» боль отверженности — сиротства, что, в свою очередь, ведет к возникновению злобных чувств к тем людям, которые не дали любви столько, сколько хотелось. Разумеется, речь идет о вполне психически здоровых людях, прорастающих к себе. В том случае, если в реальных отношениях в нуклеарной семье имел место эмоциональный дефицит, двойные послания невротической (или даже шизофреногенной) матери, насилие, а также другие формы внешних патогенных факторов, то такой клиент скорее нуждается в психиатрической помощи, чем в психологической работе и личностном росте. Из них наименее поврежденными являются нарциссические личности и *borderliner*(ы). Для этих клиентов то, что бывает фантазией у психически здорового человека, к сожалению, когда-то являлось реальностью, которая привела к глубоко искаженному видению себя и мира, и к почти полной неспособности это осознать.

Полный путь женской инициации подробно описан во 2 части, 3 главе «Красавица и Герой», в котором выделены четыре основных элемента: телесно-чувственный (природный), душевный (материнский) и духовный (анимусный и хтонический).

Клиентка Ю. — 21 год, не замужем. Тема, заявленная ей в группе, наиболее часто встречающаяся в «младенчестве» — тема одиночества и покинутости (как правило матерью). Клиентка уехала из родного дома сразу же после окончания школы. При ее встречах с родителями позже она обнаруживала явь собственной фантазии о покинутости в словах покинутой ею матери: «Вы о нас с отцом забыли. Ничего от вас не дожدهмся». Так часто бывает в проективных отношениях.

Первая сцена разыгрывалась через драматизацию образа состояния покинутости: протагонистка сидела в траве на берегу озера (что очень напоминало миф об одном юноше, который был так одинок, что полюбил свое отражение). Максимизация чувства одиночества привела к детскому воспоминанию о том, как однажды мама сказала пятилетней девочке: «Ты — плохая дочь». Это послание было прочитано как: «Я покидаю тебя, потому что ты — плохая дочь». Горькие слезы протагонистки сопутствовали этому переживанию.

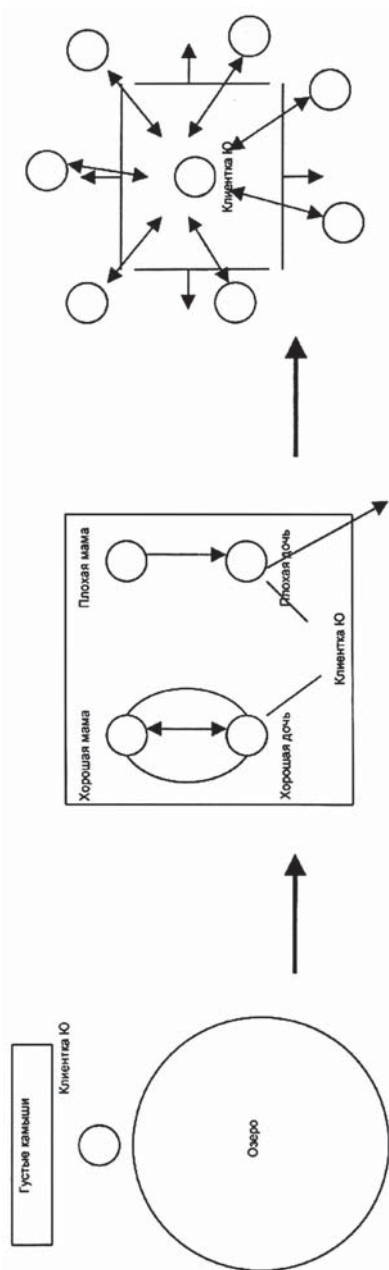
Во второй сцене, которая проходила в доме протагонистки, были объединены два противоположных воспоминания: одно — с хорошей, любящей мамой, другое — с плохой, отвергающей. Интеграция плохого и хорошего объекта вернула клиентке чувство реальности.

В третьей сцене, где клиентка вернулась в пространство первоначального образа, который уже трансформировался в другой образ: девочка — подросток 11-ти лет сидит в пустой коробке. Протагонистка вскоре без труда встала, обнаружив, наконец, собственную отгороженность от мира, убрала картонные стенки и поняла, что именно они создавали чувство одиночества. Ее фантазия покинутости в реальности изолировала протагонистку от окружающих и от мира. Нейтральные послания от членов группы придали еще больше реалистичности инсайту о том, что вокруг нее живут люди, которым либо совершенно нет никакого дела до нее, либо им сейчас интересно узнать, кто она и какая она. Никто из них не отвергает ее заведомо.

Завершение этой индивидуальной работы проходило в дальнейшем в групповой форме. Каждый участник группы, который чувствовал негативное отношение к себе от того или иного члена группы, проверял реалистичность или проективность своих предположений.

Клиентка С. — 21 год, не замужем. Заявленная тема — невозможность выразить свои чувства. В процессе разогрева протагонистки выяснилось, что как только она проявляет свои чувства, то ее сразу оставляют одну — сначала отец, а затем ее друг. Ей откуда-то известно, что проявлять чувства — это ужасно. Как оказалось, запрет на чувства был дан ей отцом, а затем она нашла такого молодого человека, который запрещал ей то же самое. Образ бесчувственности клиентки С. — это пустыня.

В первой сцене — пустыне — она находилась со своим отцом и другом. Они говорили ей, что они любят ее только тогда, когда она лишена всяких чувств: «Если чувств не будет, то они всегда будут со мной». Переживание и максимизация запрета

I сцена
«Нарциссическое оди-
ночество»

II сцена
«Позитивный и
негативный объекты;
раздвоенность»

III сцена
«Выход, рождение»

Младенческий топос психодраматического действия (Клиентка Ю.)

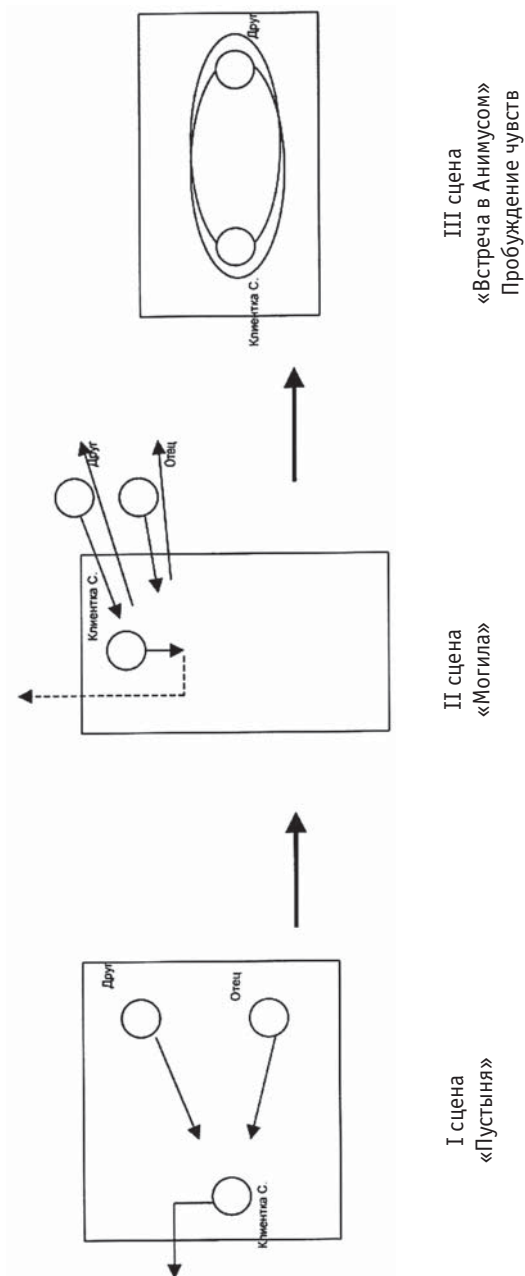
чувств вызвали актуализацию боли, слезы и сильное телесное напряжение. В этой сцене протагонистка, несмотря на сильное внутреннее сопротивление, постепенно погрузилась в свою боль, что позволило ей увидеть как, запрещая свои чувства, она убивает себя.

Во второй сцене сверхреальность чувственного запрета была воплощена протагонисткой в необытный образ — могилу. «Я лежу в ней, отец и мой друг засыпают меня землей, льется вода, грязно. Я не могу выбраться». Трансформация этого образа произошла только после того, как клиентка разрешила себе выразить негативные чувства по отношению к отцу и другу. Во время проживания этих чувств клиенткой овладевал страх, что они сейчас же покинут ее. По мере экспрессии внутренней боли, она освобождалась от этого страха и в результате оказалась стоящей на сырой земле посреди поля, за которым начинался город. Отец шел впереди, а протагонистка со своим другом — за ним.

Третья сцена происходила в квартире, где живут клиентка и ее друг. В процессе проработки этой сцены протагонистка осознала, что она старается как можно меньше чувств выражать в отношениях со своим другом, т.к. думает, что это послужит причиной тому, чтобы он покинул ее. В этой сцене ей удалось повторить свои обычные эмоционально сдержанные отношения с другом и опробовать новые, наполненные чувствами.

В процессе шеринга клиентка С. осознала свою сильную внутреннюю связь с отцом и бессознательный выбор партнера по его образу и подобию. Ее фантазия о связи «выражение чувств — покидание», вызывавшая у нее сильную тревогу и страх, была развенчана. Однако реальные отношения клиентки С. с ее партнером, во многом похожие на ее отношения с отцом, свидетельствовали о незаконченной сепарации в диаде «отец — дочь». Женская инициация требует полного отделения и от матери, и от отца, хотя первым партнером женщины на этом пути часто оказывается мужчина, замещающий фигуру отца. Отсутствие фигуры отца в третьей сцене психодрамы свидетельствует о начале сепарации.

Клиентка Г. — 28 лет, замужем, сын 6 лет. Заявила в группе, что отношения с мужем в настоящее время ее совершенно не удовлетворяют и что она хотела бы с ним развестись и выйти замуж за человека, которого любит в настоящее время. Отношение мужа к клиентке — скорее отцовское, опекающее, контролирующее, требовательное. По словам клиентки, муж никогда не хвалит ее, не говорит ласковых слов, обесценивает, унижает. В отношениях с любимым мужчиной она чувствует себя ценной и взрослой.

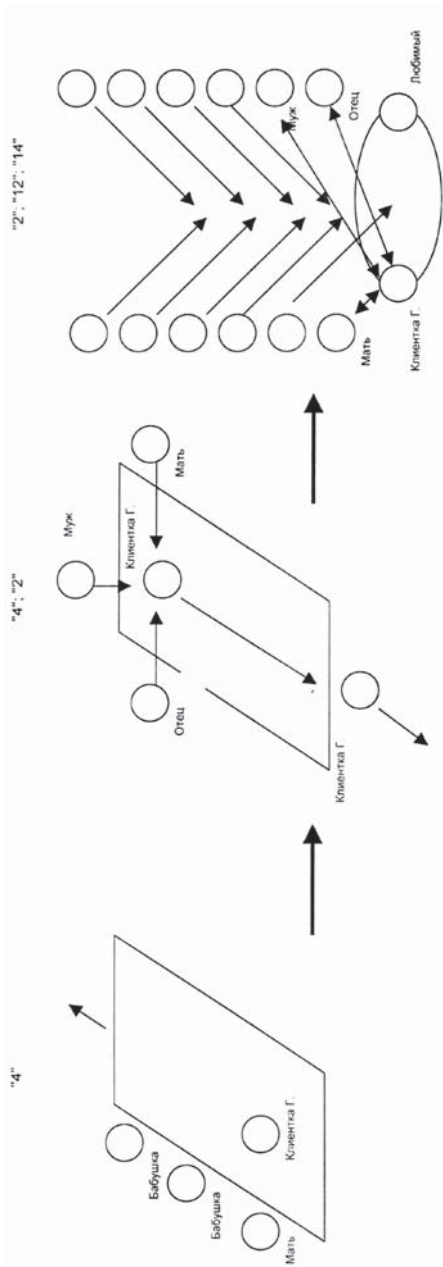
Однако совершить выбор ей очень трудно, т.к. она опасается, что и в отношениях с любимым мужчиной она вскоре попадет в те же зависимые и обесценивающие ее отношения. Вопрос: «Кто тебя обесценивал в жизни?» вызвал у клиентки боль и слезы. Оказалось, что это были мама и две ее бабушки.

В первой сцене — сверхреальном образе, соответствующем той боли, которую испытывала клиентка от обесценивания себя, — клиентка увидела телегу, на которой лежало ее огромное бесформенное тело (реально клиентка была довольно хрупкой женщиной). С левой стороны от телеги стояли три женские фигуры в черных одеждах — мать и две бабки. На вопрос: «Куда едет эта телега?» клиентка сначала ответила: «Никуда». Но затем, свернувшись в эмбриональную позу, она сказала: «На кладбище». В этом младенческом состоянии клиентка переживала свои нарциссические обиды.

В дальнейшем это привело к трансформации образа: во второй сцене телега развернулась в противоположную сторону, тело приобрело реальные размеры, но поза все так же не имела признаков жизни — клиентка лежала вытянувшись и замерев. Справа от телеги она увидела отца и мужа, слева — мать. В этом положении протагонистка продолжала переживать нарциссические обиды («они не любят меня») до тех пор, пока не увидела свое alter ego — себя, везущую эту телегу. По мере проживания нарциссической боли и обмена ролями между ней и alter ego, протагонистка в конце концов уселась на телеге, перестала плакать и задумалась над тем, куда же ей себя везти.

Третья сцена — телега превратилась в карету, а карета ехала во дворец. Во дворце собрались гости, которые улыбались и ждали жениха с невестой. Среди гостей протагонистка увидела мать и отца, празднично одетых, с цветами. Она увидела себя выбирающей между двумя женихами — мужем и любимым человеком. Не колеблясь, протагонистка выбрала любимого человека, поплакала от облегчения и радости под громкие крики «Горько!».

В процессе шеринга протагонистка осознала, что требовала к себе отношения как к маленькой девочке, и что впервые почувствовав себя взрослой в отношениях с любимым мужчиной, приняла эти отношения за самые желанные. Неизвестно, станет ли клиентка в реальной жизни менять партнера, но, выйдя внутри из младенческого топоса и встретившись со своим Анимусом, она уже не сможет полноценно существовать и реализовывать себя в зависимых отношениях с близкими ей людьми.

I сцена
«Повозка едет на клад-
бище»

II сцена
«Повозка едет обратно»

III сцена
«Свадьба»
(Красавица и Анимус)

Топос Красавицы (Клиентка Г.)

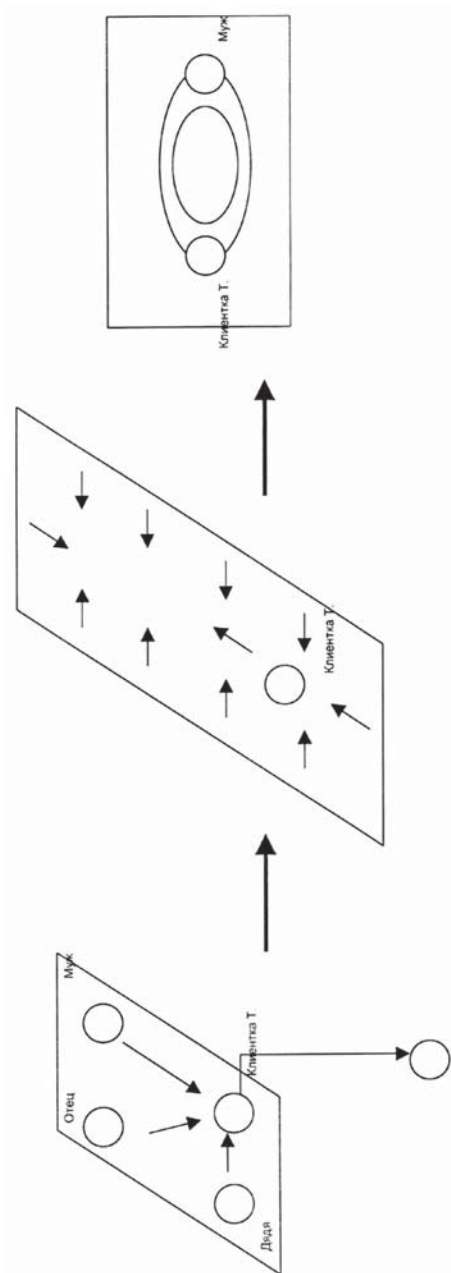
Клиентка Т. — 28 лет, замужем, не имеет детей. В заявленной ей теме прозвучало недовольство собой, в частности то, что она старается быть для всех слишком хорошей, чего, собственно, от нее и ждут все близкие люди: муж и родители. Она была папиной любимицей, отличницей, готовила себя к удачному замужеству, что, как ей кажется, в конце концов и произошло. Но ее не оставляло чувство, что вся жизнь, происходящая вокруг нее, какая-то ненастоящая. В процессе глубинной групповой психотерапии ей приснился сон.

В первой сцене был использован центральный и эмоционально насыщенный образ сновидения: протагонистка стояла на балконе со своим мужем, который протягивал ей длинное белое платье, которое бабушка сшила себе на смерть. Муж говорил: «Вечно ты делаешь что-то не то». За спиной протагонистки у балконной двери стояли двое мужчин — отец и умерший дядя, который произнес слова: «Ты виновата». Протагонистка испытывала сильные чувства, отказывалась надевать платье. В психодраматическом действии образ разворачивался далее: протагонистка увидела, как они ее сталкивают с балкона, потом она лежит на земле в этом белом платье, окровавленном на груди и на животе. Рядом с собой она увидела открытый люк, источающий зловоние.

Во второй сцене она спускается в люк, идет по грязной воде внутри канализационной трубы. Грязь цепляется за подол, вокруг кишат змеи и тоже цепляются за подол платья. В какой-то момент протагонистка остановилась в отчаянии. Идти по этой зловонной жиже, когда вокруг кишат змеи, было невозможно — впереди не было ни малейшего намека на выход. Пережив ощущение ловушки, тупика, в какой-то момент она увидела впереди свет, но это оказался поезд. Она прижалась к стенкам трубы, и он пронесся мимо. Преодолев чувство отвращения, вплоть до тошноты, она в конце концов оказывается наверху, где идет по железнодорожным путям в светло голубом платье в цветочек в легкой шляпке и с зеленой веточкой в руках. Вокруг она видит дачный массив, стоит солнечный летний день.

Третья сцена происходит в ее реальной квартире, куда она приходит, как будто бы возвращаясь или с прогулки, или из загородной поездки. Дверь открывает муж со словами: «Ты проголодалась? Я приготовил тебе бутерброды». Она отвечает ему: «Это так здорово. Я пойду сейчас поставлю чай». Сцена заканчивается мирным кухонным безмолвием.

В процессе шеринга протагонистка смогла осознать то, что слишком болезненно воспринимает критику в свой адрес, т.к. считает себя совершенно неуязвимой для критики. Она смогла найти аналогии образу зловонной канализационной трубы,

I сцена
«Падение с балкона»

II сцена
«Путь по канализацион-
ной трубе»

III сцена
«Возвращение»

Топос Красавицы (Клиентка Т.)

которому соответствовали негативные черты ее личности. Расположение в первой сцене мужчин на балконе, а затем ее расположение внизу на земле, были проинтерпретированы как типичные «перевертыши» бессознательного. На самом деле она возвышалась над мужчинами и ожидала поклонения, боготворения. Отсутствие этого она воспринимала как оскорбление.

Рассмотрев рисунки, иллюстрирующие психодраматические работы, можно заметить, что психодраматическое пространство (топос) «оживает» по мере выстраивания его протагонистом и трансформируется в иные формы по следующим направлениям:

- от выталкивания — к включению;
- от односторонних отношений в диаде — к обоюдным;
- от погружения — к восхождению;
- от замкнутости — к разрыву границ;
- от квадратных и прямоугольных форм — к кругу и квадратуре круга;
- от плоскостных форм — к объемным;
- от асимметричных и статичных форм — к симметричным и динамичным;
- от децентрированных пространств — к центрированным;
- от разделения — к объединению, интеграции.

Топос психодраматического действия обладает свойствами символа: наличием геометрических форм и исчисляемостью — числом.

Символический смысл трансформаций, происходящих во время психодраматического действия в пространстве движений протагониста, может быть сведен к следующим позициям:

- прорыв (вглубь) ограниченного и замкнутого состояния;
- интеграция мужского и женского начал;
- дифференциация и объединение в сложную целостность;
- образование циклических топологических форм (см. фото: «Ракушка», «Полусфера», «Бутон»).

Для интерпретации всего разнообразия символов, содержащихся в индивидуальных работах, необходимо выявить и сделать доступной сознанию как общекультурную, так и индивидуальную семантику бессознательных содержаний — основ фантазий и мистификаций, — имеющих эмпирическую основу в личном человеческом опыте, который остался непрозрачным, скрытым для данного носителя сознания. В приложении к книге дана краткая характеристика

«Ракушка»

«Полусфера»

«Бутон»

Символическая структура психодраматического пространства

бинарных смыслов для некоторых символов, наиболее часто встречающихся в образах сновидений и в образах направленной визуализации.

В целом же, общим психотерапевтическим эффектом у клиентов, переживающих трансформации в младенческом топосе, является освобождение от нарциссических обид и нарциссических ожиданий (на телесно-чувственном уровне и на уровне сознания), которые способствуют созданию иллюзорных представлений об изоляции и оторванности от мира, ведут к базовому чувству «сиротства», что, в свою очередь, вызывает серьезные искажения посланий от других людей. Что бы ни происходило в жизни такого человека, всякий раз он будет убеждаться в том, что его опять недолюбили, недооценили, недопоняли и т.п. Преодолевая собственный нарциссизм, человек впервые сталкивается с реальностью.

Как правило, либо симбиотические, либо дефицитарные отношения в диаде «мать-ребенок», исключая триадические («мать — отец — ребенок»), приводят к «замораживанию» младенческого нарциссизма и к гипертрофированному негативному восприятию окружающих, а также кожиданию непереносимого отвержения своей персоны. Преувеличенное внимание к себе делает человека «глухим» — что проективно он и находит в своем значимом окружении. Так люди делают себя одинокими (это особенно ярко показано в анализе психодрамы клиентки Ю.). Однако, душевная боль, которую человек испытывает внутри столь распространенной человеческой иллюзии, совершенно реальна. И через преодоление этой боли каждый из нас прорастает к зрелости, терпению и принятию — себя и других, всего того, что есть, — таким, какое есть. Но, прежде, чем это произойдет, каждому из нас необходимо пройти первое состояние небытия — состояние младенческой пустоты недорожденности.

Судя по этим каноническим моментам психотерапии, все родители не желают расставаться со своим ребенком (или отвергают, тихо ненавидя при этом), что приводит его жизнь в полную негодность. Как видно, только ту жизнь и только тех, кто не умеет это прожить, понять и преодолеть. Ведь дано это — всем и почти поровну.

Второе небытийное состояние можно назвать «нерожденностью женщины» в себе или «нерожденностью мужчины» в себе. Небытие женщины (топос Красавицы) уходит своими корнями к родительским отношениям: мать из-за бессознательного желания быть женщиной и оставить дочь ребенком, не отпускает свою девочку в «Царство матерей», а отец из-за бессознательного страха потерять дочь

в объятиях другого мужчины, — в «Царство невест». В интрапсихическом плане этот процесс разворачивается как прелюдия к рождению Красавицы.

Небытие мужчины (героический топос) имеет ту же причинную основу, но с той лишь разницей, что отец не пускает мальчика в «Царство героев», а мать — в «Царство женщин». Оба небытийных плана имеют архетипическую основу (см. подробнее Глава 3, Часть 2) и требуют своего преодоления в каждой индивидуальной жизни — как ребенком, так и родителем.

Глава 2

Идея вторая: МЕНТАЛЬНАЯ ФОРМА

Ментальные формы как онтологические структуры

Личность и есть пустота...

М.К. Мамардашвили

«Пустота — то же, что полнота...

В ней размышление и существование
прекращаются, поскольку вечное
и беспредельное не имеют качеств...

К. Юнг

Теория отражения засвидетельствовала в свое время вторичность психических явлений. Психика, согласно ей, представляет собой «след», оставленный миром, возникающий в результате его удвоения при помощи психического отражения. Как если бы мир «удвоился», имея причиной этого нечто, существующее вне себя — путем свойства, носителем которого он не является. Это свойство присуще психике, которая, согласно этой теории, вообще ничем не является — всего лишь «продукт». В связи с чем, психика в своем отраженном содержании а priori не может иметь ничего такого, чего не было бы в объективной реальности.

Процесс этого странного клонирования мира путем отражения в специальном месте имеет одно логическое противоречие, «тайну», необъяснимую в рамках теории отражения. Если не сам мир удвоился, как, допустим, происходит с живой клеткой, то чем же обладает особенным то, что его «удвоило»? Сие остается за пределами рассмотрения теории отражения, т.к. важен сам процесс порождения второй реальности. И если психика является продуктом удвоения этого мира, то как ей удалось появиться до своего существования, ведь именно она обладает «отражающими» свойствами?

Похоже, что ничто не удваивалось, но имели место два качественно различных и взаимосвязанных плана реальности: ментальный план существования и план существования физически протяженных материальных тел. Причем, ни одно из этих

начал не являлось причиной другого, а, скорее всего, изначально существовало (и существует) то самое третье — общая причина бытия этих противоположностей, на которых и замешано человеческое существование: Универсум (Дух), обладающий формой, пространственно-временными связями, причинностью и т.п. — совокупностью свойств того всеобщего, что называют Порядком.

В.Н. Никитин в недавно вышедшей книге «Психология телесного сознания»⁴⁸ пишет о том, что **форма тела выступает как функция психической сущности человека**, т.е. высказывает прямо противоположное суждение тому, в котором психика представляется функцией тела — мозга. В. Н. Никитин тотально расширяет категорию сознания, включая в нее телесную, эмоциональную, когнитивную и духовную сферы. Думаю, что В.Н. Никитин пытается, так же, как и ортодоксы от психологии, познать одну сущность через другую, не принимая во внимание их изначальную несводимость друг к другу.

Поэтому если снять допущение о том, что психика является продуктом удвоения первой реальности, и ввести иное допущение о том, что психика представляет собой второй полюс бытия, сосуществующий и взаимосвязанный с материальным полюсом, то в этом случае можно поставить вопрос: «Чем особенным обладает психика, что способствует установлению в ментальном плане своего порядка?». Ответ на этот вопрос в довольно узком плане рассмотрения дается в данной главе. И ответ этот: **«ментальные формы»**.

Ментальная форма и есть та удивительная «пустота», обладающая тем не менее вполне устойчивыми границами, внутри которых возникает самоорганизующееся явление порядка, обеспечивающего переход из небытия в бытие. Не оформившись, ничто не возникает — в том числе и в ментальном плане. **Архетип** — в этом контексте может рассматриваться как некая **предустановленная** ментальная форма, выражающая в себе фундаментальный принцип мироустройства. Заполнение ментальной формы происходит после выхода в бытие — самим бытием.

Примерами бытия ментальных форм могут служить также **образы, идеи** и **символы**, основным моментом порядка в которых является их осознанность, что, по сути, равно осмысленности. Смысл представляется мне онтологической характеристикой сознания, основным путем установления порядка в нем. Бессознательное явление потому и бессознательное, т.к. лишено смысла — явление

существует, оно даже может быть наблюдаемым, но смысл его не найден. Покуда смысл напряженно ищет носитель, явление бытия неосознаваемо — не встроено в общую структур семантического порядка, выброшено из бытия в небытие.

В.В. Налимов⁴⁹ пишет об особом состоянии — **физическом вакууме**, образованном виртуальными, нерегистрируемыми приборами, частицами: «...это отнюдь не пустое пространство, а состояние с важными физическими свойствами, которые проявляются в реальных физических процессах... Если фотонному вакууму сообщить достаточную энергию, то произойдет рождение фотона — вакуумное состояние перейдет из ненаблюдаемого в наблюдаемое».

Таким образом, ментальная форма представляет собой общий принцип упорядочивания бессознательных и сознательных явлений, тогда как смысл является структурным качеством явлений сознательного уровня. Бытийствующая ментальная форма дает носителю шанс пережить нечто — оформить в виде чувственного впечатления, которое наполняет ментальную форму. Не будучи осмысленной, т.е. соотносенной:

- с общей идеей существования и частной идеей ситуации;
- с внутренней и внешней причиной своего появления;
- со временем «здесь и сейчас», а так же «там и тогда» с проекцией в «потом вслед за этим»;
- с именем того чувства, которое содержит актуальное впечатление, —

ментальная форма остается в ряду хаотических элементов психики, не взаимосвязанной с другими образованиями порядка. Узнанная (осмысленная) ментальная форма, т.е. наполненная не только чувством, но и смыслом, и при этом семантически связанная с другими ментальными формами, служит в дальнейшем **эквивалентом** и **cosa mentale** (умственной вещью по Леонардо да Винчи), при помощи которых субъекту удастся фиксировать свое существование в виде собственнического осмысленного опыта и удерживать центр своего бытия — осмысляющее и переживающее Эго.

Эго есть центральная ментальная форма, выходящая из небытия и хаоса бессознательного в бытие сознания. В данном контексте **трансформации** в процессе индивидуации, становления идентичности будут представлять собой момент смены одной формы Эго-бытия на другую, новую, в которую включается большой объем качественно иного содержания, становящегося из хаоса элементом Порядка, переводящего Эго на иной уровень миропонимания, осмысления и переживания своего существования.

Ригидность и неизменность ментальных форм, по-видимому, явление из ряда невозможных, однако, если развитие переходит в стагнацию, то в этом случае возможно, что силы интеграции перевоплощаются в силы разрушения — и возникают неврозы и психозы. По наблюдаемым спонтанным текущим трансформациям форм образов в направленной визуализации можно судить о невероятной изменчивости, но, вместе с тем, о диссипативной устойчивости процессов, возникающих в ментальном плане человеческого бытия.

Таким образом, **ментальные формы представляют собой предсуществующие ограниченные пределы психики** («соты», «матрицы» и т.п.), — **онтологические структуры, принадлежащие по своей природе к самоорганизующимся нэгэнтропийным структурам, в которых происходит интеграция чувственных и смысловых элементов субъективного опыта человека.** Между ментальными формами, по-видимому, должны существовать устойчивые связи, поддерживающие сбалансированность структуры. Но, тем не менее, границы ментальных форм, судя по всему, обладают высокой подвижностью, изменчивостью и в их движении прослеживается тенденция к укрупнению — объединению нескольких форм и элементов в одно.

Иными словами, в ментальных формах осуществляется та самая таинственная интеграция — только *внутри* этих форм она становится возможной. В ментальных формах бытийствуют семантические образования (осколки предшествующего опыта) — целостные, неделимые, невербальные. В них — *место* смысла, при помощи которого субъект становится способным «доопределить» реальность и подобрать подходящую форму из многих сочетаний форм.

Знаменитая метафора Гессе «игра в бисер» — об этом внутреннем поиске смысла, никогда не данного во внешней последовательности, но рождающегося целиком — изнутри.

Наличие ментальных форм делает возможным впечатление — предмет действует на субъекта вещественно, вызывая переживание (души). Само существование ментальных форм — носителей актов согласования в разнесенных опытом временах и пространствах человеческой души — делает возможным жизнь и узнавание жизни через ее воссоединение с прошлыми впечатлениями.

М. Пруст был абсолютно убежден, что живет не видимое тело, а *другое* — «матери у них разные».

«Интернальное тело» как особая ментальная форма тела

Возвращаясь к разновидности объемного и линейного сознания, мне бы хотелось соотнести с линейным способом осознания **бытие внутри слова**, в гносеологическом измерении мыслимого, но лишенного чувств, впечатления. Назовем это существование, вслед за М. Мамардашвили, **эмпирическим субъектом**⁵⁰. Объемное же сознание характеризует субъекта возможного, выстроившего между мыслимым и собственно бытийным планом существования связь **посредством чувственного впечатления**.

«Я» как **эмпирический** субъект — рождено и существует вовне. Именно оно обладает так называемыми «психологическими свойствами» и «личностными качествами», которые являются проявлением сознательного убеждения субъекта в существовании именно этих свойств и качеств. В психологии эта поверхностная (внешняя структура) обычно и называется личностью. М. Мамардашвили вводит понятие «Я» **возможного** — субъекта мыслящего и постигающего себя в пустоте нерожденности, неопределенности, незавершенности — в стремлении к полноте своего существования (как мигу бытия). Представления К. Юнга о Self — архетипе возможного человека внутри бессознательной сферы психики во многом перекликаются с этой идеей М. Мамардашвили.

Расстояние между «Я» эмпирическим и «Я» возможным бывает огромным. Существенная разница между ними состоит в том, что:

- эмпирический субъект («цезарево») пребывает в состоянии завершенности (читай: ригидности) и разорванности; эмпирическое бытие не дает субъекту переживания полноты «жизненности»; именно это бытие дано нам для наблюдения его снаружи;
- возможный субъект («богово») никогда не завершен, его любой акт понимания ведет к еще большему непониманию; «Я» — в крошечной пустоте — жизни, ведущей к большей жизни; чувств, ведущих к новым чувствам; мыслей, ведущих к иным мыслям; это бытие скрыто от других и часто — от меня самого.

Каждый человек, оставаясь лицом к лицу с собой, пытается понять — кто он? Легко принять за себя эмпирическое «Я». И — почти невозможно — возможное «Я». Почему? Потому что во втором измерении нет покоя, нет остановки — здесь ежеесе-

кундно совершаются усилия. Вероятнее всего, субъект «отдыхает» в эмпирическом измерении. Ясно, что эти измерения взаимовлияют друг на друга и самим фактом движения («к» и «от») создают у носителя ощущения полноты жизни.

Думаю, что бессмысленно спорить о том, что человеческое тело (равно как тело любого живого организма) — это результат процесса формообразования. Но тело — особая форма — живая. И определять ее через «способ существования белковых тел» означает уходить от определения. Причем здесь «белковые тела», если «жизнь» оказывается все равно за их пределами? Реальность тела находится в эмпирическом измерении, реальность жизни — в возможном. Уверена, что категория «жизнь» не вмещается в прокрустово ложе биологической науки, так как биологии неведомы возможные миры — она имеет дело только с эмпириями. Однако, поиск определения жизни — область вечных тем человечества. В моих рассуждениях я попытаюсь лишь обозначить некий удобный терминологический «крючок» — **«живая форма»**. Что это?

По определению И. Пригожина, (в частности, диссипативных структур)⁵¹ бесконечное движение в мире может быть описано через вечно становящийся из хаоса порядок. Живая структура способна удерживать и сохранять этот порядок. Тогда, с позиции термодинамики, обсуждаемая **живая форма** и есть диссипативная структура; *упорядочивающийся беспорядок; неравновесная равновесность*. Структура, существующая только в этом движении, становлении — через акты возникновения и самоорганизации.

Живая ментальная форма (именно она и живая) является творческим актом исполнения смысла, обладающего порядком и наличной связью с чувствительностью в заданной эмпирической телесности, которая целостностью жизни стремится выйти за свои пределы.

Упрощенно можно понимать сказанное следующим образом: жизнь и есть то, что объединяет тело и душу. Она есть то третье, в чем они соединены. Но она слишком неуловима и неопределима. В связи с чем я, вслед за Мерабом Константиновичем, иду по пути создания «крючков» смысла «жизни». Мне кажется, что на крючок «ментальная форма» уже «насажено» достаточно, чтобы использовать его в дальнейшем для объяснения оттенков индивидуального опыта. Однако сам факт доопределения реальности Другого смыслом ментальных форм требует терпения и безразличия. Поскольку никаких намерений этот акт для Другого не имеет, но имеет смысл для

меня. Если то, что возникает при этом во мне, Другой сможет воссоздать и выйти за пределы, значит произошла психотерапия. Иначе и быть не может. Это — жизнь. А между жизнью и Духом мне бы очень хотелось поставить знак равенства.

И. Пригожин убежден, что существует лишь *процесс приближения* к упорядочиванию вблизи некоторой области равновесия. Сам по себе метаболизм без соответствующей активности (тела), направленной на поглощение энергии, вещества и информации из окружающей среды, неспособен поддерживать упорядоченность (то есть форму). Как только прекращается активность, возникает угроза распада, хаоса. Другими словами, «живая форма» человеческого тела (которая принципиально не отличается от микро- и макроструктур мироздания) *является причиной самой себя*, то есть собственной «живости»: форма образуется *в результате жизни*, активности, движения. И она — живая! Живых структур — великое множество.

Если отталкиваться от идеи И. Пригожина⁵², то органом управления «теле-ным» порядком (органом нэгэнтропии) живой структуры человека является мозг. Мозг обладает самым высоким уровнем нэгэнтропии, известным в природе. И еще одним уникальным качеством обладает мозг — способностью реагировать собственным изменением на изменения вокруг (в нем самом, в теле, в мире). Чтобы избежать странной путаницы терминов (раздражимость ли это, возбудимость ли) назовем это свойство **чувствительностью**. Таким образом, человеческое тело обладает *способностью чувствовать*. Как говорил М. Мамардашвили — «чувствовать могут только тела»⁵³. У них есть для этого специальные приспособления — органы. Орган (сейчас их называют сенсорными системами) — место проявления специфической активности жизни. При помощи них тело становится способным создавать «чувствительные дубли» происходящего. Подчеркиваю — речь идет о телесных процессах — смысловые эквиваленты будут присоединены к ним позже. Сейчас важно одно: тело *способно чувствовать*. И это «чувство» органов тела отличается от «осмысленных чувств» души. Тело несет прямой отпечаток реальности. Но если мы зададим себе «школьный вопрос» — «чувствительностью», как свойством, обладает структура тела или структура жизни? То очевидным и консервативным будет ответ — конечно, структура тела: рецепторы, афферентные и эфферентные проводящие пути, мозг, нервная ткань. Это мы все давно выучили. И совсем не очевидным, но дающим повод для размышлений, является предположение, что чувствительность — это свойство жизни, воплощенное в те-

лесной форме. А жизнь остается за пределами понимания ее на телесном уровне, хотя бы и через электрохимическую передачу возбуждения или пейсмекерную активность. В этом месте мне хотелось бы сделать допущение, что «живая форма» тела человека находится за пределами материально-эмпирической данности тела, как и сама жизнь, но в нем, в теле осуществляется — живет. Как возможность. Именно благодаря уникальным свойствам «живой формы» тело способно чувствовать — жить. Следовательно, *чувствительностью обладает странная «живая форма», неотделимая от материального воплощения себя — тела. Похоже, что в генотипе заложены только механизмы эмпирических процессов, а формы существуют в другом, невидимом, возможном измерении.* И существует до образования наличной материальной формы. (Эта последняя мысль совсем шизофреническая — дело в том, что если «формы, как «невозможные места», «фикции», не существуют до, то построение тела в процессе формообразования становится невозможным без заданной целостности — ведь нет целой структуры в геноме — она разорвана изначально!).

Если рассматривать форму в целом, то она является фиктивной конструкцией. Она есть *условие воспроизводства* — в данном случае — жизни. «Форма есть то, посредством чего что-то действительно случается»⁵⁴. Возможно, формы и структуры — невидимые нити мироустройства, существуют вечно и лишь наполняются (угадываются) течением жизней.

Итак, «живая форма» — эмпирическое человеческое тело — является творческим актом исполнения возможной жизни, обладающей порядком и чувствительностью, в заданной возможной форме невозможного (не данного явно) места, обладающего особыми материальными (телесными) свойствами.

Таким образом, эмпирический субъект обладает эмпирическим человеческим телом — *живой формой*, способной запечатлеть (чувственно) изменения событий. *Возможный* субъект обладает другим «телом» — ментальной формой, обладающей чувствительностью иного уровня — осмысленного, то есть находящейся в причинно-следственной связи с происходящими (происходившими) событиями. И как у тела есть органы чувств, чтобы воспринимать внешнее, так и у ментальных форм существуют особые «органы» — точки чувствительности (высшего, по отношению к органам чувств, порядка). Эти точки «погружены» в смыслы. Без допущения существования особой *семантической чувствительности* ментальных форм невозможно объяснить самые простые явления — как

я вижу то, что вижу? Как я слышу то, что слышу? и т.д. Если нет этого допущения, то тогда я буду видеть «голую» реальность: набор сигналов, не связанных друг с другом. Я буду слышать физический звук, а не фонему, обладающую определенным смыслом, встроенную в «тело» слова.

Кстати, слово, текст — наиболее часто встречающаяся ментальная форма, легко объективируемая вовне. Текст, «Эго», фантомы сознания, архетипы, эквиваленты, ментальные пространства, *cosa mentale* — все это разновидности существования формы ментального свойства, издревле именуемой **Душой**.

«Интернальное тело» — это имя особой ментальной формы, которая является **посредником** между физическим телом и душевным опытом субъекта. В «интернальном теле» происходит *интеграция чувственного опыта субъекта, явленного и в телесном (эмпирическом), и в душевном (ментальном, возможном) измерениях*. **Опыта**, полученного не через органы чувств (на основе которого строится «образ тела» и «схема тела»), а через душевные впечатления (посредством точек пассионарной аттракции).

В психотерапевтической практике подобные явления известны давно. Ф. Перлз⁵⁵ называл телесно-душевную организацию невротика «дырвякой». В. Райх, А. Лоуэн по телесным состояниям клиентов диагностировали чувственные «запреты», искажения эмоциональной и телесной жизни. А. Минделл ввел понятие «тело сновидений», а А. Ермошин пишет о «вещах в теле».

«Тело сновидений» А. Минделла представляет собой переформулированную концепцию «тонкого тела», существующего в пространстве между телом и душой, пребывая между телесными ощущениями и мифической визуализацией.

А.Ф. Ермошин использует категорию⁵⁶ «эквивалент» для обозначения соматических явлений, вызванных психическими переживаниями. Соматизированный эквивалент переживания опредмечивается сознанием, которое переводит его в «вещественное» измерение, где переживание обретает вес, плотность, цвет и т.д. Так возникают ощущения «камней в груди», «змей в голове», «кинжалов в спине» и т.п. Тем не менее А.Ф. Ермошин не выходит на целостный уровень рассмотрения телесной организации в ментальном пространстве. Многие его упражнения содержат элементы техники направленной визуализации, однако, безо всякой ссылки на эту технологию.

Телесный образ себя, как подчеркивалось выше, не имеет ничего общего с образом «интернального тела», хотя в процессе глубинной психотерапии происходит их интеграция. На серии рисунков, следующих далее, дан изобразительный материал трех мужчин и трех женщин до проведения психотерапевтической работы.

На рисунках с индексом «1.» изображен телесный образ себя, т.е. тот образ, который воспринимается через органы чувств и другими — «я вовне». На рисунках с индексом «2.» изображен образ «интернального тела» (после проведения соответствующей техники направленной визуализации) того же человека. Рисунки с индексами «1.» и «2.» сгруппированы попарно — по два рисунка для каждого человека. Легко видеть, насколько различными являются образы тела и образы «интернального тела»: по форме, по цвету и общей идее. Как правило, образ «интернального тела» на начальных этапах работы с ним представляет собой некую абстрактную матрицу. Постепенно в процессе психотерапии образ тела и образы «интернального тела» интегрируются. У клиентов с психосоматическими расстройствами начальный образ «интернального тела» характеризуется либо фрагментарностью («2.»), либо недифференцированностью («1.»).

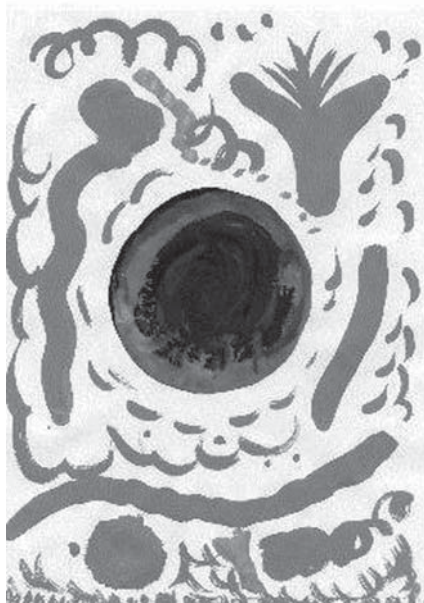
Если вернуться к дихотомии «эмпирическое-возможное», то мы имеем в «интернальном теле» возможный «план» эмпирического тела. Я допускаю, что определяющая связь между этими «телами» формируется от возможного к эмпирическому, от душевного опыта субъекта — к телесному бытию. Так формируется (со временем, разумеется) психосоматика, но следует иметь при этом в виду, что тело всегда реагирует на любые душевные переживания, так как оно находится в связи с возможным планом через ментальный эквивалент. Изменение, возникшее в эквиваленте, влечет за собой телесное изменение.

Так, потрясающе похудевшая за 2 месяца женщина, считавшая себя безобразной толстухой, не способна чувствовать свое тело худым, так как оно все еще остается толстым в возможном измерении. И, наоборот, пузатые или неуклюжие люди могут выглядеть совершенно очаровательными, поскольку возможный план их тела не содержит негативного «клейма». Однако, эти примеры слишком просты, чтобы обозначить индивидуальные, уникальные моменты формирования «отраженной телесности» в жизни конкретного человека.

Следует отметить, что телесное изменение, похоже, никак не отражается на бытии ментальной формы — по крайней мере, это влияние не настолько сильно, чтобы вызвать значительные изменения.

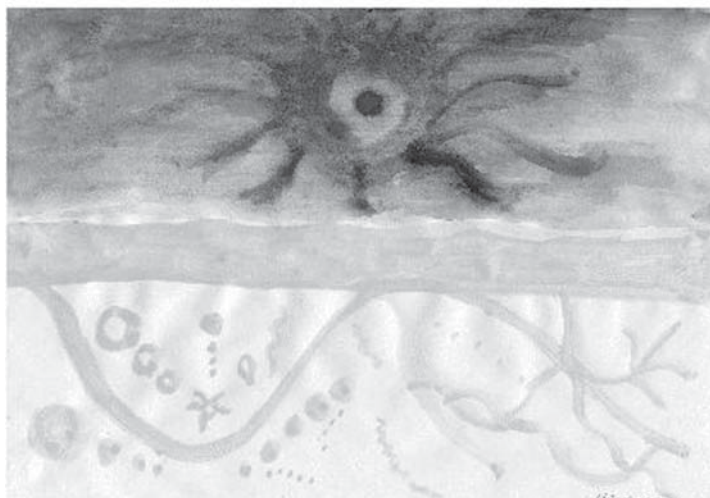
Образ тела 1

Образ «интерального тела» 1

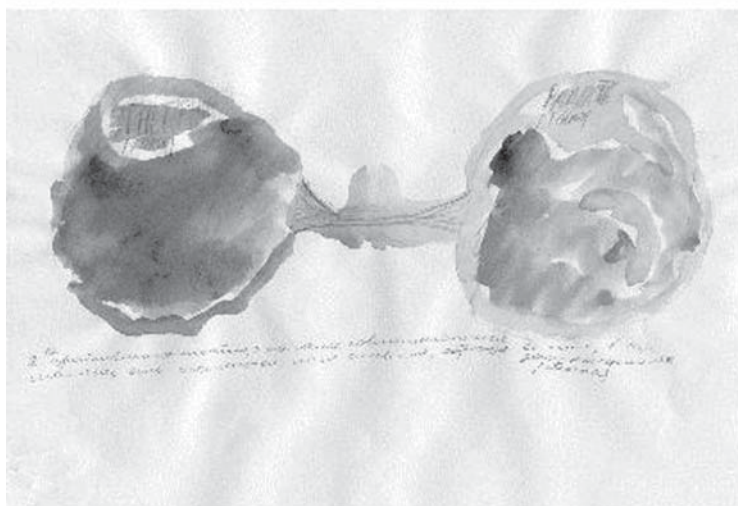
Образ тела 2

Образ «интернального тела» 2

Образ тела 3

Образ «интерального тела» 3

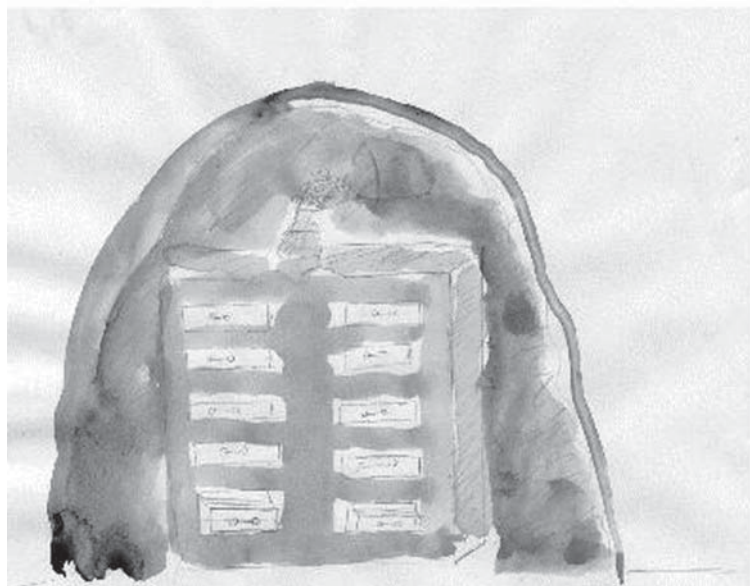
Образ тела 4

Образ «интернального тела» 4

Образ тела 5

Образ «интерального тела» 5

Образ тела 6

Образ «интерального тела» 6

* * *

Анализ клиентских случаев

Работа с «интернальным телом» осуществляется только при наличии актуально переживаемого негативного эмоционального состояния (например, глубокой душевной боли). Авторская методика работы с «интернальным телом» дает психотерапевтический эффект в 60–70% случаев (в случае психосоматических расстройств — 45–50%).

Ниже приведены примеры изменения образов «интернального тела» в процессе направленной визуализации в соотношении с темой актуально переживаемого состояния.

Клиент Е. (36 лет, разведен, дочь 16 лет) — тема сепарации в диаде «мать — ребенок» и тема мужской инициации; образ «интернального тела»: лилипут путешествует по телу великана, может попасть в любую часть тела, кроме головы; после совершения усилия появляются ощущения того, как поток крови устремляется в голову, тело видится как белая оболочка, наполненная кровью, в которой появляется металлический скелет; в животе образуется плотный упругий шар, который разрывается и дает ощущение жара, расходящегося по телу;

Клиентка Б. (37 лет, замужем, мать троих детей) — тема «бесчувственности»; образ «интернального тела»: темный липкий коридор, падение вниз, боль, слезы, внутри тела появляется свеча, которая с огромной скоростью перемещается за его пределы и становится звездой; ощущение безграничности существования в пространстве тела;

Клиентка Ж. (30 лет, замужем, сын 12 лет) — тема сепарации в диаде «мать — ребенок»; образ «интернального тела» найден через боль в груди, спазм в горле — как-будто что-то белое заполняет тело, становится трудно дышать, происходит движение боли к голове и вниз; белое сужается, становится легче дышать и постепенно образуется светящаяся масса в голове, постепенно распределяющаяся по всему телу; ощущение тепла;

Клиентка Х. (28 лет, не замужем) — тема изоляции; образ «интернального тела»: на месте сердца пустота, боль, как-будто тело находится в замкнутом пространстве, в котором со всех сторон торчат ножи и их становится все больше и больше; нет выхода; в пустоте сердца — крик «Мама!», взрыв вулкана и ощущение магмы, разливающейся по телу.

Направленная визуализация в работе с «интернальным телом» сопровождается не только яркими образами, но и телесными ощущениями, которые оказывают влияние на функциональное состояние организма. Так, полученные данные при помощи методов топографического картирования мозга, электроструктурографии и диагностики телесных состояний по методу Фоля, показывают, что после глубоких переживаний во время направленной визуализации «интернального тела» происходит:

- изменение баланса корково-подкорковых отношений в сторону их синхронизации;
- увеличение диэлектрической проницаемости органов сердечно-сосудистой и эндокринной систем организма вследствие увеличения их кровоснабжения;
- нормализация (уменьшение при высоких значениях и увеличение при низких) биоэлектрических показателей акупунктурных точек тела.

Комментарии к рисункам. Далее помещен изобразительный материал, иллюстрирующий изменения образов «интернального тела» в процессе психотерапии.

На первом рисунке даны примеры типичных исходных образов «интернального тела» у пациентов, страдающих нейродермитом. Визуализация «интернального тела» сопровождается негативными чувствами и переживанием либо скованности и сжатости (1.), либо разорванности неустойчивости (тела).

Клиентка М. (22 года, замужем). С пятилетнего возраста страдает нейродермитом (поражена кожа кистей рук и лица). Время заболевания совпадает с потерей ее иллюзии, связанной с восприятием ее семьи как самой идеальной, а отношений родителей — как близких и нежных. По словам клиентки, в пять лет в один миг она поняла, что все это не так и что мама и папа могут развестись. На следующее утро она проснулась с первыми нейродермитными метками. За этими переживаниями стоял подавленный гнев на родителей и глубокий страх потери. Ключевой фигурой для М. является отец и в дальнейшем муж, с которыми она устанавливает отношения, в которых чередуются чрезмерная близость с холодным дистанцированием. На рисунке с изобразительным материалом клиентки М. показаны два запечатленных ею образа «интернального тела». Первый (1.) образ отражает состояние холодности и отчужденности (преобладают сине-фиолетовые цвета; рисунок напоминает льдину). На втором (2.) рисунке изображено второе состояние (оттенки желтого цвета), которое отражает сверх позитивное отношение к миру.

Клиентка Б. (22 года, не замужем) имела перевернутую полоролевою идентификацию и негативную идентичность. В нуклеарной семье, по ее словам, родители — мать и отчим — не обращали на нее внимания. Единственным близким человеком она

считает своего деда, который был для нее и матерью, и отцом, потерять которого она очень боится. Дед воспитывал Б. как мальчика, поэтому она боится быть женщиной, чтобы не потерять его любовь. Первый образ «интернального тела» на рисунке (1.) соответствует ее переживаниям отвергнутости и «бесполости». Это пустая матрешка (монохромные цвета). Второй образ (2.) возник в процессе психотерапии после глубокой работы с архетипами негативной Матери, Анимуса и Красавицы (преобладает оранжевый цвет).

Клиентка Р. (25 лет, не замужем). Дочь алкоголика, старшая сестра (брату 17 лет). Отец бил маму и детей. Воспоминания об этом у Р. Были очень болезненны, однако она старалась не переживать эту боль и всячески ее отрицала. На ее первом рисунке (1.) (красное сердце на синем фоне с черным камнем) — изображен образ «интернального тела» в том состоянии, в котором она старается забыть свою боль. На втором (2. — преобладает красный цвет) — состояние после актуализации и переживания этой боли, которую она контейнировала в течение нескольких сессий.

Клиентка Г. (37 лет, замужем, сыну 13 лет). Страдает нейродермитом с 15 лет. По ее словам, она была менее любима матерью, чем ее младшая сестра. Она считает, что это связано с ее невыносимым характером («Я — скандалистка»). Для поведения Г. характерны аффективные вспышки и тенденция воспринимать окружение как негативные объекты, от которых она все время ожидает нападения. Ложное, преувеличенное переживание собственной «плохости» и тотальное ожидание негативной оценки от мира, делают ее чрезвычайно уязвимой. Несмотря на все ее агрессивные выпады, она не в состоянии защитить свои границы, тем более тогда, когда они действительно нуждаются в защите. Первый образ (1. — на синем фоне красные органы) «интернального тела» соответствует ее состоянию ожидания нападения извне. Второй (2. — на бело-голубом фоне в области сердца — красные расходящиеся круги) — новому состоянию, к которому Р. пришла в процессе психотерапии после работы с границами Эго.

Выполнение техники визуализации «интернального тела» должно всегда сопровождаться сознательным поиском причин тех или иных болезненных переживаний, зафиксированных в этом образе. Без особых авторских рекомендаций выполнить эту технику невозможно.

Работа с младенческим топосом ведется в том случае, если актуальное состояние клиента соответствует самым ранним переживаниям нарциссических обид. Работа с топосом младенца ведется через актуализацию состояния небытия — пустоты,

1.

2.

**Изобразительный материал клиентки М.:
образы «интернального тела»**

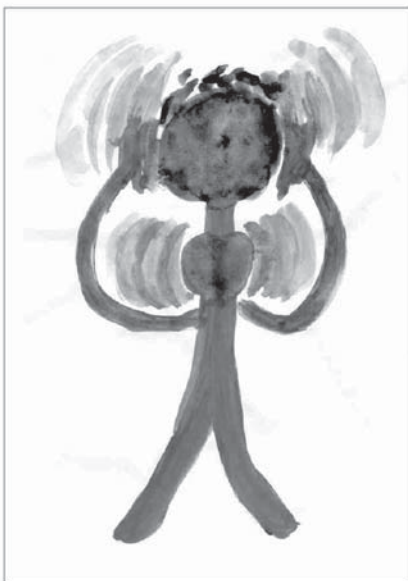

Изобразительный материал клиентки Б.:
образы «интернального тела»

1.

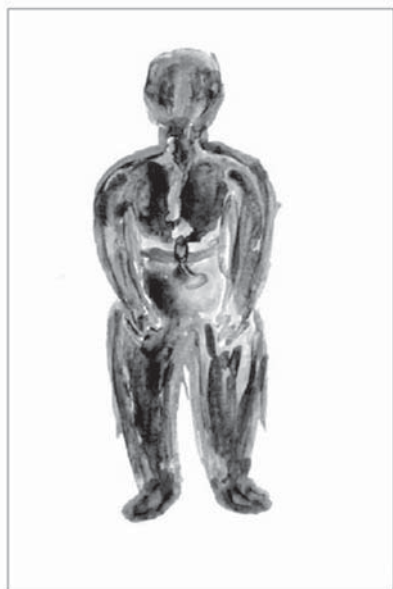

2.

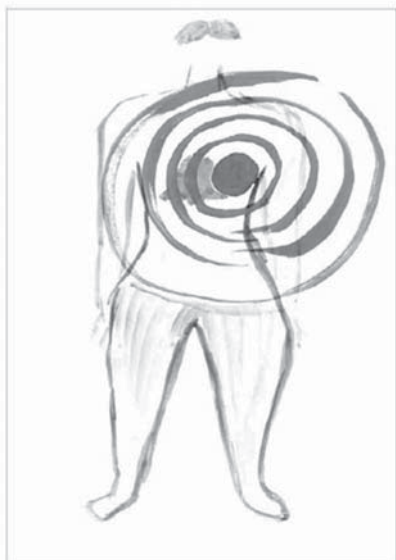

Изобразительный материал клиентки Р.:
образы «интернального тела»

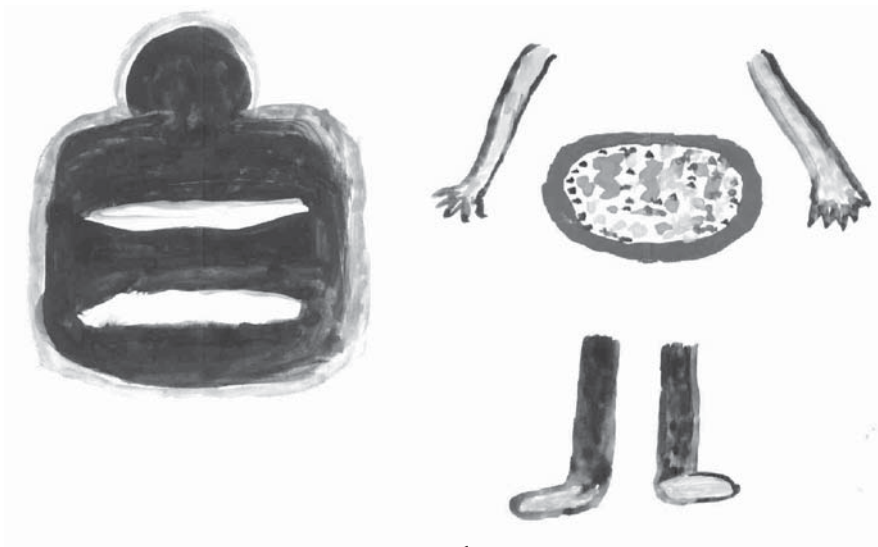
1.

2.

Изобразительный материал клиентки Г.:
образы «интернального тела»

Примеры типичных начальных образов «интернального тела» у лиц, имеющих психосоматические расстройства

альтернативой которому в глубинной психологии является новорожденный радостный младенец.

Клиент М. (30 лет, женат, сын 4 года) — тема двойственности, разорванности; образ: сиамский близнец с двумя головами, исчезающий и превращающийся в шар, заполненный прозрачной жидкостью наполовину, в котором появляется младенец, после чего верхняя часть шара открывается и младенец управляет тем, чем заполнена нижняя часть шара; роды, блаженство, появление двух белых шаров, находящихся на небольшом расстоянии и не связанных друг с другом;

Клиентка Т. (21 год, не замужем) — тема сиротства; образ: пустота грязно-серого цвета, обрамленная бордово-серебристыми очертаниями, в глубине которой мертвая девочка; боль, появление желтых бликов, плач ребенка, тело которого постепенно становится розовым; метеоритный дождь, слезы, облегчение;

Клиентка О. (22 года, не замужем) — тема потери, расставания; образ: море, погружение в глубину, долгое путешествие по дну, появление «какой-то дыры», падение; пространство в пещере, где на камнях лежит младенец, у которого обожженное лицо; клиентка берет его на руки, боль, слезы, все вокруг заполняется белым свечением;

Клиентка С. (21 год, не замужем) — тема сепарации в диаде «отец — ребенок»; образ: плотный белый шар с толстыми стенками; страх, тупик, остановка; по мере удержания шара в пространстве визуализации происходит его разрыв — выход крови, грязи с жутким запахом; ощущение нечистоты, которая с течением времени сменяется на чистую, искрящуюся, прозрачную жидкость; облегчение от разрыва, боль, слезы, плач младенца; расслабление и освобождение от негативных чувств. Проведение данной техники направленной визуализации актуализирует глубокий уровень переживания регрессивного состояния клиентом, который можно соотнести с беспомощным младенческим состоянием. Применять эту технику следует очень осторожно, т.к. для того, чтобы вывести клиента из этого регрессивного состояния, психотерапевт должен обладать навыками юнгианского анализа и гипнотерапии. Следует отметить, что переживания, сопровождающие смену последовательных образов младенческого топоса также имеют ярко выраженный телесный компонент.

Клиентка Н. — в 22 года имела большую массу тела, которая превращала ее в непривлекательную женщину средних лет. Диеты ей удавались, но обычно она набирала после диет еще больший вес. Анализ вербальной структуры «отраженной телесности» клиентки Н. показал, что ее тело точно выполняет «завет» детского чувственного опыта: «если ты выйдешь замуж, то тебя обязательно бросят; толстых замуж не берут».

Интересно, что худеть девушка начинала тогда, когда влюблялась, а толстеть — тогда, когда понимала, что на нее обращают внимание и пугалась этого. Трижды она прошла один и тот же цикл, запускаемых ее «толстой» ментальной формой:

После того, как в процессе глубокой психотерапии удалось найти «невидимую» причину ее поведения, она стала способной к выходу за пределы, заданные детским душевным опытом: папа оставил маму, мотивировав это тем, что она безобразно толста.

Клиентка К. — 27 лет, разведена, бездетна. Она хранила в душе всю сознательную жизнь два ранних впечатления, которые лишили ее «отраженную телесность» нижней части тела. Первое впечатление она получила в 3 года от старшего брата, который проделал с ней petting. Второе впечатление — от отца, который бил ее мать и утонул на глазах у клиентки, когда ей было 8 лет. Семантика впечатлений такова: «ты будешь с тем мужчиной, который сможет унижить тебя; его нужно бояться, иначе он умрет». Семантика ментальных форм не такая четкая, как в обычных текстах. Скорее она иррациональная, почти неосознаваемая. Часто доступной для осознания бывает

только точка переживания (чувствования) в ментальной форме, а само реальное впечатление «вытягивается» после расшифровки его давнего смысла.

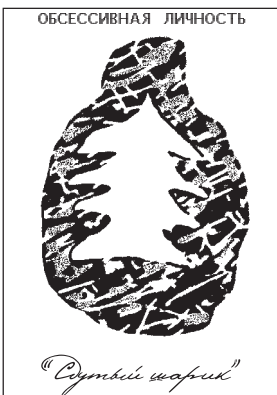
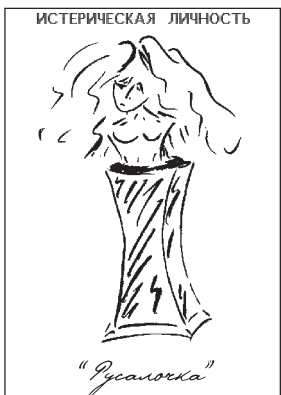
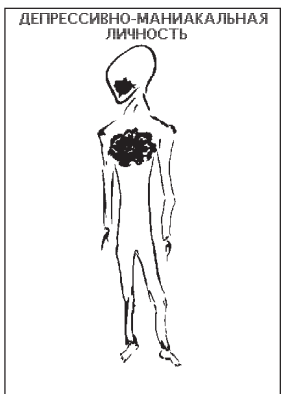
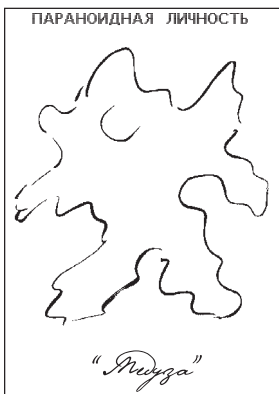
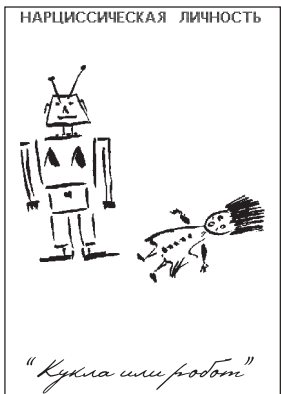
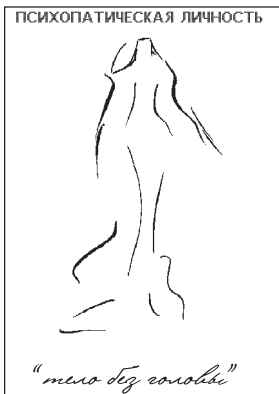
Клиентка К. вышла замуж за человека, который ее унижал не только «ментально», но и физически. Он ее убивал. До тех пор, пока она не поняла тайный смысл своих ранних впечатлений, она снова и снова возвращалась к этим разрушительным для нее отношениям. Она смогла вырваться из них, воссоединившись с забытыми детскими впечатлениями, то есть выйти за их пределы, «достроив» потерянную часть тела в ментальной форме. Но понадобится время, чтобы ее жизнь в иной ментальной форме, обладающей целостностью и полноценной чувствительностью, из возможного статуса обрела существующий.

Клиент А. — 23 года, разведен, бездетен, вырос в семье алкоголиков, профессиональный спортсмен. Обратился в связи с непреодолимым желанием суицида, который рисовался в его воображении красочным и детальным, всякий раз — один и тот же: он вскрывает себе вены в ванной. 3 года назад он осуществил эту «мечту», доведя себя до клинической смерти. Повторения ему, разумеется, не хотелось. Анализ выявил одну любопытную деталь: его «воображение» начинало работать только в состоянии сильного алкогольного опьянения «тела». Чувство, сопровождающее суицидальные картины — страх (ужас). Его ментальная форма «хотела» смерти эмпирического тела. Почему? Глубинная терапия позволила отыскать причину этого удивительного «превращения». Когда клиенту было 6 лет, он рискуя собственной жизнью, спас своего невменяемого отца — алкоголика от самоубийства, вырвав у него из рук опасную бритву. Детский страх того, что он может пострадать и сам, создал фантомного монстра, убивающего «отраженное тело», что и получало выход при идентификации физического состояния клиента с состоянием отца и ослаблении сознательного контроля.

Клиническая типология характеров и «интернальное тело»

На таблице рисунков «Типология характеров и «интернальное тело»» приведены некоторые наиболее типичные визуальные образы «интернального тела», встречающегося у клиентов с теми или иными характерологическими особенностями. Таблица составлена аналогично таблице «Типология характеров и метафоры телесной организации», на которой был изображен внешний, эмпирический план телесного состояния и особенностей распределения мышечного тонуса у представителей различных клинических характерологий.

ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ
И "ИНТЕРНАЛЬНОЕ ТЕЛО"

В интернальном плане оформляется порядок связи носителя с собственным телом. Так, например, у лиц с психопатическими чертами характера в интернальном плане тела обычно отсутствует голова, при этом они жалуются на частые головные боли.

У нарциссических личностей образ «интернального тела» обычно представлен неживыми объектами, напоминающими телесные формы (куклы, роботы). Соматизация функций: сексуальной, пищевой и дыхательной.

Интернальный план тела у человека с шизоидным типом личности отсутствует как теневой и видится при визуализации сплошной чернотой или серым туманом. Соматические явления практически отсутствуют.

У параноидной личности форма «интернального тела» отличается расплывчатостью и монохромностью. Соматизация возникает спонтанно, без характерной локализации в теле.

У людей с депрессивно-маниакальными чертами характера образ «интернального тела» часто напоминает израненное тело, в котором основными областями поражения являются грудь, лицо и руки. Есть предположение, что наибольшая вероятность соматизации связана с функциональной системой дыхания.

Образ «интернального тела» мазохистической личности часто выглядит совершенно бесцветным и бесплотным, напоминающим тень. Соматизация довольно глубокая, захватывающая многие телесные функции.

У компульсивных личностей образ «интернального тела» обычно визуализируется со спины и отличается насыщенными витальными красками. Соматизация чаще возникает в позвоночнике (люмбальный и сакральный отделы).

У обсессивных личностей образ «интернального тела» как правило, лишен конечностей, в которых и возникает чаще всего соматизация.

Особенно характерными являются образы интернального тела истерических личностей. В интернальном плане тела у них (практически всегда) отсутствует нижняя часть тела (ниже пояса). Она бывает либо вообще невидимой и бесчувственной, либо замурованной. Соматически подавленной и уязвимой является мочеполовая система.

Телесно-ориентированная и интегративная терапия: экспрессия телесных форм

Работа с телом в психотерапии, психотерапевтический подход к телу и телесной экспрессии сводимы к одному простому допущению: «с телом и телесной экспрессией связаны бессознательные проявления личности». Чем более «бессознательным» является тело, тем менее сознательной является сама личность. «Двигая телом» в психотерапевтическом пространстве, можно многое из «неявного» психического содержания перевести на язык «явных» посланий: через движения и чувства, наблюдаемые Эго-сознанием и осмысляемые им.

Современная телесно-ориентированная психотерапия обязана своим рождением Карлу Юнгу и Якобу Морено, которые побуждали своих пациентов к активному движению в психотерапевтическом пространстве. В дальнейшем Рудольф фон Лабан основал целое направление — «лабан — анализ», основанное на представлении об особенностях движения тела в пространстве, гармония которого выстраивается по законам **отношения тела к самому себе**, а качестве телесной экспрессии определяется **усилием** и **формой** движения.

Александр Лоуэн, автор направления в телесно-ориентированной терапии под названием «биоэнергетика», уделял большее внимание типическому в структуре телесных форм. В частности, он полагал, что **характер** человека объединяет в себе телесные и душевные особенности личности. Он описал особенности телесной организации орального, мазохистического, истерического, фаллически-нарциссического и шизофренического характеров, о которых упоминалось ранее. Однако, ему, как и Фрейд, не удалось избежать буквального отождествления телесного и ментального. «Структуру» тела он «подогнал» под структуру характера.

Среди идей и методов современных телесных терапевтов особенно интересными и глубокими являются идеи Иды Рольф, Джоана Чодороу и Аниты Грин⁵⁷. К сожалению, и идеям этих авторов также свойственно упомянутое выше отождествление тела и психики.

В частности, Ида Рольф, разработавшая телесно-ориентированный метод структурной интеграции, основанный на глубоком массаже, считала, что ранний опыт фиксирован... **в соединительной ткани** — в мышечных фасциях. Остается только узнать — в каком виде он там фиксирован...? Но, тем не менее, идея телесной интеграции при помощи соединительно-тканых элементов заслуживает

внимания, и может быть использована и в осуществлении терапевтом прямого контакта с телесной формой, и в диагностике через особенности телесной экспрессии клиента.

Джоаном Чодороу была предложена известная сегодня многим групп — терапевтам техника **«аутистического движения»**, выросшая, в свою очередь, из лабан-анализа. Аутистическое движение позволяет сосредоточиться на осознании спонтанно осуществляемых телесных движениях, выражающих актуальное состояние клиента. Движения тела, будучи объективированы в свободной телесной экспрессии, не заданной осознаваемыми актуально социальными (биологическими и духовными) потребностями и находящейся вне привычных автоматизмов, могут многое «сообщить» своему носителю о нем самом.

Анита Грин является одним из представителей так называемой **холдинг-терапии** или терапии физическим контактом (прикосновениями). Она использует холдинг-приемы в сочетании с дыхательными техниками и массажем. М. Welch (93), J. Prerog (84) J. Richer (86) отмечается особая эффективность приемов холдинг-терапии в дефицитарных семьях, в которых, как известно, вырастают будущие психосоматические пациенты.

К «телесно-ориентированным» принадлежат также идеи «мышечных зажимов» Вильгельма Райха, «первичного крика» Артура Янова, «переобучения моторной коры» Илоны Рубенфельд, и многие другие идеи. Эффект от использования самой техники в этих психотерапевтических моделях часто значительно превышает уровень осмысления того, почему именно так следует осуществлять психотерапию для получения полного осознания бытия собственного тела и более свободного самовыражения в телесной экспрессии. В этом смысле телесно-ориентированные психотерапевтические мастерские напоминают «испанский трактир», в который каждый приносит, что имеет. Перефразируя Хайдеггера, телесность в нем трактуется (от слова «трактир») либо как «чтойность материи» («всетелости»), либо как «чтойность инакости» («бестелесности»): тело, таким образом, либо понимается как иное, низшее, примитивное, либо — как тождественное психическому. Все та же методологическая «развилка», превратившаяся в тупик.

Я спросила девочку Леру, которой исполнилось 8 лет: «Что такое тело?». Лера мне ответила: «Тело — это часть человека, такая же, как и он сам». Сознание ребенка не выделяет свое тело из себя, как «не-Я», как «иное», отличное от него самого. Взрослый же человек так и норовит «возвыситься» куда-нибудь (обычно — от телесной

пустоты), или спрятаться в угол от страха или считать ежечасно оргазмы, помышляя себя либо бестелым существом, либо только телесным.

Отношения с телом требуют уважения к последнему. Тело не может быть просто плотной материей, т.к. принадлежит живому человеку. Точно также сознание человека не в состоянии «растворить» тело до идеальной сущности, до «облака в штанах». Тело существует явно, независимо от того, что известно сознанию об этом существовании. Но от того, что сознание полагает о теле, зависит полноценность и качество телесного бытия человека.

Если я полагаю, что тело досталось мне в наследство от дикой природы — телу придется застрять в примитивном выражении нечеловеченных инстинктов. Если я верю в то, что тело — это практически «Святой Дух», — тело вовсе прекратит свое телесное существование — до того момента, как объявит мне войну.

Тело такое же, как и сам человек. Каков сам человек — таково и его тело. Гениальная в своей простоте мысль. Воистину, устами младенца...

Интегративная терапия (Н. Petzold), интенсивно развивается в настоящее время в ФРГ. Различные варианты современной интегративной терапии основаны на гешталь-терапевтическом подходе Fritz Perls, который, в свою очередь, интегрировал в свою психотерапевтическую систему элементы многих других направлений, в частности, юнгианского анализа (направленная визуализация), психодрамы (ролевые игры), психосинтеза (работа с субличностями) и др. F. Perls почти не оставил после себя научных трудов, но его «искусство» гешталь-терапии продолжает свое развитие сегодня и постепенно приобретает научно-обоснованную форму.

Интегративная терапия оперирует тремя концепциями: **телесностью, внутренней субъективностью, целостно-сценическим переживанием и пониманием.**

Телесность. Интегративная терапия ограничивается от понятия «тело» понятием «сома», которое «...объективируется и понимается через базисную «модель машины». Тело есть одушевленная сома, «совокупный орган», с помощью которого воспринимаются боль, наслаждение, стремление к движению или покою, страх, подавленность»⁵⁸.

Когда человек «чувствует себя», то он переживает себя как тело, но не как сому. Как сому человек расценивает себя как «другого», т.е. воспринимает свое тело как чужое, как объект.

Тело-самость рассматривается в интегративной терапии как первооснова самости. Гибкая смена состояний тела-самости обеспечивает здоровье человека. Нарушение нормального функционирования происходит при фиксации человека на каком-либо одном из состояний, что, в свою очередь, ведет к анестезии так называемого «перцептивного тела», к ампутации «экспрессивного тела» и к амнезии «мемориального тела». Основная работа психотерапевта заключается в том, чтобы «вытеснить эти состояния в сому»⁵⁹.

Внутренняя субъективность является способностью человека включаться во взаимодействие с миром, включать в себя субъективность других, открыто идти навстречу контакту — способность устанавливать связь с другим и ограничивать себя от другого; к встрече — способность к кратким близким отношениям; к связи — способность поддерживать длительные отношения вопреки кризисам и конфликтам.

Способность к внутренней субъективности ограничивается проекциями в межличностных отношениях, которые фиксируют в себе прошлые травмирующие интересубъективные связи.

В современной русской психологии более разработанной теоретико-практической моделью этого же феномена является концепция В.А. Петровского об «отраженной субъектности», включающая, помимо эффекта межиндивидуальных влияний, еще два основных аспекта: идеального значимого другого и претворенного субъекта. Согласно В.А. Петровскому⁶⁰, развитие личности происходит в связи с установлением отношений субъекта с миром, путь которого к себе (к «претворенному субъекту») лежит через идентификацию со «значимым другим» и «идеальным субъектом».

Взаимодействие ролей в интегративной психотерапии осуществляется по канонам психодрамы в соответствии с внутренними образами перенесения и присвоения паттернов отношений. Все это рассматривается в качестве исходного пункта социализации и идентификации.

В целом, интегративная терапия в большей степени ориентирована на установление отношений человека с миром. Даже понятие «самость» используется в ней в связи с воплощением субъекта для Других, Другого. В этом преувеличенном интересе к миру и Другому социально-ориентированной личности реализуется

только один вектор бытия — второй. Тем не менее, сочетанное применение телесно-ориентированных, двигательных, творческих и ролевых техник в интегративной терапии позволяет клиенту выйти на совершенно новый уровень личностной экспансии и перестроить свои взаимоотношения с миром.

Интегративные психосоматические модели исследуют феномены функциональных нарушений без патологических органических нарушений, которые принято считать следствием изменений в психике человека. В этих моделях (работы Л. Кроля, Г. Бергмана, А. Йореса и др.) ученые пытаются объединить глубинно-психологический подход к соматическому заболеванию с естественно-научной потребностью медицины. Интегративные подходы (модели) психотерапии признаются наиболее перспективными в развитии теоретической и практической психологии XXI века.

Арт-терапия: явленность ментальных форм

Арт-терапевтическое направление (термин «арт-терапия» ввел в 1938 году А. Хилл, а технологии разрабатывались многими психотерапевтами, в частности К. Юнгом) занимает особое место в практической психологии, т.к. оперирует невербальными формами смыслов и символами, которые могут быть объективированы средствами искусства.

Смысл представляет собой содержательную характеристику психического явления, в которой существенным элементом является **порядок отношений** данной вещи к другим вещам, момент определенности и соотнесенности некой координаты измерения «не-Я» (или части «Я») в пространственно-временном континууме бытия к измерению «Я».

«Согласно Фреге, двойственное функционирование, соответствует следующей таблице:

Объект (детонат)	Мысль (смысл)
Имя собственное ↓ объект	Предикат, функция ↓ концепт
“насыщение” (ни одного “пустого места”)	“ненасыщение” (пустое место)

где две вертикальные стрелки обозначают соответственно, что детонат имени собственного — это определенный объект, а детонат предиката — это концепт. Что касается отношений между двумя частями таблицы, то они складываются согласно утверждению Фреге, что необходимо рассматривать объекты как значения функции, иными словами, как результат насыщения функции аргументом, заполняющим «свободное место» этой функции»⁶¹.

«...смысл слова, выражения, предложения и т.д. не существует «в себе самом...»⁶².

«...слова, выражения, предложения и т.д. меняют смысл в соответствии с позициями, занимаемыми теми, кто их употребляет...»⁶³.

Символ же имеет отношение к пространственным формам смысла вообще, существенным моментом его содержательного плана — к способу конструирования вещи, к принципам организации смысла и законам, его порождающим. В символе означаемое становится означающим: нет такого физического предмета, мелкого явления, которые бы означались символом. Символ сам по себе является эквивалентом общих «потаянных» законов упорядочивания бытия.

Смысл выявляется при извлечении идей, т.е. отделением содержания от формы его выражения. В искусстве идея уравновешена формой, в символе — они являются одним неразделимым целым.

Рукотворные объекты, создаваемые художниками, кроме фактического (буквального) смысла, обладают, по Э. Панофскому⁶⁴, выразительным смыслом, воспринимаемым чувствами посредством получения впечатления. «Вчувствование» в смысл произведения возможно только при том условии, что воспринимающий является обладателем некой чувствительности. Потеря или неразвитость этой способности «чувять» смысл идеальных сущностей ведет к потере истинного смысла и понимания. Чувствительностью человек может обладать погружаясь в полноценное телесно-чувственное бытие, т.е. будучи близким и сознательно открытым чувствам, прорастающим в телесную экспрессию.

Арт-терапия является тем терапевтическим средством, которое способствует выражению чувствительности.

Смысл символа не может быть буквальным — он всегда является переносным, фигуральным, т.е. метафорическим.

Не следует путать метафору и аллгорию. В аллгории при помощи одного смысла обозначают иной. Метафора же содержит некие дополнительные идеи, при помощи которых открываются дополнительные пространства известного смысла. Которые, кстати, не всегда вербализуемы.

Существуют две формы репрезентации смысла: знак и символ, которые можно соотнести с известной степенью приближения с буквальными смыслами (знак) и фигуральными смыслами (символ).

«Язык — это система знаков, выражающих идеи...»⁶⁵ (Ф. Соссюр).

По Бл. Августину⁶⁶, знак представляет собой сущность, чье существование предполагает существование другой вещи (эквивалент). Знак обладает телесной основой, т.е. он объективирован в материальном мире: фонемой слова, написанной буквой и т.п.

*«Говорить — это подавать знак посредством членораздельного звука» — говорит Бл. Августин. И далее: «Знак есть предмет, возбуждающий мысль о чем-то, находящемся за пределами того впечатления, которое сам предмет производит на наши чувства»⁶⁷. Сам знак является вполне реальным **предметом**, воздействующим на психику не менее реально, чем пение птиц или кирпич, упавший на голову.*

В знаке означаемое («лектон» — бестелесное содержание, существующее в самом языке, способность звука называть вещь) и означающее (фонема, письменный эквивалент) соотнесены с предметом, вещью, но слиты воедино. Через выражение (словом, артикуляцией) опознается выражаемое — то, что поименовано этой речевой фигурой, погруженной в определенный контекст.

В теории смысла при анализе процесса смыслообразования принято обращаться не к термину «контекст», а к термину «дискурс», под которым часто понимается нечто более глубокое и широкое, чем контекст:

«Общая характеристика такова: дискурсные процессы лежат в основе порождения эффектов смысла, тогда как язык представляет собой материальную субстанцию, в которой этот смысл воплощается»⁶⁸.

«...всякой дискурсной формации свойственно скрывать за прозрачностью смысла, который в ней образуется, противоречивую материальную объективность интердискурса...»⁶⁹.

«Всякая дискурсная формация скрывает за прозрачностью смысла, который в ней устанавливается, свою независимость от «сложного целого с доминантой» дискурсных формаций, сплетенного с комплексом идеологических формаций...»⁷⁰.

«Следует признать при этом, что сам термин дискурс получает множество применений. Она означает, в частности:

1⁰ эквивалент понятия «речь» в сосюрровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;

2⁰ единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;

3⁰ в рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);

4⁰ при специализации значения 3 “дискурс” обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания...

Высказывание — это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; дискурс — это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как “дискурс”»⁷¹. Объективация дискурса лишь частично воплощается в слове. Более полно дискурс представлен в образе и символе.

Аристотель полагал, что **символы** можно разделить на естественные (знаки) и условные (имена). Он считал, что значение весьма условно, т.к. по природе своей оно не является именем. Имя возникает тогда, когда нечто становится символом: звук, издаваемый голосом — символом душевного состояния, написанные слова — символами слов, произнесенных голосом.

Если обратиться к первоисточкам, то у греков «цимболон» означало знак благодарности, который представлял собой две половинки предмета, разделенного

между двумя людьми. По Жаку ле Гоффу — «символ — знак договора. Он был **намеком** на утраченное единство; он напоминал и звал к высшей и скрытой реальности».

Символ в этом контексте может быть рассмотрен в качестве общей фигуры, на основе которой происходит любая межличностная коммуникация.

Согласно Юнгу, символ представляет собой способ психической экспрессии, связанной с динамикой индивидуального и коллективного бессознательного⁷². Архетипы проявляют себя, т.е. объективируются в определенных символах, формы которых, вероятно, довольно устойчивы. Эти формы есть суть вместилища — консервные банки — для личного и межличностного опыта. Если попытаться выразить сие содержание в словах, то, вероятнее всего, большая часть смысла останется скрытой, недоступной как для выражения, так и для понимания выражаемого.

По Винникоту, подлинное «Я» свободно использует символы в качестве инструментов, обеспечивающих связь между фантазией и реальностью, что позволяет вести насыщенную жизнь, наполненную творчеством и духовным опытом. Лица, имеющие «ложное Я», не способны к глубокой концентрации и ищут опоры в мире внешних объектов, а их жизнь является последовательностью реакций на внешние объекты и события⁷³.

Как извлекается смысл? На различных уровнях претворения идеи: на уровне явных значений (буквальный смысл); на уровне условных смыслов (метафорических, фигуральных); на символическом (общекультурном) мета-уровне. Условные и символические смыслы всегда присутствуют в любом психическом явлении. Разве возможно понимать его буквально?

Поэтому арт-терапевтические сеансы, на которых взрослые люди занимаются, как ни странно, весьма далекими (казалось бы) от реальности вещами, способствуют восстановлению целостности Эго и помогают выстраивать дорожки от него — к миру. Это происходит потому, что восстанавливается формообразующий процесс, вне которого ничего не происходит, а если и кажется, что происходит, то только в мире иллюзий и фантазий.

В предлагаемой интегративной модели топологической психотерапии арт-терапевтическая технология занимает особое место, которое является местом

объективации образов телесных состояний и образов-символов душевных трансформаций. Это **один** из способов.

Но эмерджентная, тонкая, невидимая, потаенная ментальная реальность объективируема несколькими основными способами:

- в речевом поведении, где результатом объективации является (устный и письменный) текст с определенной дискретной семантической структурой;
- в пении, в котором образуется континуальная семантическая структура музыкального произведения;
- в танце, мимике и пантомимике, образующих дискретно-континуальную семантическую структуру телесных движений, в экспрессии которых явлено некое внутреннее состояние души;
- в запечатленном инобытии внутреннего состояния — в рисунке, скульптуре, архитектурном сооружении и т.п., — в котором вещь воплощает в себе нечто иное, невещественного происхождения;
- во всем вышеперечисленном, направленном к определенному лицу и выражающем некоторое к нему отношение автора послания.

Легко заметить, что ни один из упомянутых способов не минует телесного плана бытия. Более того — только в нем и при помощи него ментальное способно хоть как-то себя объективировать. Других способов (для пути сознания) нет.

Тело представляет собой сложнейший музыкальный инструмент и одновременно — инженерную конструкцию, управление которой требует от владельца чрезвычайного терпения в упражнениях по овладению различными навыками, начиная от простейших — прямохождение и артикуляционных движений — и заканчивая сложнейшими — изображением на листе бумаги человеческого лица, вышиванием, игрой на виолончели, вождением автомобиля или выполнением балетных движений. **Путь к миру реальности и к бытию лежит через телесную экспрессию, в которой и выражает себя душа.**

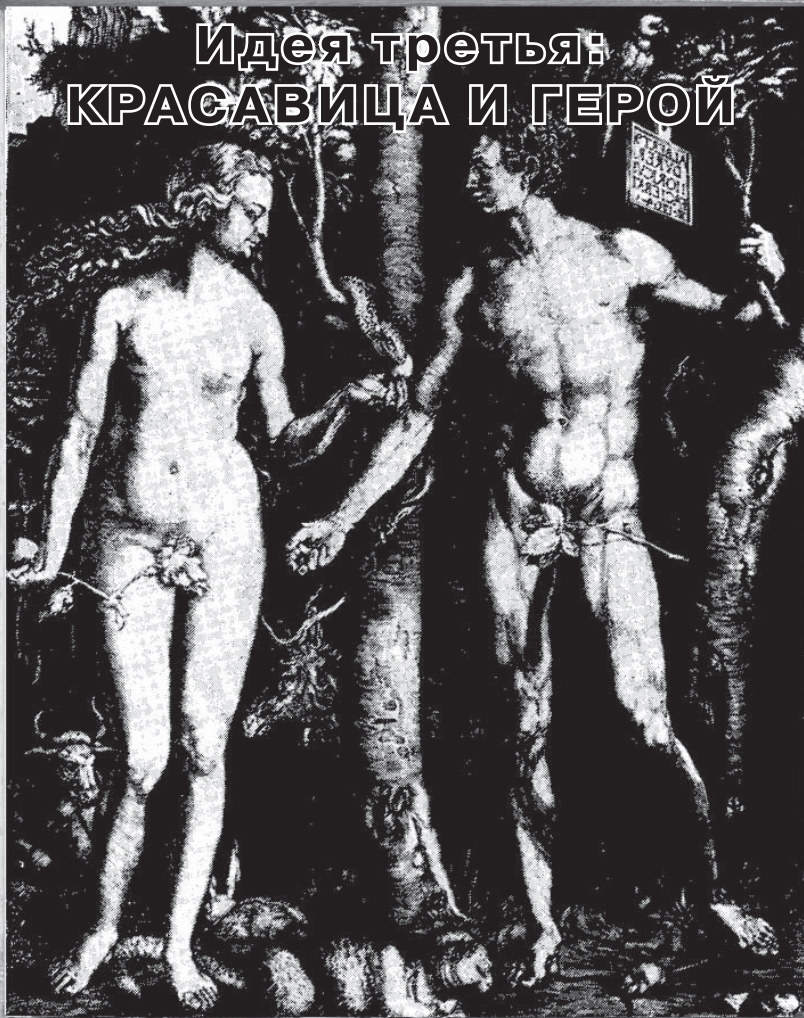
В теле сходятся все пути внутреннего тонкого ментального измерения, идя по которым субъект воплощает себя в своем становлении к «быть» и идет навстречу к себе изнутри, делая «петлю» бытия в телесном измерении. Любой вид искусства (или спорта) обучает человека совершенному владению своим телом — тонким микродвижениям (либо макродвижениям при использовании телесных «рычагов»). Обучаясь телесной экспрессии, т.е. находя путь ментального в тело, человек обучается основным навыкам бытия — воплощения себя вовне.

Арт-терапевтическое направление в психотерапии первоначально возникло в юнгианском анализе. К. Юнг со своими пациентами пел, танцевал, рисовал, а не только разговаривал. В дальнейшем арт-терапия оформилась как вполне самостоятельное практическое направление в психотерапии, не имеющее никаких ограничений в применении к психотикам, невротикам и здоровым людям.

Традиционно арт-терапевтические технологии рассматриваются только с одной стороны — как система психотехник, способствующих высвобождению ресурсов спонтанности и креативности. В интегративной модели топологической психотерапии арт-терапевтические техники применяются с целью установления связи между ментальным и телесным планом бытия; для обучения навыкам тонкой телесно-чувственной экспрессии; с целью освоения способов выхода к инобытийным формам существования.

Глава 3

Идея третья: КРАСАВИЦА И ГЕРОЙ

Путь трансформации Эго

Нуклеарная ментальная форма человека заключена в живом источнике психической энергии, названном К.Г. Юнгом архетипом **Self**. По определению, данная нуклеарная ментальная форма **содержит в себе все** с рождения человеческой индивидуальности в виде потенциальных ресурсов и возможностей. Их реализация невозможна без усилий и тренировки (экспрессии) субъекта в соединении себя — с собой и миром.

Эго, в отличие от **Self**, является **не данностью, а результатом** формирования в онтогенезе сознательных представлений субъекта о себе самом, извлеченных из осмысленных отношений с миром — с Другими, транслирующими к Эго свое мнение в отношении к нему.

Согласно К. Юнгу, индивидуация есть тот Путь, который проходит человек, обретающий свою уникальность вполне, — мчась встречным движением навстречу самому себе (от Эго к **Self** и от **Self** к Эго) путем интеграции содержания «Я», идущего изнутри, от источника личной жизни, в «Я», воплощающее его во внешнем измерении взаимоотношений с миром. Процесс индивидуации дополняет внешний процесс социализации (адаптации к миру) внутренним моментом адаптации к самому себе. Эта мысль К. Юнга является главной идеей аналитической психологии, раскрывающей моменты **внутреннего** Пути — существующими независимо от внешних условий, хотя и взаимообуславливающими друг друга (внешние — внутренние условия и наоборот). Итак, индивидуация — это путь внутренних трансформаций Эго. Трансформация — внутреннее самопричинное движение в пространстве Души, оформленное **чувствами, смыслами и поступками** жизненного пути. Поэтому формирование Эго-сознания — центрального «стержня» индивидуальности — осуществляется хотя бы в двух (а не в одном) направлениях: **от внешнего к внутреннему** и обратно (соединение себя с миром, **идентификация**) и **от внутреннего к внутреннему** (соединение себя с собой, **идентичность**).

С появлением работ Э. Эриксона, а также с развитием глубинного и гуманистического направлений в психологии привычный термин «идентификация» получил свое новое прочтение — появился термин «идентичность»⁷⁴.

Здесь намеренно не противопоставляются эти два процесса в формировании и развитии личности, т.к. один из них («идентификация») является аспектом другого («идентичности»). «Идентичность» — понятие не новое по содержанию, но более объемное и глубокое, чем понятие «идентификация».

Идентификация — термин, обозначающий особый тип отношений присвоения субъектом объекта:

- **уподобление** какому-либо объекту (интериоризация);
- **наделение «собой»** (перенос своих чувств, мыслей, желаний) какого-либо объекта (экстериоризация).

По определению, процесс идентификации ведет к формированию границ Эго. Психологические защиты интроекции-проекции являются примером своеобразного «застревания» субъекта на стадии формирования границ Эго, при котором происходит постоянная путаница в понимании того, где «Я», а где «не-Я»: либо субъект приуменьшает границы, отдавая свое пространство объекту (интроекция); либо, напротив, преувеличивает, присваивая себе пространство объекта (проекция). В любом случае в понятии «идентификация» отражается внешний, социальный аспект формирования Эго.

Способность к идентификации дает возможность человеку, живущему среди разных и непохожих на него Других, распознавать их чувства, намерения и свое отношение к себе подобным. Это, в свою очередь, является необходимым условием для успешной социальной адаптации.

Неспособность к разотождествлению с Другим (после идентификации с ним) можно считать первичным маркером неуспешной социализации и несформированности границ Эго. Отделение «Я» от «не-Я» в процессе, происходящем после идентификации с объектом, возможно только при наличии **внутреннего** условия: способности, несмотря на внешние возмущения, поддерживать устойчивое и определенное отношение к себе, как к объекту, обладающему некоторым набором качеств, убеждений, ценностей и т.д. Однако, как и в случае со способностью к идентификации с «не-Я»-объектом, чрезмерно устойчивая идентификация с «Я»-объектом («самоидентификация») приводит к инфляции Эго (термин К. Юнга), т.е. к стагнации в развитии.

Полоролевая идентификация. Это понятие было введено З. Фрейдом для обозначения некоторых процессов во взаимоотношениях с родителями, в результате которых ребенок принимает женскую или мужскую роли⁷⁵. В младенчестве возникает **первичная** идентификация (к 1,5 годам), которая является примитив-

ной формой эмоциональной привязанности ребенка к матери («захваченность объектом»). Впоследствии она уступает место **вторичной** идентификации, которая обладает парциальностью, амбивалентностью и является не чем иным, как предысторией Эдипова комплекса. Применительно ко взрослому человеку фрейдовское понимание идентификации всегда связывалось с невротическими симптомами, при наличии которых у субъекта формируется бессознательное желание оказаться в положении объекта, что приводит к неспособности удовлетворять собственные сексуальные потребности. А. Фрейд продолжила развитие идеи отца и вписала момент формирования полоролевой идентификации в процесс саморазвития «Я»-субъекта. При этом переживание своей тождественности с объектом являлось неизменным условием установления эмоциональной связи с ним, без которой невозможно вступление в близкие отношения.

В психологии личности и возрастной психологии формирование полоролевой идентификации обычно рассматривается в качестве неотъемлемого элемента социализации и адаптации личности. В частности, считается, что осознание и принятие своей половой принадлежности, выработка определенной позиции «Я» в отношении к эталонным половым поведенческим паттернам способствуют реализации природных качеств личности. Биологический пол в процессе социализации воплощается в гендерном («социальный пол») «фасаде». Соответствие между биологическим полом и гендером является залогом психического и физического здоровья личности.

В психологической литературе много внимания уделялось и уделяется так называемой «перевернутой» полоролевой идентификации, немаловажную роль в формировании которой играют родители. Типичным примером, весьма характерным для России, является семья, в которой доминантную позицию занимает мать, а слабую и зависимую позицию — отец. Гендерный «фасад» в этом случае сформирован по инверсионному типу, но он довольно устойчив, т.к. обладает необходимой комплементарностью.

Существует полярный тип семейных отношений, в которых один из родителей играет природную роль преувеличено, являясь «супер-женщиной» или «супер-мужчиной». Другой супруг обычно является просто тенью, на которую, естественно, проецируются все недостатки достойного партнера. У ребенка того же пола, что «супер-партнер» в такой семье, кроме негативной идентичности, формируются «бесполье» поведенческие паттерны, которые нельзя соотнести ни с маскулинным, ни с феминным типом поведения.

Тайсоны различают полоролевою идентичность и полоролевою идентификацию⁷⁶. **Полоролевая идентичность** представляет собой нарциссическое ядро первичной мужественности-женственности, связанное с ощущением собственного тела. В отличие от нее, **полоролевая идентификация** основана на образе себя, сформированном на основе своего биологического пола, проявляющемся в сознательных и бессознательных паттернах взаимодействия с другими людьми.

Идентичность Э. Эриксон определяет как тождественность самому себе (также открывая тем самым внутренний аспект адаптации субъекта), включенность в тотальный процесс жизни всего человечества в целом, регулирующий воспроизводство основных составляющих: **веры, силы воли, целеустремленности, компетентности, верности, любви, заботы и мудрости.**

Понятие «идентичность» по Э. Эриксону⁷⁷ включает в качестве отдельного элемента объектное отношение к себе («самоидентификацию»), и способность Эго **владеть «Я»-объектом** в изменяющихся условиях и воплощать «Я»-объект в инобытийные формы его существования (иначе — саморегулироваться, через экспрессию Эго вовне — оставлять след).

Э. Эриксон подчеркивает, что центральной темой индивидуального существования является постоянное стремление личности к собственной идентичности и к ее сохранению в социальной среде. Таким образом, идентичность представляет собой не только тождество самому себе, но и включает высокую степень осознания и принятия себя во всей полноте отношений с окружающим миром.

Э. Эриксон выделил 8 стадий психосоциального развития, на каждой из которых личность преодолевает определенный кризис.

На **первой** стадии (орально-сенсорной) младенец решает фундаментальный вопрос все своей последующей жизни — доверия или недоверия к окружающему его миру. Критерием сформированности **базового доверия**, по Э. Эриксону, является способность ребенка спокойно переносить исчезновение матери из поля зрения.

Прогрессирующая автономность младенца позволяет ребенку перейти к решению **второй** жизненной задачи — обретению **самостоятельности и автономии** (против зависимости и нерешительности). В этом возрасте ребенок интериоризует то, что видят в нем окружающие (18 мес. — 4 года).

Третья стадия (локомоторно-генитальная, 4 года — 6 лет) решается выбором между **инициативой** и чувством вины. Ребенок начинает ставить себе цели сам, фантазировать, учиться отличать фантазии от реальности. Это возраст игры, ан-

типитации ролей и овладения миром в действии. Другие взрослые и сверстники становятся в этот период для ребенка объектами для идентификации.

На **четвертой** стадии (6–11 лет) формируется чувство умелости, **компетентности** (против неполноценности, неуверенности). На этой стадии ребенок идентифицирует себя с представителями отдельных профессий и активно овладевает символами культуры.

Пятая стадия (11–20 лет) является ключевой для приобретения **чувства идентичности**. Происходит переоценка многого в структуре «Я» и интеграция всего, что подросток знает о себе. При удачном протекании кризиса формируется чувство идентичности. Именно данный этап Эриксон называет «психологическим мораторием» — кризисным периодом между юностью и взрослостью. Согласно Эриксону, психологический мораторий может, при определенных условиях, принимать затяжной характер и длиться годами, что особенно характерно для невротиков и одаренных людей. Непреодоленный кризис влечет за собой состояние «диффузии идентичности», которая составляет основу специфической патологии юношеского возраста.

Шестая стадия (21–25 лет) связана с решением «взрослых» проблем на базе сформировавшейся психосоциальной идентичности. На данном этапе личность делает выбор между **установлением** широких дружеских связей, вступлением в брак или изоляцией.

Седьмая стадия (до 60 лет), составляющая самую большую часть человеческой жизни, решает главную альтернативу: **развитие** или регресс. Наградой за овладение способностью к саморазвитию является формирование человеческой индивидуальности, неповторимости. Поднимаясь над уровнем идентичности, человек обретает редкую способность быть самим собой.

Восьмая стадия завершает жизненный цикл, и в это время человек либо обретает **уравновешенность и ощущение гармонии** как следствие целостности своей личности, либо оказывается обречен на безысходное отчаяние как итог путанной жизни. Лишь обретя жизненный опыт, обогащенный заботой об окружающих людях, творческими взлетами и падениями, человек обретает **интегративность** — завоевание всех семи предшествующих стадий.

Вот как Эриксон пишет об этом возрасте: «...*Это растущая эмоциональная интеграция, как склонность Эго к порядку и значимости... Это принятие одного единственного жизненного цикла с определенным кругом лиц, входящих в него... Это чувство дружеской связи с мужчинами и женщинами разных времен*

и разных профессий, которые создавали окружающий их мир... Обладатель интегративности уверен, что индивидуальная жизнь есть случайное совпадение единственного жизненного цикла с единственным сегментом истории, и что вся человеческая интегративность существует и исчезает вместе с тем уникальным стилем интегративности, к которому он причастен...»⁷⁸.

Потеря «Эго-интеграции» приводит к чувству полной безысходности, отчаянию. Смерть воспринимается как исчезновение Эго. Тогда как интегративное Эго полагает, что «Я есть то, что меня переживает».

Полноценный жизненный цикл, в течение которого личность преодолевает и благополучно разрешает кризисы развития, ведет в конечном счете к формированию **позитивной идентичности**. Потеря чувства идентичности, связанная с накоплением неразрешенных кризисов психосоциального развития, ведет, в свою очередь, либо к формированию **негативной**, либо к формированию **спутанной идентичности**. И тот, и другой тип потери идентичности выражают инфантильные стремления личности отсрочить обретение взрослого статуса, за которыми стоят, как правило, устойчивая тревога в отношении к «Я»-объекту, чувство изоляции, барьеры примитивных защит, что резко снижает эффективность самопрезентации. Личность обрекает себя на вечные сомнения относительно себя, своего места в обществе и жизненных перспектив. Как отмечает Эриксон, в случае поиска негативной идентичности личность стремится «стать ничем», а в случае со спутанной идентичностью — стремится к саморазрушению, например, в патологической поглощенности какой-то односторонней деятельностью.

Развивая идею Э. Эриксона об этапах формирования идентичности в интегративной модели глубинной топологической психотерапии, предлагается свой вариант ее **фреймового становления**. Я рассматриваю иное, внекризисное основание для процесса формирования идентичности — **внутреннее раскрытие** и **внешнее воплощение** ментальных (внутренних) природно-душевно-духовных форм — самопричинную трансформацию. Модель формирования идентичности по пути трансформаций опирается на четверичную фреймовую структуру идентичности — четырехчастный топос. Возвращаясь к метафоре онтологической организации психики, которая приводилась в начале книги рассмотрим еще раз ее структуру.

Первым и *центральный* элементом в онтологической метафоре психики является **духовный** интегрирующий потенциал (*Vita*), или иначе — жизненный потенциал, самопричинный источник внутренней активности субъекта. Он

трансцендентен и не имеет никаких других причин для своего существования, кроме себя самого (*causa sui*). Три других элемента представляют собой три взаимосвязанных аспекта человеческого бытия: жизнедеятельность (**бытие Тела**), телесно-чувственное бытие (**бытие Души**) и осмысленное, разумное бытие (**бытие Разума**). В каждой из этих сфер бытия проявляется единственная интегрирующая сила — энергия **Духа** (жизни), вызывающая движение и развитие, связывающая все моменты бытия в единое целое и т.п. Это *вертикальный* момент четырехчастности.

Горизонтальные уровни связаны с вертикальным, но имеют свои особенности, выражающиеся в сочетанности и определенном соотношении друг к другу трех основных аспектов человеческого бытия. (Разумеется, все эти пространственные допущения весьма условны).

Идентичность, **соответствующая ведущей роли бытия на уровне жизнедеятельности** (тела) названа **топосом Младенца**. Этому топосу соответствуют доминирующие витальные инстинкты, телесно-чувственное бытие на уровне базовых аффектов и бытие разума — на уровне примитивного мифотворчества (внутреннее принимается за внешнее). По мере того, как развиваются и осваиваются другие топосы Души, Младенец переживает ряд трансформаций, общее направление которых задано полюсами: «психоаналитический младенец» — «предвечный младенец». Однако, примитивное младенческое существо в душе каждого реального человека никогда не исчезает — только становится меньше по мере того, как развиваются другие пространства Души. Редко можно встретить человека, застрявшего в топосе Младенца на всю оставшуюся жизнь.

Идентичность, соответствующая ведущей роли **телесно-чувственного бытия** (Души), названа мною **топосом Красавицы или топосом Героя**. Этому топосу соответствуют: доминирующая роль потребностей в общении, в любви, уважении, телесно-чувственное бытие на уровне полноты раскрытия эмоций и чувств, бытие разума — на уровне разделенности Эго и Мира (внутреннее и внешнее). Описанию этапов трансформации Красавицы и Героя посвящена большая часть материала в этой главе. Общее направление данных трансформаций задано полюсами «Красавица — Мать», «Герой — Царь».

Таинство мужской и женской инициации происходит в тесном взаимодействии с партнером противоположного пола, в результате которого рождаются Красавицы и Герои, происходит «воспитание чувств» и овладение телесно-чувственной природой, играют **свадьбы**, заключаются **браки** — Красавицы

становятся мамами, а Герои — папами. Первостепенную роль в развитии третьей части душевного топоса — **Матери и Царя**, играет интеграция природно-духовных ресурсов и интеграция индивидуальности в социальную жизнь (изнутри — вовне).

Топос Матери и топос Царя соответствует идентичности, в которой ведущую роль играет **бытие разума**, интегрирующего в себе телесно-чувственное бытие эмоционально зрелого человека вместе с жизнедеятельностью его здорового полноценно функционирующего тела. Идеи жизни, проживаемой человеком на данном этапе трансформации, вырастают из «невербального корня» его бытия. Эти идеи являются его собственными, выстраданными в личном опыте, на своих ошибках и в преодолении.

Топос Харизматической женщины (Хтонической Матери, Кассандры) и **топос Мудрого Старца** (Сенекса, Мана-личности) соответствуют идентичности, в которой ведущую роль играет **духовное бытие** — сама жизнь в ее истоке, интегрирующая все свои проявления в одно целое.

Духовное развитие индивидуальности определяет ту степень «социализации» телесно-чувственного бытия, которая выполняет интегрирующую функцию по отношению ко всем воплощенным ранее ресурсам душевного топоса. Полнота воплощенной жизни в теле, в чувствах, в мысли и действии соответствует особому бытию, объединяющему всё и вся во внутреннем мире человека и внешнем пространстве его инобытия. Надеясь своим смыслом свой след, оставленный в мире, человек становится Человеком, инобытийствуя и превозмогая саму смерть.

Духовный стержень бытия был открыт многими гениальными мыслителями. В частности, Ницше и Пруст полагали, что Бытие Духа воплощено в усилении, в воле к жизни, в экспрессии субъекта, в его стремлении понять и соединить себя с собой и с миром. В этом смысле никакая трансформация не происходит «сама собой», без совершения внутреннего усилия своего носителя, хозяина.

Адаптация субъекта к самому себе на жизненном пути неизбежно приводит к принятию своего внутреннего мира со всеми его мыслями, чувствами, желаниями и опытом; своего тела и своего пола; образов себя, навязанных миром; себя — источника своей жизни, непохожей на жизнь других. Других — источников своей жизни, непохожей на мою.

Внутренние изменения, приводящие к гармонизации бытия Эго, осуществляются по двум альтернативным Путям: **Пути Красавицы** и **Пути Героя**.

И это — метафора, обозначающая тайный смысл внутреннего, «невидимого» процесса, выводимого из архетипической психологии К. Юнга.

Карл Юнг не рассматривал «Героя» как самостоятельный архетип, включая героиню в цикл развития архетипа «Предвечного Младенца» (Self)⁷⁹. Постюнгианцы, в частности Нойманн, О. Ранк, С. Вильямс и Д. Хилл-ман возвели в ранг архетипов многие психические феномены, описанные Юнгом, в том числе и «Героя», рассматривая героиню как мифологическую метафору становления архетипа Эго **по мужскому типу**.

Хотя М. Польстер⁸⁰ считает, что можно говорить о «женском героизме», несмотря на то, что героизм — это атрибут мужской жизненной цели. К «героическим качествам» женщины она причисляет активность, способность оказывать влияние на ход собственной жизни, чувство личной ответственности и сопричастности, сильное чувство Другого. По-моему мнению, этот перечень скорее является перечнем свойств позитивного содержания архетипа Анимуса, что не является «главной женской темой» в Душе женщины. Говорить о «героической женщине» все равно, что рассуждать о «красивом мужчине» — предмет разговора всякий раз искажается, — и на первый план выступает не его сущность, а вторичные и незначительные качества.

По словам А. Самуэлса, теория Анимуса у К. Юнга менее продумана и является более искусственной, чем теория Анимы (как у Фрейда комплекс Электры). Архетип Анимы в изложении К. Юнга и его последователей предстает как более симпатичный, чем архетип Анимуса. «Как если бы мужчине иметь «женщину внутри» было бы простительно и даже уместно, чем женщине — мужчине. Второе — непростительно и чревато» (разумеется, речь идет только об архетипах).

В 1981 году Перерой, отнюдь не вдохновленной психоаналитическим тоталитаризмом, была высказана мысль о том, что существует только «патриархальная психология», то есть мужская точка зрения на устройство и мужской, и женской Души, причем вторая полагается аналогичной первой. Женщина — это просто что-то другое, но принципиально отличающееся от того, что знает о ней мужчина. Рут Сальвагио настаивала, что и:

«...женщины вступают в дискурс. Они не объекты в нем, но субъекты, которые трансформируют его. Фелманские ремарки озаглавлены “Открыть вопрос” и это то, что точно происходит, когда женщины ставят вопросы по такой теме, как

деконструкция и психоанализ. Они создают интерсубъективное пространство. Они переоткрывают “и”»⁸¹.

Тем не менее, К.Г. Юнг, в отличие от Фрейда, все же полагал, что существуют **два** совершенно разных и архетипически определенных принципа психологического функционирования, связанных с полом (а не один — фаллический): **маскулинный принцип** («Логос», рациональность, интеллект, достижение, автономия) и **феминный принцип** («Эрос», иррациональность, чувственность, смирение, связанность). И оба этих принципа, независимо от природного происхождения, сосуществуют в каждом человеке. Однако их соотношение полностью согласуется с природой индивида: преобладает либо мужское, либо — женское начало. По выражению Юнга, «функция Эроса состоит в объединении того, что разбросано Логосом». По-видимому, задача Логоса — пробудить Эрос?..

В первой части книги рассматривалась и анализировалась структура «архетипического кристалла» С. Вильямса и была предложена альтернативная ей структура, по мнению автора, логично вытекающая из работ К. Юнга.

Развивая далее идею «архетипического кристалла», я предлагаю две его явные разновидности — феминную и маскулинную, — которые **качественно** различаются и не могут быть сведены к одной.

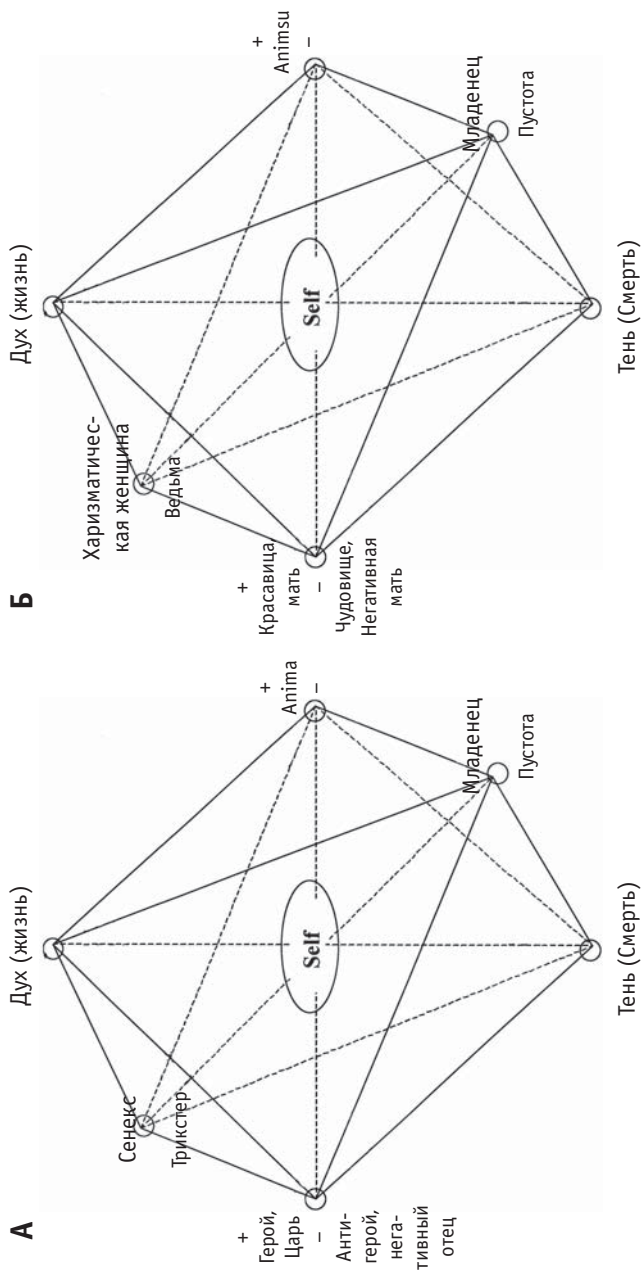
Как в психоанализе — «девочка есть кастрированный мальчик». В таком случае, мальчик — есть лишенная молочных желез девочка. Ни то, ни другое не отражает реальности, а представляет собой всего лишь монистическую спекуляцию и попытку одно объяснить **через** другое. Мальчик — это не «не-девочка». И девочка — это не «не-мальчик». Просто они совершенно разные! Мальчик — это мальчик. А девочка — это девочка.

«Мужской» и «женский» архетипический кристаллы принципиально различаются в полюсах «женское — мужское», и данное различие положено в основу концепции о женском и мужском Путих индивидуации. И прежде чем дать этим альтернативным Путям подробную характеристику, хотелось бы остановиться на более подробном описании образно-смысловых метафор — «архетипических кристаллов», — при помощи которых удастся хотя бы в общем обозначить полисемантическое пространство движения жизни по пути внутренних трансформаций.

«Мужской архетипический кристалл» (см. рис.). Главная горизонтальная оппозиция в кристалле «Герой — Анима». **Герой** воплощается в Эго-сознании, которому противостоит женское бессознательное мужчины. Узнавая и осваивая анимальное содержание бессознательного, мужчина и в своем бессознательном восходит к мужскому — к Мудрому Старцу. Трансформации на этом Пути неизбежно сопряжены с овладением теневых аспектов бессознательного, нижняя часть кристалла — «теневая». Каждый архетип здесь имеет свою «теневую» альтернативу. Например, архетип Младенца — Пустоту, Ничто. Переживания Пустоты, как никакого другого теневого архетипа, имеет тотальный «запах» смерти. Часто в психотерапии приходится сталкиваться с «убиенными младенцами» — отмершими частями детской души, — или с «сиротами» — покинутой частью детской души, страдающей в полной пустоте. Кстати, именно из этой архетипической точки начинается развитие души в трех топологических направлениях: в движении к архетипу Героя и Царя, к Аниме и к Мудрецу (Сенексу). Каждое направление как бы загорает Тень: Героя — Дракон, божественную Аниму — негативная Анима, Сенекса — Трикстер. Встреча с тенью содержанием бессознательного требует от мужчины могучих внутренних усилий. Преодолевая Тень, Младенец трансформируется в Героя, Герой — в Царя, а Царь — в Мудреца. И на этом Пути рядом с мужчиной идет внутренняя женщина — Анима.

«Женский архетипический кристалл». Существенное различие его состоит в центральной архетипической структурной оппозиции «Красавица — Анимус». Их взаимоотношения аналогичны взаимоотношениям в архетипической паре «Герой — Анима». Красавица воплощается в Эго-сознании женщины, которому противостоит мужское бессознательное — Анимус.

Узнавая и осваивая мужскую часть своей души, женщина в бессознательном восходит к женскому — к Хтонической Матери, Харзиматической женщине. Женский путь индивидуации — это путь Красавицы (а не Героя). Ее жизненная миссия совершенно иная. Она не имеет ничего общего с темами борьбы и власти мужского героизма. Кроме того, ее тема — тема не вторая, не подчиненная, а иная. Инакость женской миссии воплощена в идее о собственном Пути Красавицы. Это путь терпения и прощения, верности и надежды, веры и любви. Путь отношений с Мужчиной-Героем, через которого она устанавливает связь с Миром. Женщине так же, как и мужчине, приходится в своей жизни преодолевать и интегрировать теневые стороны своей Души. Тень является в виде Животного, Чудовища, — в виде злой мачехи, негативной Матери, в виде ужасного мужчины, негативного

«Архетипический кристалл»: «мужской» (А) и «женский» (Б) пути индивидуации

Анимуса, и в виде Ведьмы-женщины, обладающей огромной духовной силой, но которая направлена только на разрушение. Только идя навстречу Тени, «отбирая» ее бессознательную силу и направляя эту силу на жизненное созидание, творение, женщина может раскрыть во всей полноте свои душевные силы и духовный потенциал. Из Младенца она трансформируется в Красавицу, из Красавицы — в Мать, из Матери — в одухотворенную Харизматическую женщину — мудрую, способную к глубокому пониманию вселенских тайн.

Несмотря на имеющиеся в психоаналитической литературе и в литературе по глубинной психологии частое упоминание архетипического сюжета «Красавица и Чудовище», **понятие архетипа «Красавицы»** до настоящей авторской позиции, не противопоставлялось архетипу «Героя»,

Называя мужской Путь индивидуации Путем Героя, исследователи часто не учитывали отличной от героической темы женского становления. Поэтому я и ввожу понятие **архетипа Красавицы** и описываю особенности **женского Пути индивидуации** — Пути Красавицы.

Путь Красавицы

Поскольку архетип Красавицы на пути женской индивидуации является ключевым, то и становление женщины рассматривается через ряд трансформаций, запускаемых данным архетипом. Но прежде чем перейти к их описанию, хотелось бы напомнить читателю о некоторых женских образах, тысячелетиями хранящиеся в мифах и произведениях искусства. Неслучайно.

Во всем многообразии женских мифологических и библейских историй, женских образов, можно все-таки выделить некоторые общие моменты: **идеи и уровни трансформации**. Главными **идеями** женского Пути являются: **грехопадение, жертвоприношение и любовь**. Основные **уровни трансформации** женского Пути индивидуации: девственница — жена — мать; красавица — чудовище — царица (жена); грех — рождение — смерть.

Красавица — ключевой архетип на Пути индивидуации женщины, имеющий прямое отношение к становлению и социализации ее Эго (центра сознания). Глубинные трансформации на этом Пути являются, по сути, новым уровнем интеграции бессознательного содержания в Эго-сознание. Между сознанием и бессоз-

знательным, как известно, существует жесткая и почти непроницаемая граница. Однако как утверждал К. Юнг, и как показывает психотерапевтическая практика юнгианского анализа, между сознательным и бессознательным существует тесная связь, функциональным носителем которой (фигурально выражаясь) является **Анимус** (для женщины) и Анима (для мужчины). К. Юнг называл эти архетипы «психопомпом», т.е. формой, объединяющей и канализирующей противостоящие содержания и силы сознательного и бессознательного.

Эго мужчины обладает духовной силой и героическим содержанием, которым противостоит слабая и чувственная Анима, через обращение к ресурсам которой мужчина получает возможность выхода в бесконечные пределы своего бессознательного.

Эго женщины обладает силой чувственности и душевной красотой, которым также противостоит сильный духом Анимус. Только сознательно обращаясь к ресурсам Анимуса женщине удастся интегрировать себя как целую и уникальную личность, вбирая все удивительные и неожиданные бессознательные содержания своей тонкой и чувствительной Душой.

В таблице сравнительной характеристики архетипов «Красавица — Анимус», показано, что Эго (Красавица) и Анимуса могут иметь теневое, негативное содержание воплощение. Причем, если Эго имеет воплощенный позитивный полюс архетипа, то в архетипе Анимуса развивается негативный полюс. Трансформация негативного Анимуса, т.е. интеграция его позитивного полюса, является центральной точкой в «рождении Красавицы» — интеграции таких же позитивных и негативных полюсов в архетипической форме Эго (Красавице).

В том случае, если у женщины формируется негативная Эго-идентификация («Я — не женщина», т.е. не Красавица), то архетипическое содержание Анимуса становится главным Эго-ресурсом. Такая женщина становится либо на героический путь индивидуации, либо развивается по известному сценарному сюжету «синего чулка», «старой девы» или «проститутки», что собственно, одно и то же.

Циклы, приведенные в нижней строке таблицы, соответствуют тем представлениям, которые уже существовали в юнгианском психоанализе, но для архетипов Героя и Анимы.

Анализ клиентских жизненных историй (более 200 случаев) и типических моментов индивидуации женщины (отраженных в мифах и библейских историях), дает уверенность в том, что архетип Красавицы действительно является ключевым

Таблица архетипов «Красавица — Анимус»

Архетипы	
Красавица	Анимус
Включается К. Юнгом и др. в архетипический сюжет «Красавица и Чудовище»: как самостоятельный архетип не рассматривается; авторская позиция: «Красавица» — самостоятельный архетип «женского» типа природной индивидуации (посредник между Это и Self).	Мужской архетип, противополжен полу носителя (по К.Г. Юнгу); сосуществует с Анимой в психике одного человека (по А. Самуэлсу). Обладает множественностью форм-образов.
<p>Красавица</p> <p>Боженственно прекрасна, имеет предназначение, совершает грехопадение (ошибки) и прощается. Обретает материнство (либо умирает, либо становится святой).</p>	<p>Позитивный Анимус</p> <p>Носители: феминные женщины.</p> <p>Компетентность, личностная позиция, сопричастность, чувство справедливости, влияние (внутренняя сила).</p>
<p>«Анти-Красавица» (Чудовище)</p> <p>Греховна, коварна, эгоистична, опасна, может принимать облик Красавицы и обманывать людей. Сворачивает, убивает, использует.</p>	<p>Негативный Анимус</p> <p>Носители: «Синий чулок», фаллические женщины.</p> <p>Упрямя, деспотичен, спекулятивен, враждебен, неразумен, стремится к соперничеству.</p>
«Эрос»	«Логос»
<p>Формы-Образы</p> <p>Ева, Елена («Фауст»), Психея, Афродита, Гея, Даная; Дева Мария; Магдалена; Возлюбленная (рыцарей и поэтов) — Прекрасная Дами; гетера, Фатима (дочь Мухамеда), Всесильная Мать...</p>	<p>Формы-Образы</p> <p>Геракл, Давид, Прометей, Амур, Орфей, Аполлон, Дионис, Бог-Отец, Иисус; Шварценеггер; А. Болконский, «Идиот» (князь Мышкин); Царь (Король); Ученый, Писатель (Поэт), Великий Отец...</p>
<p>I биологически-эстетический цикл: Ева;</p> <p>II романтический: Психея;</p> <p>III духовный: Мона Лиза;</p> <p>IV божественный: Дева Мария, Универсум (sapientia).</p>	<p>I биологически-эстетический цикл: Адам;</p> <p>II романтический: Одиссей;</p> <p>III духовный: Священник, Сократ;</p> <p>IV божественный: Иисус, Универсум (sapientia).</p>

в становлении женщины и не может быть «заменен» или даже соотнесен с архетипом Героя. Путь Красавицы принципиально отличен от пути Героя и является особенным, альтернативным ему.

На схеме «Топос архетипических трансформаций для женщины» показан цикл из четырех архетипических трансформаций, цикл становления полноценной женской идентичности в четырехчастной фреймовой модели (горизонтальный ракурс). На другой схеме — «Психосоциальные кризисы и архетипические трансформации» указанные архетипические трансформации на пути формирования идентичности соотнесены с кризисами психосоциального развития по Э. Эриксону. V кризис психосоциального развития по Э. Эриксону соответствует III топосу — Материнскому, который так же, как и у Эриксона, является ключевым в формировании фреймовой идентичности, т.е. своеобразным пиком, на котором сходится очень многое: юность и зрелость, социальная успешность и комплексы, полоролевая идентификация и ценностные ориентиры и т.п. В этой

Топос архетипических трансформаций для женщин (глубинный аспект)

Психосоциальные кризисы и архетипические трансформации (для женщин)

точке время может на самом деле исчисляться не десятью (с 11 до 20 лет) годами, а десятилетиями. Женщина, сумевшая интегрировать **внутри** телесно-чувственное и разумное бытие, единственная из всех получает возможность воплотить это вовне, т.е. жить не снаружи — внутрь (так положено), а **изнутри** — **наружу** (так хочется и может).

Любой момент трансформации на пути формирования идентичности женщины рассматривается как необходимый результат погружения в свое актуальное самопричинное архетипическое состояние. Внешней причиной служит взаимодействие с реальным (или воображаемым) мужчиной, со всеми присущими ему индивидуальными особенностями, в точности соответствующими актуальному состоянию и анимусному содержанию бессознательного. Внешний, социальный план является переживаемым, видимым, осознаваемым и поддающимся осмыслению в виде «истории моей жизни» (или истории «моей любви»). Именно

* * *

В пустынной храмине
 Троилась — ладаном.
 Зерном и пламенем
 На темя падала...
 В ночные клеткоты
 Вступала — ровнею.
 — Я буду крохотной
 Твоей жаровнею.
 Домашней утварью:
 Тоску раскуривать,
 Ночную скуку гнать,
 Земные руки греть!
 С груди безжалостной
 Богов — пусть сброшена!
 Любовь досталась мне
 Любая: большая!
 С такими путами!
 С такими льготами! —
 Пол-жизни? — Всю тебе!
 По локоть? — Вот она!
 За то, что требуешь,
 За то, что мучаешь,
 За то, что бедные
 Земные руки есть...
 Тщета! — Не выверить
 По амфибрахиям!
 В груди пошире лишь
 Глаза распахивай,
 Гляди: не Логосом
 Пришла, не Вечностью:
 Пустоголовостью
 Твоей щебечущей.
 К груди... — не властвовать!
 Без слов и на слово — Любить...
 Распластанной
 На небе — ласточкой!

М. Цветаева

внутренний «потаенный» план раскрывается в описании четырехчастного архетипического фрейма на Пути формирования идентичности, Пути становления женщины.

Топос первый: Младенец. Топос Младенца можно охарактеризовать как момент пробуждения Души и влечения к грезам и к неизменным разочарованиям. Принц, которого так ждет «Спящая Красавица» (читай — нерожденная Красавица), предстает в ее мечтах в сказочном, ирреальном виде. Ему приписываются несуществующие черты, «во имя меня» подвиги и, кроме того, вменяется в обязанность непременно взять меня — Младенца — на руки с тем, чтобы целеустремленно нести по жизни.

Характерное для младенческой стадии грандиозное Эго женщины, обладающее изрядной долей нарциссизма, готово только к одному: идеализировать и (вскоре) обесценить своего избранника. Все эти фантазии обычно реализуются в подростковом возрасте. Но у девочек, не имеющих отцов (или замещающих их объектов). Или имеющих негативный опыт в отношениях с отцом, они встречаются и в более зрелом возрасте. Кстати, старыми девами (в данном контексте — «девочками») становятся те женщины, которые так обижаются на нехороших мальчиков за то, что они не соответствуют их мечте, что и вовсе перестают с ними устанавливать всякие отношения, заранее предвосхищая масштабы несоответствия. Вечно обманутые и недовольные, страдающие и ленивые бесполое существа, так и не решившиеся выйти из своих фантазий.

Архетипическими особенностями данного момента становления женщины являются ирреальность в восприятии себя и мужчины, беспомощность, одиночество, нарциссизм (грандиозность), желание быть зависимой (завоеванной, поработченной и т.д.) и пассивной.

Тотальная иллюзия (**первая иллюзия любви**), которую преодолевает женщина на этом этапе, состоит в ожидании от мира в лице мужчины удовлетворения всех своих желаний (кстати, не всегда понятных самой носительнице) и неременного наличия естественных подношений и подарков, свидетельствующих о грандиозности владычицы и значимости для раба своего.

Женщины-владычицы на самом деле являются ничего не чувствующими куклами, т.к. на младенческой стадии чувственность женщины еще спит. Им доступно только одно наслаждение — это удовлетворение собственного нарциссизма. При этом у владычицы с прискорбием констатируется крайняя степень зависимости от мужского внимания и опеки.

Однако ни одну женщину невозможно представить без наличия этих младенческих черт. Только в том случае, если они как бы отсутствуют вовсе («старая дева») или преувеличены до абсурда («владычица»), приходится выносить тупиковый вердикт в развитии этого архетипа. Чаще всего опыт первой любви дает женщине возможность пройти через трансформацию от Младенца до Красавицы, и она расстается с преувеличенно узким нарциссизмом, с иллюзорным представлением о том, что она является самым дорогим и желанным подарком для мира в целом и для мужчины в частности. Вместе с тем, она приобретает чистую и простую младенческую наивность, капризность, игривость и кокетливость.

Позитивный результат трансформации на данном этапе: принятие мира как непричастного к существованию любого человека и безучастного (ни любящего, ни отвергающего) в своем отношении ко мне; принятие себя как первого лица, ответственного за свою жизнь. Архетип: **Радостный играющий Младенец, позитивный Внутренний Ребенок.**

Негативный результат трансформации: плоская нарциссическая персонификация, узкая сфера телесно-чувственного бытия, ограниченная узким эгоцентрическим индивидуальным сознанием, ожиданием от мира априорной любви, защиты и заботы, «нерожденность» женщины вообще и построение сверх

* * *

Из палатки вышла дева
 В васильковой нежной тоге,
 Подошла к воде, как кошка,
 Омочила томно ноги
 медлительным движеньем
 Тогу сбросила на гравий, —
 Я не видел в мире жеста
 Грациозней и лукавей!
 Описать ее фигуру —
 Надо б красок сорок ведер...
 Даже чайки изумились
 Форме рук ее и бедер...
 Человеку же казалось,
 Будто пьяный фавн украдкой
 Водит медленно по сердцу
 Теплой бархатной перчаткой.
 Наблюдая хладнокровно
 Сквозь камыш за этим дивом,
 Я затыгивался трубкой
 В размышлении ленивом:
 Пляж безлюден, как Сахара, —
 Для кого ж сие творенье
 Принимает в море позы
 Высочайшего давленья?
 И ответило мне солнце:
 «Ты дурак! В яру безвестном
 Мальва цвет свой раскрывает
 бескорыстием чудесным...
 В этой щедрости извечной
 Смысл божественного свитка...
 Так и девушки, мой милый,
 Грациозны от избытка».
 Я зевнул и усмехнулся...
 Так и есть: из-за палатки
 Вышел хлыщ в трико гранатном,
 Вскинул острые лопатки.
 И ему навстречу дева
 Приняла такую позу,
 Что из трубки, поперхнувшись,
 Я глотнул двойную дозу...

Саша Черный
 "Пластика"

негативной модели себя и/или мира. Архетип:
**Пустота, Негативный внутренний ребенок,
 Убиенный младенец, Кукла.**

Топос второй: Красавица. Его можно охарактеризовать как состояние пробуждения у женщины чувственности, сексуальности и душевной (внутренней) глубины. Ощущение себя Прекрасной дает возможность женщине чувствовать себя женщиной. Болезненно в этот момент переживается приспособление тела к чувственности. Женщине понадобится много времени, чтобы научиться при помощи тела получать желаемую разрядку. Мужчине при этом приписываются собственные дикие эротические фантазии (близкие к изнасилованию) и животные желания «получить от меня только одно»... Главное ожидание: «После этого ты обязан на мне жениться», которое обусловлено социальными табу, наложенными на сам акт дефлорации — инициации женщины, ведущей к браку. Бывает и так, что женщина Красавица преодолевает это социальный стереотип, выбирая возможность понять и развивать свою сексуальность за пределами брака. Если поиск сексуальной любви становится привычкой, развитие останавливается.

Женщина ищет своего Героя и остается с ним. В случае с запретом на веру в собственное очарование, что часто происходит со слишком толстыми, длинными, лопоухими, прыщавыми (и т.п.) девочками, чувственность замещается внешним фасадом социального статуса замужней женщины. Именно эти девочки стремятся во что бы то ни стало выйти

замуж. За кого-нибудь. Зачем? Секс в крошечной тьме — удел такой супруги. Ведь выбор сделан для жизни, не для любви. Ее партнер, как правило, бывает лишен всякого героизма, что лишает женщину возможности уважать и ценить его. Оба в этом случае теряют самое главное — возможность полноценного развития и обретения самооценности.

Телесную красоту и создание своего неповторимого облика многие женщины склонны считать данностью свыше. Однако за этим, как правило, стоит каждодневный душевный и физический труд и постоянное творчество: из лягушки в Василису Прекрасную. Любой трудолюбивой женщине сие доступно.

Фиксация только на этой стороне существования женской души характеризует дам с ярко выраженными истерическими чертами.

Хотя женщину без демонстративности просто невозможно себе представить.

Как в случае с преувеличенной зависимостью при застревании в первой трансформации (либо «старая дева», либо «владычица»), так и для этапа Красавицы характерны свои варианты «консервирования» самой возможности полноценной трансформации: «секс-бомба» (женщина с преувеличенно сексуализированной персоной) или, наоборот, «героиня» (не женщина — мужчина, т.е. принявшая Анимус за себя женщина). Одной неведома конечность телесных наслаждений, другой — их реальное существование. И та, и другая обречены на саморазрушение.

Поворот от тела к чувствам и подмена душевности сексуальностью ведут к разрушению других людей: мужчин и детей. Эстетически-биологическое при этом либо является всем, либо отсутствует как таковое. Если для Героя индивидуация начинается с пробуждения гордыни, толкающей его на борьбу с Драконом, то для Красавицы — с чувственного пробуждения и, ведущего к встрече с Чудовищем, к принесению себя ему в жертву. В каждом из этих символических моментов индивидуации вместе с потерей (жизни, девственности)

* * *

На вольной воле я блуждал,
и юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.
Чертог светился, а внутри
Я вдруг увидел мир иной:
Была в нем маленькая ночь,
С чудесной маленькой луной.
Иная Англия была еще неведомая мне, -
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине
Не та уж девушка со мной.
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой...

О, сладкий, непонятный страх!
 Ее улыбкой тройной я был,
 Как солнцем, освещен
 И мой блаженный поцелуй
 Был троекратно возвращен.
 Я к сокровеннейшей из трех
 Простер объятья к ней одной,
 И вдруг распался мой чертог,
 Ребенок плачет предо мной.
 Лежит он на земле,
 А мать в слезах склоняется над ним.
 И возвращаясь в мир опять,
 Я плачу, горестью томим.

У. Блейк

происходит приобретение нового качества Эго: мужественности или женственности. По мере «совершения подвигов» Герой теряет гордыню (веру в свою всеильность и всемогущество), но воцаряется над самим собой. Красавица же, пройдя путь грехопадения, воздержания и страдания, теряет невинность и чистоту, но приобретает материнство. Согласно сказке о «Красавице и Чудовище», условием того, что женщина рискует стать Красавицей, то есть пройти природный (а не «героический») путь становления, является наличие близких

эмоциональных отношений с Отцом, который «отпускает» ее в путь, а по сути дает ей возможность испытать себя в отношениях с мужчиной. Кроме того, Красавице необходимо выйти из-под власти матери, обладающей тем, чего у нее еще нет. Буквально — пережить страдания «покинутости» матерью и, быть может, отказаться от соперничества с ней, правда, ценой собственной жизни.

Вторая иллюзия любви, которую преодолевает женщина на этом этапе формирования идентичности, состоит в развенчивании твердого убеждения в том, что мужчины любят только красивых женщин и стремятся только к ее телу. Представляя первоначально мужчину в виде первобытного озабоченного насильника (чудовища), она постепенно начинает видеть и понимать в нем человека.

Не следует понимать сущность происходящих с женщиной событий (дефлорацию) на этом этапе как событий исключительно биологического свойства. Главное происходит в ее Душе. Развитие женщины в период, названный нами этапом Красавицы, не ограничивается «приспособлением» тела к пробудившейся чувственности. В этот период происходит переосмысление своего отношения к себе и к миру. Красавица понимает, что эстетически-биологическое существование не даст возможности воплотить все потенциальные ресурсы женской Души, в связи с чем необходимо отвести биологически-эстетическому уровню существования определенное место в своей жизни. И идти дальше.

Позитивный результат трансформации: полноценное и глубокое телесно-чувственное бытие (вектор — от чувств к телу), осознание и принятие сексуальности (сексуальность против страха и контроля), которая встраивается элементом

в общий топос Души (душевность, определяющая сексуальность). Архетип: **Красавица, Прекрасная Дама**, излучающая добро.

Негативный результат трансформации:

Архетип: **Героиня, Чудовище**. Героическая женщина, лишённая сексуальности, соперничающая с мужчинами и ненавидящая женщин. Агрессивность, сексуальность и карьеризм составляют главные отличительные особенности данной негативной трансформации. Около нее царит разруха и конфликты — ничто рядом с ней не способно к созиданию.

Роль этапа освоения архетипа Красавицы в становлении женщины трудно переоценить. Особенное значение этот этап имеет для русской женщины, ориентированной социо-культурными нормами и ценностями на «героический» Путь. Процесс индивидуации женщины, сопряжен с освоением архетипа Анимуса, проецирующегося на близкое окружение и направляющего поиск партнера.

Топос третий: Мать. Хотелось бы подчеркнуть, что не следует рассматривать 4-этапный цикл как цепь взаимопереходов. Каждый момент трансформации имеет свое непоследовательное, независимое от других, предназначение. Также не следует думать, что негативными матерями становятся только женщины, пришедшие к этому от негативных решений развития идентичности на предыдущих этапах. Опасность стать негативной матерью существует у любой женщины, благополучно прошедшей младенческий и чувственный этапы. В топосе женской души каждое архетипическое пространство требует иного — особого усилия в своем воплощении. Негативная Мать и позитивная Мать (как Младенец и Кукла, Красавица и Чудовище) — две стороны одного архетипа, одна из которых — тeneвая. Переживание в себе черт негативной матери и их интеграция является по сути такой же задачей развития женщины, как и принятие одиночества на этапе младенчества и примирение с отвратительным и безобразным на этапе Красавицы.

* * *

В быстро сдернутых перчатках
Сохранился оттиск рук,
Черный креп в негибких складках
Очертил на плитах круг.
В тихой мгле исповедален
Робкий шепот, чья-то речь,
Строгий профиль мой печален
От лучей дрожащих свеч.
Я смотрю игру мерцаний
По чекану медных бронз
И не слышу увещаний,
Что мне шепчет старый ксендз.
Поправляя гребень в косах,
Я слежу мои мечты, —
Все грехи в его вопросах
Так наивны и просты.
Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха, -
Но так сладостно сознание
Первородного греха.

Черубина де Габриак
«Исповедь»

* * *

Отчего не бросалась, Марьюшка, в реку ты.
 Отчего ж не замолкла навсегда ты.
 Как забрали милого в рекруты, в рекруты.
 Как ушел твой суженый во солдаты.
 Я слезами горькими горницу вымою.
 И на годы долгие дверь закрою.
 Наклонюсь над озером ивою, ивою,
 Высмотрю, как в зеркале, — что с тобою.
 Травушка-муравушка сочная, мятная,
 Без тебя ломается, ветры дуют.
 Долюшка солдатская ратная, ратная.
 Что, как пуля грудь твою не минует?
 Тропочку глубокую протопчу по полю,
 И венюк свой свадебный впрок совью,
 Дивну косу девичью — до полу, до полу—
 Сберегу для милого с проседью.
 Вот возьмут кольцо мое с белого блюдица,
 Хоровод завертится, — грустно в нем,
 Пусть мое гадание сбудется, сбудется,
 Пусть вернется суженый вешним днем.
 Пой, как прежде весело, идучи к дому ты,
 Тихим словом ласковым утешай.
 А житье невестино — омуты, омуты...
 Поджидает Марьюшка, поспешай.

В. Высоцкий
 «Плач Марии»

то ненавижу». Невротическая мамаша мечется из крайности в крайность — от сверхпозитивной добропорядочности к сверхнегативной карающей обвинительницы во всех грехах. Следует отличать «размах» расщепления от обычного колебания чувств и дистанции с миром нормального человека, который склонен время от времени «уходить в себя» — ненадолго и без особого ущерба для психики здорового окружения.

«Шизофреническая мать» (с горизонтальным расщеплением) выражает ребенку и партнеру те же амбивалентные чувства что и невротическая, но в двойном послании, т.е. одновременно. По каждому из каналов коммуникации идет свое сообщение, каждое из которых является прямой альтернативой другому: говорит «люблю», а руками отталкивает.

Данный момент трансформации связан не столько с самим фактом становления биологической матери, сколько с проявлением истинно материнских свойств женской души: дарения, заботы, тепла, принятия. Не менее часто на этом этапе проявляются свойства негативной матери — отрицающей (убивающей), холодной, отвергающей, — рожденной ненавидеть детей. Негативная мать, так же как и Убиенный Младенец, Героиня и Чудовище, является тупиковым моментом в развитии идентичности женщины.

Типичное вертикальное расщепление, характерное для женщин, отрицающих у себя наличие негативных черт (а потому неосознанно их демонстрирующих), в психотерапевтической литературе называется «невротической матерью», относящейся к ближним по принципу «то люблю,

На данном этапе формирования идентичности выполняется то же правило, что и на всех предыдущих:

- путь к радостному и играющему Младенцу проходит через воскрешение убиенного Младенца;
- к Прекрасной Даме — через узнавание и принятие своего Чудовища;
- к позитивной Матери — через узнавание и принятие негативной Матери.

В результате освоения теневых полюсов архетипических форм женщина становится способной к естественной материнской любви, единственно необходимой для последующего прорастания зерна самоценности и человечности в ее детях. В Библии сказано: «по плодам их узнаете их». Первейший плод от брака двух любящих — ребенок. Женщина, не сумевшая стать биологической матерью, может не менее полноценно прожить

данную трансформацию Роли социальной матери. В этом случае ее ожидания связаны с инобытием своей личности в личности ребенка, и со своего рода продолжением ее жизни в нем (в его сознании, ценностях, трансформациях). Хотя, конечно, глубокое чувство истинного материнства женщина может прожить только становясь и являясь матерью своих родных детей, рожденных от любимого мужчины.

Третья иллюзия любви, которую преодолевает и за пределы которой выходит зрелая женщина, состоит в понимании того, что материнская любовь не заменит любовь к мужчине, и что материнская любовь — не единственный удел женского существования. Такая женщина не будет «посвящать свою жизнь детям», буквально насилуя их своей «любовью», а при достижении детьми необходимой психологической автономии, создаст им условия для приобретения автономии социальной. Сама тем

* * *

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний и вопль паровоза,
И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто пришел к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?
А в ответ в паутином углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

А. Ахматова
«Мартовская элегия»

временем (не потеряв очарования своего облика) найдет для себя возможность дальнейшего развития.

Бытовое рабство в российских семьях часто создает серьезные препятствия для этого. Но русская женщина чрезвычайно толерантна к депрессиям и упадническим настроениям, поскольку для нее существует прежде всего реальность. Она — мечтательна, выживающая в невероятно трудных условиях, что позволяет ей идти дальше. Обычно — и с мужчиной, и с детьми, но без всяких прав.

Основной **позитивный результат этапа**: обретение витальности бытия, жизнеутверждающего существования. Архетип: **Великая Мать**.

Негативная трансформация происходит по пути негативной Матери.

Топос четвертый: Харизматическая женщина, Хтоническая Мать. Данный момент трансформации связан с выходом женщины на иной — духовный — уровень существования. Однако цифра «4» не означает, что этот этап наступает после прохождения первых трех. Рассматриваемая модель архетипических трансформаций имеет скорее структуру свободного фрейма, в каждом из четырех топосов которого могут одновременно происходить независимые события. Последовательность трансформаций отражает логику сознания, в которой невозможно их представить как одновременные.

К. Юнг ввел архетип Хтонической Матери по аналогии с архетипом Мудрого Старца. Однако словосочетание «мудрая старуха» не вызывает у женщины никаких позитивных откликов. Видимо, поэтому Юнг обратился к мифологии и считал возможным дать такое название духовному аспекту архетипической трансформации у женщины.

* * *

Помнишь ли ты, Барбара,
Как над городом дождь шел с утра,
А ты, такая красивая,
Промокшая и счастливая,
Ты куда-то спешила в тот день, Барбара?
Бесконечный дождь шел с утра,
И когда мы случайно с тобой повстречались,
Улыбалась ты, улыбнулся невольно и я,
И хотя мы не знали друг друга,
Ты все-таки вспомни,
Вспомни тот день, Барбара.

Харизмой называют внутренний источник света, источник духовной силы, направленный на созидание, объединение, рост и развитие. Харизматическая личность — явление гораздо более редкое, чем явление Матери и Красавицы. Женской Душе необходимо много потрудиться, чтобы ощутить ни с чем не сравнимое удовольствие стремительного

взлета и невыразимого покоя в гармонии бытия. Для достижения этого совершенного состояния женщине придется достаточно страдать и преодолеть все эти страдания. Если ей удастся выйти из них живой — внутренний источник будет найден. Если она потеряет веру, надежду и любовь — она будет обречена быть настоящей Ведьмой (теневая сторона архетипа Хтонической Матери).

В полном соответствии с мифологическими представлениями. Ведьма прекрасна только днем (в Персоне, в самосознании), ночью (в Тени, в бессознательном) — она отвратительна и безобразна. Типаж такой женщины в кинематографе был блестяще воплощен Шэрон Стоун.

Страшно, если огромный потенциал, данный женщине, станет силой зла и орудием убийства. Но не следует думать, что этой опасности можно избежать, уходя от тьмы и поворачиваясь к свету. С каждой трансформацией сила теневой части бессознательного становится больше предыдущей, и необходимы еще большие усилия для того, чтобы удержать источник жизни и света в своих руках. Талантливая и одаренная женщина, прошедшая долгий Путь, но упустившая знание Ведьмы в себе, скорее всего будет ею в жизни. Идущая навстречу ведьме развивающаяся женщина и противостоящая ей, скорее всего обретет всю ее мощь и трансформирует ее при помощи создающей силы Духа.

Достижение идентичности, соответствующей топосу Харизматической женщины и Хтонической Матери, открывает перед ней свободу творчества и собственного Пути. С одной стороны, это сулит полноценное воплощение всех

Вспомни: под навесом кто-то тебя ожидал,
И он крикнул тебе: — Барбара! —
А ты, такая красивая,
Промокшая и счастливая,
Ты к нему под дождем побежала,
И он обнял тебя, Барбара.
Не сердись, Барбара, если я говорю тебе «ты»:
К тем, кого я люблю,
Я всегда на «ты» обращаюсь;
Тем, кто любит друг друга,
Я тоже «ты» говорю,
И хоть с ними совсем незнаком,
Я приветливо им улыбаюсь.
Помнишь ли ты, Барбара,
Этот год счастливый и мирный,
Эти капли дождя на лице,
На счастливом лице твоём,
Помнишь ласковый дождь,
Что над городом лился с утра,...
О, Барбара! Где теперь ты?
Где теперь человек,
Что тогда под навесом тебя ожидал, —
Тот, чьи руки так страстно
Тебя обнимали?
О, Барбара! Дождь над городом
Льет без конца.

Жак Превьер
«Барбара»

ресурсов Эго, но с другой — предъявляет и все большие требования в каждом последующем — всегда чуть больше усилий. Именно Харизматической женщине удается раскрыть внутренний потенциал, из которого вырастают инобытийные формы ее существования за пределами пространственно-временной протяженности ее жизни.

Четвертая иллюзия, которую преодолевает женщина на этом этапе трансформации, состоит в том, что она начинает понимать, что ее воистину безграничные возможности имеют пределы, а ее уникальность не дает права презрительного отношения к ленивым и бездействующим. Ощущение своей невероятной силы искушает: «мне — дано!». Из чего, однако, не следует, что я, в связи с этим, имею право на исключительность и избранность. Напротив — мой крест гораздо тяжелее многих.

Позитивный исход: самоценное автономное духовное бытие. Архетип: **Харизматическая женщина, Хтоническая Мать, Кассандра.**

Негативный исход: отчаянье и разрушение. Архетип: **Ведьма.**

Данный момент трансформации является моментом духовного преображения, в результате которого человек постигает само наличие в себе источника духовной силы, становится способным создавать условия для духовного развития других людей и естественным образом создает духовные продукты в процессе своей жизни — продукты инобытия своего Духа. Воля к недеянию (терпение) и воля к действию (борьба, преодоление) составляют суть духовных явлений на предыдущих уровнях. Причем, женщине свойственно проявлять свойства Духа в способности к всепоглощающему терпению и прощению. Мужчина воплощает волю к преодолению, женщина — терпение и способность к ожиданию.

Путь Героя

Хотелось бы подчеркнуть, что суть идеи существования особого архетипа «Красавицы» состоит не в противопоставлении двух путей индивидуации, соответствующих женской и мужской природе, а, скорее, в открытии «Единого Пути», **объединяющего** спутников, через установление явных **различий** между ними.

К. Юнг признавал, что женский путь индивидуации все еще представляется туманным и загадочным, чем-то вроде лабиринта по сравнению с ясным, прямым и напористым путем индивидуации мужчины, подобным полету выпущенной из лука стрелы.

О пути Героя много писалось в аналитической психологии и психотерапевтической литературе. В настоящее время стало понятно, что путь Героя — таковой, каким он описан, — может быть пройденным только мужчиной. Для женщины этот путь становится крайне опасным и разрушительным. Героическая женщина — это маскулинная женщина, т.е. женщина, перепутавшая гендер и потерявшая чувственность. Равно как и Красавец — феминный мужчина, так и не отважившийся «биться не на жизнь, а на смерть», неверящий в свою силу и не сумевший отделиться от своей матери.

Для женщины личностные трансформации определяются прежде всего отношениями с мужчиной, а формирование идентичности мужчины происходит под влиянием противостояния между «Я» и «Миром». Причем, Мир не столько в любимой женщине, сколько во всей Вселенной в целом. Мужчина, в отличие от женщины, выходит с оружием на границу столкновения и примирения с Миром. Ему важно победить — стать Героем. Для женщины же очевидным и реальным является только тот мир, в котором существуют Он, Она и дети. Вселенная женщину обычно не волнует.

Итак, «героическая» тема является главной темой на пути становления мужчины. На пути формирования мужской идентичности, на пути Героя, различаются следующие этапы: Младенца, Героя, Отца и Мудрого Старца (Мана-личности) (см. рис. «Топос архетипических трансформаций для мужчин» и «Психосоциальные кризисы и архетипические трансформации»). Первый и четвертый топосы в четырехчастной фреймовой структуре идентичности имеют много схожего с соответствующими этапами становления женщины, а третий и второй топосы — принципиально различаются.

Топос Первый: Младенец. Мужчина, пребывающий в младенческом состоянии Души, ищет женщину-Мать, которая не только должна относиться к нему по-матерински, но и должна быть старше его. Он готов быть ее невольником, но сам при этом ведет себя как настоящий младенец, требующий тепла, пищи, воды и любви. Женщина на этом этапе трансформации представляется

* * *

В середине сентября погода
Переменчива и холодна,
Небо, точно занавес. Природа
Театральной нежности полна.

Каждый камень, каждая былинка,
 Что раскачиваются едва,
 Словно персонажи Метерлинка
 Произносят странные слова:
 — Я люблю и умираю...
 — Погляди, душа как воск, как дым
 — Скоро к голубому раю
 — Лебедями полетим.
 Осенью, когда туманны взоры,
 Путаница в мыслях, в сердцах лед,
 Сладко слушать эти разговоры,
 Глядя в прозелень стоячих вод.
 С чуть заметным головокруженьем
 Проходить по желтому ковру,
 Зажигать рассеянным движеньем
 Папиросу на ветру.

Георгий Иванов

присваивает. Застревание на этой стадии дает «тупиковые» типы развития: «Мамынькиного сынка» (Пигмалиона) и «Синюю бороду».

В каждом мужчине есть немного младенческих черт, позволяющих ему время от времени быть слабым, требующим заботы и тепла материнского отношения от женщины (Вечный юноша).

Позитивный исход трансформации: принятие своего одиночества в этом мире и выход из родительского дома — странствовать в бесконечном поиске себя и смысла жизни. Архетип: **Радостный, играющий Младенец, позитивный Внутренний Ребенок.**

Негативный исход: вечная привязанность к женщине-матери, саморазрушение. Архетип: **Пуэр, Пустота, негативный Внутренний Ребенок, Убиенный Младенец, Робот.**

Топос Второй: Герой. В этот момент трансформации мужчина обретает силу физическую и силу интеллектуальную, основанную прежде всего на навыках преодоления — главным, в чем отличается психологическая топология пути мужчины от пути женщины. Этот Путь полно описан в параграфе «Мифы и бессознательное» в I части монографии. Поэтому здесь я приведу только отличительные черты становления четырехчастной фреймовой идентичности у мужчин.

Героическая мифология хранит много примеров путей Героев. Их можно условно развести на две группы: пути, которые ведут к победе, успеху, наградам

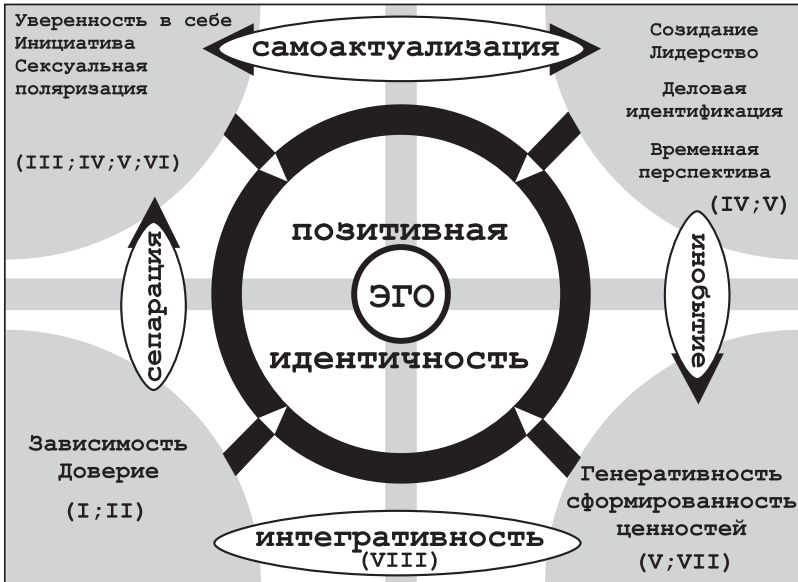
ему чем-то вроде идола, в круг которого следует стоять коленопреклоненным. Она кажется ему непорочной и наивной, независимо от того, как она себя ведет на самом деле.

Так, князь Мышкин в своей любви к Настасье Филипповне во многом проявляет типичные младенческие черты.

Весь во власти своих иллюзий, младенец не в состоянии увидеть реальность, однако, устами младенца... В этом состоянии эгоцентризм мужчины проявляется в виде интроекции — нарциссического расширения — в виде той женщины, которую он себе

Топос архетипических трансформаций для мужчин (глубинный аспект)

Психосоциальные кризисы и архетипические трансформации (для мужчин)

* * *

О моя дорогая,
 Моя несравненная леди,
 Ледокол мой печален
 И штурман мой смотрит на юг,
 И, представьте себе,
 Что звезда из созвездия Лебедь
 Непосредственно в медную
 Форточку смотрит мою,
 Непосредственно в эту же
 Форточку ветер влетает,
 Называвшийся в разных
 Местах то муссон, то пассат
 Он влетает и с явной
 Усмешкою письма листает,
 Не отправленные,
 Потому что пропал адресат.
 Где же, детка моя,
 Я тебя проморгал и не понял,
 Где, подружка моя,
 Разошелся с тобой на пути,
 Где, гитарой брэнча,
 Прошагал мимо тихих симфоний,
 Полагая, что эти концерты еще впереди?
 И беспечно я лил
 На баранину соус ткемали,
 И картинки смотрел
 По утрам на обоях чужих,
 И меня принимали,
 Которые не понимали,
 И считали, что счастье
 Является качеством лжи.
 Одиночество шлялось за мной,
 И в волнистых витринах
 Отражалось печальной фигурой
 В потертом плаще,
 За фигурой по мокрым
 Асфальтам катились машины,
 Абсолютно пустые,
 Без всяких шоферов вообще.
 И в пустынных вагонах
 Метро я летел через горы,
 И в безлюдных портах

(позитивные) и пути, которые ведут к гибели (негативные). Общими мотивами позитивного пути развития (Геракл, Гермес, Аполлон, Одиссей, Персей и др.) являются:

- «битва с Драконом» — развитие физической мощи, способной убивать чудовищ и победа над ними;
- «дружба» — обретение друзей-союзников, помогающих Герою в борьбе за свое восхождение;
- «любовь» — встреча с избранницей (Красавицей); «спасение, воскрешение» — получение опыта предательства, обмана и др. испытаний (как в отношениях с мужчинами, так и с женщинами);
- «завоевание» — развитие интеллектуальной силы, позволяющей завоевывать мир;
- «царствование» — свадьба, восшествие на царский трон; «обожествление» — снискание божественной помощи (на протяжении всего Пути) и божественное посвящение.

На позитивном Пути происходит рождение (и/или возрождение) Героя, а затем становление его героических волевых качеств. Мотивы героического Пути — социальные, но они содержат в себе те или иные аспекты индивидуации мужчины, невозможной без

интеграции архетипов Тени, Анимы, Мудреца (Сенекса) и освоения Self-ресурсов.

Негативный путь ведет к гибели Героя. И если для становления Героя архетипическое направление Пути — одно-единственное, то для гибели Героя возможностей представляется великое множество. Вот некоторые из них:

- гибель от одиночества, нарциссизма и гордыни (Нарцисс, Беллеро-фонт);
- гибель от предательства (Тесей);
- гибель от любви (Орфей, Озирис);
- проклятие вечных мучений от собственного коварства и изворотливости и т.д. (Сизиф).

Естественной, как и сама жизнь, является гибель Героя, являя собой центральную архетипическую тему «смерти-возрождения». На Пути формирования героического Эго-сознания встречается целый ряд самых различных «смертей». Умирая, Герой расстается с собой прежним и присваивает новое содержание бессознательного, с которым ему открываются иные перспективы Пути.

Позитивный исход трансформации на данном этапе соответствует воплощению мотива позитивного Пути Героя и ведет к обретению мужчиной высокой социальной значимости, формированию сильного Эго. Архетип: **Герой**.

Негативный исход можно констатировать в тех случаях, когда становится невозможным, в силу внутренних причин, прорыв к воплощению сильного Эго. Формируется слабое Эго, которое может иметь одну или несколько слабых сторон:

- неспособность к различению границ между собой и миром («мир — это Я»);
- отсутствие воли к физической борьбе, агрессии («Я — умник»);
- отсутствие воли к интеллектуальной деятельности, фаллическая завороченность («Я — сексуальный гигант»);
- отсутствие самокритики (сверх-мужчина, «Вы — мои тени»);
- перевернутая (феминная) полоролевая идентификация.

Провожал и встречал сам себя.
И водили со мной
Хороводы одни непогоды,
И все было на этой
Земле без тебя, без тебя.
Кто-то рядом ходил и чего-то
Бубнил — я не слышал,
Телевизор мне тыкал
Красавиц в лицо — я ослеп,
И, надеясь на старого
Друга и горные лыжи,
Я пока пребываю
На этой пустынной земле.
О, моя дорогая,
Моя несравненная леди,
Ледокол мой буксует во льдах,
Выбиваясь из сил,
Золотая подружка моя
Из созвездия Лебедь,
Не забудь, упади, обнадеть,
Догадайся, спаси.

Ю. Визбор

* * *

По-осеннему деревья належке,
 Фиолетовые пятна на реке,
 Керосиновые пятна на воде,
 Ты сказала мне тихонько:
 «Быть беде...».

Я позабыл твое лицо,
 Я пьян был к полдню,
 Я подарил твое кольцо,
 Кому — не помню,
 Из шутовства,
 Из хвастовства в то балаганье
 Я бросил все твои слова на поруганье,
 Качалась пьяная мотня
 Вокруг прибойно,
 И ты спросила у меня:
 «Тебе не больно?»

Не поймешь, не то январь,
 Не то апрель,
 Не поймешь, не то метель,
 Не то капель.

На реке — не ледостав, не ледоход,
 Старый год, а ты сказала
 — новый год,
 Их век выносит не гора,
 — и — марш по свету,
 Одно отличие
 — номера, другого нету,
 О, этот серый частокол
 — двадцатый опус,
 Где каждый день, как протокол,
 А ночь — как обыск,
 Где все зазря, и все не то,
 И все — не прочно,
 Который час, и то никто не знает точно.
 Лишь неизменен
 Календарь в приметах века —
 Ночная улица, фонарь, канал, аптека...
 В этот вечер, не сумевший стать зимой,
 Мы дороги не нашли к себе домой,
 Я спросил тебя: «А может все не зря?»
 Ты ответила старинным: «Быть нельзя».

А. Галич
 «Новый год»

Архетип: **Красавец, Гений (сверх-человек), Дракон.**

Топос третий: Царь. Основной характерной особенностью данного момента трансформации является своего рода «мессиянство» мужчины при наличии ответственной жизненной позиции. Мужчина «царит» и «правит» миром. Биологическое отцовство при этом не играет такой большой роли, как материнство у женщины. Самый важный момент в биологическом отцовстве — это рождение, воспитание, посвящение сына. В нем мужчина видит свое продолжение и продолжение своего Пути. Сыну же предстоит выдержать тяжелую борьбу со своим Отцом, прежде чем Отец согласится передать ему царственный жезл (phallos) власти (воли) к «Я» и к «Миру». Социальное отцовство воплощается во влиятельности, способности **влиять** через «сыновей» на социальные процессы, как если бы царствование было бы реальностью для любого современного мужчины. Царь правит той частью мира, которая была завоевана Героем. Царь владеет той женщиной, которую получил в награду за свои подвиги Герой.

Другими словами, Царь воплощает себя своей волей в этом мире, поддерживаемый и одобряемый своей «паствой». Воплощенное лидерство мужчины составляет суть этой транс-

формации. Подлинный позитивный лидер не конкурирует — побеждает, т.к. он уверен в своей силе и своем успехе.

Негативное отцовство (лидерство) в отношении к другим мужчинам и к сыну проявляется в виде прямого их подавления или избегания борьбы из-за постоянного внутреннего страха оказаться побежденным и низвергнутым. На самом деле такой мужчина сам однажды оказался побежденным и не смог «возродиться» вновь. Он — не победитель, а струсивший воин, убежавший с поля битвы. В присутствии женщин такой «Герой» не прочь прихватить о своих несуществующих победах и завоеваниях. Мужчинами-Героями он обычно отвергаем, поэтому комфортнее он чувствует себя в окружении женщин. Как правило, у негативных мужчин доминантные негативные матери, а отцы — «маменькины сынки», безжизненные и слабые симбиотики.

Позитивный исход трансформации: интеграция физической и духовной силы. Архетип: **Царь, Великий Отец.**

Негативный исход: негативное отцовство. Архетип: **Эдип** (да простит нам эту аналогию дедушка Фрейд. Именно Эдип).

Топос Четвертый: Мудрый Старец, Мана-личность, Сенекс. Название трансформации «мана-личность» был заимствован у К. Юнга, который, в свою

* * *

Ничего ты не понял.
 Если нужны тебе поезда,
 Чтобы где-то арканить удачу,
 И нужен белый корабль,
 Чтобы в дальние страны лететь
 На поиски ясного солнца,
 О котором душа твоя плачет,
 На поиски песни счастливой,
 Которую мог бы ты спеть,
 Тогда...
 Если нужен тебе рассвет,
 Чтобы в завтра снова поверить
 И завтрашний нужен день,
 Чтобы он тебе придал сил,
 И вернул тебе вновь надежду,
 Странную эту потерю,
 И верную руку вернул,
 Которую ты упустил,
 Тогда...
 Если нужны тебе речи,
 Произносимые стариками,
 Чтобы в них найти оправданье
 всем отреченьям твоим,
 И для тебя поэзия стала игрой словами,
 И вся твоя жизнь отныне
 Стала стареньем сплошным,
 Тогда...
 Если нужна тебе скука,
 Чтобы делать умную мину,
 И нужен гул городов,
 Чтоб совести голос глушить,
 И нужны тебе мелкие слабости,
 Чтобы казаться милым,
 А также приступы гнева,
 Чтобы твердым и сильным слыть,
 Тогда...
 Тогда ничего ты не понял.

Жак Брель
 «Если нужны тебе»

очередь, использовал этот термин для обозначения загадочного явления интеграции биполярных парциональных личностей: дикаря и Бога. «Мана» — притягивающий автономный центр бессознательного, обладающий универсальной ценностью (великой истиной и великой любовью). Другими словами, это и есть то, что называют «Богом внутри нас». Юнгом и пост-юнгианцами показано, что глубинная психотерапия и осмысление пути индивидуации ведут к постоянному возрастанию объема бессознательного материала. Только трансцендентная сила «Мана»-центра способна удержать и интегрировать этот могучий объем. И только миг достижения этого центра дает человеку в своем бесконечном приближении чувство и понимание своей целостности и гармонии существования.

Юнг называл также этот архетип Мудрым Старцем (Мудрецом) или Сенексом. Мудрец является человеку в особо тяжелые минуты жизни и открывает дальнейший путь. Мудрец обладает самой сокровенной и священной тайной мироздания, которая дает мужчине ощущение внутренней и внешней гармонии, примиряет с несовершенством и способствует дальнейшему духовному развитию.

Трикстер (плут, мошенник), как уже было сказано, — это архетип, введенный Юнгом для обозначения очень человеческой, но предельно хитрой и злоумышленной теневой формы личности. Трикстер появляется тогда, когда мужчина совершает внутренний прорыв к духовной трансформации. Трикстер может ввести своего хозяина в заблуждение, поменять местами белое и черное, занять место Эго. Осознание личного Трикстера лишает его власти над Эго-сознанием и ведет к духовной трансформации.

Позитивный исход: самоценное автономное духовное бытие, гармония с Миром. Архетип: **Мудрый Старец, Сенекс, Мана-личность.**

Негативный исход: война с миром, планомерное уничтожение Мира с целью оправдать свое существование и заставить Мир признать себя. **Архетип: Трикстер.**

В самом печальном случае место Эго занимает Великая Тень — Трикстер, и тогда Царь и Герой превращается в злого Гения, разрушающего все вокруг себя, ибо только ценой этого разрушения он может обрести ощущение собственной целостности. При таком исходе чрезвычайно велика опасность развития психозов.

Таким образом, формирование четырехчастной фреймовой структуры идентичности по женскому или мужскому типу сводимо к четырем основным трансформациям:

- сепарации или отделения от мира;

- инициации (чувственной или героической);
- бытию в мире (матерью — в мире отношений, или царем — в борьбе за завоевание мира);
- инобытию Автора (поименованному им следу).

Результатом движения логоса мужского сознания навстречу Эросу своего бессознательного и его интеграция в Эго-сознание является формирование маскулинного интрапсихического ядра идентичности, окруженного феминной осознаваемой чувственностью. Подобным же образом результат движения Эроса женского сознания навстречу Логосу своего бессознательного и его интеграция — это формирование феминного интрапсихического ядра идентичности, окруженного маскулинной осознаваемой интеллектуальностью. В некотором смысле полноценная зрелая личность со сформированной полоролевой идентичностью может быть названа **унисексуальной**, т.е. личностью, которая овладела ресурсами спрятанного в бессознательное Эросом или Логосом.

Пол (в некотором роде) может иметь только человеческая Душа, дух же не имеет пола. Духовное развитие и духовный потенциал, раскрывающийся на пути индивидуации личности, в таинственный момент жизни вступает в «священный брак» с Природой, а их носитель вступает на «Единый Путь» индивидуации. Дух и Природа, Логос и Эрос, Разум и Чувства — качества, которые встречают друг друга в мужчине и женщине. Благодаря этой встрече вовне противоположности обретают возможность встретиться и внутри. И первым этапом, который проходит каждый из них, является **путь различий** (то есть освоения собственной природы). Вторым — **единый путь** (то есть **путь интеграции** противоположных свойств организации) развития Духа.

Обретение самоценности

Полноценная жизнь человека неизбежно приводит его к принятию себя, к чувству собственной целостности и к наделению своего существования особой ценностью — самоценностью. Ценностью БЫТЬ собой уникальным, имея осознанную потребность быть только собой и быть готовым совершать усилие, обретая себя в подлинном бытии. Альтернатива самоценности одна — потеря себя, небытие. Обычно в тот момент, когда человек теряет себя, он и приходит к

психотерапевту. Причины потери самооценности, в зависимости от актуального момента становления идентичности, могут быть самые разные, но все до одной — внутреннего интрапсихического происхождения.

Инфантильные причины потери самооценности всегда возникают при нарушении сепарации (младенческий топос):

- эгоцентризм и нарциссизм, ведущие к неспособности рефлексировать границы и возможности Эго и к неумению воспринимать мир (другого человека) отдельно от себя;
- демонстративность в ожидании любви и восхищения от мира (других людей), уверенность в существовании априорной человеческой любви; наделение своими ожиданиями мира и ближайшего окружения;
- стремление к зависимости и слиянию, возрастание тревоги при невозможности «зацепиться» (или «зацепить») кого-нибудь;
- блокада базовых аффектов (удовольствия — неудовольствия), ведущая к эмоциональной незрелости, либо к полной неспособности прямого и полноценного выражения своих чувств, к спонтанной экспрессии базовых (примитивных, диких) аффектов.

Ценность Эго при его высоком инфантилизме всегда зависит от кого-то другого. Так же всегда присутствует стремление «влиться» в некую группу людей — стать «частью одного целого», т.е. либо наделить собой их, либо наделить себя ими. Одно только «Мы» существует при нарушении границ Эго. При сформированности границ обязательно существует «И»: «Я» И «Ты», «Я» И «Мир» — но не «Мы вместе с миром». Единственное исключение, пожалуй, составляет подразумеваемое персональное «Мы» — например, это Вадик и Марина. Только в этом случае «Мы» является третьим, объединяющим первые две сущности, сверхсуммативным целым.

Полороловая дифференциация и индивидуация: причины потери самооценности (топосы Героя и Красавицы). При формировании природной идентичности потеря самооценности происходит, если человек:

- принимает путь индивидуации противоположного пола за более совершенный и более подходящий с последующим превращением в Героических Женщин и Красавцев-Мужчин;
- отказывается от принятия роли и сущности индивидуации, определяемых половой принадлежностью с последующим превращением в бесполох

существ (травести, дурнушек, вечных юношей — Пуэров, Пигмалионов, синих чулков);

- гиперболизирует в Персоне природные особенности, свойственные мужчинам или женщинам; создает супер-Персону (Красавицу, сверх-Героя), защищающую, как правило, собой ничтожное и слабое Эго.

Удивительно, насколько комплементарны друг другу эти типажи: Героическая женщина — Пуэр; Красавец — дурнушка; сверх-Герой — травести; супер-Красавица — Пигмалион, синий чулок — Синяя Борода.

Возможно, у некоторых читателей, искусственных психологическими знаниями, может возникнуть желание добавить к рассматриваемому в этой книге **интра**-психическому измерению (природно-душевно-духовному) «недостающий» внешний, интериоризированный социальный элемент. Очень хочется еще раз **подчеркнуть**, что в рассматриваемой интегративной психотерапевтической модели выстраивается внутренний самопричинный аспект личностных трансформаций не **вне** связи с внешним — социальным окружением, но плюс к нему как **«недостающий»** план к давно известной и осознанной наукой пресловутой социальной внешней причинности. Я не считаю необходимым останавливаться на втором плане (социальном) представленных в индивидуальном сознании межличностных отношениях, который является продолжением первого — плана тайнописи архетипических невидимых чернил, по **которому и в полном соответствии с которым** осуществляется переживание и понимание реально существующих отношений, в результате чего они наделяются особым, чрезвычайно субъективным смыслом. Их социальная причина — всего лишь повод.

Духовные причины потери самооценности. Человек, отказывающийся от жизни, от страданий (или радости), от усилий (и т.д.) теряет прежде всего самого себя. На что он себя обрекает при этом? Вот далеко не полный перечень:

- при отказе от принятия реальности одиночества «Я» в мире и ответственности за свое существование — на поглощенность переживанием трагизма существования;
- при неспособности к соединению смысловых крайностей (к дуалистическому разведению и диалектическому единству) — на застревание в монистическом сознании и «половинчатость» самовосприятия и видения мира, по принципу «либо-либо»;

- при вере в неизменность и стабильность существования — на неготовность к потерям, на неспособность к приобретению, на невозможность «узнать Бога при встрече»;
- при приверженности к не-своим — чежеродным стереотипным объяснениям происходящего (например, к таким социальным стереотипам, как: «человек, у которого все в порядке», «семейное счастье» или «вообще — счастье», «любовь», «красота» и т.д.) — на медленное умирание своей индивидуальности.

Когда человек с душевным надломом рассказывает о счастье, о любви, всегда можно спросить его: «Кто говорит эти слова на самом деле?». И если окажется, что это слова очень близкого человека или объяснение яркого жизненного впечатления — о **другом** счастье и **другой** любви, то это как раз то, о чем говорится здесь. Эта извечная невротическая ориентация **на другое** (не мое) обесценивает то, чем обладает сам ценитель. Он всегда, в связи с этим, хочет видеть то, другое, чего у него нет, а не то, что он имеет, непохожее на то, чего ему так ожидалось увидеть, но оказалось недоступным его зачарованному иллюзией взгляду.

...Что такое счастье? Это пустота. Пустота, которую каждый человек наполняет вечно... Был бы открыт источник...

* * *

Клиентские жизненные истории

Пылкий бред привязанности
или горькое уныние отвергнутости.

Дж. Джойс

Младенческий топос

Большинство клиентских случаев по своей основной теме — «младенческие».

Клиентка С. — 33 года, не замужем, с низким уровнем социальных притязаний — хотела, но не смогла получить высшего образования. Живет с матерью и отчимом, отец умер, когда ей было 8 лет. Клиентка помнит отца довольно плохо, т.к. он ей никогда не интересовался, пил. Жалоба, с которой она обратилась: «Я сама себе не нравлюсь».

Я какая-то не такая». В ходе интервью выяснилось, что негативное представление о себе у нее сложилось в отношениях с матерью, которая часто говорила: «Все хочу сделать из тебя человека, но что-то не получается». По словам клиентки, она всегда давала ей плохую оценку и была уверена, что у клиентки скверный характер, из-за которого она никогда не сможет создать семью. Таким образом, ключевыми в негативной иллюзии «Я» у клиентки были следующие две позиции: «Я хуже, чем все» (из чего следовало, что «я — одна такая плохая») и «мужчина предпочтет любую другую женщину, так как во мне нет ничего, что могло бы интересовать мужчину». В результате жизнь клиентки С., разумеется, приобрела унылую и однообразную форму, где большую часть времени она посвящала мрачным раздумьям о своей ничтожности, что и привело к периодически возникающим астеническим состояниям и навязчивой потребности в зависимости от влиятельных и сильных людей, к которым она испытывала противоречивые чувства сильной привязанности и удушающей ненависти. Все больше погружаясь в свою бесценную иллюзию, клиентка тратила свои жизненные силы на ее поддержание, накапливая неудовлетворенность и тревогу, но так и не решившаяся пробиться сквозь все это к реальности.

«Трупный запах» рабского, зависимого младенческого существования — это запах небытия, которое свободно выбирает испуганный жизненными несоответствиями «вечный ребенок». В психотерапию обычно приходят в связи с непереносимостью своего одиночества и небытийности, стремясь установить с психотерапевтом симбиотические отношения, то превознося, то обесценивая его.

У клиентки С. трансформация младенческого состояния души (образ: зацементированный труп в трамвайных путях) шла по сложному пути осознания своей амбивалентной привязанности к матери, желания всех использовать для поддержания своего существования и невозможности «быть» без чьих-нибудь глаз, подтверждающих ее «я — есть»; по пути осознания, переживания и принятия теневых аспектов ее личности (образ: оскалившаяся старая волчица) и понимания реального статуса ее жизни — вне воображаемой «несчастья и заброшенности».

Клиентка М. — 26 лет, не замужем. Понимание того, что ее изолированная позиция в отношениях с людьми может привести к жизненной катастрофе, подтолкнуло ее к психотерапии. «Это было всегда» — сказала она на первичном приеме, имея в виду чувство изолированности и покинутости, сопровождавшее ее в течение всей сознательной жизни. «Я всегда чего-то боялась: переездов, экзаменов, работы». В течение последнего года она стала замечать у себя расстройства сна, внезапные приступы страха — и еще больше испугалась. «Я сама ничего не могу» — в этом

ключевом моменте содержится идея жизненной позиции клиентки М. Несмотря на все это, клиентка живет одна в квартире, которую ей подарила старшая сестра, мучаясь угрызениями совести по поводу того, что ее сестра успешна и независима, а она — полное ничтожество. Выпивание «чаши скорби» на предмет проживания своей ничтожности — типичный внутренний ритуал «младенческого» типа клиентов. Ничтожество и страдание являются не только ценными — сверхценными, — тогда как в воображаемом мире существует страдалница «ни за что». Клиентка не может узнать свое истинное страдание «в лицо» — это реальная боль несостоявшегося рождения, загнивания, разложения и умирания. Но, боясь до изнеможения, она лишает себя права осознания действительной причины ее страдания, делая таким образом его почти вечным. Неосознанно гибель себя — ничтожество — такой человек ценит выше, чем явленность себя миру, предполагая, что как только он выйдет к миру, все сразу увидят, насколько он ничтожен, и отвергнут его. Не выходя, — помещая себя в отвергнутое состояние, — он проживает реальность своей фантазии, воображая себя мучеником и реализуя реально ничтожность своего бытия, которое заполнено небытием.

У клиентки М. были симбиотические отношения с матерью, которая служила для нее нарциссическим расширением: она опекала, баловала М. и посвятила всю свою жизнь своей девочке. Пока клиентка М. не уехала из дома, она не умела ни готовить, ни стирать, ни гладить — ничего из того, что умеет девушка в 18 лет. «Она была для меня как служанка» — говорила клиентка М. о своей матери, — «но я любви ее никогда не чувствовала». Отец был эмоционально удален из диадических отношений матери с дочерью, почти не хвалил дочь, наставлял, опекал материально. Оставшись в чужом городе одна, М. ощутила ужас одиночества и своей абсолютной неприспособленности к жизни. Мужчины, которые пытались за ней ухаживать, раздражали ее. В каждом из них она видела несметное число недостатков и почти полное отсутствие достоинств.

Типичная проекция младенческого топоса на лицо противоположного пола: либо полностью обесценивающая, либо идеализирующая, превозносящая — третьего не дано.

Ее естественным желанием было вступить в близкие отношения с молодым человеком, но глухое чувство раздражения и внезапные аффективные вспышки препятствовали этому, что очень расстраивало М.

Младенческий нарциссизм Эго — явление весьма противоречивое. Одновременно человек верует в свое почти божественное предназначение и совершенство, но

вместе с тем предполагает себя полным ничтожеством, что делает его очень уязвимым для критики.

Идея совершенства может быть явным содержанием Эго, а ничтожество — тайным, глубоко спрятанным. И наоборот. Тайное и явное содержание время от времени меняются местами, а непереносимость совмещения этих альтернатив толкает человека к созданию ложного «Я».

Клиентка М. много вспоминала о том, как больно ее ранили слова учительницы из начальной школы: «Что ты сказала, бестолковая?», мальчика из пятого класса: «Если боишься, то не высовывайся», учителя математики: «Посмотри, что ты написала», директора школы, в которой в настоящее время работала М.: «Все это требует проверки». Все приведенные примеры посланий истолковывались М. как негативно-оценивающие: «Я чувствую, что они знают об этом». Как выяснилось, «об этом» — это о том, что М. действительно бестолковая, трусиха, неумеха и дилетантка в своем деле. Именно такой ее сделала своим опекающим отношением к ней мама, беря на себя функции «умелости». В таком симбиотическом союзе мамина жертвенная позиция часто переворачивается в позицию властелина, аналогично смене мест представлений о своем совершенстве и ничтожности у самой клиентки М. Иные отношения выстроить такая личность хочет, но не может — не умеет. Благодаря глубокому внутреннему желанию наконец-то состояться, клиентка М. сумела преодолеть свои страхи, простить мать и отца, поблагодарить сестру, и, освободившись от всего этого набора нарциссических переживаний, начать заботиться о них, и о своем друге, который вскоре неожиданно (?) объявился в ее, теперь уже лишенной нарциссической печали, жизни.

Клиентка Т. — 36 лет, замужем, мать троих детей (старший ребенок — девочка — умерла 2 года назад). Обращение к психологу было вызвано изменой мужа, которая привела к ощущению краха, полной потери себя: «Кто я без него? Никто». По словам клиентки, муж не собирался идти на развод, а объяснял, что с любовницей у него только сексуальные отношения. Это еще больше ее ранило и разрушало, делало непереносимым его присутствие рядом.

Полигамное биологически-эстетическое существование мужчин обычно приводит женщин-младенцев в замешательство, негодование и вызывает нарциссическую боль. Зрелой реакцией на подобные земные моменты нашего сосуществования является терпеливая и стойкая конкуренция с той, которая привлекла его внимание. Если, конечно, мой избранник и отношения с ним ценны не только для меня, но и для него тоже.

Их брак был очень ранним, т.к. сразу после окончания школы они стали матерью и отцом. Клиентка Т. заняла жертвенную всепрощающую позицию, а ее муж играл комплементарную наказующую и контролирующую роль. Обмен чувствами в их отношениях был чрезвычайно затруднен, что и привело к эмоциональному дистанцированию между ними. Клиентка Т. компенсировала эмоциональный дефицит в отношениях с детьми (через два года после рождения первой дочери она родила мальчиков-близнецов). Муж находил эмоциональную поддержку в коротких любовных связях, одна из которых стала известна клиентке.

Ее старшая дочь была очень похожа на нее. Скоропостижный уход дочери (рак челюсти) тяжело переживался в семье, и к тому времени утрата все еще оставалась очень острой. На фоне горевания измена мужа выглядела для клиентки Т. как невозможное предательство. Свою роль и помощь в переживании совместного горя с мужем она не представляла вообще. Предположение о том, что его поступок может быть так же попыткой ухода от не пережитой потери в семье, привело ее в замешательство. Ей не приходило в голову, что он тоже может сильно переживать (как это выяснилось в беседе с ним), и что у него гораздо меньше способов выразить свои чувства.

Нарциссическая поглощенность собственным страданием делает человека нечувствительным к чужому страданию, эмпатически глухим.

Длительная психотерапевтическая работа с клиенткой Т. (около двух лет) способствовала тому, что она решительно изменила свою жизнь, а также отношения с мужем, т.к. стала реализовывать свои возможности не только внутри семьи, как домохозяйка, но и в социуме — в новом качестве предпринимателя на совместном российско-итальянском предприятии.

Клиент М. — 30 лет, женат, сыну — 7 лет. Его обращение было вызвано функциональными нарушениями — спазмами в горле, которым предшествовал тотальный иррациональный страх — страх смерти от удушья, появившийся внезапно во время приступа кашля. Подобные соматизации, связанные со страхом смерти, особенно характерны для «младенческих» трансформаций, а полное проживание этого страха (исключая, разумеется, танатофобии) ведет к исчезновению соматических симптомов, которые в данном случае являются маркерами «застрявших в теле» непрожитых чувств.

С 11-ти лет М. жил отдельно от родителей, воспитывался в спортивном интернате, стал мастером спорта международного класса по бадминтону. Четыре года М. не занимается спортом, а ведет предпринимательскую деятельность. Мать — алкоголик, умерла два года назад. Отец с матерью не жил, поэтому связь с ним клиент не поддерживал,

чувствуя, однако, что вместе с матерью отец бросил и его. В течение того времени как М. оставил большой спорт и строил новую жизнь, его постоянно настигала непонятная тревога, которую он заглушал постоянной деловой активностью, пока эта тревога не переросла в соматизированный страх смерти.

Работа с бессознательными содержаниями этого страха выявила три его причины, смешавшиеся в одном проявлении. Первой причиной послужило раннее отделение М. от семьи, которое не способствовало истинному созреванию и маскулинизации Эго, а привело к формированию маскулинно-телесного Эго с феминным, чувственным бессознательным, в теньевые слои которого и были вытеснены чувство сиротства и страх одиночества. «Я вообще не могу быть один». Второй причиной было недопережитое расставание с матерью, смешанное с чувством страха и агрессии. И третьей — отложившиеся глубоко воспоминания о реальных угрозах его жизни, которыми изобиловало его спортивное прошлое. Следует заметить, что непреодолимый младенческий нарциссизм у мужчин довольно часто сопровождается соматизацией страха смерти и препятствует свободной маскулинизации Эго.

Клиент С. — 34 года, женат, имеет сына 8-ми лет, работает в службе охраны. Обратился с жалобой на свою нерешительность, которая проявляется во всем. В настоящее время неспособность принимать ответственность за решения сделала его жизнь особенно мучительной. Жена клиента, по его выражению, «помыкает» им, изменяет прямо у него на глазах, и унижает в присутствии сына. Полгода назад у клиента С. появилась женщина, которая кажется ему прямой противоположностью жены: добрая, заботливая, верная и т.д. однако, решиться на развод он не может, так как при мысли о том, что его жена станет принадлежать другому мужчине, ему становится еще хуже.

Нуклеарная семья клиента — это семья алкоголика. У клиента С. есть еще два брата — старший и младший. Мать — властная женщина. Воспоминания клиента С. о своей семье очень болезненны, мрачны, сопровождаются острым чувством стыда. Сам С. категорически отвергает спиртное. Все позитивные маскулинные качества: сила, решительность, ответственность, целеустремленность — вытеснены и задавлены стыдом и запрещенной агрессией. Тело С., при наличии физической силы и развитой мышечной массы (гиперкомпенсация маскулинности) выглядит неуместным и неуклюжим, а говорит С. высоким голосом, что диссонирует с его крепким телосложением.

Главными причинами младенческого состояния С. служили стыд и идентификация со слабой фигурой отца, страх отвержения и наказания матерью, а также гомосек-

суальный abuse, который С. пережил (и забыл) в подростковом возрасте. В течение четырех лет С. жил в гражданском браке с той женщиной, которую любил, не решаясь развестись со своей «уроборической» супругой. Затем он развелся (после того как в групповом психотерапевтическом процессе навсегда потерял свою возлюбленную) и женился на любимой женщине, которая оказалась настолько мудра, что сохранила отношения с его прежней женой и трогательно заботилась о его сыне. Впрочем, они и сами уже ждут ребенка.

Клиент Б. — 40 лет, женат, имеет сына — 12 лет и дочь — 14 лет. Его обращение также было вызвано соматическими проявлениями, связанными с темой смерти. За два года до обращения клиент Б. встретил женщину, которая вызвала у него страстные чувства. Б. не смог оставить семью. Разрыв отношений с новой избранницей привел к тому, что течение двух лет он поседел, полысел, и его стали мучать частые головные и сердечные боли, причины которых необъяснимы даже для него. Врачи отмечают отсутствие каких-либо отклонений.

В нуклеарной семье у клиента Б. отношения между родителями были всегда напряженными, на грани развода. Б. — старший из трех сыновей. По словам Б., его мать чем-то напоминает Н. Мордюкову из фильма «Мама». Когда-то она сказала: «Мы едем в Якутию зарабатывать деньги». И все поехали. Вернулись после того, как отец лишился одного легкого. Четыре года назад она увезла всю семью за границу. Б. не поехал и стал для нее неудавшимся сыном. Два младших брата до сих пор не создали своей семьи. Собственная семья Б., по его словам, сложилась после того, как он познакомился со своим будущим тестем, который стал для него и отцом, и матерью.

Как выяснилось, головные и телесные боли у Б. возникали сразу после междугородных еженедельных звонков матери, которая пыталась влиять и контролировать его решения, а также внушала Б., что он нездоров и ему нужно быть поближе к матери. Суггестию матери о своем нездоровье Б. помнит с раннего детства. Страх неизлечимой болезни и смерти оказался связан у Б. с близостью к матери (буквально: «будешь рядом — будешь здоровым; уйдешь — заболеешь — умрешь»). Подруга Б., к которой он питал страстные чувства, обращалась с ним так же, как мать. Потеряв друг за другом сразу обеих, клиент Б. стал бессознательно выполнять мамин наказ.

Второй причиной состояния Б. послужили ранние страхи (в возрасте пяти лет), связанные с угрозой развода родителей. И третьей — реальность разрыва со своей нуклеарной семьей, т.к. в конце-концов он сам с ней «развелся». Этот момент не был осознан Б. вообще, и понимание своей потери и разлуки с ними актуализировали глубоко спрятанную боль.

Отношения с матерью во многом определяют срок пребывания ребенка в младенческом состоянии.

Топосы Героя и Красавицы

Всякая подлинная жизнь есть встреча.

М. Бубер

На примере реальных клиентских историй здесь проиллюстрированы типичные негативные или неполноценные пути Героя и Красавицы.

Путь «Синего чулка» — имеет центральной темой преувеличенное негативное восприятие неудач и ошибок в любви. Негативизм в отношении к мужчине проявляется наряду с аутоагрессией — ненависти ко всему женскому в себе. Богатая внутренняя жизнь наполнена драматическими фантазиями.

Клиентка В. — 27 лет, не замужем. Причина обращения — невозможность установления близких отношений с мужчиной.

Несмотря на то, что клиентка считала, что в ее жизни было три мужчины, которые «издевались над ней», из ее рассказа становилось ясно, что эти отношения существовали только в ее голове — придуманные и драматические. Реально ничего не происходило такого, что могло бы свидетельствовать об отношениях, построенных на взаимности.

Только во взаимных отношениях женщина и мужчина получают возможность реализовать себя целиком, хотя переживание «в одну сторону» тоже является неплохим опытом, если, конечно, сменяется затем на двусторонние отношения.

Фантазии клиентки В. имели в своей основе негативный образ себя, сформированный ее жестокой и властной матерью (В. росла без отца). «Она все время мной недовольна».

У В. существовало убеждение, что, поскольку она такая плохая, то любить ее нельзя, и любой мужчина обязательно оставит ее. Поэтому понравившихся ей мужчин она окружала материнской заботой — не желая (как будто) ничего взамен. Самое удивительное состояло в том, что В. любила не реальных мужчин, а некий общий идеальный образ мужчины: «он очень любит меня, у нас сходные интересы, он умный и сильный, симпатичный, ответственный». Реальный образ мужчины выглядел в ее сознании прямой альтернативой: «он совершенно ко мне равнодушен, проводит

эксперименты на людях, манипулятор, любит себя, слаб и уязвим». По-видимому, ни тот, ни другой образы не отражали сущности действительного человека, которого В. вообще не видела, не чувствовала и придумывала. Желание отцовской заботы в большей степени определяло ее поиск идеального мужчины. В конечном итоге она делала мужчинам то, что хотела получить от них сама.

Для В. существовала опасность дальнейшего воплощения этого пути, т.к. не находя «идеального мужчину» и разочаровываясь в «экспериментаторах», она не могла увидеть реального мужчину со всем великолепием его достоинств и недостатков. Психотерапевтическая работа с В. строилась на осознании границ реального / воображаемого.

Путь «Неудачника» — путь отказавшегося от усилий, ленивого и инфантильного мужчины-мальчика, верящего в то, что весь мир стремится сделать для него что-то плохое. Преувеличенно трепетно относится к неудачам и препятствиям, особенно в межличностных отношениях.

Клиент И. — 28 лет, не женат, живет с матерью и отчимом. Свой рассказ И. начал со слов: «Я рос трусливым и дохлым», — после чего последовало крайне негативное повествование, в котором И. выглядел отверженным «уродом», а мир — скоплением «чудовищ» с плохими намерениями. В основе тотального негативизма И. лежала ненависть к своим близким, к которым И. испытывал время от времени теплые чувства. С девушками отношения у И. не складывались, т.к. желая быть для них объектом заботы, И. становился «глухим» к чувствам и навязчивым.

Гипертрофированное желание быть любимым превращало любую реальную встречу в фантазию страстной любви — И. не мог и не хотел находиться в реальности. О своем социальном статусе он тоже предпочитал мечтать.

Наиболее тонкая разновидность пути «Неудачника» — это путь «Имитатора». Имитатор создает миф о своей жизни, являющейся прямой противоположностью тому, что в ней реально происходит, даже если в ней почти ничего не происходит — в мифе будут иметь место мессианские подвиги и события. Так, если реально мифотворец ощущает себя человеком недалеким, то имитировать он будет неординарного интеллектуала; если он понимает, что таланты у него отсутствуют, то он будет активно имитировать наиболее привлекательные для себя таланты — для тех, кто, как правило, не в состоянии оценить их подлинность и т.д. В настоящее время имитаторы встречаются практически везде — в науке (особенно в психологии), искусстве («фанерная» эстрада, например), политика, бизнес. Главное качество, которое отличает имитатора от полноценного человека — это удивительная неспособность различать

миф и реальность. Имитатор уже поверил в то, что недавно придумал, и расставание с мифом для него столь же мучительно, как и расставание со своей жизнью. Более того, все, что он придумывает, сразу же становится для него реальностью.

Путь «Хорошей девочки» — имеет центральной темой преувеличенно трепетное отношение к недостаткам, требует позитивного восприятия своей персоны. Как правило, у женщин это является компенсацией запрета на телесно-чувственное бытие. Чувствуя себя очень неуютно в женском обществе, но с удовольствием ведет интеллектуальные беседы с мужчинами, дистанцируясь и десексуализируя эти отношения.

Клиентка Э. — 36 лет, замужем, мать двоих детей (дочери 14 и 12 лет). Тема ее обращения — ухудшение отношений с мужем.

В нуклеарной семье Э. была младшим ребенком, любимицей отца и матери — заводской управленческой интеллигенции. Училась в школе на «отлично», закончила институт с красным дипломом, вышла замуж за «юношу из общежития» и «сделала его человеком». В настоящее время Э. — домохозяйка, а ее муж — руководитель крупной фирмы. В последнее время стала ощущать свою «второсортность» — то, что жизнь ее прошла впустую, а муж сумел воспользоваться возможностями ее семьи и — «взлетел».

Э. много общается с семейными парами, однако, близких подруг у нее нет. Очень любит мужское общество (всегда любила), а «бабские сплетни» не может слушать — скучно. Много читает, занимается английским с детьми. Дважды пробовала выходить на работу, которую находил для нее муж, но быстро теряла к ней интерес. Ее жизнь дома тоже крайне неинтересна, скорее она живет в режиме долженствования.

«Ты должна быть хорошей девочкой» — это послание Э. усвоила от своих родителей и стала ею — именно **девочкой**, но не взрослой женщиной. Она выстроила отношения с мужем, как со своим отцом. Позволяла о себе заботиться, капризничала, вела себя безответственно — ничего не могла сделать самостоятельно, без помощи мужа.

Ухудшение отношений в их семье стало происходить потому, что супруга перестали удовлетворять «родительско-детские» супружеские отношения и он стал предъявлять к жене «взрослые» требования, что вызвало у нее сильную тревогу. Не сумев с ней справиться, она стала буквально «глохнуть» («он меня не слышит, не хочет слышать») — терять качество слуха. Во время сессий она то слышала хорошо (когда мы говорили о муже), то плохо (когда мы говорили о ней). Оказалось, функциональные нарушения слуха у Э. возникли из-за бессознательного желания приближать к себе людей («скажите мне на ухо») и получать их любовь, внимание и т.п., что и

составляло суть ее жизненной позиции, мешавшей развитию их отношений с мужем. Сны, которые видела Э. во время психотерапевтической работы, отражали глубинные трансформации темы женской инициации и пробуждения чувств. «Я лежу в больнице. Мне ставят ужасны диагноз. Вокруг — мои друзья. Я знаю, что я не больна и убегаю с огромной черной собакой. Потом — я дома, готовлю обед с мамой. Должен приехать муж. Он приезжает с той огромной черной собакой. Я убегаю в другую комнату, в ней — много хлама, а на полке лежит нежный розовый фламинго, которому я ломаю крылья, а он живой. Острое чувство боли...».

Розовый фламинго во сне клиентки Э. воплотил в себе весь комплекс чувственно-телесной нереализованности и в целом невостремленности. К окончанию психотерапии Э. заметно преобразилась, полностью сменив имидж.

Путь «Умника» — путь отказавшегося от телесных усилий мужчины — «говорящей головы». Как правило, этот путь выбирает тот, кто часто терпел поражение в борьбе со сверстниками — как компенсацию своей физической слабости. Чувствует себя очень неуютно в мужском обществе, предпочитает кокетничать с женщинами и окружать себя их друзьями, оставаясь при этом «облаком в штанах» — десексуализированной персонкой. Сексуальная сфера жизни чрезвычайно фрустрирована.

Клиент Д. — 30 лет, женат, бездетен. Поводом для обращения послужило то, что он заподозрил у себя сексуальные нарушения, но побоялся обратиться к психиатру. Кстати, об этом Д. сообщил в самом конце первичного приема, а до этого пытался произвести впечатление — цитировал Фрейда, Кафку и Тагора.

В нуклеарной семье Д. был единственным ребенком и чувствовал себя «любимым маминим сыном», которая прививала ему любовь к книгам и к наукам. Отец воспринимался Д. существом грубым, не понимающим тонкостей интеллектуальных изысков. По словам Д., отец всегда требовал от него что-то, чего он не мог. После смерти матери первое, что сделал отец (Д. тогда было 23 года) — выбросил все его «заумные» книги (кстати, отец работал преподавателем в техническом вузе) и заставил Д. заниматься спортом. Физически сильным Д. стать никогда не хотел (вернее, не мог), вспоминал, как в детстве и в армии часто бывал бит, что, тем не менее, не заставило его развивать свои телесные возможности.

Женился Д. (судя по характеру взаимоотношений, на своей «матери», которая способствовала тому, чтобы Д. рос профессионально — компьютер, Интернет). Однако, в их взаимоотношениях вербальные послания были единственным каналом коммуникации. Обмен чувствами, а, следовательно, и сексуальные отношения, были затруднены. Именно такому типу отношений научила Д. его мать, устанавливавшая

такие же отношения с его отцом. Выстроить другие отношения Д. просто не умел. В нуклеарной семье он выполнял роль функционального супруга своей матери, при помощи чего она наказывала его отца. Осознавая причины своей неудовлетворенности жизнью, страхов и удаленности от отца, Д. смог установить более близкие, так необходимые ему отношения с отцом и супругой.

Путь «Хозяйки» — путь, на котором женщина, лишившая себя любви, выбирает власть — дома или на службе. Предельный образ такой маскулинной женщины: доминантная, карающая, контролирующая мать, постоянно демонстрирующая свою власть над окружением. Маскулинизация Эго «Хозяйка» — способ защиты уязвимого и раненого женского начала, страха быть отвергнутой женщиной.

Клиентка Ф. — 35 лет, замужем, мать двоих детей (мальчики — 17 и 15 лет), домохозяйка. Поводом для обращения послужило ее крайне тревожное состояние, вызванное тем, что старшего сына они с мужем решили «отделить» от семьи, купив ему квартиру недалеко от собственного дома. Разумом она понимала, что сын заканчивает институт, начинает сам зарабатывать, и что ему нужна самостоятельная жизнь. Но чувства перестали ей повиноваться, она вела себя так, как будто навсегда потеряла старшего сына.

Росла Ф. в многодетной семье, была пятым, самым младшим ребенком. По ее словам, она вечно всем мешала, путалась под ногами. Отец пил, с мамой особой близости не было, а братья и сестры всегда воспитывали Ф. В 17 лет она покинула родной дом и вскоре вышла замуж. Из тихой и послушной девочки она превратилась во властную домоправительницу, по указанию которой в доме все вращалось в нужных направлениях. Не было ничего такого в жизни ее домочадцев, о чем бы она не знала и не смогла бы проконтролировать. По всей вероятности, в собственной семье она «возвращала» домашним то, что получала по отношению к себе в своей нуклеарной семье. Периодически у нее наступала апатия: «Не хотела никого видеть, хотела, чтобы все исчезло», — во время которой она кричала самой себе во весь голос на всю свою большую квартиру: «Я самая счастливая женщина! Я люблю свою семью!». Потребность власти над близкими, замещающая потребность в любви и позволяющая ее удовлетворять в деформированном виде, решала для Ф. проблему Эго-границ, которые у нее практически отсутствовали. Она идентифицировала и отождествляла себя со всем своим домом. Ее «Я» состояло из прочего, наполнявшего ее дом. В итоге, она ощущала себя отсутствующей — существовало все, кроме ее самой.

Ключевым моментом в психотерапевтической работе с Ф. послужило ее детское воспоминание о вывихе тазобедренного сустава в возрасте около 4-х лет, который

«заметили» тогда, когда правая нога начала «сохнуть». Около года Ф. провела в больнице — в «коробке», как она выразилась. Она вспомнила, как бесконечно сильно ей хотелось выйти из нее и как одновременно было ужасно страшно оказаться незащищенной. Роль второй «коробки», так необходимой для чувства безопасности, у взрослой женщины выполнял ее дом и ее семья, разотождествление с которыми оказалось для нее практически равным потере самой себя.

Путь «Альфонса» — путь несостоявшегося мужчины, который, «паразитируя» на отношениях с особо яркими представительницами слабого пола, и, ненавидя их за то, что они могут то, чего не может он, рабски служит им, получая взамен средства к существованию и/или заботу. За феминным Эго такого «героя» скрывается раненое мужское начало и страх быть отвергнутым женщиной.

Клиент О. — 30 лет, не женат, живет в гражданском браке с преуспевающей женщиной. В прошлом — спортсмен международного класса, несостоявшийся чемпион. Обращение по поводу разрыва отношений с этим мужчиной было от его подруги, у которой он жил четыре года на содержании. В этой паре женщина — младенец с имитационной Персоной «бизнес-леди» — была поработана «младенцем в квадрате», что и послужило поводом для нее самой к личностному росту и освобождению от нарциссических защит. С разрывом этих отношений она сама разрешила свой внутренний процесс сепарации.

В семьях с «перевернутыми» полоролевыми отношениями мужчина довольно часто играет роль «Альфонса». Так случается в семьях алкоголиков и в семьях, в которых функции социального лоббирования выполняет женщина. Их отношения, как правило, представляют собой комплементарную пару, где каждый партнер стремится к выполнению функций противоположного пола. При этом каждый серьезно страдает и не испытывает ни малейшего удовлетворения от этого, вечно идя по замкнутому кругу собственных защит.

Путь «Путаны» — асоциальный путь женщины-«самоубийцы», осуществляющей программу по самоуничтожению. Преувеличенно внимательное отношение к своему телу и сексу — способ защиты от ненависти ко всему телесному и сексуальному.

Клиентка Н. — 22 года, разведена, бездетна. Поводом для обращения к психологу послужило ее состояние, которое вызывало сильную тревогу. «Я не могу расслабиться, — говорила она на приеме, — боюсь упреков и осуждений от своих близких (от мамы — в особенности)». Сколько она себя помнила, отношений с родителями у нее никогда не было. С 15-ти лет занималась проституцией (в 16 лет родители развелись), 3 года держала «массажный салон». В 19 лет вышла замуж, перестала

заниматься проституцией, начала употреблять анашу и ханку, и, как только начались первые конфликты, стала изменять мужу. Год назад развелась, перестала употреблять наркотики (прошла программу «12 шагов»), встретила другого мужчину, которого очень боялась потерять. По словам Н., у ее друга была такая же история, как и у нее, и роли у них были одни и те же. В его поведении она видела свое поведение — как тогда, в ее отношениях с супругом. Главное, что ее беспокоило — это то, что время от времени возникало состояние полной опустошенности и бессилия, которое часто переходит в конфликты с другом и с матерью («истерички закатываю»), после чего Н. чувствует себя виноватой и переживает страх потери близких отношений. «Я не доверяю сама себе» — говорит она о состоянии внутреннего **испуга от самой себя** и своей печальной жизни. Телесное состояние, отражающее ее душевный непокой, отзывалось болью в груди — «в середине как-будто игла и ком в горле», — головной болью и тяжестью слева внизу живота.

На первичном приеме Н. выражала стойкий аффект на негативно заряженный объект — свою мать. Свой образ в глазах матери она видела не иначе, как «наркоманка, проститутка, бордель-мадам, истеричка и т.п.». Этим своим отражением в ее глазах она возбуждала собственную ненависть к матери. Неизвестно, как в действительности относилась к Н. ее мать, но то, что детские и подростковые воспоминания Н. касались только темы ее «плохости», говорило само за себя, т.к. именно негативная идентификация Н. послужила отправным пунктом в осуществлении ее программы на самоуничтожение.

Кого уничтожала «Тень» Н.? Ребенка-сироту — вечно виноватого, изнасилованного, испытывающую невыносимую боль, без лица и без имени. Состояние опустошенности («ребенок») сменялось агрессией и стремлением защититься («истеричка»), но не приносило облегчения и чувства безопасности, т.к. «истеричка была ребенка» так же, как была его (в восприятии Н.) мать. В некотором роде «истеричка» в Н. и создала для «ребенка» Н. невыносимые условия жизни, в которых он и смог чувствовать себя плохим, виноватым и изнасилованным. Теневое расщепление, охватившее Эго Н., не позволяло ей выстроить в настоящем свою жизнь иначе. Осознание своих проективных негативных чувств к матери вызвало у Н. катарсическое переживание освобождения, что вскоре дало свои реальные плоды: она смогла выразить матери и другу те чувства, которые так долго скрывала и запрещала. Изменение отношений с ближайшим окружением с отрицательных на положительный позволило ей начать формирование позитивной идентичности, т.к. теперь она могла совершать хорошие поступки и заботиться о своих любимых людях. Трижды за время психотерапии

наступали тревожащие Н. состояния, тревожащие именно потому, что они могли снова привести к наркотикам. Тема негативности не отступала сразу и требовала от Н. серьезных внутренних усилий. Уходя, она сказала: «Я поняла, что я могу со всем этим справиться».

Путь «Качка» — путь, альтернативный пути «Умника». «Качок» — это несостоявшийся интеллектуально и духовно мужчина, развивающий в себе исключительно природное начало, живущий только на уровне базовых потребностей, «мышечная масса». Преувеличенное внимание к своему телу, своего рода фантастический телесный «эксгибиционизм», является центральной защитой его инфантильности, слабости и ничтожности Эго. Истинное состояние души обычно выдают голос и тело. У надутого «Качка» голос обычно очень слабый, а иногда бывает довольно высоким, что обнаруживает феминные стороны Эго. Тело и движения очень напряжены, как будто все время готовы к нападению и ответному удару. Фантазия о постоянно существующей угрозе нападения (разрушения Эго) и порождает гипертрофированную потребность в защите в форме демонстрации своей персонной сверхзащищенности. Так животные (самцы) демонстрируют друг другу свою силу, чтобы занять в природе место получше. Биологический смысл этого поведения ясен, однако у человека это напоминает некий атавизм, регрессивную форму защиты, которая очень часто формируется у мальчиков, переживших в детстве физическое насилие и у юношей после стрессовых ситуаций, связанных с угрозой их жизни, например, демобилизовавшиеся воины с пост-травматическими расстройствами.

Глава 4

Идея четвертая: ФАНТОМ

Смысл и вымысел

Наделение смыслом — одна из главнейших функций субъекта, индивидуального сознания. Сознание бытийствует в море смыслов⁸² (А.Ю. Агафонов). Оформленные смыслы могут искажать картину мира, представления субъекта о самом себе и других людях. Похоже, что они всегда так или иначе, искажают отраженное в сознании субъекта «Я» и «не-Я» — измерения.

Осознанное бытие равно осмысленному бытию. Осмысление субъектом своего бытия всегда сопровождается рефлексивными выходом за его пределы и **вложением** в воспоминание о нем определенного (моего) смысла. Смысл, выросший из смысла, не соотносенного с реальностью, называется **вымыслом**. Вымысел не имеет прямого отношения к впечатлению, к отражаемой актуально реальности. Он представляет собой инобытийную семантическую форму существования «Я» — принятое за внешнюю форму внутреннее содержание Эго или связанного с ним бессознательного. Вымысел — это не узанное мной Я, в особой законченной форме непрерывного саморождения смысла из смысла.

Обычно вымыслом называют нечто не имеющее отношения к миру, но имеющее отношение к самому субъекту. Крайняя степень вымысленности — это преобразование реальности в качественно иную — миф или ложь. О мифе уже было сказано довольно много и понятно, что мифотворчество неизбежно в бытии бессознательного и прорыве его к сознанию. Ложью же преднамеренной субъект направленно воздействует на сознание других людей, манипулируя их отношением к себе и к миру. Ненамеренная, бессознательная ложь — это и есть миф — вечный спутник людей, чье бессознательное управляет сознанием, а не наоборот.

Как уже отмечалось, человек вынужден тестировать реальность на предмет соответствия тем текстам, которые у него имеются о ней. Соответствие достигается присутствием и усилием. Человек ленивый и отсутствующих рождает смыслы не из реальности всего бытия и бытия мира, а из реальности текста. Так получаются вымыслы. Однако, с другой стороны, всё есть вымысел. Договоримся, что в широком смысле вымысел — это все, осмысленное мной.

В этой главе речь пойдет о самых главных онтологических основаниях бытия — о жизни и о смерти. Осознание, осмысление сути этих жизненных актов невозможно переоценить. Вспомним, тем не менее, что смысл, заключенный в форму Эго-сознания может:

- либо «Я», либо «Мир»** • *быть непротиворечивым*, т.е. односторонним (монистическое самосознание), тогда любой смысл, противоречащий ему, умерщвлен и исключен из Я-измерения, а вместе с исключенным смыслом уйдет часть потерянного бытия — уйдет в бездны бессознательного;
- «Я» и «Мир»** • *быть противоречивым*, но разорванным (дуалистическое самосознание); и тогда диссоциация смыслов приведет к диссоциации личности и формированию фантомов — несуществующих слепков реальности;
- «Я в Мире» и «Мир во Мне»** • *быть противоречивым, но единым и изменчивым* (диалектическое самосознание), и тогда удастся поддерживать чудесным образом возникающее сосуществование противоположностей в некоем «третьем» измерении;
- само себя постигающее бытие** • *просто быть*, что достигается выходом на уровень катерного объектного сознания, которое соединяет в бытии субъекта все существенные разделенности: мыслимые, переживаемые и воплощаемые — в состоянии подвижности.

Всякий раз, ища смысл, Эго необходимо отделить смысл от вымысла, поскольку вымыслы неизбежно сопутствуют процессу наделения смыслом (молитва К. Воннегута). Сознание поглощено созданием эквивалентов — вымышленных форм, которые могут раскрывать тайную сущность вещей, а могут, напротив, создавать несуществующую реальность.

В бессубъектном внешнем мире смыслы отсутствуют. Их активно ищет и находит только мыслящее сознание, и находит их **внутри** себя. Вымыслу суждено стать ложью или иллюзией, если субъекту недоступен рефлексивный выход за пределы своего Эго-сознания. Вымысел, тем не менее, может быть также и мостиком в тайные глубины бытия, невидимые «бессмысленному» взору или взору, отягощенному ограниченными смыслами.

Акт наделения смыслом (интерпретации) того, что уже произошло представляет собой рефлексивный акт поиска **нового смысла**, рождения **иного** смысла, никогда не присутствовавшего ранее, которому необходимо найти точное смысловое соответствие с произошедшим на рефлексивном уровне, т.е. **понять**.

Понимание — иррациональное явление. Метафора понимания — это намек на существующее неявное единство между говорящими, тайный договор. Понимание возникает тогда, когда мысли и чувства проникают за пределы тех впечатлений, которые возникают при восприятии звуков слов, т.е. проникают к обозначаемым этими звуками **смыслам**.

Известно, что смысл существует в осознаваемой и неосознаваемой формах, т.е. в явной, сознательной, вербализованной и потаенной, не поддающейся сознательной вербализации. Эти смысловые стороны понимания являются взаимодополнительными друг другу. Глубина понимания, как результат соответствий, будет зависеть от уровня рефлексии говорящих (я понимаю, что он понимает, что я понимаю его — или даже еще выше), от диалога сознаний и от тайной связи между двумя бессознательными сферами психики (нерефлексивный уровень понимания).

Взаимодополнительность — теоретический принцип, предложенный Н. Бором, согласно которому только две абсолютно противоположные теории могут претендовать на полное знание о своем предмете. Взаимодополнительными в экспрессивном акте говорения являются нерефлексивный и рефлексивный процессы. И, если учесть, что нерефлексивные процессы протекают в бессознательной сфере личности, то в данном случае важно следующее: рефлексия осуществляется не над **«знанием»**, хранящимся в **сознании** психотерапевта, а над смутными течениями чувств и смыслов, вызванными реальностью контакта «Я» с «Другим».

Вымысел **является** Другому в экспрессии повествования. При создании вымысла «Я» воплощает свое страстное стремление к инобытию. **Человек говорящий** переживает себя в удивительной форме бытия — нарративном бытии. Эта форма бытия позволяет субъекту выйти за пределы своего «Я» и воплотиться в инобытийные формы своего существования в других носителях сознания.

Внутреннее желание инобытийствовать неистребимо в каждом человеке, и, думая о Другом, ни один человек не избежит соблазна наделить своими жизненными стремлениями все ближайшее окружение.

Об этой особенности человеческого мышления (познания, понимания) писал Дж. Брунер⁸³, обосновывая два способа познания:

- **парадигмальный**, при помощи которого осуществляется формальное (логическое, рациональное) описание и объяснение окружающей действительности;
- **нарративный** (от англ. narrative — повествующий, рассказ), при помощи которого воображение субъекта привносит в окружающую действительность собственные замыслы, в соответствии с которыми и создает событийную последовательность жизни, смешивая реальное и вымышленное.

В этом контексте нарратив является воплощенным вымыслом — способом бытия субъекта говорящего. Но только в случае «здесь-и-сейчас» рождения вымысла.

Нарратив содержит в себе идеи субъекта, которые включаются на нерелексивном уровне понимания в смысловые структуры Другого, чтобы лишь затем быть осознанными им на парадигмальном уровне — своем или Авторском — не имеет значения. **Идея вымысла** есть ментальная форма инобытия субъекта, воплощаемая в сознании Другого этим Другим, но под знаком ее Автора. Без тайного и явного взаимодействия двоих идея вымысла остается невоплощенной.

Фантом

Живые формы человеческого сознания, как бы причудливы они не были, всегда поражают полнотой чувств и целостностью бытия. Существование протекает в вечном стремлении к внутреннему согласию человека. В живых формах внутреннее согласие вечно исчезает, оставляя вместо себя клубок противоречий. И требуется достаточно много времени затем, чтобы достичь нового состояния внутреннего согласия. Требуется внутренние **усилия**: для переживания состояния, для его осмысления и для совершения некоторых действий, вплоть до полного надеяния. Внутренний дискомфорт, всегда возникающий в такие моменты жизни, не уходит без определенных внутренних трансформаций. Попытка же вернуть прежнее до-состояние представляет собой попытку насильственного возвращения прежнего душевного комфорта путем создания фальшивого, придуманного объяснения того, что со мной происходит сейчас. Некоторые люди стремятся

удержать ускользающее комфортное состояние, а некоторым жаль расставаться с внутренним дискомфортом.

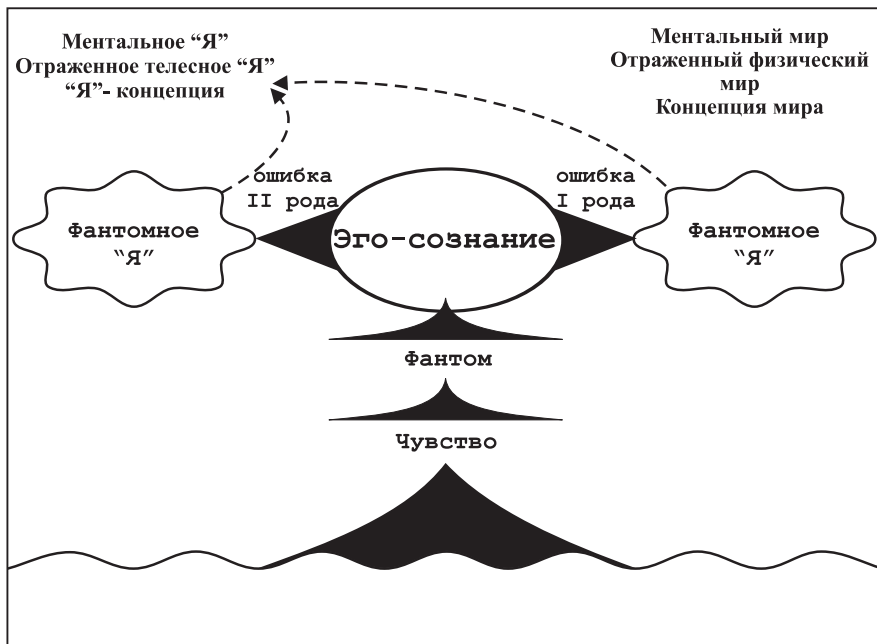
Бытие в неизменных **до-состояниях** (т.е. состояниях, предшествующих актуальному бытию «Я») будет определяться в этой главе через понятие «фантом». Фантом — особая неизменная (а значит **мертвая**), автономная ментальная форма. В отличие от аффективных комплексов (похожих по описанию образования), фантом имеет **форму**, что, собственно, и дает ему возможность автономии и влияния на своего носителя. Кроме того, фантом, в отличие от аффективных комплексов, принадлежит к роду вполне нормальных психических явлений. (Видимо, аффективные комплексы рождаются из заскорузлых и древних, так и не узанных фантомов, потерявших свою форму и навсегда ушедших в пучину бессознательного).

По определению М. Мамардашвили⁸⁴, фантом разума — это призрак, несущийся вне его. Фантом существует только для субъекта — носителя сознания, но не существует в объективной реальности. Как и объективная реальность, субъективная реальность обладает онтологическим статусом, но не всякое ее проявление — фантом. Фантомом называется только такой ментальный продукт (такая ментальная форма), который полностью наполнен смыслом **пред-**бытия и не содержит в себе ничего того, что несет в себе новый миг настоящего.

Рожденный прежде и закрепленный (повторяемый) вымысел имеет прямое отношение к идее фантома. Как смысловая структура — это текст, не соответствующий реальности.

Для простоты анализа в субъективной реальности рассматриваются только два «мира»: отраженное «Я» и отраженный «Мир» («не-Я»). При этом предполагается, что каждый из этих миров может иметь сложную многоуровневую структуру.

Все виды взаимодействий в системе «человек-мир» (см. рис. «Система «человек-мир» в отношении к фантомам») можно свести к четырем измерениям, между которыми устанавливаются некоторые взаимоотношения и которые рефлектирующее сознание хорошо различает. К этим измерениям относятся: человек как физическое тело (1-я реальность), человек как сознающее «Я» (2-я реальность), мир как независимая внешняя сфера (1-я реальность) и мир как концепция мира (2-я реальность). В модели я использую главный критерий сформированности границ Эго: способность различать Эго-измерение и измерение «Мир» в их бытии и эквивалентных им формах, представленных в сознании

Взаимодействие между «Я» и фантомом

субъекта форм реальности и уровень рефлексии двойственной природы «Я» (телесно-психической) и «мира» (материально-психической).

Эквивалент «Мира» в сознании мыслящего субъекта отделен от измерения эквивалент «Я» некой полупроницаемой/непроницаемой/проницаемой границей. **Полупроницаемая** граница между эквивалентом «Мира» и эквивалентом «Я» обеспечивает сохранность и устойчивость Эго-пространства (т.е. выполняет защитные функции), но, в то же время, дает некоторую избирательную открытость к внешнему «не-Я»-пространству. Таким образом, взаимодействие «Я» и «Мира» в сознании субъекта дает возможность для взаимных трансформаций отраженной «Я» и «не-Я»-реальности. **Непроницаемая и проницаемая** границы между отраженным «Миром» и отраженным «Я» всегда выполняют преувеличенно защитные функции по отношению к Эго-пространству. Непроницаемая граница сводит на нет (только в сознании, т.е. в отраженной реальности) всякое реальное взаимодействие с внешним миром, заменяя его (в своем представлении о нем) как бы полным отсутствием взаимодействия. Таким образом, сознание формирует

не имеющую ничего общего с реальностью, т.е., фантомную форму взаимодействия «Я» и «Мира». Проницаемая же граница, напротив, преувеличивает число и глубину тех взаимодействий, которые реально происходят в жизни субъекта. Это происходит в связи с тем, что в его сознании существует представление о том, что между «Я» и «Миром» течет постоянный и могучий поток взаимовлияний, поэтому даже отсутствие всякого взаимодействия (такое, слава богу, тоже бывает) свободно замещается представлением о его существовании. А всякое реальное взаимодействие истолковывается весьма своеобразно, в точном соответствии с главной концепцией данного «слияния». Таким образом, события, происходящие в жизни такого субъекта, имеют чрезвычайно искаженную, фантомную представленность в его сознании.

Эквивалент «Мира», как «не-Я»-реальность, всегда воспринимается субъектом через призму его концепции об этой «не-Я»-реальности. Если концепция такова, что внешнего мира вообще не существует, то он и не будет существовать для данного субъекта. Если концепция такова, что мир в ней представляется ужасным и трудным, то, в полном соответствии с этой концепцией, субъект в любой точке планеты будет находиться в непрерывном стрессе и преодолевать несуществующие препятствия. Если же концепция, напротив, открывает в мире (и, соответственно усиливает) только его лучшие стороны, то такой субъект не заметит происходящих катаклизмов, и в самой сложной жизненной ситуации будет пребывать в девственном спокойствии.

В этом рассуждении об отраженном «Мире» я старалась показать роль центральной фигуры — Эго-центра сознания, т.е. самого субъекта и особенностей **набора смыслов, которыми он наделяет окружающий мир**. Можно наделять уже имеющимися (небытие), а можно — создавать актуальные через свое присутствие (бытие).

Эквивалент «Я» в сознании своего носителя так же, как и мир, обладает при известной степени устойчивости определенной изменчивостью — способностью к трансформации. Отсутствие именно этой способности ведет к появлению фантомов.

В психологической и психотерапевтической литературе описано довольно много моделей искаженного представления «Я» о самом себе. В. Петухов⁸⁵ ввел понятие о «мнимом Я», в котором перепутаны душа и тело, природа и культура, которые состоят между собой в перевернутых причинно-следственных взаимоотношениях. Для мнимой личности познание и бытие сливаются в одно мыслимое

существование, где слово полностью замещает собой мир. И хотя каждый человек в своем развитии переживает этот переход к различению мыслимого и реально существующего (почти по Сартру: «...открыв мир в слове, я долго принимал слово за мир...»), но только теряя мнимое, он приближается к действительному. Или, другими словами, только расставаясь с фантомным «Я», личность может приобрести действительное существование.

Р. Лэнг⁸⁶ рассматривает так называемое «невоплощенное Я» субъекта, которое отличает отсутствие онтологической уверенности и независимости. Особым свойством «невоплощенного Я» является идентификация Эго-сознания с разумом (гиперсознанием) субъекта, при этом телесное «Я» воспринимается как внешний объект, исключенный из Эго-сознания. Таким образом, исключенная «невоплощенность» воспринимается как «не-Я», обладающее типичными фантомными свойствами.

Следуя за классиками психоанализа, можно продолжить тему «невоплощенности», мнимости и фантомности «Я». Например, у З. Фрейда читаем: «...невроз характеризуется тем, что ставит психическую реальность выше фактической, реагирует на мысли столь же серьезно, как нормальные люди — на действительность»⁸⁷. Бессознательное невротика имеет над ним большую власть, поэтому он скорее поверит себе, чем первой реальности⁸⁸.

А. Минделл⁸⁹, развивая идеи З. Фрейда о первичных и вторичных процессах, относил фантазирование ко вторичным процессам (сознательным явлениям), сбивающим с толку «Я», так как в воображаемом мире происходит смешение реального и «придуманного». Ж. Лакан⁹⁰, следуя психоаналитическим традициям, также различал два основных порядка в сознании: реальный и воображаемый. Анализируя субъект-объектные отношения в Эго-сознании, от причислял «фантазмы» к функциям, создающим объекты довербального уровня. Интерпретация фантазмов призвана возвращать Эго-сознание в адекватные вербализации.

К. Юнг вообще был убежден, что Эго-сознание иллюзорно, т.к. выстроено по образу и подобию социума, а истинное «Я» (Self) невозможно идентифицировать с природной, социальной или духовной сущностью⁹¹. Self имеет трансцендентную функцию по отношению к любым содержаниям сознания, в связи с чем не схватывается им целиком, постоянно ускользая в пучину бессознательного. По мнению Юнга, абсолютизация бытия в социуме через персонную репрезентацию и ролевое взаимодействие способствует созданию конфликтов между двумя альтернативными направлениями процесса адаптации (к себе и к миру).

Невоплощенное из-за социальных препятствий бессознательное содержание (неинтегрированное сознанием) воплощается в «угнетающие призраки», которые встают между истинным уникальным «Я» и Эго-сознанием.

В целом существует довольно широкое семантическое поле понятий (фантазмы, делирии, галлюцинации, мечты и фантазии), объединенных своим отношением к внутренней субъективной причинности возникновения. Понятие **«фантом»** вводится как родовое понятие по отношению к указанным видовым явлениям (и другим им подобным).

Из определений Фрейда, Лакана, Мамардашвили следует, что фантомы осознаются субъектом как существующая реальность, т.е. они «прописаны» в его **сознании**. Однако во всех разновидностях фантомных явлений содержится один принципиально важный момент: все они являются продуктами бессознательного, но воспринимаются сознанием. Таким образом, фантомы принадлежат к реально существующим психическим феноменам, обнаруживающим себя только через субъективное переживание «Я».

Происхождение фантома следует связывать с содержанием бессознательной сферы психики. В момент «явления» фантом становится доступным осознанию, а неожиданность этой данности либо попросту игнорируется, а в некоторых случаях — списывается на непостижимость паранормальности внешнего мира, так как сознательному «Я» ничего неизвестно о своей субъективной сопричастности к сему. Появившийся фантом является, по сути, «посланием» от бессознательного к сознанию. Ошибка сознания состоит в придании объективного статуса данному посланию, т.е. в полагании существования иного источника его продуцирующего, кроме себя.

Как любое содержание бессознательного, фантом имеет иррациональную природу, поэтому не постигается разумом нацело. По впадению переживающего фантомные явления субъекта в «священный трепет» (нуминозное состояние) можно судить об архетипическом происхождении фантомов. Человек при этом может «слышать», «видеть» и «чувствовать» фантомное явление (что, собственно, и вводит сознание в заблуждение).

Фантом оформляется как законченное явление после длительного путешествия во второй реальности. Сначала содержание бессознательного «Я» становится доступным сознательному «Я», затем Эго-сознание помещает фантом:

- в измерение эквивалент «мира» — возникает фантомный мир во второй реальности (фантомная концепция мира); при этом Эго воспринимает

фантом снаружи, родом из внешнего реального мира (либо плохого, либо хорошего). Называют такую фантомную концепцию мира фантомом первого рода;

- в измерение эквивалент «Я» — возникает фантомное «Я», наделенное особыми свойствами (фантомная концепция «Я»); при этом Эго несет на себе (в себе) «печать» фантомного образования — либо могущественного, либо слабого и беззащитного. Я называю такую фантомную концепцию «Я» фантом второго рода.

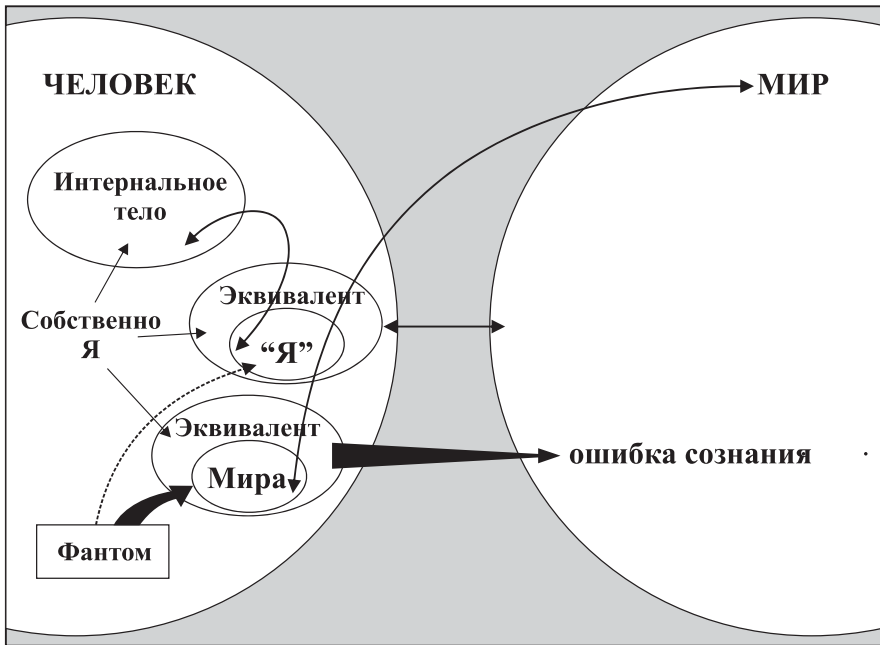
Фантом возникает только при условии существования во второй реальности нестойких границ между измерениями эквивалент «мира» и эквивалент «Я». Фантом как бы помещается между субъектом и первой реальностью, вызывая мощные апперцепции при отражении (см. рис. «Взаимодействие между «Я» и фантомом»).

Вообще, хотелось бы уверить читателя, что между реальным миром и реальным человеком всегда находится нечто «нереальное», по крайней мере, «отраженный мир» и «отраженное Я». К сожалению, апперцепция при контакте «Я» и мира — абсолютная неизбежность. Важно осознание того, что в отражаемом — от меня самого, а что — от мира.

Фантом второго рода, наиболее часто встречающийся у невротиков, всегда несет в себе бессознательную сверхценность негативного «Я».

Невротик обреченно полагает себя «неудачником», «несчастливым», «слабым», «обделенным судьбой», «вечно страдающим от... (варианты — самые разные)» и т.п. Но попробуйте отнять у него эти фекалии — он будет так неистово защищать свою негативность, что мгновенно проявится ее удивительная ценность для своего носителя.

Гораздо реже у невротизированных клиентов встречается сверх-позитивный фантом второго рода, но почти всегда — наряду с негативным. Они всегда существуют в сознании диссоциировано друг от друга. В сверх-позитивный фантом включены некоторые особые сверхъестественные свойства Эго, чрезвычайно преувеличенные в своем грандиозном отличии от таковых же у других людей. Так, трусливый и слабодушный невротик может видеть себя гением в

Пространственная модель второй и первой реальности в системе «человек — мир» в отношении к фантомам

науке, искусстве, в бизнесе, и даже быть именно таким, но только в одной этой части своей жизни. Гиперкомпенсация спасает негативное Эго от страдания в переживании своей ничтожности, и тогда Эго-контроль заставляет человека пребывать только в тех жизненных ситуациях, которые дают ему возможность ощутить свою грандиозность и эффективность. Все так называемые «работоголики» имеют описанную фантомную структуру Эго, и им очень трудно отказаться от всех своих успехов, титулов и званий в тех ситуациях, которые не имеют к этому прямого отношения.

Негативный фантом второго рода комплементарен негативному фантому первого рода, т.к. человек, переживающий себя ничтожеством, часто всерьез обижен на мир за то, что он что-то ему был должен, но не дал (или дал, но не то). Мир ему видится наказывающим и обвиняющим.

Иногда у невротиков наряду с негативным фантомом второго рода встречается сверх-позитивный фантом первого рода. В этом случае «плохость» не делится

поровну между «Я» и «Миром», а сосредотачивается только в «Я». Тогда «Мир» представляется чем-то вроде Эдема, в котором для «Я» нет и не будет места. Никогда. Такой человек пожираем завистью ко всем другим, у которых имеются в обилии все те блага, которыми он хотел бы обладать, но — лишен, т.к. был изгнан, и потому вынужден жить в бедности и печали.

Сознание borderliner(a), нарциссической личности и психотика продуцирует фантомы в огромном количестве и в масштабном качестве, которое разрывает Эго на части. Хотелось бы особо отметить магический фантом второго рода, встречающийся только у психотиков, так заволаживающий русских невротиков. Не в силах справиться со своей беспомощностью и отверженностью в этом мире, психотик начинает внутренне защищаться и верить в свои особые качества — «я управляю миром и другими людьми». Этаким «мессией» он начинает взаимодействовать с другими в полном соответствии со своей концепцией, придумывая себе несуществующую сверх-ценность Эго. Мир видится ему ничтожным, а свои возможности — грандиозными, коими он волен исправить несовершенство мира. Особенно — коварство мира по отношению к другим людям, слабым и беззащитным, в отличие от него — всемогущего.

Глубина веры во всемогущество у психотика очень опасна в настоящее время в России, т.к. находит массовый отклик у потерявших веру людей, с легкостью впитывающих бред о «сглазах», «порчах» и т.п. Только их собственное, но никакое другое бессознательное способно их «испортить».

Тем не менее люди, полагающие, что жизнь фатальна, что их «Я» ничтожно, что на них влияют злые силы, толпами идут к колдунам, магам и экстрасенсам в надежде получить защиту. Носители фантомов второго рода — «волшебники», считающие, что они обладают сверхъестественными возможностями и поэтому могут «исцелять», свято веруют в свое могущество и способность воздействовать на других людей мистическими способами. Клиент, пришедший к нему за помощью, обладающий фантомом первого рода, уверен в том, что кто-то другой (другие) в ответе за его жизненные неурядицы. В то же время клиент верит в магические силы, способные наказать виновных и исцелить его самого. Именно благодаря этой фантомной вере становится возможным «исцеление», так как в отраженной «Я-реальности» клиента появляется «Маг», в чудодейственную силу которого он верит. И уже не важно фантомна ли вера, которая его спасает.

Единственным иллюзорным моментом в данном взаимодействии магических пассов с субъективной реальностью является заблуждение обоих субъектов, связанное с созданием «магического Я» волшебника. Маг только способствует образованию этого фантома, при помощи которого происходит высвобождение скрытых ресурсов бессознательного у его клиента. Принципиальная разница между магом и психотерапевтом состоит в том, что психотерапевт никогда не создает иллюзии о собственной магической силе.

Итак, фантомы, как род особых психических феноменов, обладают следующими особенностями:

1. Фантом является особым **местом** в психической организации субъекта, которое обладает **постоянным смыслом**. Именно этим неизменным смыслом субъект и предпочитает наделять многие объекты и явления вокруг себя. **Место** фантома «сцеплено» со смыслом и обладает особой телесно-чувственной наполненностью. Объективную реальность фантомному смыслу придают сопричастные к нему явления телесно-чувственной природы: **реально возникающие чувства и телесные ощущения**.
2. Смыслы, чувства и телесные ощущения фантома, как правило, связаны с некой определенной **темой бытия** (чаще — с человеческими взаимоотношениями и опытом жизни). Смыслы, чувства и телесные ощущения фантома обладают **половинчатостью** (чаще — негативной), т.е. отражают только половину реальности — либо плохую, либо — хорошую. Тем самым существование фантома делает невозможным контакт с актуальной реальностью.
3. Вымышленность фантома принципиально **нерефлексируема** субъектом. Рефлективный прорыв субъекта в осознании «вымышленности», половинчатости фантома разрушает прочность фантомных границ, обеспечивающих **автономное** существование фантома в сознании субъекта.
4. Фантомы возникают с неизбежностью у субъектов с плохо сформированными границами Эго (проницаемыми и непроницаемыми). Фантомное «Я» таких субъектов является причиной рождения тех фантомных смыслов, которыми они наделяют свое существование и свое взаимодействие с окружающим миром. Описанные в литературе примеры фантомного «Я»: ложное «Я», мнимая личность, невоплощенное «Я».
5. Причина образования фантомного «Я» — в недоступности смысла и невозможности расшифровки некоторого содержания бессознательного

сознанием субъекта. «Неузнанное» актуальное содержание, как призрак, бродит в психике человека, одетое в одни и те же одежды, заслоняя собой и мир, и самого субъекта. Существование фантома принуждает субъекта всякий раз переживать прошлое «неузнанное» состояние, что и погружает его в до-состояния, не давая возможности пережить следующее «сейчас». Возможность пережить актуальное состояние станет действительностью только в том случае, если произойдет «узнавание» предыдущего состояния «тогда», т.е. воплотится решительная попытка поиска и нахождения единственного полного (и только своего) смысла для «там и тогда», вбирающего в себя весь предыдущий опыт жизни и определяющего место всякому опыту. Именно фантомы создают внутренний дискомфорт своему носителю. В отсутствии всяких видимых (реальных) причин.

6. Фантом представляет собой **мертвую ментальную форму**, неизменную и фальшивую.
7. Фантом потому и является фантомом, что субъект не потрудился достаточно, чтобы найти для этого содержания единственное место — **это место в топосе Души было перепутано**. Психотерапия дает возможность человеку совершить те усилия «там и тогда» — в «здесь и сейчас», которые он тогда решил не совершать, а посему **сейчас** погрузил себя в странное нереальное существование.

Ментальный мир, какой бы он ни был — фантомный или действительный — воздействует на тело. Это физическое воздействие, как показывает психотерапевтическая практика и жизненный опыт, принципиально такое же, как и воздействие со стороны физического мира. Фантомное ментальное воздействие создает отнюдь не фантомные реальные телесные изменения, что и называется психосоматическими расстройствами: «неузнанный» и неосознанный фантом как бы «застревает» в теле вместе с чувством — маркером фантома. Фантомные «консервы» застревают в интернальном теле и как бы «умерщвляют» какие-то ее части.

В совсем недавно вышедшей книге А. Ермошина «Вещи в теле» пишется как раз об этих фантомных образованиях в теле, только автор называет их иначе.

Понятно, что при этом всегда появляются соматические нарушения в соответствующих частях физического тела. Думается, что было бы уместно говорить о существовании фантомных элементов в интернальном теле у субъектов с измененной структурой личности (см. табл. «Типология характеров и интернальное тело»).

Основной отличительный признак фантомного следа в «интернальном теле» — его «вещность». Фантом — ментальная неживая форма, — застревает в живой форме, вызывая в физическом теле соматический дискомфорт или даже психосоматическое расстройство.

Психотерапевтическая модель работы с фантомами

Встреча с фантомами абсолютно неизбежна в любом психотерапевтическом взаимодействии. Что в этом случае можно предложить клиенту? Собственное объяснение, что все это не так, как себе представляет клиент? Или, быть может, новый фантом, который «лучше» прежнего (например, «так же хорошо будет всякий раз, когда Вы...»)?

Я предлагаю собственную технологию работы с истинными фантомами, апробированную в процессе глубинной топологической психотерапии с клиентами и имеющую вполне приемлемую эффективность. Ведущим ресурсом в данной работе является Эго-сознание клиента, которое при помощи психотерапевта постепенно выстраивает более четкие границы в ментальном мире «Я» между отраженным миром и отраженным «Я».

Осознание фантома ведется последовательно, в несколько этапов: словесное описание, работа с образами, работа с чувствами и телом, анализ и осознание механизма «запуска» фантома, анализ и осознание защитных функций фантома, построение «анти-фантома», нахождение глубинного «неузнанного» переживания прошлого опыта (если таковое имеется, т.к. переживание прошлого часто не волнует клиента так же сильно, как собственно фантом) и, наконец, таинственная интеграция узнанного бессознательного содержания в Эго-сознание клиента. Последнее происходит само по себе, независимо от «магических пассов» психотерапевта.

Словесное описание фантома клиенты обычно приносят с собой в виде печальной истории своей жизни. Важно выделить в ней главные смысловые структуры — **идеи о жизни**. У каждого клиента — они свои. Далее необходимо помочь клиенту разделить в этой истории **идеи о себе** от **идей о мире** и выяснить, какими чувствами они сопровождаются. **Идея фантома всегда опережает чувство**. Кроме того, необходимо понять последствие воздействия фантома на телесное состояние клиента, которое можно максимизировать и перевести во внутренний образ. Как правило, отвечая на вопрос «кто кем управляет?» клиенты отвечают «это управляет мной». **Сила фантома всегда сильнее «Я»**.

Работа с образами. Как уже было отмечено, состояние «внутри фантома» легко переводится в образ — внутренний образ, с которым можно работать технологией направленного воображения. В этом случае тема воображения задается идеей фантома, а направление — правилами работы с внутренними образами. В первую очередь это правило «следования за спонтанной трансформацией внутреннего образа».

С внутренними образами следует работать чрезвычайно осторожно, т.к. в них поступает и оформляется вытесненное содержание бессознательного. Это содержание нельзя направлять усилиями сознания психотерапевта в некое **придуманное** русло. Законы внутренней трансформации таковы, что главное усилие клиента и психотерапевта должно быть сосредоточено только на высвобождении и осознании потока чувств, ощущений и причудливых форм образов, самопроизвольно транслирующихся согласно внутренним законам.

Работа с чувствами и телом осуществляется параллельно с работой над внутренними образами. Обычно достаточно простой рефлексии над потоком чувств и телесных ощущений: «что вы чувствуете?», «насколько сильно это чувство?», «где оно локализуется в теле?» и т.п. Самым точным является тот внутренний образ, который возникает после осознания **места** в теле для переживаемого чувства. Если чувства не настолько велики, что клиент способен с ними справиться, то через них возможен выход (с помощью вопросов психотерапевта) к реальным воспоминаниям, вызвавшим его впервые. Осознание вытесненного прошлого опыта способствует отреагированию чувства и освобождению от телесной «разорванности». На следующей сессии можно вновь вернуться к чувственно-телесным переживаниям фантома в так называемом «Путешествии по телу». Это особая техника направленного воображения, при помощи которой может быть вызван внутренний образ тела — интернальное тело. Этот внутренний

образ принципиально отличается от перцептивного образа тела, основанного на осознании кинестетических ощущений и визуальном восприятии тела. Так, например, перцептивный образ тела может иметь форму физического человеческого тела, подобного тому, обладателем которого является субъект. Тогда как внутренний образ, т.е. отраженное тело, часто представляется в виде совершенно иных форм — цветков, животных, геометрических фигур или «неполного», усеченного человеческого тела (только голова, тело без головы, только верхняя часть тела и т.п.), а иногда даже в виде чужого тела, т.е. тела другого человека.

Анализ и осознание механизма «запуска» фантома и его защитных функций можно проводить только после полного возвращения в сознание чувственно-телесных переживаний. Однако без осмысления произошедших трансформаций и без нахождения им места в личном жизненном опыте работа с внутренними образами окажется психотерапевтически бессмысленной. Необходимо тщательно исследовать те причины, которые вызывают фантом, и понять, что же защищается им на самом деле. Как правило, ключом для расшифровки механизма «запуска» фантома является вытесненное ядерное воспоминание из прошлого опыта. Через призму понимания причин появления фантома в похожих жизненных ситуациях необходимо рассмотреть весь ряд непонятых клиентом жизненных событий и установить их связь с нуклеарным воспоминанием.

Далее рациональный этап работы с фантомом предполагает достраивание потерянной части реальности — **«антифантома»**. Например, анти-фантомом для негативного фантомного «Я» является позитивное фантомное «Я». Главным условием их интеграции и освобождения от фантомности является сознательное усилие по удержанию их в сознании **одновременно** (а не последовательно, как ранее). Что-то таинственное происходит при этом одновременном сознательном удержании имеющейся в сознании клиента и удаленной из этого сознания комплементарных частей отраженной реальности. И это таинство называется завершающей интеграцией.

* * *

Анализ клиентских случаев

Клиент С. — юноша, 23 года, разведен. Мать — алкоголик, умерла за 2 года до обращения. Отца не помнит с 5 лет. Обратился по поводу «алкогольной эпилепсии». Фантом являлся всякий раз при принятии спиртного после смерти матери (глас

бессознательного: «если будешь пить, то умрешь, как она») с тяжелыми телесными ощущениями: судороги, учащение сердцебиения, спазм сосудов, головокружение. Ментальная концепция фантома: «Я болен алкогольной эпилепсией (я больной); (в Мире) очень много заболеваний, которыми можно заразиться». Осознание страха смерти в фантоме отсутствует. Чувства — ужас. Образ — всепоглощающая чернота.

Работа с фантомным страхом привела к переживанию ранней сцены, где клиент испугался своей матери с ножом в руках. Вторичное переживание показало, что никакого ножа в руке не было, просто мать была пьяна и грязна. Освободившись от ядерного страха, клиент смог рационально отрефлексировать фантомное убеждение о «заражении», соединив его с вытесненным страхом смерти. Построение логической цепочки, связывающей содержание вытесненного и осознанного фантомного содержания «я боюсь заразиться — заболеть — и умереть» вызвало безудержный смех, а значит, возвращение к жизни.

После окончания психотерапии все признаки телесного и ментального проявления фантома исчезли, а клиент смог самостоятельно выстроить новый социальный паттерн поведения, став успешным бизнесменом.

Клиентка И. — замужняя бездетная женщина, 35 лет. Выросла в полной семье с нормальными родительно-детскими отношениями. Имеет достаточно высокий уровень социальной адаптации. Обратилась в состоянии потери Эго-идентификации. Жалоба: «Я живу не своей жизнью». Фантомное «Я», тщательно выстроенное через интеллектуальную персону, вызывало телесные ощущения полной потери «телесности» и увеличения головы («Я — одна голова»). Выяснилось, что в детстве она была очень толстой девочкой, по поводу чего у ее Эго-сознания сложились отношения ненависти с отраженным «телесным Я». В ментальной реальности (в Эго-сознании) тела вообще не было. Оно было вытеснено и забыто из-за его непривлекательности и безобразности. Концепция фантома: «Я должна всегда хорошо выглядеть, чтобы никто не догадался, какая я некрасивая; (в Мире) ценятся только внешне привлекательные женщины». Чувства — стыд, отвращение. Образ — старая грязная женщина.

В процессе психотерапии она смогла отреагировать свои чувства по отношению к телу той толстой девочки и испытать после этого во второй реальности буквальное «раздувание» своего тела (до кустодиевских размеров). Витальность этой материнской полноты переживалась клиенткой совершенно противоположным образом. В данном случае фантомным явлением была гипертрофированная голова (отражение мира и «Я» только через понимание и познание), а антифантомным — задавленная

телесность. Интеграция телесного витального «Я» с Эго-сознанием клиентки изменила ее персонную концепцию и дала возможность переживать собственное бытие и через тело.

Клиент К. — молодой мужчина 34 лет, разведен. Воспитывался без отца, от матери эмоциональной поддержки не получал. Не мог устанавливать с людьми доверительных отношений. Запрос связан с переживанием расщепления «Я»: одно хорошее, другое — плохое. Испытывал страх от «ужасности» своего второго «Я» — «Я страшен и меня (в Мире) боятся». Фантомный Монстр появлялся в тот момент, когда К. сталкивался с проблемой установления доверительных отношений, и приводил его в состояние неконтролируемой агрессии. Образ — огромный черный великан, страшный и ужасный. Телесные ощущения — холод в теле, особенно со стороны спины. В Эго-сознании отсутствовала адресность агрессии к родителям, не давшим К. любви и заботы. Конечно, отсутствовал в сознании и страх быть отвергнутым. Агрессия к людям как бы предвосхищала неизбежность отвержения — К. мстил им за то, чего они ему не делали, но не понимал, что это его собственное ожидание, навязанное Эго-сознанию отношениями с родителями.

В процессе психотерапии К. смог выстроить во второй реальности «белого великана» — прямую противоположность Монстру. Интеграция Монстра в Эго-сознание позволила К. изменить силовые взаимоотношения с ним — Эго-центр оказался больше и сильнее. Удалось отрефлексировать механизм запуска фантома, ключевым моментом в котором было появление страха. Был осуществлен перевод «прирученного» Монстра с границы пространства «отраженное «Я» — отраженный Мир» на границу «физическое тело — реальный мир», что дало возможность клиенту разумно использовать его агрессию. Смех К. после осознания того, что он с собой делал, был последней точкой стремительного процесса освобождения человека от власти фантома.

Клиентка Н. — замужняя женщина, 37 лет, имеет ребенка 11 лет. Выросла в полной семье, где не получала достаточной эмоциональной поддержки. Социально успешна, но не способна установить близкие отношения с мужчиной. Отсюда — частые депрессии от «невозможности достижения гармоничного существования в несовершенном мире» и экзистенциальный вакуум. Фантом являлся всякий раз после фрустрации, вызванной вытесненным страхом отвержения и вызывал телесные ощущения сдавливания в области сердца. Концепция фантома: «Я совершенно одинока, никто не способен меня понять, любая попытка бессмысленна; (в Мире) не существует ни одного достойного мужчины». Чувства — стыд, боль. Образ — кукла без глаз.

После актуализации, переживания и осознания страха быть покинутой и отвергнутой людьми, как покинули и отвергли ее родители, Н. смогла иначе «прочитать» содержание своего фантома: «Я не достойна ни одного мужчины, всякий может меня покинуть». Невозможно описать удивление зрелой и значимой личности, которой является Н., при встрече с таким бессознательным «посылом». После определенной коррекции самоотношения стала возможной последующая рефлексия с «переворачиванием» фантомных концептов:

ФАНТОМ	АНТИФАНТОМ
«все бессмысленно»	«все имеет смысл»
«я ничего не могу»	«я могу все»
«мир несовершенен»	«все в мире — совершенство»
«я не достойна любви»	«я достойна любви»
«я — одна»	«я — не одна»

Построение антифантома усиливает абсурдность и «половинчатость» фантома. Другая половина содержания, недоступная ранее сознанию, лишила клиентку уверенности в верности ее «убеждений» и открыла ее Эго-сознанию противоречивость бытия воочию: существует все и одновременно.

По-видимому, законы функционирования фантома всегда ведут к потере половины реальности и усилению, в связи с этим, ощущения небытия личности. Фантом как бы захлопывается и заключает «Я» в клетку неполноценности, в которой через некоторое время чувства (страха, стыда, боли и т.д.) становятся невыносимыми. Открывая другую половину и соединяя ее с прежней, Эго-сознание неизбежно теряет фантомное и приобретает действительное.

Вероятно, порождение и расшифровка фантомов — естественный путь развития человека. И по мере приобретения самостоятельного статуса «Я» по отношению к самостоятельному Миру происходит все большее узнавание истинного «Я». В том случае, если фантом не узнан и не принят «Я», возникает мертвое состояние, невозможным образом искажающее и «Я», и Мир.

* * *

Страшные сказки

Доведенные до абсурда влиянием соавтора клиентские нарративы

Сказка о первой иллюзии любви

Жила-была девочка. Она была сиротой и некому было о ней позаботиться. Она чувствовала себя одинокой-одинокой и никому не нужной. Когда ей было совсем грустно и больно одной, она начинала мечтать о доблестном рыцаре или о богатом Принце, который появится и сделает ее в один миг счастливой, потому что он не сможет не заметить и не оценить ее неземную красоту, святость и нежность. Мечтая, девочка совсем не замечала живущих вокруг обыкновенных мальчиков. И когда, наконец, она вышла замуж за первого встречного, она продолжала считать себя самой несчастной в мире девочкой, т.к. ей так и не удалось найти своего принца. (Или: ей так и не удалось найти своего принца, и она прождала его всю свою долгую и скучную жизнь).

Сказка о второй иллюзии любви

Жила-была некрасивая девочка. У нее был только один глаз, а рта у нее совсем не было. Кроме того, она была хромая и с кривыми ножками. Никто не смог бы никогда полюбить эту девочку, даже за ее добрую и кроткую душу. Однажды одна старая женщина, сняв парик, вынув челюсть и отстегнув протез, рассказала девочке, что стоит ей стать двуглазой, ротозубой и ногошеей, как вся жизнь ее изменится. Долго искала девочка волшебника, который помог бы ей стать именно такой, и, наконец, чудо свершилось. Скоро она выбрала супруга и показалась себе счастливой. Несколько омрачило ее счастье то, что ее супруг смог исполнить свой супружеский долг при помощи фаллоса, а не с помощью пениса. Поэтому детей у них к сожалению никогда не было...

Сказка о третьей иллюзии любви

Жила-была девочка, мама и бабушка. Папы и дедушки у них не было. Мама очень любила свою девочку, так же сильно, как и бабушка маму. К слову сказать, у мамы было 24 брата и 40 сестер. И, чтобы девочке не было скучно, она начала рожать ей: сначала братика, потом сестренку, потом снова сестренку... Прошло 84 года. У мамы родилось 40 мальчиков и 43 девочки. Всех их она очень любила и очень переживала, что им, все-таки, будет очень скучно жить ведь их так мало, а других

людей так много. Но единственное, что ее успокаивало, так это то, что 23 девочки выросли и каждая из них родила соответственно 6 девочек и 6 мальчиков, 5 девочек и 5 мальчиков, 4 девочки и 4 мальчика и т.д. Вот только жизнь всех мальчиков проходила напрасно...

Вымыслы и фантомы в искусстве

Итак, вымысел представляет собой оформленную инобытийствующую идею. В искусстве идеи Автора воплощаются в словесных (текстовых) и образных формах, которые так и называются — **Произведения Искусства**. Все они авторские, т.е. они собственно, и есть форма инобытия Автора. Эта форма живая, подлинная, если Автор в собственной жизни выбирает жизнь, и эта форма мертвая, если инобытие единственная или непохожая на него самого (а значит — замещенная) форма существования Автора. Если идея не вырастает из самого бытия субъекта, она обречена не быть. Какой бы красивой она ни была — всегда найдется живой мальчик, который увидит ее неподлинность и наготу. В этом смысле только живые рукописи не горят.

На страницах этой книги совершенно умышленно рассыпаны живые и подлинные «следы» многих Авторов, которые пробуждают жизнь в Душе и заставляют погружаться в ее запредельные глубины, где «над вымыслом слезами обольюсь...», а «...остальное — молчание...».

Искусство — и искусство. Искусство подлинное и фантомное...

Искусство подлинное раскрывает через внешние формы внутренний глубокий аспект бытия Души и Духа. Автор подлинного Произведения Искусства находит единственно уместные слова и единственно возможные образы, понятные лишь **живому человеку**, возможному субъекту в нем.

Фантомное искусство только использует формы, принятые в искусстве подлинном, но не с целью продолжения жизни в них, а с целью утаить собственную смерть с их помощью, убедить других и себя в своей жизни — «я как бы жив». Думается, что сокрытие собственной смерти является единственной жизненной целью невоплощенной и неподлинной личности. Для ее осуществления часто используется и искусство, и наука (и психотерапия, в которой чудесным образом переплетаются средства и той, и другой формы). Одним способом сокрытия

«труп» является полный уход в инобытие из реального бытия событийного и суетного мира (создание сверх ценности внутреннего и обесценивание внешнего). Другим способом является декларирование в инобытии одного смысла, но реальное следование в жизни иным смыслам, часто прямо противоположным декларируемому. Такой «искусник» как бы прощает себя и свои грехи путем создания удивительной формы несуществующему в его жизни смыслу, которая им предъявляется миру **вместо** себя.

Подлинным Произведением Искусства всегда будет живое, каким бы «больным» оно не было в реальной жизни. Гессе, Кафка, Пруст, Борхес, Достоевский совершали в искусстве прорыв к собственной трансформации, осмелившись открыть и рассказать миру о том, что происходит с ними и вокруг них, как **им кажется**. Не претендуя на истину. Кстати, фантомное искусство всегда претендует на единственно возможную объективность и исключает **разное** понимание.

В этой **допустимой изначально разности** понимания и состоит коренное отличие подлинного бытия индивидуальности от некоего обобщенного бытия, **принятого всеми за эталон подлинности**. Именно его обычно называют счастьем.

Каждый выбирает для себя то, что ему хочется считать своей подлинной жизнью. У вас, уважаемый читатель, есть полное право не согласиться с теми приоритетами, которые для меня давно стали неоспоримыми и являют собой примеры источников подлинного бытия. Допустимая разность позволяет прийти к чему-то общему.

В Произведении Искусства нерелексивный план остается принципиально нерелексируемым. Смысл Произведения Искусства — **иррационален**.

Автор говорит со мной опосредованно (через Произведение), странным языком, но — понятно! Если это — мой Автор. Автор, слова и образы которого могут быть вами осмыслены и соединены. Любое произведение искусства есть нарратив Автора, будь то текст или полотно. Это его способ бытия в разговоре со мной.

Наука, в отличие от искусства, использует в основном вербальные формы для воплощения своих идей. Парадигмальное мышление преувеличенно явно выступает в академической психологии: в ее особом языке, алгоритмов текстов, суждений и выводов. Именно парадигмальность науки психологии создала

препятствия для осмысления реальности взаимодействия психотерапевта и клиента, почему и была попорана пионерами психотерапии. Только отказ от рационального изложения позволяет психотерапевту построить текст о реальности своего взаимодействия с Другим — клиентом. Диалог выводит на первый план нарративную структуру высказывания и актуализирует иные — иррациональные (всегда возможные в искусстве) смыслы.

Однако, психотерапия — это не только искусство, хотя и искусство тоже. Психотерапия — это особое искусство, и особая наука, в которой парадигмальный и нарративный планы осмысления почти уравнивают друг друга.

«Парадигмальный» психотерапевт как отдельное фантомное явление все еще встречается в профессиональной среде. Он убежден в существовании одной формулы жизни для всех людей. Как правило, эта формула его собственной жизни. Единственное желание такого «специалиста» — доказать свое верное решение другому, и тем самым еще раз подтвердить истинность любимых аксиом своей жизни. И если хотя бы одна из этих аксиом разрушается самой жизнью, то вся жизнь такого человека становится бессмысленной.

«Нарративный» психотерапевт в чистом виде, как противоположное фантомное явление, встречается чаще всего в среде «паранормальных» мистиков, которые ведут себя с клиентами по сценарию цыганки-гадалки. Говорят те слова, которые хочет услышать любой человек, независимо от расы, возраста и социального происхождения.

Таким образом, вымысел представляет собой вполне тривиальную форму бытия Духа, проявляющуюся в любых моментах человеческой активности. Вымысел содержит в себе результат акта наделения смыслом — главного способа явленности бытия Духа в человеческом существовании. Смысл, однако, изначально обречен на неподлинность, т.к. заражен предшествующими «до»-смыслами и фантомами, главное отличительное свойство которых — неизменность.

Вообще, чрезвычайно трудно провести четкую грань между вымыслом и фантомом, т.к. ценности и идеи всегда обладают всего лишь относительным постоянством.

Вымысел в психотерапии

Традиционно при анализе психотерапевтического взаимодействия значительно большее внимание уделяется личности клиента. Другая сторона терапевтического альянса обычно считается незыблемой и уходит от бдительного ока сознания самого аналитика, которым обычно и осуществляется «рефлексия над процессом».

Не претендуя на особую новизну и даже не предполагая внести хоть сколько-нибудь ясности в существо означенной «психотерапевтической туманности», я решила последовать за веселой идеей Дж. Хиллмана, при помощи которой удастся увидеть в психотерапии то, что не заметно рефлексирующему психоаналитическому сознанию, поглощенному осмыслению переносов и контрпереносов.

Суть идеи Дж. Хиллмана⁹² сводится к следующему:

«...История болезни является вымыслом в качестве придуманного сообщения о воображаемых внутренних процессах главного героя рассказа. Ее автор не является главным героем. Другими словами, история болезни не является ни автобиографией, ни биографией, поскольку выбор событий для рассказа осуществляется строго в соответствии с требованиями сюжета...».

«Психологический диагноз также представляет собой «рассказ о пациенте». Диагноз — это карикатурное изображение, краткое описание некоего персонажа (...) на языке клинициста, предназначенное для прочтения другими клиницистами»⁹³.

Игнорируя ореол святости и совершенства, приписываемый психотерапевтам, и отнесясь с достаточной долей иронии к происходящему в психотерапевтическом альянсе, возможно обнажить взаимодействия двух ирреальностей (если не «нереальностей»), при наложении которых вдруг выступает сама **реальность**.

Для понимания Другого (клиента) психотерапевт использует профессиональные смыслы, т.к. по определению он обязан «видеть» то, чего не видит сам клиент.

Понимание Другого для психотерапевта представляет собой **рефлексивный акт** наделения (своим субъективным) смыслом некоторую мыслимую часть своего сознания, которую он сам именуется «Другой» (клиент).

Любой акт наделения смыслом становится реальностью только внутри некоего индивидуального сознания: у меня есть смысл, которым я могу наделить то-то

и того-то. Но ведь это далеко не все, что происходит. Что-то **нерефлексивное** происходит **между** «Я» и «Другим», что обычно сводится к эмпатии, переживанию, чувствованию, взаимодействию двух бессознательных сфер и т.д. Важно другое — на этом до-рефлексивном уровне тоже возможно понимание. И этот феномен давно известен в психотерапии и даже имеет свое название — «рапорт». Однако, возникает вопрос: это «понимание», если смысл еще не найден, а, может быть, он не будет найден никогда (и не потому, что его невозможно найти, а потому, что он не определяет с необходимостью сам результат взаимопонимания).

Нарративный характер бытия в удивительно преувеличенном виде представлен и у психотерапевта, и у клиента в особой форме их общения. У клиента (иначе он не клиент) — в преувеличенном негативном, у психотерапевта (в противном случае ему следует сменить род деятельности) — в преувеличенно позитивном виде. Вне психотерапевтического взаимодействия оба человека способны к обычному общению, в котором нет строго заданных альтернативных позиций. Кстати, именно психотерапевты склонны пренебрегать этим «высвобождением» и норовят поставить партнера по общению в позицию клиента, чтобы войти в привычное состояние. Хотя, освобождение от этой профессиональной деформации менее мучительное, чем, скажем, у желающего всех учить учителя общеобразовательной школы.

Я вынуждена констатировать, что клиентские нарративы известны нам гораздо больше, чем наши собственные. Более того, психотерапевт редко осознает свой нарратив, как собственный. Чаще он воспринимает себя как простого исполнителя «классического» психоанализа, юнгианского анализа, гештальт-терапии, психодрамы и т.д., а свой нарратив — как «классическое» выполнение всех канонов данного профессионального направления, т.е. осознает парадигмальный уровень профессионального мышления. Что касается психотерапевтических «парадигм», то они, как правило, усваиваются на этапе формирования профессионального мышления. В настоящее время существуют две взаимно противоположные, а следовательно, взаимодополнительные парадигмальные психотерапевтические системы: Его-психология и Self-психология, данные в подробном изложении в первой части монографии.

Смысл, который ищет психотерапевт, задан изначально «местом», в котором его находит искатель. Это «место» особое. Оно дано неявно — в мыслимых связях и отношениях между объектами окружающей действительности и элементами

внутренней реальности, что закреплено в соответствующих психотерапевтических идеях. Чтобы следовать логике взаимодополнительности, рассмотрим идеи переноса-контрпереноса (Эго-психология) и идеи мифа, представленного в нарративе (Self-психология).

В психоаналитической идее переноса-контрпереноса есть одна либо совсем отсутствующая, либо негативно интерпретируемая деталь: если у психоаналитика возникает что-то «свое» по отношению к клиенту, то это непременно является свидетельством его инфантильности и невротичности. Если же он отражает только клиента (либо его, либо Других по отношению к нему), то только в этом случае он может быть эффективным. Субъектная представленность психотерапевта во взаимодействии, таким образом, недооценивается. Точно такому же бессубъектному семантическому анализу подвергаются в Эго-психологии нарративы клиентов и психотерапевтов. Анализируются: паттерны взаимодействия (M. Horowitz, Schacht), последовательность предикатов (Teller, Dahl), центральная конфликтная тема взаимоотношений (L. Luborsky, E. Luborsky) и т.п. Конечно, все это имеет значение как проявление типического во взаимодействии клиента и психотерапевта. Однако иррациональность, уникальность процесса ускользает, если не исчезает совсем.

Общеизвестно, что каждый второй клиент идет на прием к определенной личности, о которой он хорошо осведомлен. Более того, сейчас в России о каждом практикующем психотерапевте существуют удивительные «мифы», которые создают клиенты, прошедшие у этого специалиста психотерапию. Выбор психотерапевта нередко осуществляется именно по степени соответствия подобного «мифа» запросу клиента. В некотором смысле такой «миф» является «общественным» клиентским нарративом, в котором субъектно представлен психотерапевт. Кроме того, у психотерапевта может быть выявлена и описана его профессиональная нарративная структура (структуры), которую он использует в качестве основного рабочего инструмента. «Миф» клиентов и нарратив психотерапевта совпадают в общей идее в том случае, если психотерапевт работает эффективно.

К сожалению, в настоящее время в России психотерапия вмещает множество дилетантов, «мифы» о которых серьезно подрывают авторитет профессиональной психотерапии.

Таким образом, иррациональная мифологическая структура нарратива воплощает в себе как **уникальное** (субъектную представленность психотерапевта в индивидуальном и общественном сознании), так и **типическое** (способ изложения, жанр и миф). В связи с чем и предлагается собственная версия использования нарратива как единицы анализа психотерапевтического взаимодействия.

Вернемся к основным моментам идеи «вымысла» Дж. Хиллмана⁹⁴ и его замечаниям об использовании рассказов психотерапевтического жанра и их типологии. Психоаналитическая тяжелая скорбь и чопорная серьезность в его изложении не встречаются, скорее все выглядит научной шалостью, самоиронией и отличается чрезвычайной легкостью, что заражает и очаровывает.

Дж. Хиллман⁹⁵ пишет о трех значениях слова «вымысел», которое он применяет для анализа двустороннего психотерапевтического процесса.

У клиента — «история болезни» (как вымысел).

Первое значение — **«фантазии клиента о событиях, как будто они действительно имели место...»** быть. **Второе** — *«придуманное сообщение клиента о воображаемых внутренних процессах главного героя рассказа»* (эмпирическая маска, позволяющая клиенту чувствовать себя в безопасности). **Третье** — *«изложение литературных утверждений, перенесенных в ту область, в которой их невозможно опровергнуть или проверить»*⁹⁶ (особого рода художественное произведение).

У психотерапевта — «терапевтический вымысел».

Первое значение — диагноз как карикатурное изображение пациента, понятное другим клиницистам. **Второе** — «встраивание» клиента в определенную клиническую фантазию с ее ожиданиями и символами («буквализм» — основное орудие клинического ума). **Третье** — вхождение психотерапевта на правах соавтора в диагностический рассказ пациента.

Именно на последнем моменте я хотела бы остановиться подробнее, поскольку мне представляется, что именно он вносит новизну в анализ психотерапевтического процесса и именно с его помощью становится возможной выработка научного представления о личном участии психотерапевта в психотерапевтическом процессе (разумеется, в позитивном смысле).

Как рассказ клиента, так и терапевтический рассказ несут на себе отпечаток истории жизни, осмысленной автором. Эта история, по мнению Юнга, опирается на архетипический фундамент — риторику архетипа⁹⁷, — в соответствии в которым мы и живем. Входя в историю жизни клиента на правах соавтора, психотерапевт

несет величайшую ответственность за то, что он в ней изменяет. Входя со своей историей, он неизбежно нарушает «сюжет» клиента. С моей точки зрения, главной целью **Соавтора** является создание совместно с клиентом такого (нового) сюжета, который бы максимально точно отражал глубинные трансформации в жизни клиента и выводил его из «порочного круга» защит на бесконечную спираль личностных трансформаций. Разумеется, психотерапевт способен осмыслить и различить только те трансформации, которые известны ему самому. Мы можем довести клиента только до той точки, до которой дошли сами.

В бытии Соавтора, согласуя с бытием клиента (**Автора**), можно выделить некоторые типические черты, имеющие означенный **архетипический фундамент, характер соучастия, рационально-чувственный и целевой компоненты**. По этим четырем признакам я предлагаю читателю типологию рассказов психотерапевтического жанра, которые пишутся Соавтором и Автором совместно, но, безусловно, при активной фасилитации Соавтора. Эта классификация, несомненно, базируется на представлениях Дж. Хиллмана, но и принципиально отличается от нее. Конечно, она не является сколь-нибудь полной и законченной.

Я предлагаю типировать психотерапевтические рассказы по следующим основаниям:

- *по целевому компоненту или направленности на «место»* — на **«Эго-психологические»** и **«Self-психологические»**; в полном соответствии с парадигмами «Эго» — и «Self-психологии» нарративы, типированные по данному целевому признаку, отличаются отношением к нереплексивному плану взаимодействия и центральной областью анализа: либо это отношения с миром (внешний план адаптации), либо — с собой (внутренний план адаптации); еще одно различие состоит в анализе преимущественно одной причинно-следственной связи: в «Эго-психологии» используется направление от мира — к себе (мир прав, а я не прав), а в «Self-психологии» — наоборот, от себя — к миру (я прав, а мир не прав); хотя, конечно, «мы оба правы»;
- *по характеру соучастия или степени директивности поведения психотерапевта* на **«авторские»** (директивные) и **«соавторские»** (недирективные); авторские права психотерапевтического нарратива либо принадлежат клиенту, и он с ним уходит, т.к. это — его собственность, либо принадлежат психотерапевту в доведенном до абсурда авторстве, и он тиражирует себя вместе со своим рассказом, одинаковым для всех (в

каждом клиенте, который уходит не с собой — с психотерапевтом); в этом и состоит отличие понятия авторства, применяемого при типировании, от известной директивной и недирективной стратегии в психотерапии;

- *по чувственно-рациональному компоненту* (или по преобладанию вербальных или невербальных техник воздействия) — на **чувственные и рациональные**; приоритет чувств и работа с чувствами или приоритет слова, убеждения и интерпретации определяют типирование по чувственно-рациональному компоненту; однако это не означает **только** работу с чувствами или **только** работу с когнициями, и здесь, безусловно, все определяют приоритеты;
- *по архетипическому фундаменту* или по соответствию мифологическому содержанию архетипов — на **9 архетипических форм** (см. таблицу).

Из девяти архетипических форм шесть мы отнесли к «Эго-психологической», два — к «Self-психологической» парадигмам, а один тип был вынесен отдельно, т.к. его невозможно было типировать по выделенным основаниям (алхимический).

Аполлонианский жанр — жанр, формирующий Эго и Супер-Эго.

Преимущества (любого жанра — зависят от креативности и профессионализма психотерапевта): структурирует «расплывчатые» клиентские нарративы, выявляет противоречия, создает определенность и однозначность. По сути, выполняет функции сознания по отношению к бессознательному при помощи слова. Эффективен с импульсивными и аффективными клиентами.

Недостатки (связаны прежде всего с ограничениями средств и с бессознательным использованием невротических защит собственного «Эго»): создает препятствия для эмпатического слушания, игнорирует нерелексивную сторону взаимодействия. Опасность использования невротических защит: всемогущий контроль, рационализация, интеллектуализация, морализация.

Сенексический жанр — жанр, раскрывающий ресурсы Эго и Self.

Преимущества: ценностное отношение к клиенту и его истории, понимание важности происходящего, создает атмосферу доверительного исследования и условия для самораскрытия клиента. Способствует формированию рефлексивных навыков. Эффективен с обсессивно-компульсивными и маниакальными личностями.

Недостатки: создает огромное рефлексивное поле, которое может впоследствии оцениваться клиентом выше собственного бытия, способствует формированию сверх

Типология рассказов психотерапевтического жанра

Цель Воздействи	«Эго-психологические»			«Self-психологические»		
	«Рациональные»	«Чувственные»		«Рациональные»	«Чувственные»	
Архетипический фундамент	«Аполлонический» жанр	«Сенексический» жанр	«Эротический» жанр	«Дионисийский» жанр	«Плутоской» жанр	«Герменевтический» жанр
	Автор	Соавтор	Соавтор	Автор	Соавтор	Соавтор
Авторство	Автор	Соавтор	Соавтор	Автор	Соавтор	Соавтор
Характеристика	Морализация, высокая ответственность, целостности, убежденность, логика.	Неспешность, серьезность, восхождение к целостности, убежденность, матизация.	Внимание к конфликтам, препятствиям, борьбе. Тенденция к разделению по половым признакам и межполовому противостоянию.	Сражение за независимость от Великой Матери. Актуальность сепарации и самоопределения.	Игра, театральность, верхность, внимание к деталям и событиям, ритмичность, неизменность.	Внимание к трансформациям, границам, поиску связей между различными мирами. Способность к бесконечному анализу возрастающего объема бессознательного материала.
Формула	«Вначале было слово...»	«Суета сует, все — суета»	«Cītius, altius, fortius!»	«Быть или не быть — вот в чем вопрос»	«Вся наша жизнь — театр, а люди в нем актеры»	«Жизнь есть усилие во времени»
						«Aut Caesar, ut nihil!»

ценности психотерапевта (идеализации) и снижает интеллектуальную активность клиента. Опасность использования невротических защит психотерапевтом: нарциссические защиты, идеализация — обесценивание.

Эдипальный жанр — жанр, формирующий Эго.

Преимущества: способствует формированию границ «Эго», разрешению конфликтов с родителями и выходу из сепаративного кризиса. Способствует формированию полоролевой индентификации и осознанию сексуальных аспектов в поведении. Выработывает толерантность к фрустрации. Особенно эффективен с социально-инфантильными и симбиотическими клиентами.

Недостатки: «застывание» только в данной области тормозит личностный рост и духовное развитие, грозит повышенной конфликтностью и агрессивностью. Опасность использования невротических защит психотерапевтом: рационализация, отреагирование.

Эротический жанр — жанр, формирующий Персону.

Преимущества: один из немногих жанров, способствующих освоению тела и осознанию жизнедеятельности. Способствует снятию психосоматических зажимов и осознанию запретов, блокирующих удовлетворение базовых потребностей. Эффективен с рациональными типами клиентов, испытывающих трудности в общении, и имеющими психосоматические симптомы, связанные с блокадой базовых потребностей.

Недостатки: при фиксации только на данной стороне бытия у клиента вырабатывается сверхценное отношение к сексуальной стороне жизни и даже «соматомания». Может возникнуть излишне скурпулезное отношение к своему здоровью. Опасность использования невротических защит психотерапевтом: сексуализация, сублимация.

Дионисийский жанр — жанр, раскрывающий ресурсы Эго.

Преимущества: составляет главную тему любого клиентского запроса, т.к. корнями уходит в героический архетип, способствует прохождению основных этапов в становлении Эго и раскрытию «силы Эго». Эффективен в работе с любым типом личности клиента.

Недостатки: показан в данном варианте только мужчинам, для женщины может стать ловушкой — грозить превращением в «героическую женщину». Опасность использования невротических защит психотерапевтом: нарциссические защиты, отрицание.

Плутовской жанр — жанр, формирующий Персону.

Преимущества: способствует формированию спонтанности, гибкости (изворотливости), чувства юмора, предприимчивости, способности действовать в самых неожиданных ситуациях.

данных ситуациях. Особенно эффективен для подростков и клиентов со спутанной идентичностью.

Недостатки: проявленные демонстративные черты личности могут встраиваться в структуру Эго (что в целом неплохо для женщин, но странно для мужчин). Самый поверхностный жанр из представленных. Опасность использования невротических защит психотерапевтом: смещение, реактивное образование.

Герменевтический жанр — жанр, создающий условия для глубокой архетипической интеграции.

Преимущества: единственный из представленных в статье жанров, способствующий глубокому самораскрытию клиента. Психотерапевт, по сути, выполняет функции сталкера в бессознательном клиента. Эффект, достигаемый в подобной психотерапии, отличается достижением высокого уровня целостности. Очень сложен для описания.

Недостатки: при повышенном внимании к содержанию бессознательного создает условия для формирования аутичности и, возможно, мистицизма. Создает повышенную тревогу (опасность разрушения Персоны) у рациональных типов. Опасность использования невротических защит психотерапевтом: компарментализация (раздельное мышление), идентификация, сублимация.

Анимальный жанр — жанр, способствующий интеграции телесно-чувственного и духовного бытия.

Преимущества: особый жанр, столь необходимый женщине, способствующий становлению ее женской идентичности через освоение чувственности и присущего ей эстетически-романтического отношения к жизни. Для мужчин также эффективен, т.к. позволяет добиться раскрытия и интеграции архетипа Анимы, открывающей путь к духовным вершинам.

Недостатки: излишняя иррациональность может повлечь за собой непоследовательность и противоречивость в поведении. Повышенное внимание к эстетической стороне жизни может сформировать сверх ценное отношение к прекрасному (телу, одежде и т.д.). Опасность использования невротических защит психотерапевтом: сублимация, идеализация-обесценивание.

Алхимический жанр — жанр, использующий иррациональные средства для интеграции бессознательного содержания сознанием.

Преимущества: позволяет обратиться к недоступным иррациональным ресурсам психики, основанным на вере. Способствует мобилизации чувств и вырабатывает толерантность к их проявлению.

Недостатки: может способствовать актуализации инфантильного грандиозного Эго и возникновению отдельных параноидальных симптомов. Абсолютно противопоказан личностям с шизоидными чертами. Опасность использования невротических защит психотерапевтом: нарциссические защиты, ретрофлексия.

Конечно, описанные типы психотерапевтических нарративов далеко не исчерпывают всего многообразия мифологических сюжетов, архетипически явленных в рефлексивной и нерефлексивной сторонах психотерапевтического взаимодействия. Тем не менее, нам кажется весьма продуктивной идея Дж. Хиллмана, способствующая профессиональной рефлексии психотерапевта. И если вас, глубокоуважаемый коллега, заинтересуют рассказы о вас, которыми обмениваются ваши клиенты, и, читая эту главу, вам приходилось напряженно думать, к какому же «типу» отнести свои нарративы, то цель нашего предприятия можно считать достигнутой.

Чтобы быть ближе к объективному, рефлексивно отмечу (хоть это и ясно видно из текста), что мои психотерапевтические пристрастия относятся, несомненно, к Self-психологии, недирективной стратегии в психотерапии, соавторскому участию, герменевтическому и анимальному жанрам нарративов.

При анализе психотерапевтического взаимодействия необходимо принимать во внимание авторское и соавторское участие психотерапевта в переосмыслении жизненного опыта клиентом. Это участие представляется иначе при использовании идеи нарративных жанров, при котором оно выходит за пределы объектных отношений в ценностную сферу межличностных «возможных миров».

При использовании нарратива для анализа психотерапевтического взаимодействия становится явной иллюзорность слов и понятной безусловная роль целостной личности психотерапевта. Самоценности, которая заражает, как вирус. Но переоценить роль психотерапевта — означает уничтожить таинство психотерапии, обнажить и гиперболизировать нарциссический план в этом особом взаимодействии.

Что греха таить — любой психотерапевт хорошо знает о нарциссических искушениях. Однако, клиент в психотерапии имеет гораздо больше авторских прав, чем психотерапевт. Только в этом случае снимается божественный ореол с чела аналитика

(который, кстати, норовят надеть на него не только клиенты), стыдливо прикрытый скромным заявлением, что «я — всего лишь зеркало».

Мифы и метафоры в типологии нарративов полнее раскрывают двойной план во взаимодействии клиента и психотерапевта: рефлексивный и нерефлексивный, — за счет более явной представленности нерефлексивной, архетипической стороны взаимодействия.

Эффективность психотерапии во многом зависит от степени осознанности психотерапевтом своей «двуплановости» и от способности варьировать разножанровыми типами нарративов и создавать новые в соответствии с уникальными особенностями каждого клиента.

Жизнь и смерть — подлинность и неподлинность

В говорении воплощено явное бытие Духа.

«В начале было Слово...».

Не стараясь «определить» самое сложное для понимания человека явление — бытие Духа, — я только обозначу, что бытие Духа скрывается **за** словом в нерефлексивном измерении, но **оформляется** в слове, сознанием называется и собирается к единому смыслу. Только в отношении Бытия Духа можно рассуждать **о жизни или смерти** — о двух моментах любого мига существования человека. Субъект воплощает себя изнутри вовне в живое или мертвое существование. И у него всегда есть выбор: жить осмысленно, т.е. существовать в постоянном усилии (преодолении) во времени, или умереть, т.е. бессмысленно существовать вне усилий и вне времени.

Рассмотрим эти два крайних качества бытия личности. Что есть **подлинное бытие**? О нем писали многие великие умы, быть может, не задумываясь о том, что я, вслед за философами и психологами, буду называть его именно так — **подлинное бытие**.

Поль Валери⁹⁸ — «...высшим человеком является не тот, кто способен иметь какие-то способности и выносить их наружу в виде каких-то продуктов, а тот, кто овладел собой во всем объеме своего существования».

Уильям Фолкнер⁹⁹ — «...самая большая трагедия человека, когда он не знает, каково его действительное положение».

Марсель Пруст¹⁰⁰ — «...жизнь есть усилие во времени».

Жан Поль Сартр¹⁰¹ — «...узнав мир в слове, я долго принимал слово за мир».

Мераб Мамардашвили¹⁰² — «...подлинное “Я” — то, которое реально испытало что-то...; (это)... **реализованная идентичность**;... цельность “Я” в данной точке восприятия».

Подлинность — очень странное понятие. Оно выходит не на «Я» как такое, беспричинное, а апеллирует к «Я» бытийствующему и призвано перебросить мостик между рефлексирующим и чувствующим реальным субъектом. Оно обращено только к тому, что **ЕСТЬ** до мыслящего «Я». Оно полностью исключает некое «предварительное знание»¹⁰³; понимает только очевидное (сумму собственноличных присутствующих переживаний); одно только способствует воссоединению прошлого с настоящим бытием «многояйного» субъекта.

Далее я отойду от строго научного изложения и попытаюсь обозначить содержание понятия «подлинность» несколькими способами. Например, через ее противоположность.

Неподлинность — это способ выпадения из реальности путем «думания» ее — через актуализацию «Я», которое предшествует опыту. Это «Я» извлекает то содержание, которое заключено в нем самом, и отсутствует в той реальности, с которой «Я» не взаимодействует таким образом. Реальность всегда другая, говорит М. Мамардашвили, и человеку **всякий раз необходимо совершить усилие** для того, чтобы не выпасть из нее (не «думать в голову», по-платоновски). Неизвлечение опыта из предшествующего впечатления влечет за собой душевную слепоту к последующему. Таким образом, возникает бесконечная вереница жизненных повторов (ситуаций, в которых субъект оказывается бессильным и бессознательным), хорошо знакомых практикующим психологам и людям, занимающимся глубоким самоанализом. А это есть не что иное, как отсутствие полного понимания субъектом того, **кто он** и **каково его действительное по-**

ложение. Субъект не может постичь себя, так как мыслит себя прошлым — он **не воссоединен** с настоящим «Я», поскольку настоящее «Я» не бытийствовало, оно было заменено «думанием». Субъект не знает и о своем действительном положении относительно реальности, так как он отключен от нее — он ее не чувствует, а полагает.

У «Неподлинности» много общего с чертами, называемыми **невротическими**, но присутствующими чертами «Я» их назвать невозможно. Они отсутствуют, так как **отсутствует бытие «Я»**. Его нет¹⁰⁴. Есть заменяющие его маркеры: слова, телодвижения, поступки. Но они — мертвы, поскольку неподвижность (отсутствие «Я») равно смерти «Я».

Небытийствующий субъект (в неподвижном состоянии) порождает «лого-сы», которые удивительным образом переводит в «онтосы». Другими словами, то, что он производит из себя (из своего сознания и/или бессознательной сферы) он принимает за мир или за себя. Таким образом, он живет не в реальном мире, а в фантомном, придуманном. Усилия сознания и самосознания при этом минимальны. Породить фантом субъективному сознанию не стоит никаких трудов. Для этого не требуется никаких усилий, так как условием возникновения фантомов является фрагментарность сознания и отсутствие усилия к осознанию (почти бессознательность) — состояние «бессубъектного сознания»¹⁰⁵. Это не означает, что в фантомной реальности субъектность вообще не представлена. Нет, там отсутствует абсолютный субъект — центр интеграции «многояйного» изменяющегося субъекта. В фантомной реальности царит шизофреническая дезинтеграция — субъектов много, они неидентифицированы с «Я»(или идентифицированы с не-«Я») и никак не связаны друг с другом.

Не хотелось бы, чтобы дихотомия «подлинность-неподлинность» понималась буквально, как, например, в одиночном измерении «хорошо-плохо». Самое удивительное состоит в том, что состояние подлинности и состояние неподлинности переживает каждый человек. А в остальном — **некоторые и иногда** бывают сознательными к тому, что подлинно, а что — нет. И сколько внутренних усилий требуется, чтобы получить в награду за внутренний полет над пропастью переживание подлинного бытия¹⁰⁶. Но его, как подвиг, нельзя ни продлить, ни повторить¹⁰⁷. Технология онтологического сознания описана у М. Пруста и блестяще встроена в идеи М. Мамардашвили. Нам остается лишь напомнить, что подлинное «Я» следует за опытом, а не перед ним.

Героика подлинности — жизнь. О каком усилии писал М. Пруст, имея в виду жизнь? **Кто** совершает это усилие, **когда**, в каком времени и **для чего** (во имя чего)? Попробуем ответить на эти вопросы по порядку.

Биолог Уоддингтон¹⁰⁸ высказал однажды мысль, что биологическая жизнь заключается в способности противостоять разрушению. В термодинамике это явление получило название **нэгэнтропии**, или явление противостояния хаосу, вопреки разрушению. И. Пригожин¹⁰⁹ ввел научное понятие **«диссипации»**, отражающее процессуальную динамику этого явления: в каждый момент времени живая система совершает усилие для перевода состояния из неравновесного в равновесное (нэгэнтропийное). И только в этом постоянном движении происходит жизнь. Полное равновесие равносильно смерти. М. Пруст, говоря об **«усилии»**, вряд ли имел в виду биологическую жизнь. Он был сосредоточен на анализе душевно-духовной жизни. У человека, безусловно, биологическая жизнь одухотворена. Ментальное проникает в каждую частицу тела. Брешь в ментальной сфере всегда находит телесное воплощение («дыры», «зажимы», психосоматические явления). Поэтому, говоря о человеческом духе, душе, теле, земной человек всегда подразумевает некое единство ментального и телесного. Но в прустовском замечании, по нашему убеждению, усилие совершает бытийствующий Дух. **Сознательный дух**, поскольку **усилие** не может быть бессознательным. И каждое такое усилие приводит к большей сознательности и воссоединенности сознания с непознанным, но познаваемым — бессознательным, с пережитым и прожитым — длящейся настоящей реальностью.

М. Мамардашвили приводит в своих лекциях о Прусте собственное рефлексивное наблюдение за совершаемым усилием духа¹¹⁰. Он говорит, что в момент переживания бытия происходит «раздвоение» сознания на **субъекта чувствующего и субъекта рефлексирующего**. Время как бы останавливается («длится»), и сознанию становится доступной эта различенность. Недеяние и деяние в этот момент времени (когда?) соответствует переживанию себя живым, каким бы мучительным оно не было («...стоял внутри страдания и не старался ничем его заменить»). Разъединенность «Я» равноценна потере себя (хаосу). Но только потеряв себя (рухнув в бездну хаоса), «Я» способно совершить усилие воссоединения с самим собой, но уже другим, присоединившим новый пережитый опыт. «Невременное» переживание — это и есть потерянное время по М. Прусту. Время неизменности и консервативной соединенности себя с собой. Миг стабильности, который во время переживания равен смерти, неподлинному бытию «Я».

Для состояния подлинности же характерно переживание «незавершенности», всякий раз завершаемой, но так и остающейся незавершенной в пределе, ограниченном жизнью. Незавершенность переживается в момент потери себя (разъединения), и потому сопровождается чувством страха. Естественно чувствовать страх, когда я теряю самое ценное — себя. Причем, сознательно теряю. М. Мамардашвили определяет страх как *«нечто, сопровождающее ясное сознание ответственности перед своим предназначением»*, т.е. перед единственным путем, являющимся подлинным. Следовательно, шаг к подлинности связан с преодолением (волевым усилием) собственно страха. **Во имя чего?** Только с единственной целью — для того, чтобы стать собой, подлинным, а значить свободным и вышедшим из бессознательности наружу — к реальности. Этот выход всегда сопровождается истинной радостью.

Однако думать, что однажды пережив подлинное состояние, «Я» навсегда застраховано от будущей неподлинности, совершенно неправомочно. Психолог, психотерапевт только обучают способу преодоления, **совершения усилия**, которым в дальнейшем пользуется (или не пользуется) клиент. Смелые люди самостоятельно находят этот путь. И, прошедшие его, хорошо знают ту цену, которую приходится платить за неподлинность, и тем более — в собственной жизни в вечном противоборстве с небытием.

Реальное бытие = подлинное + неподлинное. Парадокс состоит в том, что невозможно все время быть подлинным (совершенным). *«Нет в мире совершенства»* — говорил устами Маленького принца Антуан Сент-Экзюпери. Подлинные состояния преходящи и конечны. Равно как и неподлинные. Но необходимо усилие, стремление к подлинности, осознание своей неподлинности и подлинности. И каждый миг бытия содержит в себе миг подлинности (жизни) и миг неподлинности (смерти)¹¹. Неразличение их ведет к односторонности (преувеличению) бытия, к появлению фантомов — к Небытию. Психотерапевт выводит людей из Небытия. Ему известно, что шаг в небытие и страдание — причина выхода в бытие. Попытка «придумывания» некой замены небытия — причина невыхода к подлинности, остановки развития, причина неврозов. Точно также попытка дления подлинного состояния сверх того времени, которое ему отпущено, и стремление вернуть ушедшую радость бытия в следующий момент времени неизбежно приведет к потере полноты бытия — не только радость, но и страдание. Но не одно только страдание, и не одна только радость.

В практическом консультировании и психотерапии я часто сталкиваюсь с иррациональными убеждениями клиентов о том, что они несчастны (страдают, небытийствуют, бессильны перед реальностью и т.п.). Не менее иррациональным является их убеждение в том, что существует «счастье» — вечно длящаяся радость. Как правило, они бессознательны к реальному течению жизни от страдания к радости и наоборот. Их сознание выхватывает одну половину бытия и противопоставляет ее другой: или радость (счастье), или страдание (несчастье). Реальное бытие потому и полноценно, что включает в себя **и то, и другое:**

Полноценное собственническое бытие = Подлинность + Неподлинность; Вера + Сомнение ; Воссоединенность + Разобщенность; Сопричастность + Одиночество; Радость + Страдание; «Светлое» + «Темное»; Настоящее + Прошлое и т.д.

М. Пруст называл человека «амфибией двух бесконечностей»¹¹², — соединяющей в себе несоединимое. Вызывать себя к усилению воссоединения — единственный способ сохранять себя подлинным, а значит живым и здоровым. Точка подлинности бытия принадлежит к пространству трансцендентного «Я». Эта точка пассионарной аттракции, точка равноденствия. «Многояйное «Я» находится в постоянном процессе раздвоения — воссоединения, что и составляет суть внутреннего механизма подлинного бытия: изменяющегося и противоречивого (см. рис. «Точки многояйности в топосе «Я»).

Единичество

Подлинное бытие — это бытие самостоятельного и отдельного существа, т.е. **одинокого**. Слово «одиночество» наполнено трагическим и печальным общечеловеческим смыслом. Само это слово является знаком неблагополучия и поводом для психоанализа, что, собственно, и делит людей в отношении к этому факту человеческого существования на две категории: на тех, кто якобы спасся от одиночества, и на тех, кто не сумел спастись.

Человеческое бытие доказывает, что реальность одиночества равным образом дана любому из нас, но одни стремятся вытеснить этот факт бытия из своего сознания, другие стараются возвести его в крайнюю степень, а третьи — вполне

сосуществуют с ним и даже способны отстаивать свое личное одиночество вопреки требованиям толпы.

Эрих Фромм писал:

«Постольку ребенок приходит в этот мир, он сознает, что одинок, что представляет собой сущность, отдельную от всех других. Эта отъединенность от мира, подавляюще сильного и могущественного и часто угрожающего и опасного по сравнению с индивидуальным существованием, рождает чувство бессилия и тревоги. Пока мы являемся интегральной частью мира, не сознавая возможностей и ответственности индивидуального действия, нам нет нужды бояться мира. Становясь индивидуальностью, мы оказываемся в одиночестве и встречаемся один на один с миром во всех его опасных и подавляющих проявлениях»¹¹³.

В связи с этим неоднозначным отношением к отдельности и автономии человеческого существования я предлагаю рассмотреть три жизненных позиций субъекта: **единение, одиночество и единичество.**

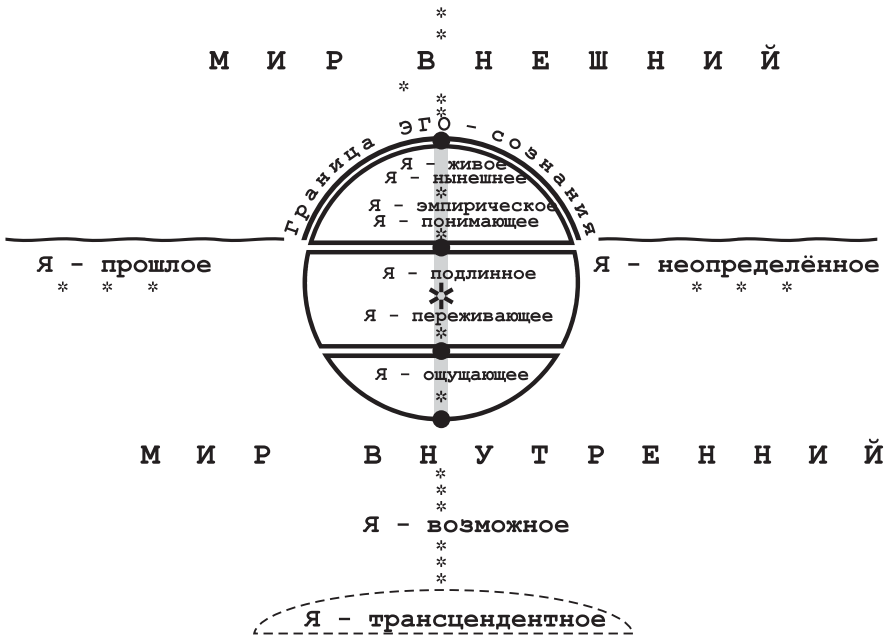
Единение (или слияние). Для данной жизненной позиции характерно полное отрицание одиночества. Его не существует вообще, оно навсегда изгоняется, но только — из сознания, и заменяется идилическими фантазиями о некоем едином «Мы», в котором «Я» растворено без остатка, т.е. является всегда частью какого-то целого. Инфантильное Эго всегда стремится подобным образом «расправиться» с переживанием изолированности (отдельности), расплачиваясь за это ценой утраты собственного уникального существования.

Одиночество (или изоляция). Данная жизненная позиция доводит переживание одиночества до абсурдного трагизма, что делает невозможным полноценное человеческое существование, которое превращается в сложную цепь неудач на фоне непрерывного страдания. Обычно субъект этой жизни заранее знает о том, кто и как его будет не любить (отвергать, покидать, наказывать, обесценивать и т.п.). Часто такой субъект притворяется исключительным, чтобы всем объяснить, что его не любить (отвергать, покидать, наказывать, обесценивать и т.п.) **нельзя!** Как правило, такой потрясюще одинокий человек сам все это делает для других.

Единичество (ценность индивидуальной жизни). Этой жизненной позиции придерживаются так называемые **Авторы**, т.е. люди, чья жизнь нашла свое продолжение и воплощение вовне, т.е. перешла в инобытийную форму. Конечно,

это не означает, что целью единичного существования является снискание почестей и славы, стремление «войти в историю». Но, действительно другое — только единичный Автор оставляет след за пределами своего реального существования и достоин того, чтобы быть включенным в «Книгу живых». Говоря о «человеческой истории», я имею в виду не только мировую, но и любую национальную или семейную историю.

Следует отметить, что **первые две позиции ведут к изоляции** — и от себя, и от мира, — т.к. лишают человека возможности пройти путь естественного и неизбежного отделения — Путь индивидуации. Пережить в полной мере состояние отдельности, а затем снова выйти к миру — не с тем, чтобы этот мир спасал «Я» от страха изоляции, а с тем, чтобы установить с ним равноправные отношения, в которых «Я» является не столько частью (куда деваться!), сколько отдельной, независимой и равноправной сущностью. Только третья позиция — позиция единичного человека — с одной стороны, предоставляет субъекту возможность

Точки «многояности» в топосе «Я»

выхода (через преодоление одиночества и принятие его) в инобытие: в Другом и Других, а с другой стороны открывает возможность инобытия Другого и Других в нем самом. Встреча становится реальностью. Это и есть главная тема человеческого существования: быть или не быть? Быть самому для себя и быть для Другого.

По-видимому, не случайно в последние годы возрастает интерес к духовному миру человека, в том числе и в психотерапевтической профессиональной субкультуре. Происходит переход от инфантильных способов решения глобальной шекспировской дилеммы (приобрести коммуникативные навыки, завести семью, сделать карьеру, достичь материального благосостояния и т.п.) к зрелым духовным формам ее постижения (найти себя — и быть собой). В психотерапии выход на этот уровень бытия интересовал Эриха Фромма, Карла Юнга, Ролло Мэя, Джеймса Хиллмана, Ирвина Ялома, Людвиг Бинсвангера, Вадима Петровского, Виктора Ананьева и др.; в философии — Мартина Бубера, Серена Кьеркегора, Жана-Поля Сартра, Мераба Мамардашвили и др., на идеи которых я опираюсь в этом тексте.

Ситуация экзистенциального выбора: изоляция или единичество?

Главным выбором, который совершает человек в каждой точке собственного бытия, является выбор между жизнью и смертью (см. рис. «Семантика экзистенциального выбора»). **Жизнью**, в которой «Я» несет ответственность за свои действия (и за свое бездействие) и их последствия, т.е. сознательно поддерживает собственную Авторскую позицию перед **Смертью**, которой «Я» запрещает и останавливает в себе все уникальное, всегда требующее для своего воплощения определенного внутреннего риска, на который «Я» по разным причинам оказывается неспособным, а, следовательно, не способным быть Автором своей жизни.

Быть, бытийствовать — значит «сметь» быть единичным Автором. Не быть, уйти в небытие — значит отказаться от себя и потерять свое уникальное «Я». Плата за потерю очень высока — это изоляция как от себя, так и от мира. Именно изоляция становится наказанием за внутреннюю пустоту, которую постоянно переживает субъект, не решившийся стать собой. Часто эта пустота проецируется им на мир, в котором он не чувствует ничего наполненного и живого. И тогда

он обречен всю жизнь убежать от этого ужасного чувства. Как считает Ирвин Ялом¹¹⁴, этот «бег» есть ни что иное, как процесс вытеснения из сознания факта отдельности «Я». Вытеснение факта изоляции чаще всего осуществляется 3-мя способами:

- путем создания исключительности своей персоны (нарциссических защит);
- заменой «Я»-бытия «Мы»-бытием;
- созданием потока непрерывных дел;
- ведением оргиастического образа жизни (секс, наркотики, сектантство).

Другими словами, «пустое Я» («Я» без «Я») вынуждено постоянно чем-то наполнять эту пустоту: выдуманным «Я», Другими, делами, сильными переживаниями и т.п. Единственным же способом преодоления этой пустоты является наполнение ее собой. А всякий раз это наполнение происходит сначала!

Акт переживания небытия относится, по М. Мамардашвили¹¹⁵ к категории вечных актов и требует для перехода в состояние бытия определенного внутреннего усилия — **усилия быть**. Все, что может помочь субъекту быть, есть только **внутри** него самого. Нет ничего такого **снаружи**, что могло бы заставить его быть.

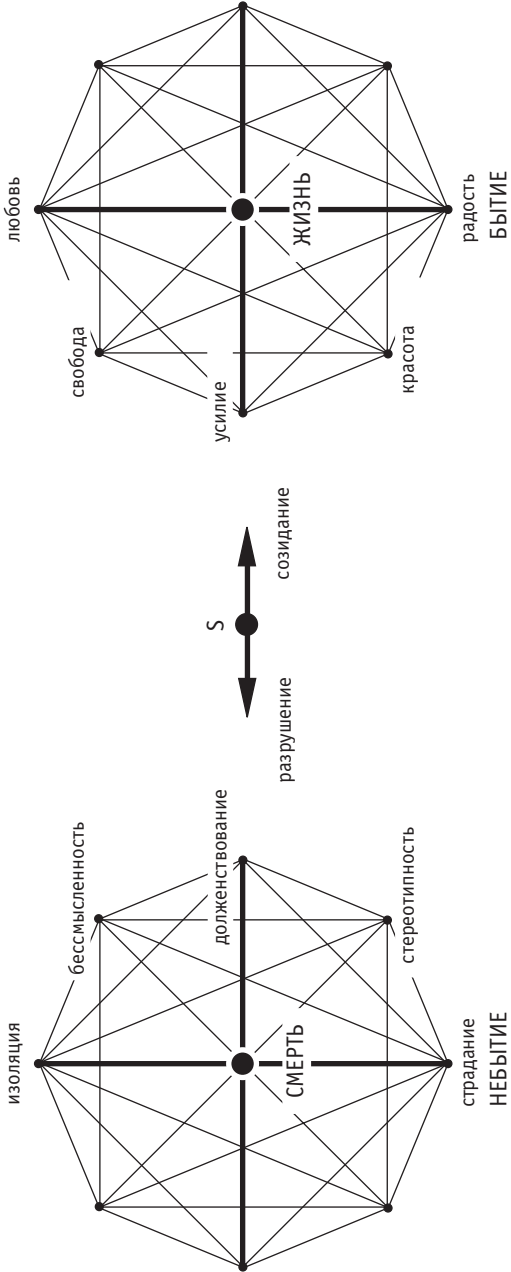
* * *

Любовь долготерпит:
милосердствует любовь,
не завидует любовь,
не превозносится,
не надмевается,
не знает безобразия,
не ищет своего,
не прогневается,
не мыслит зла,
не радуется о неправде,
А сорадуется истине,
все покрывает,
всему верует,
всего надеется,
все переносит.

Из ап. Павла
«Гимн любви»

«Я есть» — это единственное условие для того, чтобы «Я» совершило прыжок из небытия в бытие: к **«Я-бытию для самого себя»** и к **«Я-бытию для Другого»**, к двум основным «Эго»-состояниям, сосуществующим одновременно в бытии реального «Я». Со-бытие с самим собой переживается в **творческих актах** уникального «Я». Со-бытие с Другим переживается в **любви**. И творчество, и любовь, вырывающиеся из состояния небытия к состоянию «БЫТЬ», являются прорывом из единичества «Я» к миру, актами установления связи с ним на время, на короткий миг встречи.

Вечно «Пустое Я» неспособно пережить пустоту и вырваться из нее навстречу, оно обречено истощно запихивать в свою пустоту, в **которой все исчезает**, куски мира — и это невыносимо безрадостный труд, черед колоссальных усилий, направленных на то, чтобы заменить себя тем, чем «Я» не являюсь. Если такой

Семантика экзистенциального выбора

человек хотя бы на миг остановится, замешкается, то на него сразу же обрушатся и пустота, и смерть, и страдание.

Возникающая «Пустота Я» в единичестве переживается «держанием» ее такой, какова она есть сейчас. Уйти от этого переживания невозможно, потому что оно ЕСТЬ. И оно такое, каковым является в данный миг бытия. «Застрять» в нем тоже невозможно, потому что переживание пустоты есть единственный способ ее наполнения. Наполнения своим собственным присутствием — всякий раз сначала. Данная попытка описания онтологии экзистенциального выбора, который совершается человеком вечно. Тот выбор, который мы обозначили, может быть определен (разумеется неполно), с одной стороны семантическим многообразием сознательных усилий понимания этого выбора, но с другой стороны — удивительной целостностью смысла главнейших онтологических понятий: «жизнь» и «смерть». С этих позиций любой акт бытия не может быть причислен **либо** к жизненным, **либо** к смертельным актам человеческого существования. И те и другие моменты одновременно присутствуют в бытии «Я»: что-то умирает, а что-то рождается. Вечные потери и вечные встречи. «Я» живет и умирает в разных измерениях вечно.

В семантических кристаллах ситуации экзистенциального выбора обозначены альтернативы, каждая из которых может выступать не только как отдельный элемент выбора, но и как причина выхода к переживанию целостности состояния, обозначенного кристаллом, которое становится возможным при актуализации в бытии «Я» хотя бы одной его точки. Например, семантика состояния небытия, которую выстраивает субъект, пользуясь словом «одинокость» (изоляция), всегда оказывается наполненной и всеми остальными «смертельными» смыслами: долженствованием, стереотипностью, страданием, уродством, бессилием, зависимостью, обесценивающими его жизнь и приводящими к полной бессмысленности. Как если бы **кто-то** (или мир вообще) действительно желал бы зла этому человеку и **специально** создавал для него невыносимые условия. Все это делает себе сам субъект — тем, что он **отказывается от своих усилий** в стремлении:

- от изоляции — к любви;
- от долженствования — к желанию;
- от стереотипности — к творчеству;
- от страдания — к радости;
- от уродства — к красоте;
- от зависимости — к свободе;

- от бессмысленности — к осмыслению.

Без усилия нет жизни. Ничто не происходит само.

Кстати, самая распространенная иллюзия среди невротиков именно та, в которой другим предназначена чудесная и счастливая судьба, а вот им досталась тяжелая доля. Тяжелая доля достается всем, но одни не теряют при этом радости бытия и сил к жизни, а жизнь других превращается в непрерывно ноющую рану. Странно....

Представленная здесь позиция неполна. В ней есть лишь намек на что-то очень важное для каждого человека, задумывающегося над своей жизнью и живущего свою собственную жизнь.

Жизнь как позиция «Я» к «Миру»

Человек, обрекающий себя на изоляцию, утверждает себя в смерти как позиции к миру. Если жизнь, которую он живет, не его, то это и есть смерть. Пустота, в которой оказывается человек, выпустив себя из клещей должностования, установленных сценарных рамок и бесконечной скуки безынициативности, оказывается самым трудным испытанием — испытанием пустотой неопределенности и свободой волеизъявления.

А все это очень страшно. Страшно ошибиться и отвечать за **свою** ошибку. Гораздо легче сделать так, как делает большинство, чтобы потом они и несли всю ответственность за последствия содеянного.

Майклом Балинтом¹¹⁶ были в свое время описаны две формы регрессивного поведения — **онкофила** и **филобата**. Инфантилизм «регрессора» выражается в его связанности с объектом, столь характерной для позиции «смерти» отказавшегося от бытия субъекта. Различным является способ связи с объектом: для онкофила необходимо постоянное фактическое присутствие объекта, обеспечивающее ему безопасность; для филобата присутствие объекта временно необходимо для получения удовольствия от замены этого объекта (обеспечивающего безопасность) другим объектом, в процессе чего филобат получает возможность

ощутить опасное состояние отдельности — в пространстве между перебежаниями от одного объекта к другому.

Кайзер о них пишет:

«Их поведение словно сообщает: “Не принимайте меня всерьез. Я не принадлежу к категории взрослых, и на меня нельзя рассчитывать, как на взрослого”. Они игривы, но не как тот, кто любит играть, а как тот, кто не хочет (или не смеет?) казаться серьезным и настоящим. Об озорчатых и даже трагических событиях говорится со смехом или торопливо и беспечно, как будто они не стоят того, чтобы тратить на них время. Есть также готовность говорить о собственных недостатках со склонностью к преувеличению. Достижения и успехи выставляются в смешном свете или за рассказом о них следует компенсаторное перечисление неудач. Речь этих людей часто может выглядеть рубленой из-за быстрого перескакивания с одной темы на другую. Позволяя себе необычную свободу выпаливать наивные вопросы или прибегать к детской манере говорить, они показывают, что хотя бы быть отнесенными к категории «не-взрослых», и их не следует числить среди взрослых людей»¹¹⁷.

Шизоидные личности, по М. Балинту¹¹⁸, ведут себя как онкофилы, а нарциссические личности — как филобаты. И та, и другая регрессивная позиция обрекает субъекта на смерть.

Похоже, что «смертельное» существование имеет больше шансов на воплощение, т.к. активно поддерживается извне увеличивающейся в геометрической прогрессии армии невротиков. Параллельно возрастает число психотерапевтов, которые обращаются с искусством бытия как с научной теорией, используя ее в качестве все того же интеллектуального щита от собственной изоляции. Жить, по всей вероятности, оказалось нынче не модно. А **не** умирать — это еще не значит жить.

Полно и глубоко психолог и психотерапевт осведомлены именно в области того, **как умирают** (как становятся невротиками, борденлайнерами и психотиками). А как и, главное, **кому** удастся все-таки жить?

Каждый человек отвечает на этот вопрос (если его задает) своей собственной единичной жизнью. И каждый находит свой собственный ответ. Универсальными **в понимании** факта реальной жизни — «Я ЕСТЬ» — являются присутствующие в бытии субъекта **любовь, творчество, усилие и желание**, взаимопроникающие

друг в друга и наполняющие переживаниями и смыслом пустоту — место появления всего нового и авторского, т.е. **вырастающими из единичества**.

А «Я ЕСТЬ» можно приравнять к подлинному «Я ЖИВУ», что означает прежде всего (кроме того, что «Я дышу»): **«Я люблю...», «Я созидая новое...», «Я совершаю усилие...» и «Я хочу...» — «Я — единичный тот».**

«Я люблю...». Любовь как отношение к Другому возникает из собственно-личной ценности субъекта, из самоценности. Все, что называется этим словом у слабых и вечно страдающих невротиков, любовью на самом деле не является. Мартин Бубер¹¹⁹ определяет отношения в действительной любви формулой **«Я-Ты»**, в которой каждое «Я» относится к «Ты» ценностно, диалогично, вне привилегий исключительности, что ведет к рождению целостного надличностного «Я-Ты». Такая любовь вырастает только **из взаимности**. Абрахам Маслоу¹²⁰ называет такую любовь «ненуждающейся», а Эрих Фромм¹²¹ — воплощенным искусством быть. Противоположностью действительной любви является «дефицитарная» любовь (по Маслоу), стремящаяся «иметь» Другого для себя (по Фромму), функционально его использовать («Я-Оно» по Буберу). Сёрен Кьеркегор¹²² высказался однажды о людях, испытывающих потребность в других для себя, — им нужны другие только для того, чтобы чувствовать живыми себя. Другой имеет ценность для такого субъекта только как условие его собственного существования, как средство от внутренней пустоты и страха изоляции. Это смертельное чувство-отношение разрушает ценность и уникальность Другого, уводит и его в небытие, в пустоту.

Любовь действительная пробуждает и «Я», и «Ты» к бытию, к жизни. Между «Я» и «Ты» в пульсирующем единстве возникают **желание заботиться, воля к новому бытию и воплощению** невоплощенных возможностей. В любви действительной каждый любящий обладает самоценностью, внутренней силой, оформленной и отдельной идентичностью.

Ей не просят, ей только дают.

Реальные отношения всегда подвергаются риску трансформации в дефицитарную любовь, т.к. реальному человеку свойственно проявлять время от времени чувства собственника, выпадать из бытия и страдать.

И еще одна опасность кроется в самом отношении «Я» к Другому, которая очень точно была описана Мартином Бубером в феномене «сколько людей в комнате?»:

«Теперь давайте представим себе, как сидят и разговаривают двое людей, в жизни которых доминирует внешнее. Назовем их Питер и Пол. Давайте перечислим различные включенные в эту ситуацию фигуры. Во-первых, это Питер, каким он хочет показаться Полу, и Пол, каким он хочет показаться Питеру. Затем это Питер, каким он действительно кажется Полу, то есть представление Пола о Питере, которое обычно ни в малейшей степени не совпадает с тем, что Питеру хотелось бы, чтобы увидел Пол, и точно такая же обратная ситуация. Далее, есть Питер, каким он кажется самому себе, и Пол, каким он кажется самому себе. Наконец, есть Питер во плоти и Пол во плоти. Два живых существа и шесть призрачных видений, которые по-разному перемешиваются при разговоре этих двоих. Где место для какой-нибудь подлинной межчеловеческой жизни?»¹²³.

Как здесь не заблудиться среди призраков?

Как считает Ирвин Ялом, действительная любовь являет себя в заботе о Другом:

- «1. Заботиться о другом означает относиться бескорыстно — отрешиться от сознательного внимания к себе; быть в отношениях с другим без контроля мысли: «Что он думает обо мне?» или «Что в этом для меня?». Не искать похвалы, восхищения, сексуальной разрядки, власти, денег. В текущий момент быть только в отношениях с другим человеком: не должно быть третьей стороны, реальной или воображаемой, наблюдающей за встречей. Иными словами, жить в отношениях всем своим существом: если частично мы находимся где-то — например, исследуя воздействие, которое отношения окажут на какое-то третье лицо, — то именно до этой степени мы потерпели неудачу в отношениях.*
- 2. Заботиться о другом значит со всей возможной полнотой знать другого и сопереживать ему. Если человек бескорыстен в отношениях, он обладает свободой, позволяющей воспринимать все аспекты другого, а не только тот аспект, которых служит какой-то утилитарной цели. Человек расширяет себя до другого, признавая другого чувствующим существом, которое также строит мир вокруг себя.*
- 3. Заботиться о другом значит заботиться о сущности и росте другого. При полном знании, собранном из подлинного слушания, человек прилагает усилия, чтобы помочь другому стать полностью живым в момент встречи.*

4. *Забота активна. Зрелая любовь любит, а не любима. Мы любяще отдаем, а не «влекомы» к другому.*
5. *Забота — это способ человека быть в мире; это отнюдь не исключительная, непостижимая магическая связь с одним определенным лицом.*
6. *Зрелая забота вытекает из богатства человека, а не из его бедности — из роста, а не из потребности. Человек любит не потому, что нуждается в другом, не для того, чтобы существовать, быть целостным, спастись от подавляющего одиночества. Тот, кто любит зрело, удовлетворяет эти потребности в другое время, другими способами, одним из которых была материнская любовь, изливавшаяся на человека в ранних фазах его жизни. Следовательно, прошлая любовь — источник силы, нынешняя любовь — результат силы.*
7. *Забота взаимна. Поскольку человек по-настоящему «поворачивается к другому», он меняется. Поскольку человек приводит другого к жизни, он также становится в более полной мере живым.*
8. *Зрелая забота не остается без награды. Человек изменен, человек обогащен, человек осуществлен, экзистенциальное одиночество человека смягчено. Через заботу человек получает заботу. Но награда вытекает из подлинной заботы, она не подстрекает заботу. Позаимствуем удачную игру слов у Фромма — награда следует, но ее нельзя преследовать»¹²⁴.*

«Я созидаю новое...». Творчество как отношение к миру в целом проявляется в бытии «Я — для самого себя» и в бытии «Я — для Другого». Однако, первоначально творческий акт возникает из (и внутри) «Я — бытия для самого себя».

Как то самое новое, появляющееся в пустоте.

Новое всегда рождается из Ничто, из Небытия, из пустоты — из «сора», — как невзначай отметила Анна Ахматова. Новое нельзя сложить из частей имеющегося... Но нет ничего нового под солнцем (к сожалению). Все **новое** является полноценным **фактом бытия вечного** — воплощенного в творческих муках какой-то Души чего-то одного и того же, выводящегося вновь и вновь из тьмы небытия. Живым бытием Автора.

Было бы ошибкой понимать творчество вне обычной земной жизни — как особое состояние творения ученого, художника, музыканта и др. Творческая

сила, просыпаясь однажды, одухотворяет собой все проявления жизни (и даже жизнедеятельности), часто являясь не только в виде «высоких порывов», но и во лжи, в фантазиях, чудачествах и прожектерстве. Творческая форма бытия часто выглядит странно, поскольку **слишком** отличается от стереотипной. Творческий поступок часто невозможно оценить — он находится вне оценочной шкалы «хороший — плохой», он — другой, единичный, неповторимый. Можно, например, сколько угодно смотреть и анализировать работу Мастера, но повторить его работу оказывается невозможно. Единственное, что становится возможным — рождение творческого состояния, в котором рождается **другой** Мастер.

«Я совершаю усилие...». Главное то, кто действительно его совершает — я или кто-то другой? **Мое усилие** направляет любой **мой** акт бытия. **Не мое** усилие направляет свой — **не мой** акт бытия. В этом смысле нет ничего более безнравственного, чем безвольное следование установленным вонне нормам и правилам. Те из них, коим суждено было воплотиться в общечеловеческие ценности, могут быть мною приняты только в том случае, если я собственнолично их принимаю — они мои, а не чьи-то. Большинство из них не просто принимаются на веру, а проверяются поступком, нарушающим моральный запрет. После чего субъект всегда переживает страдание понимания, что это не простое моральное «нельзя», за ним — бездна человеческих страданий. Усилие совершает «Я», и это усилие имеет нравственную позицию: либо возможно, либо нельзя.

Другим аспектом совершения усилия является само это усилие, как акт проявления **силы**: к жизни, действию, бездействию, выражению чувств, поиску смысла, получению результата и т.д. Творческое усилие — это инициатива, усилие любви — забота, свободное усилие — ответственность; усилие тела рождает красоту, а усилие в переживании боли приводит к завершению страдания.

Человек, лениво влачащий свое существование, лишает себя радости переживания свободы в преодолеваемом усилии (так хочу Я), без которого невозможны ни любовь, ни творчество. (Те самые «терпение и труд», которые «все перетрут»). Человек, направляющий свои усилия на то, чтобы жить так, как хотят другие, также лишает себя свободы и ответственности. Его усилия пусты и не оставляют после себя никакой радости **«могу»**-действия.

Следует отличать усилие, о котором идет речь, имеющее прямое отношение к явлению Духа, и волевой акт, которые отличаются друг от друга также, как различаются воля первого и второго рода по Л. Фарберу:

«Объектом моей сознательной воли может быть знание, но не мудрость; укладывание в постель, но не сон; прием пищи, но не устранение чувства голода; кротость, но не смирение; добросовестность, но не добродетель; самоутверждение или бравада, но не мужество; удовлетворение влечения, но не любовь; сочувствие, но не симпатия; поздравление, но не восхищение; религиозность, но не вера; чтение, но не понимание»¹²⁵.

«Я хочу...». Фундаментальное «хочу» лежит в основе всего человеческого существования. Желание предваряет любой жизненный акт, а наличие желания всегда связано с устойчивым интересом субъекта к самому себе и к своим чувствам. Желания пронизывают чувственное бытие и наполняют жизнь переживаниями «хочу», направленными в будущее: любви, творчества, активности. Зрелое «хочу» всегда имеет нравственные корни.

В своем развитии чувственное бытие проходит ряд трансформаций, в ходе которых из семени базовых аффектов (удовольствия-неудовольствия) вырастают любовь и ненависть. Последнее является постоянным спутником одиночества.

Таким образом, живой человек, не будучи существом совершенным, представляет собой обычное грешное творение, хранящее в себе, тем не менее, божественный дар, делающий его

Эстрагон. Он мог бы уже и прийти.

Владимир. Он ничего твердо не обещал.

Эстрагон. А если он не придет?

Владимир. Тогда вернемся завтра.

Эстрагон. А потом послезавтра.

Владимир. Может быть.

Эстрагон. И так без конца.

Владимир. Ты хочешь сказать...

Эстрагон. Пока он не придет.

Владимир. Ты безжалостен.

Эстрагон. Что мы делали вчера вечером?

Владимир. Вчера вечером?

.....

Эстрагон. Давай разойдемся

Может, так будет лучше.

Владимир. Завтра мы повесимся. (Пауза.)

Если, конечно, Годо не придет.

Эстрагон. А если он придет?

Владимир. Тогда мы спасены.

Эстрагон. Ну что, пошли?

Владимир. Сперва подтяни брюки.

Эстрагон. Что?

Владимир. Подтяни брюки.

Эстрагон. Стянуть брюки?

Владимир. Подтяни брюки!

Эстрагон. Ты прав. (Подтягивает брюки.)

Пауза.

Владимир. Ну что, пошли?

Эстрагон. Пошли.

Не трогаются с места.

Занавес.

Сэмюэл Беккет
«В ожидании Годо»

способным любить и творить. В любви и в творчестве — в основных формах существования «Я»-единичного человек получает единственную возможность выхода в бытие и инобытие. Парадоксально, но отрываясь от земли, я как раз приближаюсь к ней: вперед и вверх — в ее глубину...

Приложения

Бинарная семантика символов

Как правило, символ имеет бинарную семантику, у которой позитивный полюс преобладает над негативным. Но, тем не менее, в определенном контексте символ часто приобретает негативный смысл (как это часто бывает, например, в доведенной до абсурда добродетели или в добре, оборачивающей злом).

Символ представляет собой некий «законсервированный» типический модуль смысла, заключенного в динамических архетипических явлениях бессознательного, на который следует опираться, исходя из контекста чувств, мыслей и опыта клиента.

Под знаком «+» ниже изложены общекультурные основы семантики символов (а под знаком «-» — негативный). Любой символ, кроме двойных символов, содержит бинарный смысл. В двойных символах изначально содержится бинарный смысл, который не укладывается в рамки «позитивное-негативное», а представляет собой значительно более широкое семантическое поле парных противоположностей.

Форма

Квадрат

+

Выражает ориентирование человека в пространстве, установку жизненной сферы на страны света и их сверхъестественных стражей, в смысле «четырёхмерного определения местоположения». Олицетворяет Землю как противопоставление кругу Небес, земное существование, статичную безупречность и совершенство, неизменность, интеграцию, четыре элемента в их статическом аспекте, божественное проявление в творении. Отражает единство божественного: три стороны квадрата — божественная троица, а четвертая сторона — божественное единство. Означает также честность, прямоту, моральность, заверение в постоянстве и стабильности. Квадрат является символом Афродиты как женской плодородной силы.

«Квадратура круга» (совместное изображение квадрата и круга) является символом соединения инь и ян, Земли и Неба и может также означать идеально сбалансированного человека, высшее желание.

—

Символизирует статичность, бездействие, безвыходность, отсутствие выбора, стагнацию. Квадрат — фиксация смерти как противопоставления динамическому циклу жизни и движения. Он определяет собой ограничение.

Круг

+

Универсальный символ. У круга нельзя увидеть ни начала, ни конца, ни направления, ни ориентировки. Круг означает целостность, непрерывность, первоначальное совершенство. В мистических системах Бог истолковывается как круг с вездесущим центром, чтобы таким образом показать совершенство и непостижимость с помощью человеческих чувств таких понятий, как бесконечность, вечность, абсолют. Круг с отмеченным центром является в традиционной астрономии знаком Солнца, в алхимии — золота. Круг символизирует женственность. Круг — это форма кочевых шатров и поселений, символизирующая динамизм и бесконечное движение.

—

Является признаком наивности, глупости, безразличия. Круг может отражать смерть, как завершенность жизни. Также круг может быть знаком страха, ужаса. Может символизировать ограниченность.

Мандала

+

Священный круг. Мандала отображает способ существования и систему. Символ ограничения сакрального пространства и проникновения в сакральный центр, полноты, космического разума, интеграции. Также это символ вселенского духа. Мандала символизирует центр силы, область, огражденную от вражеских влияний. Концентрация внимания на духовном содержании и интуитивный способ познания. Символ внутреннего примирения и целостности.

—

Ограниченность, отсутствие выхода, страх, ничтожность, распадение, фрагментарность. Символ хаотичности.

Куб

+

Куб является истиной, которая все время одинакова, как на нее не посмотри. Это завершенность, стабильность, статическое совершенство, безукоризненный закон. Куб — это символ прочности и долговечности. У китайцев куб — божество Земли. В исламе Кааба куб — это статическое совершенство.

–

Символ неподвижности, завершения цикла, статичности, конфликтности.

Треугольник

+

Триединая природа вселенной: Небо, Земля, Человек; человек как тело, душа и дух и т.д. Равносторонний треугольник символизирует завершение. Треугольник, обращенный вершиной вверх, является солнечным и имеет символику жизни, огня, духовного мира, мужского начала. Треугольник, с вершиной вниз, является лунным и имеет символику женского начала, матки, воды, природы, тела. Символизирует Великую Мать как родительницу. У христиан равносторонний треугольник, символизирует Троицу в единении и равенстве трех составляющих ее лиц. Треугольное сияние — атрибут Бога-Отца. У египтян треугольник символизирует Триаду: вертикальная сторона — мужчина, горизонтальная — женщина, гипотенуза — их потомок. У пифагорейцев равносторонний треугольник символизирует Афину как богиню мудрости.

–

Символ холода, ограниченности.

Число

Число — это фундаментальный принцип, лежащий в основе мира вещей. В герменевтической философии мир чисел отождествляется с миром причин. Числа имеют качественную символику. Для Платона числа — это гармония Вселенной. Нечетные числа являются мужскими, а четные женскими.

Ноль

+

В учениях Каббалы ноль символизирует — безграничность, беспредельный свет, единое. Для Пифагора ноль — это совершенная форма, монада, исток и простор для всего. В исламе — это символ Сущности Божества. Ноль имеет то же значение, что и круг.

—

Означает несуществование, ничто, неявленное. В даосизме символизирует пустоту и небытие. В буддизме — безвещественность.

Единица

+

Мужское число. Единица означает первичное единство, начало, Создателя, сумму всех возможностей, сущность, центр, зародыш. Кроме того, единица символизирует — высшую интеграцию, ясное самосознание. Сила, Эго, воля, энергия.

—

Может символизировать эгоцентризм, демонстративность, амбициозность, пустоту, изоляцию, инфантилизм.

Два

+

Женское число. Может символизировать соединение полов (брак), интимные переживания, влечение. В еврейской традиции два — это жизненная сила, в Каббале — мудрость и самосознание. В алхимии двойка символизирует противоположность. Два — это символ равновесия, баланса сил, протяженности, двойной силы. Два — это дуализм, начало дифференциации. Такт, дипломатичность, миролюбие.

—

Символизирует двойственность, конфликт, зависимость, статичность. Два — это число дьявола, грехопадения, бисексуальность. Два — это тень человека.

Три

+

Означает жизненную силу, энергию, движение вперед, творческую силу, преодоление дуализма, целостность. Тройка — «небесное» число, символизирующее душу. Три — это символ человека: тело, душу и дух; а также рождение, жизнь и смерть; начало, середина, конец и т.д. Три означает исполнение желаний, это число удачи. «Искра божья», альтруизм.

—

Символизирует множественность, статичность, скопление, сокрытие зла.

Четыре

+

Четыре символизирует баланс, целостность, организацию пространства и времени. Четыре стороны света, четыре элемента природы, ангельских существа, времен года, психических функций. Четыре — это число, символизирующее тело человека. Четыре олицетворяет трансцендентность, высший порядок вещей. Реализм, здравый смысл, витальность.

—

Символизирует статичность, стагнацию, напряжение, смерть (четыре дома смерти).

Пять

+

Число человека, на фигуру которого похожа пентаграмма. Пятерка — это число священного брака (сумма женской двойки и мужской тройки). Пять символизирует активное отношение к миру, многосторонность, целостность, органическую полноту жизни, здоровье, любовь. Стремление к свободе, живость, общительность.

—

Число пять символизирует человека после грехопадения.

Шесть

+

Символизирует равновесие, совершенство, творение, сотворение мира и людей (на 6 день был создан человек). Шесть означает гармонию, единство полярных сил. Дом, семья, терпение.

—

Знак греха, разрушения, предательства, завершения роста. Число черного ангела.

Семь

+

Сакральное число. Число вселенной, макрокосма. Означает полноту и совокупность. Содержа в себе тройку как символ Неба и души и четверку как символ Земли и тела, семерка является первым числом, охватывающим и духовное, и временное. Семь — это число совершенства, уверенности, безопасности, восстановление целостности, а также девственность и число Великой Матери. Наука, духовность, молитва.

—

Символизирует смерть.

Восемь

+

Восемь символизирует возобновление, восстановление, счастье, совершенство ритма. Восьмиугольник — это начало превращения квадрата в круг и наоборот. Полнота, совокупность всех возможностей, символ доброго предзнаменования. Целое, все возможности в проявленном виде, удача. Стремление к власти, успеху.

–

Символизирует статичность, отсутствие выбора, безразличие, страх, бесцветность.

Девять

+

Девять — священное число, состоит из трех троек, что означает всемогущество и представляет собой тройную Триаду — полноту, исполнение, достижение, начало и конец, целое. Это число небесное и ангельское, символизирующее рай на земле, высшую духовную силу, стремление к совершенству, любовь к людям.

–

Символизирует завершение, умирание, конец.

Десять

+

Священное число. Десятка содержит все числа, а, следовательно, все вещи и все возможности, это основа и поворотный пункт всего счета. Десять означает нечто всеобъемлющее, закон, порядок, власть. Десять — это возврат к единому. Десять заповедей Христа.

–

Символ хаоса, дисгармонии, отчаяния, ограниченности.

Одиннадцать

+

Символизирует выход за пределы, преодоление границ, освобождение от стереотипов, ожидание.

–

Символ конфликта, греха, нарушения закона, опасности, отступления от совершенства.

Двенадцать

+

Двенадцать — это полный цикл, космический порядок, спасение души. Двенадцать апостолов у Христа, месяцев в году, знаков зодиака, подвигов Геракла, часов дня и ночи и т.д.

–

Символизирует завершение, потерю, статичность.

Тринадцать

+

Символизирует высший синтез, начало нового цикла, развитие.

–

Символ слабости, предательства, несчастья.

Цвет

Цвета олицетворяют дифференциацию, нечто явленное, разнообразие, утверждение света. Есть активные, теплые цвета, холодные цвета, символизирующие положительные и отрицательные свойства, материализацию света.

Белый

+

Белый — это цвет недифференцированности, трансцендентного совершенства. Белый символизирует свет, Солнце, воздух, прозрение, чистоту, невинность, непорочность, святость, священство, спасение, духовную власть. В браке этот цвет символизирует смерть старой жизни и рождение для новой. На похоронах белый цвет — это символ рождения в новую потустороннюю жизнь.

–

Символизирует пустоту, безвыходность, бестелесность. Может быть символом смерти, траура (у римлян). Белый в сочетании с красным — цвета дьявола, чистилища.

Голубой

+

Цвет Великой Матери, Царицы Небес. Голубой цвет символизирует первоначальную пустоту и бесконечное пространство. Голубой цвет — это лунный цвет.

–

Символизирует холод, бесчувственность, надменность.

Желтый

+

Это цвет Солнца, интеллекта, интуиции, веры и божества, смирения. Может символизировать человеческую способность к прозрению и пониманию. Чаще всего желтый цвет связывают с активными, мужскими проявлениями психики. Желтый цвет — это цвет живости, энергии, надежды, счастья.

–

Темные оттенки желтого символизируют предательство, измену, ревность, амбицию, скупость, скрытость, обман, неверие.

Зеленый

+

Зеленый цвет — это цвет жизни, надежды, рождения, воскресения, весны, радости, уверенности, изобилия, преуспеяния, богатства. Зеленый цвет считается волшебным цветом. Зеленый символизирует процесс инициации. Это цвет победы, исполнения желаний.

–

Символизирует смерть, непостоянство, ревность,

Коричневый

+

Коричневый цвет символизирует плодородную почву, рождение. Может являться символом телесной чувствительности. Коричневый — это символ фундаментальности, основательности, устойчивости.

–

Символизирует духовную смерть, наказание, деградацию.

Красный

+

Красный цвет символизирует мужской активный принцип, огонь, Солнце, королевское происхождение, радость, праздник, страсть, энергию, сексуальное возбуждение, здоровье. Красный означает — возвращение к жизни.

–

Символ порочности, жестокости, вины, кровопролития, мести, бедствия, разрушения, агрессии.

Оранжевый

+

Оранжевый — это цвет тепла и удовлетворенности. Может являться символом понимания, веры в свои силы, активности, целеустремленности. Цвет сексуальности.

–

Символ амбициозности, горделивости, отчуждения, завышенной самооценки, враждебного отношения, агрессии.

Синий

+

Цвет высоты и глубины. Синий является символом истины, интеллекта, откровения, лояльности, верности, постоянства, широты души, благоразумия. В западной культуре синий является женским цветом. Синий — это символ воды, и с ним связаны представления об очищении и преображении.

–

Холодность, амбициозность, отрицание, закрытость, надменность. Синий может символизировать смерть.

Фиолетовый

+

Это изысканный, царственный цвет. Фиолетовый символизирует очарование, интимность, глубину, сон. Это цвет индивидуальности. Фиолетовый может быть символом интеллекта, трезвости, щедрости, дружелюбия, бурной эмоциональности.

–

Может символизировать горе, старость, печаль, смерть, безвестность, гордыню, амбициозность, недружелюбие, дистантность.

Черный

+

В геральдике черный цвет — это символ мудрости, благоразумия. Черный может являть символом женского плодородия и деторождения. Может быть символом начала

трансформационного процесса. Черный цвет связан с таинственностью, загадкой, интересом.

—

Цвет хаоса. Символизирует траур, смерть, унижение, отчаяние, испорченность, зло, страх, печаль.

Животные

Змея

+

Символизирует (как существо, периодически меняющее кожу) жизнь и воскресение. Змея как фаллический символ — это оплодотворяющая мужская сила, «муж всех женщин». Как женский символ змея приобретает такие качества как таинственность, загадочность, интуитивность, непредсказуемость. Также змея символизирует силу плодородия земли. Это символ солнечный, сексуальный, источник всего потенциального. Символ знания, силы, утонченности, мудрости. Змея как символ является посредником между Небом и Землей.

—

Символ смерти и уничтожения, проявления агрессивной силы, слепой страсти, разрушения, коварства, темных сил в человеке, конфликта, хитрости, зла. Змея — это символ искушения, греха. Кроме того, змея (Змей) может символизировать первобытный недифференцированный хаос.

Кот

+

Символизирует изменяющуюся силу Солнца, а также фазы Луны и великолепие ночи. Кот обозначает таинственность, желание и свободу. У египтян кот олицетворяет беременных женщин, чувствительность, женственность, заботу. У японцев кот символизирует силу трансформации и мирный отдых.

—

Кот черного цвета означает зло и смерть, неудачу, болезнь. Дикий кот — знак воровства. В христианстве кот — Сатана, тьма, похоть, лень.

Собака

+

Олицетворяет верность, бдительность, знатность. Собаки символизируют консервативное, бдительное, философское начало в жизни. Собака охраняет границы между миром живых и мертвых. Собака умеет управлять огнем, у африканских народов она изобретатель огня. В связи с огнем собака приобретает сексуальный символизм. У китайцев собака означает неколебимую преданность. Приход собаки значит будущее процветание. Кроме того, собака символ супружеской верности.

–

Собака считается прислужницей ведьм, мертвых, она олицетворяет колдовство, дьявольские силы, проклятие, смерть. Собака символизирует разрушение, катастрофу.

Дракон

+

Дракон символ воды, несущий жизнь и дыхание жизни. На Востоке дракон Сила Небесная, несущая благо, символ мудрости, скрытого знания, животельной силы природы. Драконы выступают как защитники, хранители сокровищ и доступа к тайному знанию. У кельтов дракон символ высшей власти, хозяин. В китайской культуре он представляет высшую духовную силу, сверхъестественное, бесконечность, дух перемен, закон становления, мудрость.

–

На Западе дракон — символ зла, разрушения. Дракон олицетворяет хаос, необузданную природу, сладострастие. В христианстве дракона считали силой зла, дьяволом, икусителем, он представлял смерть, тьму, язычество.

Кентавр

+

Символ направляющего духа, человеческого достоинства, чувственности, страсти, мужской силы. Кроме того, кентавр является символом мудрости. Единство с природой, благодетель. Целеустремленность, энергичность, стремление к свету, силе и власти.

–

Символ двойственности, низшей природы человека, конфликт противоположностей, жестокости, человека, разрываемого между добром и злом, дьявола. Олицетворение порока и высокомерия. Кентавр — похититель женщин — является противоположностью рыцаря.

Скарабей

+

В Египте обозначает Солнце, творческую силу, Бога творения, воскресение, бессмертие, божественную мудрость, направляющее провидение, регулирующее творческие силы природы. Скарабей — символ мужской силы и оплодотворяющего жизненного начала. Также скарабей может быть символом Луны и вечного обновления. Является символом средства защиты.

—

Символ страха, смерти, разрозненности, отсутствия единения, однобокости.

Растения**Дерево**

+

Символизирует полную проявленность, синтез неба, земли и воды, динамичность, священный символ. Дерево означает женское начало, питание, убежище, защиту и поддержку. Дерево может являться символом основы, фундамента. Дерево также является символом мудрости.

Мировое дерево означает восстановление, возвращение к изначальному совершенству. Мировое дерево растет в центре рая, это космическая ось, символизирующая единство за пределами добра и зла. Также оно символизирует начало и конец цикла: оно имеет двенадцать плодов (иногда десять), которые являются формами Солнца и появляются одновременно в конце цикла как проявления Единого. Отведав плод, либо выпив, полученной из мирового дерева влаги, можно обрести бессмертие.

—

Неплодородное дерево указывает на смерть, грехи, зло, отчуждение, утрату.

Дуб

+

Символизирует силу, защиту, долговечность, мужество, верность, маскулинность, человеческое тело. Кроме того, дуб является символом мудрости, высшего знания. В христианстве — символ Христа, как силы, проявляющейся в беде, твердости в вере и добродетели.

—

Символ статичности, ограниченности, пассивности.

Ель

+

Символизирует смелость, цельность, честность. В христианстве — символ Христа, мирового дерева. В китайской культуре означает избранного и терпение. Кроме того, это символ прямоты, плодovitости, силы характера, уединения. Будучи вечнозеленой, символизирует бессмертие. Также ель олицетворяет творческую силу и удачу.

—

Символ статичности, бесчувственности, надменности, утраты.

Сакральные символы

Вода

+

Любая вода является символом Великой Матери и ассоциируется с рождением, женским началом, утробой вселенной, водами плодородия и свежести, источником жизни. Вода возвращает к жизни и дает новую жизнь, она очищает, восстанавливает. Погружение в воду символизирует не только возврат к первоначальному состоянию чистоты, но и также омовение души в материальном мире.

—

Вода — это символ уничтожения, поглощения, смерти, отделения, перемен, упадка, умертвления.

Восток

+

Олицетворяет восходящее Солнце, рассвет, весну, надежду, радость, счастье, детство, начало жизни и юность. На восток обращают свои взгляды и молитвы во время богослужений.

—

Символ суровости, подчинения, завоевания, мести.

Гора

+

Гора — это мировой центр, высшая центральная точка Земли, вершина рая, место встречи в облаках неба и земли. Гора считается местом перехода с одного плана на другой, местом общения с богами. Может олицетворять космические силы, жизнь, посто-

янство, вечность, прочность. Гора также символизирует мужское начало и плодovitость. Восхождение на гору символизирует устремление, влечение к высшим состояниям, отречение от мирских страстей, продвижение от частного и ограниченного к полному и безграничному.

–

Символ статичности, неподвижности, опасности, преграды, превосходства.

Запад

+

Символ зрелости, плодородия, дарения, понимания, чувствительности, меланхоличности.

–

Символизирует умирание, завершение цикла, подчинение, печаль, пассивность, незащищенность.

Земля

+

Символ Великой Матери, Мать-Земля, прародительница всего, Кормилица. Олицетворяет плодородие, неиссякаемую творческую силу и средства к существованию. Символ женского начала. Земля также означает центр мира.

–

Символизирует смерть, гниение, отрицание, царство мертвых.

Зеркало

+

Символизирует истину, самореализацию, мудрость, разум, душу, отражение сверхъестественного и божественного интеллекта, божественную истину, знание человека о самом себе. Считается, что зеркало обладает магическими свойствами. В буддизме зеркало — символ души в состоянии чистоты, отображенная истина, просветленный ум, форма, отраженное тело, искренность, чистота. Может символизировать женское начало.

–

Символ нарциссизма, надменности, искажения.

Камень

+

Символ прочности и долговечности, божественной власти, стабильности, продолжительности, надежности, бессмертия, нерушимости, целостности. Вертикальные камни несут фаллическую семантику, сферические являются символом Луны, женского начала. Философский камень — это высшая цель поисков, обретение единства, совершенство, абсолютная реальность, духовное, мыслительное и моральное единство человека.

–

Символ статичной жизни, холода, смерти, разрушения, трудностей препятствий.

Ключ

+

Символ власти и возможности, освобождения. Ключ означает знание, тайну, инициацию. Серебряный и золотой ключи олицетворяют, соответственно, светскую и духовную власть, меньшую и большую тайну, земной и небесный рай. У евреев ключи означают рождение, у японцев три ключа от житницы — это любовь, богатство, счастье.

–

Символизирует надменность, запрет, отсутствие выхода, зависимость.

Книга

+

Символ вселенной, книги мира и книги жизни. Может означать дух мудрости, учение, откровение, высшего знания. Кроме того, книга — это символ истины и милосердия. Символ высокой культуры и высокой религии, откровения, высшего смысла.

–

Символ надменности, отсутствия авторитетов, назойливости, принижения и подчинения.

Ковчег

+

Это символ женского начала. Ковчег — носитель жизни, утроба, возрождение, средство для ношения и передачи жизненного начала, символ сохранения, непрерывности, стабильности, спасения. Ковчег символизирует мудрость и благодетание, проповедческое достоинство, божественное присутствие, место Бога. Кроме того, ковчег может быть символом интеллекта.

–

Символ греха, порочности, отчуждения, наказания.

Крест

+

Крест — это центр мира и, следовательно, точка сообщения между Небом и Землей, космическая ось. Символ универсального архетипического человека, способного к бесконечному и гармоничному расширению, как в горизонтальном, так и в вертикальном планах. Линия вертикальная — небесная, духовная и интеллектуальная, активная, мужская; горизонтальная является земной, рациональной, женской. Египетский крест, соединяющий в себе мужской и женский символы, олицетворяет единство обоих полов, союз Неба и Земли, жизнь, бессмертие, скрытую мудрость, ключ к тайнам жизни и знания. Крест может также быть фаллическим символом, символом плодородия.

—

Обозначает пассивность, отрицательные качества в человеке (горизонтальная линия). Даосский крест — это символ мщения, сокрушения. В христианстве крест — это символ страдания, искупления, отчуждения. Крест символизирует также принятие смерти, мучения, жертвоприношения.

Лабиринт

+

Символ поиска, возвращения к центру, вновь обретенного рая; достижения реализации после мучений, испытаний и проверок; процесс инициации, возрождения; пути жизни через преодоление трудностей; проверка духа. Предполагают, что лабиринт символизирует движение Солнца, его восход и закат, освобождение. Лабиринт может являться символом мира, движения, целокупности, пути внутрь и наружу, исследования, победы, покаяния, получение необходимого знания, достоинство. Кроме того, лабиринт может символизировать женское начало, заботу, поддержку.

—

Символ царства Великой Матери в ее пожирающем, разрушающем аспекте. Лабиринт символизирует трудности, опасность, непостижимость, сложную проблему, недопущение, отрицание, невежество, скрытость, непроницаемость.

Луна

+

Олицетворяет женскую силу, Мать-Богиню, Небесную Царицу. Луна — символ циклического ритма времени, универсального становления. Фазы зарождения, исчезновения и появления Луны на небосводе символизируют бессмертие и вечность, постоянное

обновление и просвещение. Символ внутреннего знания, интуиции, иррационального и субъективного. Луна символизирует также периодическое возобновление творения, время и веру. Полная Луна означает целостность, завершенность, силу и духовную мощь. Луна нарастающая — символ света, духовного роста, возрождения, луна обозначает чистые чувства, мир, безмятежность, красоту.

—

Символ страдания, упадка, потери, трудностей. Новолуние символизирует нисхождение, падение. Луна в середине цикла имеет погребальное значение и является символом смерти. Убывающая Луна приобретает мрачный, демонический аспект. На Луне обитает человек, который таскает тяжкую ношу в виде наказания.

Меч

+

Символизирует силу, защиту, власть, королевское достоинство, лидерство, правосудие, мужество, бдительность, целомудрие, мужское начало, активную силу, пронизательность, мудрость. Меч фаллический символ, но вместе с ножнами олицетворяет единство мужского и женского начал. Меч символизирует пронизательность, силу интеллекта, духовную решимость, неприкосновенность святынь. Меч — это символ высших форм рыцарства. Может олицетворять истину и сострадание, озарение, победу над невежеством.

—

Обоюдоострый меч символизирует двойственную силу, противоположные течения в проявлении, творении и разрушении, жизни и смерти. Меч — символ убийства, греха, мучений. Может являться символом пассивности. Олицетворяет коварство, хитрость, предательство. Символ опасности.

Огонь

+

Символизирует трансформацию, очищение, дающую жизнь, производящую силу Солнца, обновление жизни, оплодотворение, силу, энергию, сексуальность, защиту, оборону, страсть, слияние, озарение. Символ активности, движения, жизни.

—

Может являться символом разрушения, агрессии, жестокости, подавления, смерти, греха, наказания.

Север

+

Символизирует свет и день, а также позитивную мужскую силу.

–

Символ холодности, темноты, мрака, старости, страха. Может олицетворять изначальный хаос. В христианстве означает темноту, край Люцифера и сил зла, край варваров.

Солнце

+

Символ высшей космической силы. Всевидящее божество и его власть, сердце космоса, центр бытия и интуитивного знания, «разум мира», просветления, глаз мира и глаз дня, слава, правосудие, царственность, Великий Отец, логос, божественное начало в человеке. Символ жизни, красоты, достижений, побед. У христиан Солнце — Бог-Отец, правитель опекун вселенной, излучающий свет и любовь.

–

Символ неподвижности, статичности, пассивности, величия, надменность, амбициозность. Символ смерти, падения, разрушения, агрессии.

Уроборос

+

Символизирует целостность, отсутствие дифференциации, изначальное единство, самодостаточность, возобновление, вечную цикличность, бесконечность в пространстве, истину и познание в одном лице. Изображения на надгробиях обозначают бессмертие, вечность, мудрость, активность. Символ единения, вечного возвращения, обновления, неискупленная сила природы.

–

Однополярность, убийство, утрата, замкнутость, хаос, тьма, смерть, отсутствие движения.

Юг

+

Символизирует полуденность, солнце, тепло, молодость, лето. С ним связано мужское начало. Однако в Индии и Египте — это женский элемент.

–

Символ тьмы, царства ада, женского коварства, неверности¹²⁶.

Части тела

Глаз

+

Символизирует всевидение, способность к интуитивному видению. Глаз олицетворяет всех солнечных богов, обладающих оплодотворяющей силой Солнца. Глаз — символ озарения, знания, ума, бдительности, защиты, стабильности и целеустремленности. «Глаз сердца» — это знак духовного озарения, интеллектуальной интуиции, трансцендентной мудрости. Символ доброго сердца, благородства, сострадания. В христианстве символ всевидящего Бога, силы, света.

—

Символ ограниченности, ограничения видимого. Один глаз может символизировать зло, чудовище, разрушителя. Злой глаз — символ зависти, злых намерений.

Голова

+

Голова является местом расположения жизненной силы, души и ее силы. Символ мудрости, ума, управления, контроля, разума. Место для почестей, символ славы, торжества, будущей жизни. Головы с крыльями означают жизненную силу, душу и сверхъестественную мудрость, высшее тайное знание. Кроме того, голова может символизировать силу речи, общительность, способность к убеждению. Голова — это символ анализа, рациональности, объективности.

—

Олицетворяет глупость, бесчестие, наказание, обесценивание, бесчувственность. Поклон головой означает принижение своей жизненной силы, подчинение, зависимость. Голова, покрытая завесой, означает скрытность, непроницаемость, черствость.

Нога

+

Является символической формой присутствия человека и сверхъестественных существ. Через ноги человеку передается сила и излучение почвы, на которую он наступает. Отпечаток ноги является символом победы, превосходства. Символ смирения, почитания, духовного последования, принятия нового опыта, твердости и славы. Кроме того, нога является фаллическим символом.

—

Символ подчинения, принижения, зависимости, принятия собственной ничтожности. «Встать с левой ноги» — дурное предзнаменование. Ноги нечеловеческой формы несут демоническую символику. Ноги (топтанье ногами) выражают презрение к человеку.

Рука

+

Рука может быть символом силы, мощи, провидения, благословения. Рука Божья — божественная сила, передача духа, защита, справедливость. Рука может означать союз, дружбу, верность, справедливость, приветствие, лояльность, восприимчивость, восхищение и др. Рука отодвигает зло и беду, защищает человека. Правая рука — символ мощи, ее поднимают благословляя и давая обещание по жизненно важным вопросам.

—

Рука символизирует подчинение, зависимость, позор, жертвенность, ужас, агрессию, насилие, угрозу для жизни. В основном негативная семантика связана с левой рукой, так как она является пассивным аспектом силы, восприимчивости, кроме того, она несет символику воровства, обмана, коварства.

Сердце

+

Центр существа, как физический, так и духовный, божественное присутствие в центре. Сердце олицетворяет центральную мудрость, мудрость чувства, благородство и сострадание. Сердце является символом понимания, сострадания, любви, милостины, жизни. Пронзенное сердце является символом покаяния.

—

Символ холодности, запрета, греха, коварства, жестокости. «Забрать сердце» означает подчинить себе человека. Может символизировать беззащитность¹²⁷.

Двойные символы

Андрогин

Означает изначальное совершенство, целостность, единство противоположностей, абсолютное состояние, автономию, независимость, вновь обретенный рай, объединение первозданных мужских и женских сил, неба и земли, царя и царицы, первоотца и первоматери.

Близнецы

Символизируют дуалистические системы: добро и зло, смерть и бессмертие, интроверсия — экстраверсия. Справедливость, единение, свежесть, взаимопонимание, комплементарность. В Китае мужские близнецы считались выражением божественного признания за особую добродетель. Могут символизировать ангела-хранителя.

Верх / Низ

Пара полярных противоположностей. Может символизировать завершенность. Объединение добра и зла, порочности и невинности, «высших сил» и ада, мужского (небо, верх) и хтонического, женского (земля, низ). Верхняя сфера чаще всего представляет сферу духа, нижняя — сферу материи, и человек осознает себя «существом двух миров», среди которых он должен найти свой путь.

Правое-левое

Правая сторона символизирует мужское начало, будущее, направленность вовне, активность. На Западе и в Христианстве место справа — почетное. Правая рука символизирует милосердие, силу, счастье, победу. Левая сторона является женской, символизирует справедливость. В Китае левая сторона считается более почетной, так как она более слабая и символизирует поддержку, заботу.

Переднее-заднее

В мифологии символизирует связь между земным (переднее) и потусторонним (заднее) миром: «Избушка-избушка, встань ко мне передом, а к лесу — задом». В царстве Аида нельзя оборачиваться назад по той именно причине, что можно не вернуться — не преодолеть силы смерти.

Рай-ад

Альтернативы жизни после смерти на земле, символизирующие нравственный выбор и духовное развитие человека в земной жизни, которые влияют на дальнейшую жизнь его души (после Страшного Суда). Рай — царство небесное, символ безмятежного сада, предназначенного для безгрешных первых людей, не вкусивших плодов с древа познания и с древа жизни. Недоступное уровню человеческого понимания государство счастья, охраняемое ангелами с огненными мечами. У христиан — «Небесный Иерусалим». Ад — антипод неба, символ низшего потустороннего преисподнего мира, куда попадают умершие грешники. Владыка преисподней — падший ангел. Обычно представлен в виде мрачного

подземелья, изобилующего различными наказаниями (И. Босх), охраняемое, например у греков, трехглавым псом Цербером. А у Сартра — вечно длящееся и не заканчивающееся безнравственное мгновение жизни.

Двойной топор

Символ Луны, обоюдоострой власти, свидетельство божественной защиты. Часто изображается в руках амазонок — андрогинных существ, — как символ власти матери, матриархата. Позже он стал инструментом жертвоприношения.

Инь-янь

Древнекитайский символ дуалистической космической системы: Инь символизирует женственность, север, холод, тень, землю, пассивность, тогда как Янь — мужественность, небо, юг, свет, активность¹²⁸.

Мифы о Героях

Миф о Нарциссе

Сын беотийского речного бога Кефиса и нимфы Лириопы. Родителям его было предсказано, что он доживет до старости, если не увидит своего лица. Нарцисс вырос чрезвычайно красивым юношей, любви которого добивались многие женщины. Нимфа Эхо иссохла с горя от неразделенной любви. Отвергнутые женщины просили Несемиду наказать гордеца. Богиня правосудия сделала таким образом, что Нарцисс увидел в источнике свое отражение, и так влюбился в него, что не мог оторвать взора и умер от любви к себе. Боги превратили его в цветок, названный нарциссом.

Миф о Сизифе

Сын Эола и Энареты, брат Крефея, Афананта, Сальмоня и др. героев, супруг плеяды Меропы, отец Главка. Был необычайно смелым и хитроумным. Не боялся вступать в конфликты даже с богами. Когда Зевс похитил Эгину, Сизиф рассказал об этом ее отцу, речному богу Асопу. Разгневанный Зевс послал к Сизифу бога смерти Танатоса. Но Сизиф обхитрил Танатоса, заковал его и держал в неволе несколько лет. И люди в те годы не умирали. Танатос был освобожден Аресом и первой своей жертвой избрал Сизифа. Но хитрец и на этот раз обманул смерть. Уходя с Танатосом, он запретил жене совершать погребальный

обряд и оплакивать его. А в царстве мертвых Сизиф уговорил Персефону (другой вариант Аида) отпустить его на время на землю, чтобы наказать жену за нарушение обычаев, но обратно не вернулся.

Сизиф совершал набеги, грабил и убивал путников. За свои преступления он был обречен на тяжкие муки в Аиде. Он должен был вечно вкатывать на гору тяжелый камень, который, как только достигал вершины, срывался вниз, и Сизифу приходилось все начинать сначала.

Миф о Беллерофонте

Сын коринфского царя Главка, внук Сизифа. Настоящее имя — Гиппоной. Это был юноша необыкновенной красоты, бесстрашный и сообразительный. Однажды он случайно убил знатного жителя Коринфа Беллера. С тех пор люди стали называть его Беллерофонтом («убийца Беллера»). Чтобы очиститься от убийства, он вынужден был покинуть дом. Придя в город Тиринф, был радушно принят царем Претом. Отверг любовь жены Прета Антеи (Сфенебеи), и она, чтобы отомстить, заявила, что он покушался на ее целомудрие. Прет отправил Беллерофонта к своему тестю Иобату в Ликию с тайной просьбой убить Беллерофонта. Иобат трижды посылал Беллерофонта на верную гибель, говоря, что ему нужно получить славу, стать героем. Но боги покровительствовали ему, и он каждый раз выходил победителем. С помощью золотой узды, которую ему дала Афина Паллада, Беллерофонт умирил крылатого коня Пегаса, и на нем убил Химеру — трехглавое огнедышащее чудовище, опустошавшее страну. Затем победил солимов (дикое племя, которое занималось разбоем) и амазонок. Возвращавшись с войны, расправился с ликийцами, напавшими на него из засады, и вернулся в Ликию. Тогда Иобат отдал ему в жены свою дочь Филоною и перед смертью завещал ему царство. После свадьбы Беллерофонт отправился в Грецию и отомстил Антее (Сфенебеи) за клевету (он сбросил ее в море). После чего вернулся в Ликию и счастливо царствовал. Но через какое-то время его обуяла гордыня, и он утратил благоволение богов. Беллерофонт попытался на Пегасе взлететь на Олимп. Зевс низверг его с крылатого коня на землю, и божественный Пегас один достиг Олимпа. Слепший и хромой Беллерофонт до смерти скитался по Алейской долине. Кроме того, он лишился дочери и одного из сыновей.

Миф об Орфее

Фракийский певец и музыкант. Сын речного бога Загра и музы Каллиопы. От матери он унаследовал дивной красоты голос, а играть на лире его научил Аполлон. Орфей обладал магической силой, его музыка покоряла и людей, и богов, и животных, и рас-

тения. Своей игрой на лире и пением он помогал аргонавтам (Ясону и др., которые по просьбе Пелия отправились за золотым руном) в их походе. Он был страстно влюблен в свою жену, водную нимфу Эвридику. Когда Эвридика умерла от укуса змеи, он пошел за ней в Аид (по просьбе Аполлона попасть туда ему помог Гермес), чтобы уговорить царя преисподней Гадеса отпустить его жену. Своей музыкой он укротил всех, даже Эриний (беспощадных богинь мести и кары) и Гадес отпустил Эвридику, поставив Орфею условие не оглядываться на тень Эвридики и не разговаривать с ней, пока они не покинут пределов его царства. Но по дороге Орфей, забывшись от счастья, обернулся к Эвридике, и она исчезла навсегда в царстве мертвых. Орфей был растерзан вакханками, которых послал Дионис, разгневанный тем, что поэт пренебрегал его культом (по другому мифу Орфей был растерзан фракийскими женщинами, служительницами Диониса, за то, что отвергал их любовь). После чего Дионис жестоко наказал их за то, что они убили его любимого певца. Его смерть оплакивали звери, птицы, деревья, камни. Голова Орфея поплыла по реке Гебр к острову Лесбос и была принята Аполлоном. Там она пророчествовала и творила чудеса. На острове Лесбос родилось много прославленных поэтов и музыкантов, в том числе царица лирической поэзии Сафо. Тень Орфея спустилась в Аид и соединилась с тенью Эвридики.

Миф о Тесее

Сын Эгея и трезенской царевны Эфры. Еще перед рождением Тесея Эгей посетил оракула, и тот предсказал, что Тесею предстоит стать прославленным из героев, и что его слава превзойдет даже славу Геракла. Уходя один в Афины, Эгей оставил свой меч и сандалии под огромным камнем и велел Эфре отправить сына к нему, если он сможет поднять камень и достать отцовский меч и сандалии. Когда Тесею исполнилось шестнадцать лет, он поднял камень, достал оттуда меч и сандалии и отправился к отцу. По дороге Тесей победил самых жестоких разбойников, которые убивали, калечили людей. Эгей объявил Тесея наследником, он узнал сына по мечу, который Тесей вытащил во время пира, чтобы разрезать кусок мяса. В Аттике Тесей также совершил ряд подвигов. Он поймал Критского (Марафонского) быка и принес его в жертву Аполлону Дельфийскому. Самый известный подвиг Тесея — победа над Минотавром (страшным чудовищем с туловищем человека и головой быка). В числе очередной группы обреченных на съедение чудовищем Тесей отправился на Крит и удил чудовище (в этом ему помогла полюбившая его Ариадна, которая дала ему волшебный меч и клубок нити). Ариадну он увез с собой, но затем ее похитил Дионис (по другому мифу Тесей оставил ее спящей на острове Наксос). Возвращаясь, домой, расстроенный разлукой с Ариадной Тесей забыл поднять белый парус, который

обозначал победу над Минотавром. Эгей, увидев черный парус, подумал, что Тесей погиб и бросился в море. Тесей стал царем Афин. Он объединил Аттику в единое государство, разделил афинян на три сословия, ввел Панафинейские праздники и др. новшества. Тесей участвовал в походе Геракла против амазонок, пленил и взял в жены их царицу Антиопу (Ипполиту), которая родила ему сына Ипполита. Амазонки, чтобы освободить свою царицу, дошли до Афин, но потерпели поражение в одном из сражений, где погибла сама Антиопа. Затем Тесей женился на Федре, сестре Ариадры (по другому мифу Федра была его первой и единственной женой), которая родила ему Акаманта и Демофонта. Затем она влюбилась в Ипполита, но не добилась взаимности и в отместку оклеветала его. Тесей проклял сына и попросил Посейдона погубить его. Потом Артемида открыла ему всю правду и примирила их. Федра покончила с собой от неразделенной любви. Затем Тесей подружился с царем лапифов Пирифоем, участвовал в сражении лапифов с кентаврами. Вместе с Пирифоем похитил Елену. Но Диоскуры нашли сестру, возвратили ее домой и захватили в плен мать Тесея Эфру. Тесей помогал Пирифою похитить Персефону. Но оба были схвачены там и прикованы к камню. По просьбе Персефоны Геракл освободил Тесея. За это время власть в Афинах захватил Менесфей, дальний родственник Эгея. И афиняне поддержали его. Тогда Тесей проклял соотечественников и удалился на остров Скирос, где был предательски убит царем Ликомедом.

Миф об Одиссее

Одиссей — герой с острова Итака, был женат на Пенелопе, от которой был рожден сын Телемах. Боги разгневались на Одиссея, и он был вынужден отплыть из-под Трои и отправиться в странствия. В начале пути Одиссей овладел городом Исмаром, но Зевс наслал бурю. Одиссей и его спутники попали на остров лотофагов, которые хотели с помощью сладостного Лотоса заставить их забыть отчизну. Одиссей справился с их колдовством и поплыл дальше. Прибыл он на остров свирепых циклопов. Там, спасая своих воинов от гнева циклопа Полифема, Одиссей выколол ему единственный глаз, чем навлек на себя гнев отца Полифема Бога Посейдона. На острове Эола Одиссею был дарован большой мех, в котором были все ветры, ставшие подвластными Одиссею. Спутники Одиссея развязали мех, и ветры вырвались на волю, создав страшную бурю. Следующее испытание ждало Одиссея на острове великанов лестригонов, которые растерзали почти всех его воинов, а Одиссей чудом спасся. На острове, где жила прекрасная волшебница Кирка, спутники Одиссея были превращены в свиней. Одиссей попросил богов помочь ему. Гермес дал Одиссею волшебный корень, который обезвредил чары Кирки. Одиссей съел его, сделался недосыгаемым для Кирки и заставил ее расколдовать его друзей. Дальше путь Одиссея

следовал в царство мрачного Аида. Волшебница Кирка послала Одиссею попутный ветер. Прибыв в царство Аида, Одиссей узнает от вещего Тиресия, что сможет вернуться на Родину только тогда, когда принесет жертву богам. Далее путь Одиссея лежал мимо острова сирен, завлекающих моряков своим пением и убивающих их. Наученные Киркой, Одиссей и его спутники проплыли мимо. Но чудовище Сцилла отняло у Одиссея шесть моряков. На острове бога Гелиоса воины Одиссея убили прекрасных быков, за что Зевс наслал на них бурю, и все, кроме Одиссея, погибли. Затем его прибило к острову нимфы Калипсо. Пробыл он там долгих семь лет, и, наконец, Афина помогла ему выбраться оттуда. Вернувшись в Итаку с помощью свинопаса Эвлия, он побеждает всех своих конкурентов, стремящихся занять его место. Сын и жена Одиссея помогают ему. Победы Одиссея примирили его с богами, и на Итаке воцарился мир.

Миф об Эдипе

Однажды царь Лай, властитель Фив, гостил у царя Пелопса. И за гостеприимство отплатил ему черной неблагодарностью — похитил у него сына. За это Пелопс проклял Лая и пожелал, чтобы Лая погубил его собственный сын. Узнав об этом проклятье, Лай решил убить своего сына, как только он родится. Вскоре действительно родился у Лая сын: жестокий отец связал его по рукам и ногам, проткнул ему ноги и велел рабу бросить ребенка в лесу. Раб пожалел ребенка и отнес его к царю Полибу, тот же будучи бездетным, воспитал ребенка как своего, назвав его Эдипом. Когда Эдип вырос, он случайно узнал тайну своего рождения и ушел странствовать. По дороге он встретил богатого старца и за то, что тот стукнул его бичом, убил его. Так исполнилось веление рока: старцем был отец Эдипа — Лай. Дальше пошел Эдип, и, узнав, что Фивы держит под страхом злой Сфинкс, решил спасти людей. Он отгадал загадку Сфинкса и стал царем Фив, женившись при этом на вдове Лая Иокасте. И родились у них две дочери и два сына. Так исполнилась вторая часть проклятья, ведь лучезарный Аполлон предупредил Эдипа о том, что он женится на собственной матери и от этого брака родятся дети, проклятые всеми людьми. Эдип же не подозревал о том, что предсказание сбывается. Однажды в Фивы пришла ужасная эпидемия, и мудрый старец сказал, что пройдет она, только если из города уйдет Эдип. Старец раскрыл его тайну. Обезумев от горя, Эдип выколол себе глаза и ушел, а Иокаста — жена и мать его, — узнав правду повесилась. Дети Эдипа устроили в городе раздор, не поделив власть.

Долго странствовал Эдип, пока не пришел к Афинам и умер там, обеспечив своей смертью городу защиту. Ведь в предсказании было и то, что могила Эдипа станет защитой тому, кто в последние его дни даст ему покой.

Миф о Геракле

Сын Зевса и смертной женщины Алкмены. В отсутствии мужа Зевс, приняв его облик, явился к Алкмене, и пока длилась брачная ночь, солнце трое суток не поднималось над землей. После возвращения мужа Алкмена родила двух сыновей — Ификла от мужа и Геракла от Зевса. В день, когда Гераклу предстояло появиться на свет, Зевс поклялся на собрании богов, что младенец из его потомков будет властвовать над Мекенами и соседними народами. Однако ревнивая Гера, задержала роды и ускорила на два месяца роды жены микенского царя Сфенела. Внук Персея и правнук Зевса Эрисфей, который в соответствии с опрометчивой клятвой Зевса получил власть над пелопонесом. Гера не ограничилась задержкой родов, к колыбели Геракла и Ификла она подслала двух чудовищных змей, но младенец задушил их. Взрослея, Геракл учился у Хирона, Лина, Автолика, Эврита, Кастора, которые обучали Геракла различным искусствам, борьбе, стрельбе из лука, игре на кифаре и т.д.

Слабая черта Геракла — это порывы бешенства, в которые он впадает, и результатом которой является смерть неповинных людей: Лина, собственные дети Геракла.

После убийства детей, Геракл уходит в изгнание, дельфийский оракул приказывает ему поселиться в Тиринфе, служить Эрисфею в течение 12 лет и совершить 12 подвигов, после чего Геракл станет бессмертным.

Выполняя приказания Эрисфея, Геракл совершает 12 знаменитых подвигов Геракла: он добывает шкуру немейского льва; убивает лернейскую девятиголовую гидру; ловит керинейскую лань; убивает эриманфского вепря; очищает от навоза огромный скотский двор царя Авгия; изгоняет стимфалийских птиц с острыми железными перьями; побеждает огромного критского быка; ловит кобылиц Диомеда; добывает пояс царицы амазонок Иполиты; доставляет в Микены коров Гериона; добывает золотые яблоки вечной молодости Гасперид; приводит стража преисподней пса Кербера.

Многочисленные мифы о дальнейшей судьбе Геракла сводятся в основном уже не к победам над чудовищами, а к военным походам, взятию городов, рождению многочисленных детей.

Умер Геракл от женской ревности. Деянира приревновала мужа к дочери царя Эврита Иоле, по совету кентавра Несса, в целях сохранения чудесным образом любви Геракла, пропитала отравленной кровью плащ Геракла. Плащ сразу прирос к телу Геракла, и яд стал проникать в кожу, причиняя невыносимые страдания. Тогда Геракл отправился на гору Эту, разложил костер, взошел в него. Когда огонь разгорелся и пламя охватило Геракла, с неба спустилась туча и с громом унесла его на Олимп, где он был принят в сонм

бессмертных богов. Гера примирилась с Гераклом, и он вступил в брак с богиней юности Гебой, дочерью Геры и Зевса.

Миф о Парисе

В греческой мифологии троянский царевич, сын Приама и Гекубы. Когда Гекуба была беременна вторым ребенком, ее приснился страшный сон, будто она родила пылающий факел, от которого сгорела Троя. Прорицатели объяснили сон царицы так: ожидаемый ее сын будет виновником гибели Трои. Когда мальчик родился, Приам велел бросить его на горе Иде, надеясь, что там он будет растерзан зверями. Однако ребенок уцелел и был воспитан пастухом, давшем ему имя Парис. Позднее, когда юноша храбро отразил нападение на стадо шайки разбойников, он получил прозвище Александр («отражающий мужей»). Во время пребывания Париса на Иде источники говорят о его браке с нимфой Эноной и знаменитый суд Париса над тремя богинями, заспорившими о своей красоте. Желая склонить Париса на свою сторону, Гера обещала сделать его самым могущественным из земных царей, Афина — самым храбрым героем, Афродита — обладателем самой красивой женщины.

Парис признал прекраснейшей из богинь Афродиту, которая и помогла ему потом увлечь Елену и сделать ее своей женой. Однако прежде чем это случилось, произошло узнавание Париса родителями и его возвращение в Трою в качестве царского сына: во время спортивных состязаний в Трое он одолел всех соперников, включая сыновей Приама, и был опознан сестрой — пророчицей Кассандрой, пытавшейся убить Париса, чтобы спасти Трою. Однако родители, обрадованные обретением сына, которого они давно оплакали, с радостью приняли его в дом.

Затем Парис отправился в Грецию, где, воспользовавшись гостеприимством спартанского царя Менелая, похитил его жену — красавицу Елену и большие сокровища. Коварный поступок Париса послужил причиной Троянской войны, в которой сам Парис, согласно «Илиаде» не принимал активного участия. В единоборстве с Менелаем он был побежден, сохранив жизнь только благодаря вмешательству Афродиты, и к новому вступлению в бой его был вынужден побуждать Гектор. Впоследствии от стрелы Париса, направленной Аполлоном, погибает Ахилл, в то время как сам Парис не может избежать отравленной стрелы Филоктета.

Миф об Осирисе

Осирис — старший сын бога земли Геба и богини Нуб. Осирис — бог производительных сил природы, царь загробного мира. Его младший брат — Сет, бог пустыни, желал

править вместо Осириса и решил погубить его. После победоносного возвращения из похода в Азию Осирис устроил пир и Сет принес туда красивый ящик, сказав, что подарит его тому, кому он придется впору. Когда очередь примерить дошла до Осириса и он лег в ящик, крышку его забили и выбросили ящик в воды Нила. Течением ящик прибило к берегу, и верная супруга Осириса — Исида нашла тело мужа и чудесным образом зачала от него сына, родился мальчик, назвала его Гором. И дав мертвому отцу проглотить свой волшебный глаз, оживил его. Но Осирис остается править в царстве мертвых. По другой версии тело Осириса было разрублено на 14 частей, а Исида собрала все части его тела, кроме фаллоса и, совокупившись с тенью, родила сына. Потом погребла Осириса в Абидосе.

Миф о Гильгамеше

Шумерский и аккадский мифопоэтический герой. Ряд текстов позволяет предполагать Гильгамеша реальной исторической личностью, обожествленной после смерти. В загробном мире он выполняет функцию защитника людей от демонов.

Гильгамеш — сын урукского правителя Лугальбанды и богини Нисун. Сохранилось пять шумерских эпических песен: победа над войском Аги; поход в горы за кедрами и борьба с чудовищем Хуавой; победа над небесным быком, насланным богиней Инанной; путешествие в загробный мир; путешествие в загробном мире.

По просьбе богов, обеспокоенных жалобами жителей Урука на их своенравного и буйного владыку, богиня Ауру создает дикого человека Энкиду, близнеца Гильгамеша — он должен противостоять Гильгамешу и победить его. Энкиду живет в степи и не подозревает о своем предназначении. Гильгамеша посещают видения, из которых он узнает, что ему суждено иметь друга. Когда в урук приходит известие, что в степи появился некий могучий муж, который защищает животных и мешает охотиться, Гильгамеш посылает в степь блудницу, полагая, что, если ей удастся соблазнить Энкиду, то животные его покинут. Так и случается. Далее происходит встреча Гильгамеша и Энкиду, который вступает с Гильгамешем в поединок на пороге спальни богини Иштар. Ни тот, ни другой герой не может одержать победы, и это делает их друзьями. Вдвоем они совершают множество подвигов: сражаются со свирепым Хуавой, хранителем горных кедров, с чудовищным быком, насланным на Урук богиней Иштар за отказ Гильгамеша разделить ее любовь. По воле богов Энкиду, разгневавший их убийством Хуавы, умирает вместо Гильгамеша. Гильгамеш, потрясенный смертью друга, бежит в пустыню, где он, тоскуя о потерянном друге, впервые ощущает, что и сам смертен. Он приходит подземным путем бога солнца Шамаша сквозь окружающий мир гряды гор, посещает чудесный сад и переправляется через воды смерти на остров, где обитает Ут-напишти — единственный человек, обретший бессмертие.

Гильгамеш хочет узнать, как тот добился этого. Ут–напишти рассказывает Гильгамешу, как он получил бессмертие, но для этого нужен сбор богов, а второй раз боги собираться не будут. Жена Ут–напишти, жалея Гильгамеша, уговаривает мужа подарить ему что-нибудь на прощанье, и тот открывает герою тайну цветка вечной молодости. Гильгамеш с трудом достает этот цветок, но не успевает им воспользоваться — пока он купается, цветок утаскивает змея. Гильгамеш возвращается в Урук и находит утешение, любуясь видом построенной вокруг города стены.

Миф о Моисее

Первый пророк Яхве и основатель его религии, законодатель, религиозный наставник, и политический вождь еврейских племен в исходе из Египта в Ханаан.

Согласно библейскому повествованию, Моисей был евреем из колена Левия, сыном Авраама и Иохаведы. Однако по стечению обстоятельств он получил египетское воспитание. Так как фараон приказал топить всех еврейских новорожденных младенцев мужского пола, мать Моисея прячет его три месяца в своем доме, после чего кладет дитя в засмоленную корзину и пускает по Нилу. Дочь фараона приходит на реку купаться, видит красивого ребенка и велит подобрать и отдать его кормилице, которой оказывается мать Моисея. Моисей вырастает при дочери фараона, любящей его, как сына.

Однажды он видит, как на тяжелых строительных работах египетский надсмотрщик избивает еврея, и убивает обидчика. Спасаясь от гнева фараона, Моисей бежит в Мидиан, где у колодца заступается за обижаемых пастухами дочерей жреца Иофора. Иофор принимает Моисея в дом, и выдает за него дочь Сепфору. Между тем стенания еврейского народа доходят до Яхве, и Моисей оказывается призван к своей освободительной миссии: «вывода из Египта сынов Израилевых». Яхве наделяет Моисея способностью чудотворства и делает Аарона «уста́ми» косноязычного Моисея, его толмачом и вестником. Моисей является к фараону и требует отпустить из плена его народ, на что фараон еще больше усиливает тяготы, так что народ ропщет на Моисея, ухудшившего его положение.

Тогда Яхве ставит 80-летнего Моисея «богом фараона» и начинает творить грозные чудеса — казни египетские. Фараону приходится уступить, и евреи пускаются в путь. Вскоре за ними идет в погону фараон во главе колесниц своего войска. Но евреям удастся достичь моря, где Моисей делает море сушею. Как только последний еврей ступает на берег, воды возвращаются и затопляют войско фараона.

В пустыне от голода и жажды народ начинает опять роптать на Моисея, что потом повторяется не один раз. Тогда Яхве посылает народу в пищу манну небесную, а для утоления жажды — воду из родника, появившегося после удара о скалу жезлом Моисея.

Затем следуют военные столкновения евреев с племенами амаликитян, исход которых решается молитвой Моисея. На третий месяц после исхода они выходят к синайской горе, и там совершается «завет» с Израилем. На горе Моисей получает десять заповедей.

Сорок лет предводительствует народом Моисей в его скитаниях по пустыни. Когда Моисею исполняется 120 лет, Яхве возвещает, что ему не суждено перейти Иордан и войти в ту самую землю обетованную. Эта кара постигает его за погрешности в исполнении своего долга вождя и наставника народа. Увенчание своего дела Моисей должен передать другому — Иисусу Навину, которого он назначает своим приемником. Перед смертью Моисею был подарен взгляд на недостижимую для него «землю обетованную» с горы Нево: там он и умирает, а место его погребения остается неизвестным.

Иисус Христос

Богочеловек, вмещающий в единстве своей личности всю полноту божественной природы.

Мифологизированная биография «земной жизни» Иисуса Христа начинается с момента истории «вочеловечевания бога» к смерти на кресте, воскресению и до возвращения после земной жизни в божественную сферу бытия, но уже в качестве богочеловека.

Иисус Христос, наследник династии Давида, рождается в Назарете от девы Марии, не имея земного отца. Рождение Иисуса предсказывается ангелом (Гавриилом) деве Марии. Эту тайну ангел открывает и Иосифу, земному отцу Иисуса. Иисус рождается в Вифлееме, в хлеву, устроенном в пещере. Младенцу Иисусу приходят поклоняться пастухи, волхвы, приведенные чудесной звездой. Спасая младенца от царя Ирода, Иосиф и Мария бегут с ним в Египет, где остаются до смерти Ирода. Многочисленные внеканонические легенды, распространенные в литературе и фольклоре различных народов, говорят об идолах, рушившихся перед лицом Иисуса Христа, о плодовом дереве, склонившем по его приказу ветви к деве Марии, о поклонении зверей, об источниках, пробивающихся в безводном месте и т.п. Годы, проведенные затем в Назарете, окружены безвестностью, сообщается что Иисус выучился ремеслу плотника. По достижению религиозного совершеннолетия (12 лет) семья Иисуса совершает паломничество в Иерусалим на пасху, во время которого отрок исчезает. Его находят в храме, где Иисус, разговаривая с «учителями», приводит их в изумление своими ответами.

Перед выходом на исповедь Иисус отправляется к Иоанну Крестителю и принимает от него крещение, что сопровождается голосом с небес и явлением духа святого в телесном облике голубя. Сразу после этого Иисус уходит в пустыню на 40 дней, чтобы в полном уединении и духовном поединке встретиться с дьяволом. Он побеждает его троекратно,

отклоняя каждое его предложение словами ветхозаветных заповедей. Лишь после этого Иисус вступает в мессианскую стадию, его возраст примерно 30 лет. Он призывает первых учеников из среды рыбаков моря Галилейского, ходит с ними по Палестине, проповедует свое учение и творя чудеса: превращает воду в вино, воскрешает мертвых, укрощает бури, ходит по воде, насыщает тысячи людей пятью хлебами и т.д. Иисус постоянно нарушает формальные табу религиозной иудаистской практики (например, исцеляет в субботу), чем вызывает ненависть фарисеев и саддукеев.

В дни перед главным иудейским праздником — пасхой Иисус приближается к Иерусалиму, торжественно въезжая в город на ослице. Там он изгоняет из Иерусалимского храма всех торговцев и менял.

Иудейские старейшины решают предать его суду синедрион, чтобы затем выдать на казнь римским властям. Иисус в кругу 12 апостолов тайно справляет обряд пасхального ужина, во время которого предсказывает, что один из его учеников предаст его, а затем подает ученикам хлеб и вино, мистически претворяя их в свое тело и кровь, уподобляя себя пасхальному ягнценку (агнцу). Ночь он проводит с учениками в Гефсиманском саду, где просит троих избранных апостолов бодрствовать вместе с ним и обращается с молитвой к Господу. Напряжение его духа доходит до кровавого пота, в этот момент приходят вооруженные пособники иудейских старейшин. Ученики разбегаются, Иисус отведен на суд синедриона, где подтверждает свое мессианское достоинство, за что ему выносят (предварительный) смертный приговор. Ранним утром его ведут к прокуратору — Понтию Пилату. Он спрашивает Иисуса, считает ли он себя царем иудеев, и получает утвердительный ответ. Иисуса ждет участь бесправных — бичевание, а затем распятие, а между тем и другим он претерпевает издевательство римских легионеров, делающих из него шутовского царя. Он вынужден нести крест до Голгофы, отказываясь от наркотического напитка, притупляющего боль. Страдания Иисуса Христа продолжаются около шести часов, его смерть сопровождается знаменами: затмение солнца и землетрясение. Тело Иисуса спешно хоронят в каменном саркофаге — в пещере, заваленной камнем.

Через три дня Мария Магдалена и еще две женщины пришли омыть и умастить тело Иисуса Христа, но саркофаг оказался пуст, а на его месте сидел ангел, который сказал, что Иисус воскрес, и ученики увидят его в Галилее. Перед вознесением он посылает учеников проповедовать его учение по всему миру. По библейским канонам, второе пришествие Иисуса Христа должно совершиться в конце времен, где он будет вершить страшный суд над всеми поколениями людей.

Мифы о Красавицах

Миф о Гере

Гера — дочь Кроноса и Реи, сестра и одновременно жена Зевса, верховная олимпийская богиня. Ее имя — женский род от слова «hēra» и означает просто «госпожа», хотя оно могло произойти и от слова «hōra» — «время года». Поначалу она отвергала преследования Зевса, но тот превратился в кукушку, нашел прибежище на ее груди и обманом овладел ею. Одновременно другие источники указывают о тайной связи с Зевсом до женитьбы, где при этом активную роль играла именно Гера. Гера была последней, третьей после Метиды и Фемиды, законной супругой Зевса. Супружество Геры определило ее власть над другими олимпийскими богинями. В браке Гера самостоятельна и независима, постоянно ссорится с Зевсом, ревнует его, преследуя незаконные связи мужа, как блюстительница законных брачных устоев моногамной семьи. Известна ее ненависть к Гераклу, незаконному сыну Зевса. В отместку Зевсу, родившему Афины Палладу, Гера рождает без супруга Гефеста. Однако эта ее матриархальная самостоятельность оканчивается неудачей, т.к. Гефест страшен и уродлив. В гневе Гера сбрасывает его с Олимпа, откуда хромота Гефеста, а также его вражда к Гере, которую он искусно приковал к трону, древняя связь Геры с хтоническими силами сказалась в том, что она от прикосновения к земле породила чудовище Тифона. Гера покровительствует женщинам во время родов.

Их отношения с Зевсом есть несомненный аналог священного крито-микенского брака, который справлялся в Греции, напоминая о величии матриархального женского божества.

Миф о Психее

Психея — земная девушка из Малой Азии, известная великолепной красотой. Завистливая Афродита наложила на нее проклятье, что ее не мог полюбить ни один земной юноша. Когда родители Психеи обеспокоились тем, что к их дочери никто не сватается, оракул им сказал: «Она предназначена в жертву дракону». Когда Психея стояла на скале жертвоприношений, на нее опустился сон, и очнувшись она в прекрасном доме, где невидимые руки ухаживали за ней днем, а ночью к ней приходил невидимый любовник. Так продолжалось несколько месяцев, но однажды Психея не выдержала и нарушила запрет никогда не видеть лица своего загадочного супруга. Ночью, сгорая от любопытства, она зажигает светильник и восхищенно смотрит на юного бога, не замечая горячей капли масла, упавшей на нежную кожу Амура. Амур исчезает, и Психея должна вернуть его себе, пройдя множество испытаний. Психея начала искать его по свету. Выбившись из

сил, она обращается к богине любви Афродите за помощью. Афродита обещает помочь, если Психея переберет все зерно в ее закромах и соберет шерсть с ее злобных баранов. Так начинается второй этап страданий Психеи. Выполнить эти задания ей помогли звери и птицы, но следующее поручение Психея могла выполнить только сама: Афродита велела ей пойти в царство мертвых и принести сосуд с земной красотой (живой водой). Психея пробралась в царство Аида, преодолела все препятствия, но когда вышла на землю, любопытство опять взяло над ней верх, и она открыла сосуд, который несла Афродите. Вместо красоты, в нем оказался сон, похожий на смерть, и Психея заснула. Амур увидел ее с неба и, пожалев, забрал к себе. Он просит Зевса разрешения на брак с возлюбленной и примиряется с Афродитой.

Миф об Артемиде

Богиня-девственница (*parthenos*). Некоторые исследователи считают, что ее имя происходит от слова «*artamos*» — «мясник», «убийца». Она — дочь Лето и Зевса и сестра Аполлона. В некоторых источниках она старше своего брата и присутствует при его рождении — в данном случае объясняется, почему женщины обращались к ней при родах. Она богиня охоты и природы — лесов, лугов, полей. Поэтому ее обычный эпитет — «*agrotera*» — сельская. В жертву ей приносились дикие и полудикие животные: кабаны, олени и козы.

Богиня обладает решительным и агрессивным характером, часто пользуется стрелами как оружием наказания и строго следит за исполнением издавна установленных обычаев, упорядочивающих животный и растительный мир. Артемиде часто требовала человеческие жертвы за убийства ее животных: Ифегению, дочь Агамемнона, за то, что он убил священную лань и похвалялся своей меткостью. Древнейшая Артемиде не только охотница, но и медведица. Ей же принадлежит prerogativa приносить быструю и легкую смерть. Однако классическая Артемиде — девственница и защитница целомудрия. Перед свадьбой Артемиде, согласно обычаю, приносилась искупительная жертва. Артемиде — богиня амазонок, в греческой мифологии Артемиде участвует в битве с гигантами, в которой ее помогал Геракл.

Миф об Афине

Еще одна богиня-девственница, которую в Афинах называли «*parthenos Athenaia*» (Дева Афин) или просто «*parthenos*». Афина — дочь Зевса и Метиды (мудрости) из поколения Титанов. Роком было предопределено, что сын Метиды попытается свергнуть Зевса, поэтому тот проглотил ее беременной. В то время, когда настал срок родов, Зевс шел вдоль

берега озера Тритон. Вдруг он испытал головную боль; ему пришел на помощь Гефест. Он расколол ему голову топором и оттуда, издав воинственный клич, вышла Афина в полном облачении и вооружении. В Риме ей соответствовала Минерва.

Афина — богиня справедливости, мудрости и сражений. В «Гигантомахии» она показала себя искусным бойцом, убив гиганта Энкелада. В качестве строгого судьи за неблагоприятное поведение она наказала Медузу, превратив ее в мерзкое чудовище. Как «εργαπος» («работница») была покровительницей ткачества и прядения, причастна к созданию Пандоры. Один из мифов повествует, как юная дева Арахна, известная своим мастерством, похвасталась, будто прядет лучше самой богини, та в наказание превратила ее в паука.

Миф об Афродите

Афродита была богиней плотской любви, рожденная морской пеной от брошенных в море половых органов Урана. На право называться ее родиной претендовали остров Кипр (поэтому ее называли Киприда), а также остров Пафос. Афродита обладала космическими функциями мощной, пронизывающей весь мир любви. Афродита прославлялась как дарующая земле изобилие, спутница и добрая помощница в плавании. Она — богиня браков и даже родов, а также «детопитательница». Мужем Афины является Гефест — самый некрасивый среди богов и самый искусный мастер.

От связи Афродиты со смертным Анхисом родился троянский герой Эней. Он оказался одним из немногих, кому посчастливилось покинуть горящую Трои и при этом вынести из нее на плечах своего отца. Согласно мифу, Эней после долгих странствий положил начало римской цивилизации, и римский поэт Вергилий написал об этом поэму «Энеида», подражая знаменитым произведениям Гомера. Таким образом, Венера (так называли Афродиту римляне) оказалась причастной к созданию Римской империи, именно к ней римские императоры возводили свою родословную, называя ее «Genetrix» — «Мать — прародительница».

Миф о Красавице и Чудовище: Медуза

Медуза была ливийской царевной, дочерью морских божеств Форкоса и Кето. Когда ее отец умер, она стала царицей, ездила на охоту и водила в битву свои войска. Наиболее известна история о том, как с ней воевал Персей, пришедший с Пелопоннеса. Медузу убили, но Персей настолько был поражен ее красотой, что отрезал голову для показа ее в Греции. Вернувшись в Аргос, он похоронил ее на рыночной площади, чтобы она защищала город.

Другой вариант мифа повествует о том, как Посейдон преследовал красавицу Медузу и овладел ею в храме Афины. Богиня настолько разгневалась, что превратила ее в чудовище, способное своим взглядом обращать людей в камень.

Согласно третьему варианту, Акрисию, царю Аргоса, предсказали, что он будет убит собственным внуком, поэтому он запер свою дочь Данаю в бронзовой подземной палате. Однако Зевс, обратившись золотым дождем, пролился на Данаю, и та родила от него сына — Персея. Узнав об этом, Акрисий запер ее в сундуке вместе с сыном и бросил в море. Сундук пристал к берегам острова Сериф, где его подобрал бедный рыбак по имени Диктис. Он воспитал Персея как собственного сына. Брат Диктиса, царь Полидект, воспытал страстью к Данае, пожелал взять ее в жены и одновременно избавиться от Персея. Он сказал, что в обмен на свободу матери требует от юноши голову Медузы Горгоны. С помощью Афины и Гермеса Персей убил и обезглавил Медузу, а из ее мертвого тела возникли воин Хрисаор и крылатый конь Пегас. По пути домой Персей увидел девушку (*parthenos*), привязанную к скале. Пораженный ее красотой, он узнал у прохожего, что ее зовут Андромеда и что она дочь царицы Эфиопии Кассиопеи. Кассиопея однажды похвасталась, что она прекрасней Нереид. Те разгневались и попросили Посейдона наслать на Эфиопию ужасное морское чудовище. Оракул предсказал, что спасти народ может только принесение в жертву Андромеды. Персей убил чудовище, освободил Андромеду и взял ее в жены.

Вернувшись на остров Сериф, он спас свою мать, показав голову Медузы Полидекту и его двору. Затем он направился в Аргос, где случайно убил своего деда Акрисия, как и было предсказано оракулом. После этого он отдал голову Медузы Афине, которая носила ее на своей эгиде (*aigis*).

Миф о Палладе

Одним из имен Афины было Паллада. Во времена «Гигантомахии» Афина убила чудовище (*gorgo*) по имени Энекелад, или Паллад. Согласно Аполлонию Родосскому, этот Паллад — крылатое козлообразное чудовище — был отцом Афины, который пытался овладеть ею. Афина сняла с него кожу и сделала себе эгиду.

Аполлodor говорит, что Паллада была подругой Афины по играм, которую богиня нечаянно убила во время дружеского сражения. Паллада собиралась ударить Афины, но вмешался Зевс, и заслонил ее своей эгидой. Паллада была настолько поражена его видом, что пропустила ответный удар. В раскаянии Афина сделала деревянный кумир (хоапон) Паллады, повесила на него эгиду, поставила рядом с изображением Зевса и воздавала им равные почести. Кроме того, в качестве постоянного напоминания о своем поступке она взяла себе имя Паллада.

Миф о сотворении женщины: Пандора

В начале правления Зевса женщин не было, и мужчинам позволялось сидеть и пировать вместе с богами. Но однажды титан Прометей («мыслящий прежде», «предвидящий») задумал перехитрить Зевса. Когда пришло время делить быка между людьми и богами, Прометей положил все съедобные части в неприглядный на вид желудок (*gaster*), а потроха и внутренности завернул в белый жир, считавшийся деликатесом. Затем он попросил Зевса первым взять себе долю. Зевс, как всеведущий отец всех богов, конечно, заранее догадался о хитрости, но сделал вид, будто ничего не заметил, и взял себе несъедобные части. С тех пор их и приносили ему в жертву. Однако в наказание он решил покарать людей, лишив их огня. Прометею стало жалко человечество, он взобрался на Олимп, похитил семена (*сперма*) вечного огня богов и отдал их людям. Зевс опять-таки все предвидел, но разгневался только после того, как огонь был похищен.

Прометея приковали к скале, и каждый день орел, воплощение Зевса, прилетал и выклевывал ему печень. Но так как Прометей был бессмертным, то ночью у него вырастала новая печень, поэтому он испытывал бесконечные мучения. Прометей задумал еще одну хитрость: Зевсу некогда было предсказано, что один из его смертных сыновей однажды окажется сильнее и низложит его. Прометей сказал ему, что знает имя этого человека, и Зевсу пришлось уступить. Он позволил Гераклу, своему сыну от Алкмены, убить орла выстрелом из лука. Таким образом, сбылось пророчество, — Геракл убил Зевса, но в образе птицы.

Прометей вернулся на землю и предупредил своего брата Эпиметей («мыслящего после»), чтобы тот ничего не принимал от Зевса, поскольку подарок может оказаться хитростью (*dolon*). Зевс же приказал Гефесту взять пригоршню земли (*Гея*), смешать ее с водой и вылепить женщину. Другие боги снабдили деву (*parthenos*) одеждами и различными дарами, назвав ее Пандорой, что значит «дар всех богов». По замыслу Зевса Пандора должна была принести людям соблазны и несчастья, в отместку за поступок Прометея. Но когда Эпиметей увидел Пандору, то красота ее настолько поразила его, что он забыл о предупреждении и впустил ее в дом. Пандора принесла с собой большой глиняный сосуд (*pithos*). Когда она открывала его, на свет вышли разнообразные бедствия (*keres*): раздор (*eris*), болезни, старость и тому подобное. Пандора в испуге закрыла сосуд, оставив внутри надежду. Однако затем ее убедили выпустить надежду, чтобы та уравнивала все несчастья.

Миф о Еве

Согласно религиозным представлениям, Ева — жена Адама, первая женщина и праматерь рода человеческого. «Создал бог человека из праха земного и поселил его в

Эдеме, но не хорошо быть человеку одному, и создал бог из ребра, взятого у человека, ему жену. Мужчина был наречен Адамом, а женщина — Евой. Оба они были наги и не стыдились этого. Змей был хитрее всех зверей, которых создал бог. И сказал он Еве, что если съест она плод с дерева, которое посреди рая, то откроются ее глаза и станет она как бог. Съела Ева плоды, и Адам ел. И открылись глаза их, увидели они, что наги и сшили себе опоясывание из листьев. Господь Бог узнал о том, что они ели плоды и, разгневавшись, сказал, что теперь Ева будет в муках рожать детей, а влечение к мужу будет господствовать над нею, а Адам питаться будет только с земли. После этого он выгнал их из рая. На земле Адам познал жену свою, и родила она ему сыновей Каина и Авеля».

Миф о деве Марии

Мария происходит из мессианского колена Иуды, из царского рода Давида, смешавшегося со священническим коленом Левия. Ее родители — праведники Иоаким и Анна, дожившие до пожилого возраста бездетными. Неожиданное рождение Марии, как бы повторяя чудо рождения ее предка Исаака. Предание говорит о воспитании Мари в обстановке особой ритуальной чистоты. С трех лет Мария воспитывается в иерусалимском храме. К 12 годам она дает обет вечного девства. Однако совершеннолетняя девственница не может оставаться при храме, и для нее ищут супруга, который охранял бы ее, не прикасаясь к ней и уважая ее обет. По чудесному знаменю из нескольких претендентов был выбран Иосиф Обручник. В его доме происходит благовещение, что ее предстоит родить от духа святого сына, облеченного достоинством мессии. Во время беременности Мария проходит испытание горькой водой, наводящей проклятье на неверных жен, как это рекомендуется в Библии, но архаическая ордалия подтвердила ее целомудрие.

После рождения младенца в Вифлееме ей предсказываются предстоящие страдания. Затем Мария вынуждена бежать в Египет, чтобы спасти младенца. Мария присутствует при важнейших страданиях своего сына — Иисуса Христа, во время его казни и в дни вознесения. Она участвует в распределении между апостолами земель, куда они должны были отправиться (ей выпала Иверия (Грузия)). Последние годы Марии связаны с жизнью в доме Иоанна Богослова, деля время между молитвами, трудами рукоделия и посещением мест, имеющих отношение к истории жизни Христа.

События, связанные со смертью Марии (успение), символически как бы повторяют важнейшие смысловые моменты ее жизни: возвешение от архангела Гавриила о близкой смерти, новое благовещение, принятие в небесную славу, новое введение в храм. За успением, т.е. разлучением души Марии с телом, следует их чудесное воссоединение и вознесение на небеса. Мария — земная женщина, богоматерь и святая в одном лице.

Миф о Марии Магдалене

В христианских преданиях Мария Магдалена — мироносица, уроженка Галилеи, последовательница Иисуса Христа. Согласно евангельскому описанию, она была исцелена от одержимости семью бесами. После этого она следовала за Христом, служила ему, делясь своим достоянием, присутствовала на Голгофе при его кончине и была свидетельницей его погребения и воскрешения. Когда Мария Магдалена увидела Христа, она не узнала его, приняв за садовника. После узнавания и порывистого устремления к нему ее остановили его слова: «Не прикасайся ко мне». На нее была возложена миссия — возвестить о воскрешении Христа апостолам.

Она занималась проповеднической деятельностью в Галии. Затем она удалилась в пустыню, где подвергла себя строжайшей аскезе, оплакивая свои грехи. Ее распавшееся от ветхости одеяние было чудесно заменено волосами, скрывшими все тело, а исцеление от лишений пустынной жизни приносили ангелы, возносившие ее в небесные высоты. Перед смертью ее находит священник, которому она рассказывает свою жизнь и от которого принимает последнее причастие.

Библиография

Часть I. Глубинная топологическая психотерапия

Глава 1. Телесное и ментальное: маргинальность или единство

- ¹ Якоби М. Встреча с аналитиком. — М., 1996.
- ² Юнг К. Синхронистичность. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
- ³ Юнг К. Синхронистичность. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997 с. 301.
- ⁴ Юнг К. Синхронистичность. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997, с. 198.

Глава 2. Ментальное

- ⁵ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁶ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁷ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁸ Рубинштейн Л.С. Бытие и сознание. — М., 1996.
- ⁹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ¹⁰ Веккер Л.М. Психика и реальность. — М.: Смысл, 1998.
- ¹¹ Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1995.
- ¹² Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония — цель — гармония. — М., 1997.
- ¹³ Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония — цель — гармония. — М., 1997.
- ¹⁴ Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония — цель — гармония. — М., 1997, с. 24.
- ¹⁵ Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония — цель — гармония. — М., 1997, с. 20.
- ¹⁶ Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония — цель — гармония. — М., 1997, с. 17.
- ¹⁷ Марсон П. 25 ключевых книг по психоанализу. — LTD, 1999.
- ¹⁸ Успенский П.Д. Совесть: поиск истины (Из неопубликованных трудов) — Невский курьер, С-Пб., 1997.
- ¹⁹ Успенский П.Д. Совесть: поиск истины (Из неопубликованных трудов) — Невский курьер, С-Пб., 1997, с. 53.

- ²⁰ Успенский П.Д. Совесть: поиск истины (Из неопубликованных трудов) — Невский курьер, С-Пб, 1997.
- ²¹ Гурджиев Г.И. Жизнь реальна только тогда, когда «я есть» — Все и вся, третья серия, Невский проспект; С-Пб, 1996, с. 13.
- ²² Пруст М. В поисках утраченного времени. М.: Республика, 1993.
- ²³ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ²⁴ Юнг К. — в сб. «Человек и его символы». — С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 126.
- ²⁵ Ранк О. Миф о рождении героя. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1997, с. 216.
- ²⁶ Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1998.
- ²⁷ Хендерсен Дж. Древние мифы и современный человек. — в сб. «Человек и его символы», С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 160.
- ²⁸ Хендерсен Дж. Древние мифы и современный человек. — в сб. «Человек и его символы», С-Пб.: Б.С.К., 1996.
- ²⁹ Хендерсен Дж. Древние мифы и современный человек. — в сб. «Человек и его символы», С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 163.
- ³⁰ Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1998, с. 219.
- ³¹ Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1998, с. 229.
- ³² Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1998, с. 232–236.
- ³³ Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1998, с. 231.
- ³⁴ Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1998, с. 232.
- ³⁵ Юнг К. — в сб. «Человек и его символы». — С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 129.
- ³⁶ Уайли Дж. В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского. — С-Пб.: Б.С.К., 1996.
- ³⁷ Уайли Дж. В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского. — С-Пб.: Б.С.К., 1996., с. 19–20.
- ³⁸ Уайли Дж. В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского. — С-Пб.: Б.С.К., 1996., с. 120.
- ³⁹ Уайли Дж. В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского. — С-Пб.: Б.С.К., 1996., с. 78.

- ⁴⁰ Юнг К. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
- ⁴¹ Юнг К. *Конфликты детской души*. — М.: Канон, 1995.
- ⁴² Фрейд З. *Тотем и табу*. — в сб. «Я» и «Оно». — Тбилиси: Мерани, 1991.
- ⁴³ Леклер С. — в сб. «25 ключевых по психоанализу» под ред. П. Марсона, LTD, 1999.
- ⁴⁴ Юнг К. *Душа и миф. Шесть архетипов*. — Киев, 1996.
- ⁴⁵ Кляйн М. *Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников*. — С-Пб.: Б.С.К., 1997, с. 17.
- ⁴⁶ Кляйн М. *Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников*. — С-Пб.: Б.С.К., 1997, с. 16.
- ⁴⁷ Тайсон Ф., Тайсон Р. *Психоаналитические теории развития*. — Екатеринбург, 1998.
- ⁴⁸ Тайсон Ф., Тайсон Р. *Психоаналитические теории развития*. — Екатеринбург, 1998.
- ⁴⁹ Бубер М. *Я и ты*. — М.: Высшая школа, 1993, с. 7–8.
- ⁵⁰ Бубер М. *Я и ты*. — М.: Высшая школа, 1993, с. 66.
- ⁵¹ Бубер М. *Я и ты*. — М.: Высшая школа, 1993.
- ⁵² Куттер П. *Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов* — Б.С.К. С-Пб., 1997.
- ⁵³ Лэнг Р. *Расколотовое «Я»*. Антипсихиатрия. — М., 1995.
- ⁵⁴ Куттер П. *Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов* — Б.С.К. С-Пб., 1997.
- ⁵⁵ Куттер П. *Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов* — Б.С.К. С-Пб., 1997.
- ⁵⁶ Бинсвангер Л. *Бытие в мире. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера*. — Рефл-бук, Ваклер, 1999.
- ⁵⁷ Якоби М. *Встреча с аналитиком*. — М., 1996, с. 163.
- ⁵⁸ Юнг К. *Психология бессознательного*. — М.: Канон, 1994, с. 315.
- ⁵⁹ Юнг К. *Психология бессознательного*. — М.: Канон, 1994, с. 172.
- ⁶⁰ Юнг К. *Тевистокские лекции*. — «Рефл-бук», «Ваклер», 1998.
- ⁶¹ Юнг К. *Конфликты детской души*. — М.: Канон, 1995, с. 101.
- ⁶² Юнг К. *Психологические типы*. — С-Пб — М.: «Ювента» — «Прогресс», 1995, с. 215.
- ⁶³ Юнг К. *Конфликты детской души*. — М.: Канон, 1995, с. 99.
- ⁶⁴ Юнг К. *Либи́до и его метаморфозы*. — С-Пб., 1994.

- ⁶⁵ Юнг К. Либи́до и его метаморфозы. — С-Пб., 1994.
- ⁶⁶ Юнг К. Аналитическая психология. — М.: Мартис, 1997, с. 77–78.
- ⁶⁷ Юнг К. Ответ Иову. — М.: Канон, 1998, с. 136.
- ⁶⁸ Юнг К. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
- ⁶⁹ Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов. — Киев, 1996.
- ⁷⁰ Леклер С. — в сб. «25 ключевых книг по психоанализу» под ред. П. Марсона, LTD, 1999.
- ⁷¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм — в сб. «Сумерки богов». М., 1989.
- ⁷² Бинсвангер Л. Бытие в мире. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. — Рефл-бук, Ваклер, 1999.
- ⁷³ Бинсвангер Л. Бытие в мире. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. — Рефл-бук, Ваклер, 1999.
- ⁷⁴ Бинсвангер Л. Бытие в мире. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. — Рефл-бук, Ваклер, 1999.
- ⁷⁵ Бинсвангер Л. Бытие в мире. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. — Рефл-бук, Ваклер, 1999, с. 92.
- ⁷⁶ Бинсвангер Л. Бытие в мире. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. — Рефл-бук, Ваклер, 1999.
- ⁷⁷ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁷⁸ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999.
- ⁷⁹ Мэй Р. Любовь и воля. — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1997.
- ⁸⁰ Фромм Э. Психоанализ и этика. — М.: Республика, 1993.
- ⁸¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999, с. 408.
- ⁸² Бубер М. Я и ты. — М.: Высшая школа, 1993.
- ⁸³ Маслоу А. Мотивация и личность. — С-Пб: Евразия, 1999.
- ⁸⁴ Пруст М. В поисках утраченного времени. — М.: Республика, 1993.
- ⁸⁵ Юнг К. Сознательное и бессознательное. М., 1997.
- ⁸⁶ Юнг К. Конфликты детской души. — М.: Канон, 1995.
- ⁸⁷ Юнг К. Бог и бессознательное. — М.: 1998, с. 231.
- ⁸⁸ Юнг К. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
- ⁸⁹ Яффе А. — в сб. «Человек и его символы». — С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 330.
- ⁹⁰ Юнг К. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
- ⁹¹ Юнг К. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
- ⁹² Юнг К. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997, с. 505.

- ⁹³ Юнг К. Тевистокские лекции. — «Рефл — бук», «Ваклер», 1998, с. 41.
- ⁹⁴ Юнг К. Ответ Иову. — М.: Канон, 1998.
- ⁹⁵ Юнг К. Ответ Иову. — М.: Канон, 1998.
- ⁹⁶ Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов. — Киев, 1996.
- ⁹⁷ Юнг К. Ответ Иову. — М.: Канон, 1998.
- ⁹⁸ Адлер Г. Лекции по психоаналитической психологии. — М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996.
- ⁹⁹ Юнг К. Ответ Иову. — М.: Канон, 1998.
- ¹⁰⁰ Юнг К. Сознательное и бессознательное. С-Пб — М., 1997.
- ¹⁰¹ Юнг К. Практика психотерапии. — С-Пб — М., 1998, с. 370.
- ¹⁰² Юнг К. Сознательное и бессознательное. С-Пб — М., 1997, с. 153.
- ¹⁰³ Юнг К. Сознательное и бессознательное. С-Пб — М., 1997, с. 150.
- ¹⁰⁴ Юнг К. Сознательное и бессознательное. С-Пб — М., 1997, с. 151.
- ¹⁰⁵ Юнг К. Тевистокские лекции. — «Рефл — бук», «Ваклер», 1998, с. 30.
- ¹⁰⁶ Юнг К. Сознательное и бессознательное. С-Пб — М., 1997, с. 15.
- ¹⁰⁷ Фромм Э. Психоанализ и этика. — М.: Республика, 1993.
- ¹⁰⁸ Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов. — Киев, 1996.
- ¹⁰⁹ Юнг К. Тевистокские лекции. — «Рефл — бук», «Ваклер», 1998.
- ¹¹⁰ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 235.
- ¹¹¹ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 227.
- ¹¹² Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 227.
- ¹¹³ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 235.
- ¹¹⁴ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 246–247.
- ¹¹⁵ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 239.
- ¹¹⁶ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998, с. 247.
- ¹¹⁷ Юнг К. Сознательное и бессознательное. С-Пб — М., 1997, с. 161.
- ¹¹⁸ Юнг К. Либи́до и его метаморфозы. — С-Пб., 1994.
- ¹¹⁹ Яффе А. — в сб. «Человек и его символы». — С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 312–315.
- ¹²⁰ Копытин А.И. Основы арт-терапии. — С-Пб.: Лань, 1999, с. 205–206.
- ¹²¹ Копытин А.И. Основы арт-терапии. — С-Пб.: Лань, 1999, с. 206.
- ¹²² Яффе А. — в сб. «Человек и его символы». — С-Пб.: Б.С.К., 1996, с. 342.
- ¹²³ Юнг К. Либи́до и его метаморфозы. — С-Пб., 1994.
- ¹²⁴ Юнг К. Либи́до и его метаморфозы. — С-Пб., 1994.
- ¹²⁵ Юнг К. Либи́до и его метаморфозы. — С-Пб., 1994.
- ¹²⁶ Юнг К. Архетип и символ. — М.: Renaissance, 1991.

- ¹²⁷ Юнг К. Архетип и символ. — М.: Renaissance, 1991.
- ¹²⁸ Юнг К. Архетип и символ. — М.: Renaissance, 1991.
- ¹²⁹ Юнг К. Архетип и символ. — М.: Renaissance, 1991.
- ¹³⁰ Фон Франц М.-Л. Психология сказки — С-Пб.: Б.С.К., 1998

Глава 3. Телесное

- ¹³¹ Лоуэн А. Любовь и оргазм. — С-Пб, 1998.
- ¹³² Никитин В.Н. Психология телесного сознания. — М.: Алетея, 1998, с. 196–210.
- ¹³³ Иваницкий А.М. Поиск мозговых основ сознания — в сб. «Психофизиологические аспекты целенаправленной деятельности человека», Суздаль, 1992.
- ¹³⁴ Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах. — М.: Мир, 1979.
- ¹³⁵ Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах. — М.: Мир, 1979.
- ¹³⁶ Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах. — М.: Мир, 1979.
- ¹³⁷ Soong A.S., Stuart C.L. Evidence of chaotic dynamics underlying the human alpha-rhythm EEG // Biol. Cybern.: 1989, 62, N1, — p. 55–62.
- ¹³⁸ Dimond S.J. Neuropsychologia: A textbook of systems and psychological functions of the human brain. — London: Butter-Worth, 1980, p. 218.
- ¹³⁹ Petsche H., Lindner K., Rappelsberger P., Gruber G. The EEG: An adequate method to concretize brain processes elicited by music // Music-Perception: 1988, Win., Vol. 6 (2), — p. 133–159.
- ¹⁴⁰ Reynolds C.R., Torrance E.R. Perceived changes in styles of learning and thin king (hemisphericity) through direct and indirect training // J. Creative Behav.: 1978, Vol. 12, N4, p. 247–252.
- ¹⁴¹ Laughlin C.D. The prefrontosensorial polarity principle. Toward a neurophenomenological theory of intentionality // Biol. Forum. — 1988, 81, N2, — p. 245–262.
- ¹⁴² Иваницкий А.М. Поиск мозговых основ сознания — в сб. «Психофизиологические аспекты целенаправленной деятельности человека», Суздаль, 1992.
- ¹⁴³ Lang W., Lang M., Kornhuber A., Diekmann V., Kornhuber H. Event-related EEG-spectral in a concept formation task // «Hum. Neurobiol.», 1988, 6, N4, p. 295–301.
- ¹⁴⁴ Mizuki Y. Frontal lobe: Mental functions and EEG // «Amer. J. EEG Technol». — 1987, 27, N 2, p. 91–101.

- ¹⁴⁵ Лурия А.Р. Язык и сознание. — М.: МГУ, 1979.
- ¹⁴⁶ Батуев А.С. Высшие интегративные функции мозга. — Л.: Наука, 1981.
- ¹⁴⁷ Гавриков К.В., Оруджев Я.С., Ивашев С.П. Роль мотивации в последовательном и иерархическом квантовании мыслительной деятельности человека. — в сб. «Психофизиологические аспекты целенаправленной деятельности человека», Суздаль, 1992.
- ¹⁴⁸ Пратуевич Ю.М. с соавт. Системный анализ процесса мышления. М.: Медицина, 1989.
- ¹⁴⁹ Petsche H. Wie entsteht das EEG? // EEG-Lab.: 1989, 11, N3, p. 120–135.
- ¹⁵⁰ Хомская Е.Д. К проблеме нейрофизиологических основ системной организации психических функций человека. — в сб. «Системный подход к психофизиологической проблеме», М.: Наука, 1982.
- ¹⁵¹ Методы исследований в психофизиологии. — С-Пб.: Изд-во С-Пб. Ун-та, 1994.
- ¹⁵² Введенский В.А. с соавт. Определение источников магнитного альфа-ритма человека. — ж. «Ф.ч.» № 6, 1987.
- ¹⁵³ Гнездицкий В.В. с соавт. Возможность трехмерной локализации источников ЭЭГ на основе модели эквивалентного диполя. — ж. «ВНД», вып. 2, т. 31, 1981.
- ¹⁵⁴ Анохин А.П., Ата-Мурадова Ф.А., Дубинин Н.П., Животовский Л.А. Популяционно-генетический анализ ЭЭГ человека. — Докл. АН СССР, т. 283, 2, 1985.
- ¹⁵⁵ Мальцева И.В., Маркина А.В. Оценка дискретности частотного состава доминирующего ритма ЭЭГ у человека. — в сб. «Актуальные проблемы психофизиологии и нейропсихологии». — М., 1991.
- ¹⁵⁶ Mecklinger A., Bosel R. Veränderungen im EEG-Frequenz-spektrum bei Verschiedenen Phasen Mentaler Belastung // Z. Exp. Und angew Psychol. — 1989, 36, N3, p. 453–475.
- ¹⁵⁷ Klimesch W., Pfurtscheller G., Mohl W., Schimke H. Event-related desynchronization, ERD-mapping and hemispheric differences for word and numbers // Int. J. Psychophysiology. — 1990 — 8, N3, p.297–308.
- ¹⁵⁸ Методы исследований в психофизиологии. — С-Пб.: Изд-во С-Пб. Ун-та, 1994.
- ¹⁵⁹ Earle J.B. Task difficulty and EEG alpha asymmetry: An amplitude and frequency analysis // «Neuropsychology». — 1989, -20, N2, p. 96–112.
- ¹⁶⁰ Lang W., Lang M., Kornhuber A., Diekmann V., Kornhuber H. Event-related EEG-spectral in a concept formation task // «Hum. Neurobiol.», 1988, 6, N4, p. 295–301.
- ¹⁶¹ Сидоренко Ж.Г. Исследование индивидуальной чувствительности к воздействию шума. — ж. «Гигиена насел. мест.», № 28, Киев, 1989, с. 59–63.

- ¹⁶² Сидоренко Ж.Г. Исследование индивидуальной чувствительности к воздействию шума. — ж. «Гигиена насел. мест.», № 28, Киев, 1989, с. 59–63.
- ¹⁶³ Бовин Б.Г. Нейрофизиологическая модель многоальтернативного выбора. — сб. «Психологические закономерности восприятия и памяти», М.: Наука, 1985.
- ¹⁶⁴ Сенсорные системы. Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов. — сб. ст., вып. 3, Л., 1972.
- ¹⁶⁵ Psatta O., Matei M. Topographic spread of EEG spectral changes induced by verbal testing in man // *Revue-Roumaine-de-Neurologie-at-Psychiatrie*: 1986, Apr-Jun., Vol. 24 (2), p. 125–134.
- ¹⁶⁶ Mizuki Y. Frontal lobe: Mental functions and EEG // «*Amer. J. EEG Technol.*». — 1987, 27, N 2, p. 91–101.
- ¹⁶⁷ Ильюченко И.Р. Пространственно-временное распределение биопотенциалов мозга при вербальных мыслительных операциях. — автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.м.н., М., 1992.
- ¹⁶⁸ Lang W., Lang M., Kornhuber A., Diekmann V., Kornhuber H. Event-related EEG-spectral in a concept formation task // «*Hum. Neurobiol.*», 1988, 6, N4, p. 295–301.
- ¹⁶⁹ Koles Z.J., Elor H.P. The affect of brain function on coherence patterns in the bipolar EEG // *International-Journal-of-Psychophysiology*: 1987, May, Vol. 5 (1), p. 63–71.
- ¹⁷⁰ Хомская Е.Д. К проблеме нейрофизиологических основ системной организации психических функций человека. — в сб. «Системный подход к психофизиологической проблеме», М.: Наука, 1982.
- ¹⁷¹ Wieser H.G., Mazzolia G. Musical consonances and dissonances: Are they distinguished independently by the right and left hippocampi? // *Neuropsychologia*: 1986, Vol. 24(6), p. 805–817.
- ¹⁷² Chaney R.H., Forbes L.M., Leve L. Relationship of EEG rithms to aggressive behavior in mentally retardet persons // *Brain Disfunct.*, — 1989, 2, N4, p. 196–200.
- ¹⁷³ Broadbent D.E. Perception and communication // *Oxford Unis. Press.* — 1987, p. 338.
- ¹⁷⁴ Bradshaw J.L., Nettleton N.C. The nature of hemispheric specialization in man // *Behav. And Brain Sci.* — 1981, Vol. 4, p. 51–59.
- ¹⁷⁵ Методы исследований в психофизиологии. — С-Пб.: Изд-во С-Пб. Ун-та, 1994.
- ¹⁷⁶ Chaney R.H., Forbes L.M., Leve L. Relationship of EEG rithms to aggressive behavior in mentally retardet persons // *Brain Disfunct.*, — 1989, 2, N4, p. 196–200.
- ¹⁷⁷ Суворов Н.Ф. Стриарная система и поведение. — Л.: Наука, 1980.

- ¹⁷⁸ Методы исследований в психофизиологии. — С-Пб.: Изд-во С-Пб. Ун-та, 1994.
- ¹⁷⁹ Хомская Е.Д. Еще раз о проблеме факторов в нейропсихологии. — в сб. «Актуальные проблемы психофизиологии и нейропсихологии», М., 1991.
- ¹⁸⁰ Батуев А.С. Высшие интегративные функции мозга. — Л.: Наука, 1981.
- ¹⁸¹ Батуев А.С. Высшие интегративные функции мозга. — Л.: Наука, 1981.
- ¹⁸² Laughlin C.D. The prefrontosensorial polarity principle. Toward a neurophenomenological theory of intentionality // *Biol. Forum.* — 1988, 81, N2, — p. 245–262.
- ¹⁸³ Posner M., Petersen S., Fox P., Raichle M. Localization of cognitive operations in the human brain // *Science.* — 1988, 240, N4859, p. 16–31.
- ¹⁸⁴ Raichle M.E. Localisation of cognitive functions in the human brain: RET studies of language // *Psychophysiology: 1988. Roc. 4th Cont. Int. Organ. Psychophysiol., Sept., Praha, p. 306.*
- ¹⁸⁵ Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. — Калинин: КГУ, 1975.
- ¹⁸⁶ Ливанов М.Н. Пространственная синхронизация биопотенциалов головного мозга. — Л.: Наука, 1973.
- ¹⁸⁷ Merrin E., Floyd T., Fein G. EEG coherence in unmedicated schizophrenic patients // *Biological-Psychiatry: 1989, Jan., Vol. 25 (1), p. 60–66.*
- ¹⁸⁸ Бодунов М.В. Типы динамики дистантной синхронизации ЭЭГ при умственной деятельности. — тезисы доклада Всесоюзного симпозиума «Индивидуальные особенности психического и соматического развития и их роль в управлении деятельностью человека», Пермь, май 1982.
- ¹⁸⁹ Koles Z.J., Elor H.P. The affect of brain function on coherence patterns in the bipolar EEG // *International-Journal-of-Psychophysiology: 1987, May, Vol. 5 (1), p. 63–71.*
- ¹⁹⁰ Travis F.T., Orme-Jonson D.W. Field models of consciousness: EEG coherence changes as indicators of field effects // *Neuroscience.* — 1989, 49, N3–4, p. 203–211.
- ¹⁹¹ Свидерская Н.Е. Синхронная электрическая активность мозга и психические процессы. — М.: Наука, 1987.
- ¹⁹² Кирой В.Н. Пространственно-временная организация биоэлектрической активности мозга человека в процессе решения различающихся по сложности мыслительных задач. — в сб. «Нейрофизиологические детерминанты процессов переработки информации человеком», М., 1987.
- ¹⁹³ Подклетнова И.М., Тарабынова Г.В. ЭЭГ-корреляты творческой деятельности. — в сб. «Психофизиологический эксперимент. Методическое и техническое обеспечение», М.: Наука, 1990.

- ¹⁹⁴ Власкина Л.А. Динамика ЭЭГ-показателей сенсорных систем мозга в процессе умственной деятельности при модально-специфическом предъявлении информации. — в сб. «Психофизиологические особенности целенаправленной деятельности человека», мат. Всеро. науч. конф., Суздаль, 1992.
- ¹⁹⁵ Ливанов М.Н. Пространственная синхронизация биопотенциалов головного мозга. — Л.: Наука, 1973.
- ¹⁹⁶ Кириой В.Н. Пространственно-временная организация биоэлектрической активности мозга человека в процессе решения различающихся по сложности мыслительных задач. — в сб. «Нейрофизиологические детерминанты процессов переработки информации человеком», М., 1987.
- ¹⁹⁷ Кирпичев В.И. Электрофизиологические корреляты умственной работоспособности подростков. — автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.б.н., М., 1983.
- ¹⁹⁸ Свидерская Н.Е. Синхронная электрическая активность мозга и психические процессы. — М.: Наука, 1987.
- ¹⁹⁹ Koles Z.J., Elor H.P. The affect of brain function on coherence patterns in the bipolar EEG // *International-Journal-of-Psychophysiology*: 1987, May, Vol. 5 (1), p. 63–71.
- ²⁰⁰ Travis F.T., Orme-Jonson D.W. Field models of consciousness: EEG coherence changes as indicators of field effects // *Neuroscience*. — 1989, 49, N3–4, p. 203–211.
- ²⁰¹ Merrin E., Floyd T., Fein G. EEG coherence in unmedicated schizophrenic patients // *Biological-Psychiatry*: 1989, Jan., Vol. 25 (1), p. 60–66.
- ²⁰² Ширяев Д.А. Психофизиологические механизмы вероятностного прогнозирования. — Рига: Зинатне, 1986.
- ²⁰³ Ширяев Д.А. Психофизиологические механизмы вероятностного прогнозирования. — Рига: Зинатне, 1986.
- ²⁰⁴ Бодунов М.В. Типы динамики дистантной синхронизации ЭЭГ при умственной деятельности. — тезисы доклада Всесоюзного симпозиума «Индивидуальные особенности психического и соматического развития и их роль в управлении деятельностью человека», Пермь, май 1982.
- ²⁰⁵ Подклетнова И.М., Тарабынова Г.В. ЭЭГ-корреляты творческой деятельности. — в сб. «Психофизиологический эксперимент. Методическое и техническое обеспечение», М.: Наука, 1990.
- ²⁰⁶ Глансдордф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуации. — М.: Мир, 1973.

- ²⁰⁷ Аршавский И.А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития. — М.: Наука, 1982.
- ²⁰⁸ Видермане А.А. Некоторые вопросы хронобиологии и хрономедицины. — Рига, 1988.
- ²⁰⁹ Фролькис В.В. Регулирование: приспособление и старение. — Л.: Наука, 1970.
- ²¹⁰ Аршавский И.А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития. — М.: Наука, 1982.
- ²¹¹ Тхостов А.Ш. Интрацепция в структуре внутренней картины болезни. — автореф. на соиск. уч. ст. д.п.н., М.: МГУ, 1991.
- ²¹² Тхостов А.Ш. Интрацепция в структуре внутренней картины болезни. — автореф. на соиск. уч. ст. д.п.н., М.: МГУ, 1991.
- ²¹³ Тхостов А.Ш. Интрацепция в структуре внутренней картины болезни. — автореф. на соиск. уч. ст. д.п.н., М.: МГУ, 1991.
- ²¹⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит., 1965.
- ²¹⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит., 1965.
- ²¹⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит., 1965, с. 34.
- ²¹⁷ Ананьев В.А. Введение в потрясающую психотерапию. — М., «Журнал практического психолога», № 7–8, 1999, с. 41–71.

Часть II. Идеи о трансформации

Глава 1. Идея первая: топос

- ¹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ² Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — Л.: ЛГУ, 1989.
- ⁴ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁵ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁶ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁷ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁸ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.

- ¹⁰ Ламберт К. Процесс индивидуации — в сб. «К. Юнг и современный психоанализ», хрестоматия по глубинной психологии, вып. 2, М., 1997, с. 77–102.
- ¹¹ Юнг К. «Misterium Coniunctionis». — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1997, с. 535–536.
- ¹² Уоткинс Ш. Хрестоматия по глубинной психологии. — М., 1997, с. 195–199.
- ¹³ Стюарт В. Хрестоматия по глубинной психологии. — М., 1997.
- ¹⁴ Хиллман Дж. Терапия, сны и воображение — в сб. «К. Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии», вып. 1., М. 1996, с. 6–34.
- ¹⁵ Хиллман Дж. Терапия, сны и воображение — в сб. «К. Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии», вып. 1., М. 1996, с. 6–34.
- ¹⁶ Дезолье Р. Хрестоматия по глубинной психологии. — М., 1996, с. 118.
- ¹⁷ Джойс Дж. Улисс. — М.: Республика, 1993.
- ¹⁸ Юнг К. «Misterium Coniunctionis». — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1997.
- ¹⁹ Юнг К. «Misterium Coniunctionis». — М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1997, с. 227–228.
- ²⁰ Джойс Дж. Улисс. — М.: Республика, 1993, с. 459.
- ²¹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ²² Джойс Дж. Улисс. — М.: Республика, 1993, с. 460–461.
- ²³ Джойс Дж. Улисс. — М.: Республика, 1993, с. 461–462.
- ²⁴ Джойс Дж. Улисс. — М.: Республика, 1993, с. 527–528.
- ²⁵ Морено Дж. Театр спонтанности. — Красноярск, 1993, с. 25–26.
- ²⁶ Морено Дж. Театр спонтанности. — Красноярск, 1993, с. 28.
- ²⁷ Морено Дж. Театр спонтанности. — Красноярск, 1993, с. 28.
- ²⁸ Морено Дж. Театр спонтанности. — Красноярск, 1993, с. 44.
- ²⁹ Келлерман П. Психодрама крупным планом. — М., Класс, 1998, с. 141.
- ³⁰ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 113.
- ³¹ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 113.
- ³² Кино Италии. Неореализм. — М.: Искусство, 1989, Федерико Феллини «Неореализм. Ответ М. Миде», с. 301.
- ³³ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 88.
- ³⁴ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 90.
- ³⁵ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 92.

- ³⁶ Киппер Д. Клинические ролевые игры и психодрама. — М., Класс, 1993, с. 106.
- ³⁷ Келлерман П. Психодрама крупным планом. — М., Класс, 1998, с. 131.
- ³⁸ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 174–175.
- ³⁹ Киппер Д. Клинические ролевые игры и психодрама. — М., Класс, 1993, с. 31.
- ⁴⁰ Киппер Д. Клинические ролевые игры и психодрама. — М., Класс, 1993, с. 32–39.
- ⁴¹ Питцеле П. Подростки изнутри. Интрапсихическая психодрама — в сб. «Психодрама: вдохновение и техника», М.: Класс, 1997.
- ⁴² Келлерман П. Психодрама крупным планом. — М., Класс, 1998, с. 136.
- ⁴³ Келлерман П. Психодрама крупным планом. — М., Класс, 1998, с. 141.
- ⁴⁴ Морено Дж. Театр спонтанности. — Красноярск, 1993, с. 102.
- ⁴⁵ Морено Дж. Театр спонтанности. — Красноярск, 1993, с. 103.
- ⁴⁶ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 137.
- ⁴⁷ Лейтц Г. Классическая психодрама Я.Л. Морено. Теория и практика. — М.: «Прогресс», 1994, с. 155.

Глава 2. Идея вторая: ментальная форма

- ⁴⁸ Никитин В.Н. Психология телесного сознания. — М.: Алетейа, 1998.
- ⁴⁹ Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. — М.: Мир идей, 1995, с. 92.
- ⁵⁰ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁵¹ Пригожин И., Стрингерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- ⁵² Пригожин И., Стрингерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- ⁵³ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁵⁴ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁵⁵ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. — М., 1996.
- ⁵⁶ Ермошин А.Ф. Вещи в теле. Психотерапевтический метод работы с ощущениями. — М.: Класс, 1999.)
- ⁵⁷ Мак-Нили Д. Прикосновение. Глубинная психология и телесная терапия. — М., 1999.
- ⁵⁸ Кискер К.П., Фрайбергер Г. и др. Психиатрия. Психосоматика. Психотерапия. — М.: Алетейа, 1999, с. 150.

- ⁵⁹ Кискер К.П., Фрайбергер Г. и др. Психиатрия. Психосоматика. Психотерапия. — М.: Алетейа, 1999, с. 150.
- ⁶⁰ Петровский В.А. Субъектность: новая парадигма в образовании — ж. Псих. наука и образование, N3, 1997.
- ⁶¹ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 243.
- ⁶² Квадратура смысла. — М., 1999, с. 265.
- ⁶³ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 265.
- ⁶⁴ Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. — С-Пб: Академический проект, 1999.
- ⁶⁵ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 310.
- ⁶⁶ Тодоров Ц. Теории символа. — М., 1999.
- ⁶⁷ Тодоров Ц. Теории символа. — М., 1999.
- ⁶⁸ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 112.
- ⁶⁹ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 266.
- ⁷⁰ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 267.
- ⁷¹ Квадратура смысла. — М., 1999, с. 26–27.
- ⁷² Копытин А. Основы арт-терапии, С-Пб., 1999.
- ⁷³ Копытин А. Основы арт-терапии, С-Пб., 1999.

Глава 3. Идея третья: Красавица и Герой

- ⁷⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.
- ⁷⁵ Фрейд З. Методика и техника психоанализа — Психол. и психоаналит. б-ка, вып. IV, Гос. изд-во, М.-С-Пб., 1923.
- ⁷⁶ Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. — Екатеринбург, 1998.
- ⁷⁷ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.
- ⁷⁸ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996, с. 152.
- ⁷⁹ Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. — Киев, 1996 г.
- ⁸⁰ Польстер М. Дочери Евы: запретный героизм женщины. — сб. «Эволюция психотерапии», т. 3, М.: Класс, 1998.
- ⁸¹ Сальваггио Р. — в сб. «Хрестоматия по глубинной психологии», М., 1996, с. 191.

Глава 4. Идея четвертая: фантом

- ⁸² Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. — С.: Бахрах, 1999.

- ⁸³ Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- ⁸⁴ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. — С-Пб., 1997.
- ⁸⁵ Петухов В.В. Природа и культура. — Вест. МГУ, сер.14, психология, №4,1992.
- ⁸⁶ Лэнг Р. Расколотое «Я». Антипсихиатрия — М., 1995.
- ⁸⁷ Фрейд З. Тотем и табу — сб. «Я и Оно», Тбилиси: Мерани, 1991.
- ⁸⁸ Фрейд З. Методика и техника психоанализа — Психол. и психоаналит. б-ка, вып. IY, Гос. изд-во, М.-С-Пб., 1923.
- ⁸⁹ Минделл А. Лидер как мастер единоборства. Введение в психологию демократии — М.: ИПРАН, 1993.
- ⁹⁰ Лакан Ж. Функция и поле речи языка в психоанализе — М.: Гнозис, 1995.
- ⁹¹ Юнг К. Психология бессознательного — М.: Канон, 1994.
- ⁹² Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. — С-Пб, 1997, с. 17.
- ⁹³ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. — С-Пб, 1997, с. 20.
- ⁹⁴ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. — С-Пб, 1997.
- ⁹⁵ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. — С-Пб, 1997.
- ⁹⁶ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. — С-Пб, 1997.
- ⁹⁷ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. — С-Пб, 1997.
- ⁹⁸ Валери П. Об искусстве. — М., 1976.
- ⁹⁹ Фолкнер У. Собрание рассказов. — М., 1977.
- ¹⁰⁰ Пруст М. В поисках утраченного времени. — М.: Республика, 1993.
- ¹⁰¹ Сартр Ж-П. Экзистенциализм — это гуманизм — в сб. Сумерки богов. М., 1989.
- ¹⁰² Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹⁰³ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹⁰⁴ Музиль Р. Избранное. — М., Прогресс, 1980.
- ¹⁰⁵ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹⁰⁶ Борхес Х.Л. Проза ранних лет. — М., 1984.
- ¹⁰⁷ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹⁰⁸ Уоддингтон К. Основные биологические концепции. — М.; Мир, 1970, С.11–88.

- ¹⁰⁹ Пригожин И., Николис Г. Саморегуляция в неравновесных системах. — М.: Мир, 1979.
- ¹¹⁰ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹¹¹ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹¹² Пруст М. В поисках утраченного времени. — М.: Республика, 1993.
- ¹¹³ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999, с. 407–408.
- ¹¹⁴ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999.
- ¹¹⁵ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. Лекции о Прусте. СПб. 1997.
- ¹¹⁶ Балинт М. Пути регрессии. — в сб. «25 ключевых книг по психоанализу» под ред. П. Марсона, LTD, 1999.
- ¹¹⁷ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999, с. 427–428.
- ¹¹⁸ Балинт М. Пути регрессии. — в сб. «25 ключевых книг по психоанализу» под ред. П. Марсона, LTD, 1999.
- ¹¹⁹ Бубер М. Я и ты. — М.: Высшая школа, 1993.
- ¹²⁰ Маслоу А. Мотивация и личность. — С-Пб: «Евразия», 1999.
- ¹²¹ Фромм Э. Психоанализ и этика. — М.: Республика, 1993.
- ¹²² Кьеркегор С. Страх и трепет. — М.: «Республика», 1993.
- ¹²³ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999, с. 438.
- ¹²⁴ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999, с. 420–421.
- ¹²⁵ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М.: Класс, 1999, с. 338.

Приложения

- ¹²⁶ Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем./ Общ. ред. и предислов. Свеницкой И.С. — М.: Республика, 1996.
- ¹²⁷ Купер Дж. Энциклопедия символов. Серия «Символы». Книга IV. — М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995.
- ¹²⁸ Норман Д. Символизм в мифологии. Серия «Символы». Книга VII. — М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1997.

Лаврова Оксана Владимировна
**ГЛУБИННАЯ ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ:
ИДЕИ О ТРАНСФОРМАЦИИ**
Монография

Генеральный директор Издательства ДНК — Дунаевская Ю.А.

Ответственный редактор — Третьякова Т.Е.

Дизайн обложки — Самсонова С.А.

Художественное оформление — Пашкин П.Н.

Редакторы — Сергеенкова Н.Н., Денисова Ю.В.

Корректор — Лазарева В.А., Брылева Т.А.

Оригинал-макет и верстка — Пятин А.В., Карасева О.А.

Компьютерный набор — Смирнова О.А.

ООО «Издательство ДНК» Изд. лиц. ИД №02716 от 30 августа 2000 г.

191025, Санкт-Петербург, ул. Марата, д. 14, оф. 26

E-mail: ttd@qualitet.ru, тел.: (812) 542-65-11, 542-38-51

Сдано в набор 15.05.2001. Подписано в печать 27.06.2001.

Формат 60x84 /16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 25,7 усл. печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ 262.

Типография ООО «ОФОРТ»

443068, Самара, ул. Межевая, 7.

Лицензия ПД 7-0050 от 30.08.2000 г.